

MIESIĘCZNIK
POŁOSKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНИК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя D. ЭКАНАМІЧНЫЯ І ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансавай дзейнасці і крэдытавання, дзяржаўнага будаўніцтва і права, пракурорскай і следчай работы.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия D. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

В серии D научно-теоретического журнала публикуются на русском, белорусском и английском языках статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансовой деятельности и кредитования, государственного строительства и права, прокурорской и следственной работы.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series D. ECONOMICS AND LAW SCIENCES

Series D includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in economics and management, finance and credits state and law criminal investigation.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Н.Л. Белорусова, В.В. Богатырёва, И.В. Вегера, Е.Н. Ярмоц.
Редактор Р.Н. Авласенок.

Подписано к печати 26.10.2018. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 26,51. Уч.-изд. л. 31,95. Тираж 100 экз. Заказ .

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 330.322+330.15

МИРОВОЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «ЗЕЛЕННЫХ» ИНВЕСТИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

д-р экон. наук, проф. С.С. ПОЛОНИК
(Белорусский государственный университет, Минск);
канд. экон. наук, доц. Э.В. ХОРОБРЫХ; А.А. ЛИТВИНЧУК
(Институт экономики НАН Беларуси, Минск)

Рассмотрен опыт формирования и развития «зеленых» инвестиций в ряде зарубежных стран. Определена сущность понятий «инвестиции», «зеленые» инвестиции, их особенности в рациональном природопользовании, направления осуществления с выделением отдельных видов, форм проявления. Освещены этапы развития, формы инвестиций и виды источников «зеленого» инвестирования в рациональное природопользование с учетом конкретных показателей их формирования, целевого назначения и эффекта от «зеленого» инвестирования. На примере ряда стран приведена структура источников формирования «зеленых» инвестиций: экологические платежи, платежи, связанные с ответственностью за ущерб, экологические налоги, субсидии, система торговли правами на загрязнение, залоговая система, обязательства осуществления и др. Представлены теоретические и практические характеристики экологических налоговых инструментов, классификация видов сопряжения источников «зеленых» инвестиций в рациональное природопользование с детализацией.

Ключевые слова: *инвестиции, «зеленые» инвестиции, устойчивое развитие, рациональное природопользование, экономический рост, эффективность, зарубежный опыт.*

Сущность понятия «зеленые» инвестиции. На современном этапе социально-экономических реформ, проводимых во всем мире, в том числе и в Республике Беларусь, с целью решения сложных социально-эколого-экономических проблем, все более активно обсуждается переход к «зеленой» экономике. Это вызвано тем, что внедренные ранее экономические методы управления рациональным природопользованием, охраной окружающей среды «не работают» вследствие несовершенства как законодательно-правовой базы, так и организационно-распорядительных методов, неразвитости самой экологической политики большинства стран, из-за несовершенства системы финансового ресурсного обеспечения природоохранных мероприятий и, наконец, из-за неотработанности в целом инвестиций в рациональное природопользование. Кроме того, предшествующие подходы к природопользованию обусловили современную неблагоприятную экологическую обстановку со значительными социальными, экологическими, экономическими последствиями. В этих условиях, особенно при реализации государственных целевых комплексных экологических программ, региональных образований, существует объективная необходимость объединения ресурсов большого количества природопользователей, выявления и реализация резервов инвестиций в охрану окружающей среды, так называемых «зеленых» инвестиций.

Термин «инвестиция» характеризуется долговременным вложением капитала в отрасли экономики внутри страны и за рубежом для финансового, ресурсного поддержания и развития условий оптимального функционирования, прекращения деградации и разрушения какой-либо системы, зависящей от факторов, нарушающих ее устойчивое развитие. Как показали исследования, понятие инвестиций трактуется по-разному рядом экономических школ, но затрагивает только один фактор производства без учета остальных составляющих производственных процессов, выражающихся в денежном эквиваленте (трудовые, интеллектуальные, научные, предпринимательские), а также социальные, временные, природные и другие составляющие, обеспечивающие высокую эффективность, которые требуют конкретизации и учета особенностей во взаимоотношениях: «общество – природная среда – человек».

В отличие от инвестиций, традиционно осуществляемых человеком, созданных трудом и относительно обособленных от экосистемы, особенности инвестиций в рациональное природопользование следующие: экологические инвестиции направлены на использование, воспроизводство условий природоохранной деятельности; объект инвестиций имеет общий для многих потребителей и пользователей характер, и задача не может быть решена отдельным хозяйствующим субъектом, регионом и даже страной (имеются в виду глобальные экологические проблемы); форма инвестиций, предполагающая государственные, межгосударственные, частные, смешанные формы собственности и формы организации экономической деятельности природопользователей; природоохранные, природовосстановительные инвестиции (в сфере охраны и воспроизводства природных объектов) всегда должны осуществляться с учетом са-

морегулирующей, самовосстанавливающей способности экосистем, отдельных ее компонентов. Это обусловлено тем, что человеческим трудом воссоздать то, что создает (качества элементов и экосистем в целом) природная среда, на 100% невозможно; природная система, ее элементы не могут дисконтироваться, хотя они могут снижать, терять свои первоначальные свойства под влиянием антропогенных факторов [1].

Так, из вышеуказанных особенностей под «зелеными» инвестициями, по нашему мнению, понимаются целевые экологические инвестиции, обеспечивающие экологические выгоды в условиях социально-экономического развития страны, в частности такие, как: уменьшение загрязнения воздуха, воды и почвы; снижение эмиссии парниковых газов; повышение эффективности использования существующих природных ресурсов; смягчение последствий и адаптация к изменениям климата и сопутствующие выгоды; расширение системы мероприятий учета влияния на окружающую среду; разработка и включение экологических показателей в анализ риска и ущерба. Инвестиции в экологию охватывают широкий спектр финансовых организаций и видов активов как государственных, так и частных по эффективному управлению экологическими риск-ситуациями в финансовой системе.

По направлениям осуществления природоохранных мероприятий «зеленые» инвестиции подразделяются на следующие: 1) *ликвидационные* – финансирование деятельности по ликвидации последствий экологических катастроф и аварий; 2) *стабилизирующие* – инвестирование денежных средств в мероприятия по поддержанию свойств и качеств экосистем на постоянном уровне; 3) *улучшающие свойства экосистемы* – осуществление деятельности по финансированию проектов, направленных на улучшение свойств и качеств окружающей среды, ее элементов; 4) *предупредительные* – осуществление деятельности, направленной на недопущение экологических катастроф и аварий.

В составе «зеленых» инвестиций выделены такие их виды: 1) *законодательно-правовые* – это организационно-распорядительные инвестиции, направляемые на взаимодействие, регулирование природоохранной деятельности, обуславливающие реализацию целей программ по экологической экспертизе, культуре производства, организационно-планировочные и т.д.; 2) *социально-природоохранные инвестиции* – это целенаправленное использование социальных факторов, направляемых на улучшение качеств окружающей среды; 3) *финансово-природоохранные инвестиции* – это затраты (вложения) денежных средств в финансовые инструменты с целью получения прибыли через определенный промежуток времени посредством улучшения качества окружающей среды; 4) *интеллектуально-технологические природоохранные инвестиции* – это разработка и внедрение новых технологических средств, оборудования, мощностей с целью улучшения качеств окружающей среды посредством модернизации технологического процесса, внедрения ресурсосберегающих и малоотходных технологий [2].

По форме проявления «зеленые» инвестиции в рациональное природопользование подразделяются на прямые и косвенные. *Прямые природоохранные инвестиции* – это инвестиции, направляемые на улучшение качеств окружающей среды и способствующие решению определенной задачи, например, снижению эмиссии загрязняющих веществ. *Косвенные природоохранные инвестиции* – это инвестиции, осуществляемые в различные области хозяйственной или любой другой деятельности, способствующие сохранению и улучшению свойств и качеств окружающей среды.

Для повышения эффективности «зеленых» инвестиций природопользователю необходимо производить инвестиции в виде комбинаций видов природоохранных инвестиций, например:

технологические + интеллектуальные, социальные + финансовые и т.д.

Такие комбинации видов дают более ощутимый эффект улучшения качеств окружающей среды, чем инвестиции, производимые только в каком-то одном, отдельном виде, так как позволяют реализовывать резервы в процессе их сопряжения.

Зарубежный опыт формирования и использования «зеленых» инвестиций в решении проблем природопользования. В последние несколько лет во многих странах проводится политика, направленная на сохранение и улучшение окружающей среды, стимулирование использования возобновляемых источников энергии и модернизацию законодательства по охране окружающей среды, улучшение благосостояния людей. В экономиках таких стран рост занятости и доходов обеспечивается не только государственными, но и частными инвестициями, направленными на повышение эффективности использования ресурсов и энергии. Эти инвестиции необходимо стимулировать и поддерживать с помощью целевых государственных программ и реформ в области изменения регулирования и политики.

В настоящее время «зеленое» инвестирование обладает существенным потенциалом роста. Так, меньше 1% глобальных облигаций отмечены как «зеленые», меньше 1% активов глобальных институциональных инвесторов являются активы «зеленой» инфраструктуры. Однако, несмотря на то, что в области «зеленого» финансирования достигнут определенный прогресс, только небольшая часть банковских кредитов классифицируется согласно различным определениям исследователей как «зеленая» и сталкивается с рядом трудностей: сложность в расширении учета влияния на окружающую среду; информационная несимметричность между инвесторами и получателями, недостаточные возможности анализа и отсутствие точности в определениях, свойственных «зеленым» проектам.

Для решения вышеуказанных проблем большинством стран применяются: налоги, субсидии и нормативные акты, что значительно влияет на расширение «зеленого» инвестирования. За последнее десятилетие во многих странах появились различные дополнительные финансовые возможности развития «зеленого» инвестирования, к которым относятся: принципы добровольности для устойчивого кредитования и инвестирования, расширенные требования к раскрытию экологической информации и управления, «зеленые» кредиты, «зеленые» облигации, инвестиционные трастовые компании для «зеленой» инфраструктуры, продукция с «зеленым» индексом. Международное сотрудничество между центральными банками, министерствами финансов, регуляторами и участниками рынка в развитии «зеленого» инвестирования в рациональное природопользование опирается в большей степени на использование зарубежного опыта, позволяет выявить особенности и динамику поэтапного перехода от преобладания административных методов к эколого-экономическим методам и формам инвестиций (таблица 1).

Таблица 1. – Этапы развития форм и источников «зеленых» инвестиций

Этапы развития	Форма инвестиций	Содержание
Административно-законодательный подход	Организационные, социальные	Введение стандартов, нормативов, формирование законов, специализированных органов управления, регулирования, контроля, создание программ, разработка и внедрение платежей
Организационно-экономический подход	Организационно-экономические (на базе 1-го этапа)	Экологическая реструктуризация и модернизация производства, практическое использование платежей, льгот, стимулов, санкций, торговли эмиссиями, продуктовые и залоговые платежи
Новые факторы экологической политики	Интеллектуальные платежи на базе 1-го и 2-го этапов	Подготовка, работа с общественностью, повышение экологического сознания, внедрение результатов научно-технического прогресса, интернационализация методов (сотрудничество, объединение усилий)

Источник: авторская разработка на основе [3].

В большинстве стран с развитой экологической политикой к основным источникам «зеленого» инвестирования в природоохранную деятельность относят такие, как: эмиссионные платежи; продуктовые и пользовательские платежи; система торговли правами на загрязнение (квоты на выбросы); залоговая система; субсидии; экологические налоги и прочие финансовые инструменты (таблица 2).

Таблица 2. – Основные источники формирования экологических инвестиций и их эффект

Вид источника «зеленого» инвестирования	Показатель и форма сбора	Целевое назначение использования	Эффект от «зеленого» инвестирования
Эмиссионные платежи			
Загрязнение воздушной среды предприятиями и транспортом	Объем выбросов за определенный период	Специальные экофонды для инвестиций в охрану атмосферы	Снижение выбросов диоксида азота (NO ₂)
Сброс сточных вод	Объем сбрасываемых сточных вод дифференцированно	Управление качеством водных ресурсов	Снижение сброса стоков в водные объекты
Опасные отходы	Объем образуемых складированных отходов и захоронение по типам отходов	Инвестиции по сбору и переработке отходов и очистке мест их хранения	Снижение вредного воздействия отходов на экосистему, сельское хозяйство, население
Плата за шум (въезд моторных транспортных средств)	Мощность источника шума	Мероприятия по снижению шума	Снижение воздействия шума
Продуктовые платежи за продукты, загрязняющие экосистему в ходе их производства, потребления отходами	Объем производства (потребления) товаров. Параллельно со специализированными продуктовыми налогами	Сбор средств на модификацию цен, снижение производства и потребления на рециклинг	Переработка более 50% использованных батарей, 40% холодильников, 80% шин, почти полного сбора свинцовых батарей
Система торговли правами за загрязнение			
Загрязнение атмосферного воздуха	Принцип: любое увеличение эмиссии загрязнений должно быть замещено равным или большим снижением	Инвестиции в мероприятия по снижению выбросов и сбросов	Снижение издержек
Загрязнение водных объектов			
Загрязнение земли			
Залоговая система	Залог при покупке (плата) возмещается при возврате предприятию по переработке. Величина зависит от характера вредности продукта	Инвестиции в мероприятия по сбору и переработке товаров (контейнеров, ламп, батарей, аккумуляторов, автомашин, шин)	Эффект от возврата, например, батарей 75–99%, автомашин 85–90%, контейнеров 80–85%

Окончание таблицы 2

Вид источника «зеленого» инвестирования	Показатель и форма сбора	Целевое назначение использования	Эффект от «зеленого» инвестирования
Субсидии	Гранты, льготные займы, налоговые льготы, ускоренная амортизация	Гранты до 50%, льготные займы по ставке на 1,5–2% ниже рыночных, ускоренная амортизация до 75% стоимости оборудования в первый год	Списание долгов по сравнению с установкой очистительного оборудования, снижение объемов выбросов, увеличение обработки стоков, переработка отходов, строительство канализационных сетей
Экологические налоги	С налоговой базы, имеющей определенную экологическую релевантность. Базируются на объеме эмиссии загрязняющих веществ	Часть субсидий для интернализации экстерналий	Достижение общественно-оптимального уровня загрязнений при минимальных издержках

Источник: разработка авторов на основе [2; 3].

Согласно данным Комитета по экологической политике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) источники «зеленого» финансирования, к примеру, в таких странах, как США, Канада, странах Западной Европы, ЕЭС, Австралии и Японии, формируются в виде налогов, сборов, платежей, залогов, субсидирования и др. (таблица 3).

Таблица 3. – Источники «зеленых» инвестиций в рациональное природопользование

Страна	Источники «зеленых» инвестиций	Целевое назначение
Австралия	Торговля правами на использование водных ресурсов	Проекты, программы по рациональному использованию природных ресурсов
Австрия	Субсидии	Развитие инфраструктуры рационального использования природных ресурсов
Великобритания	Платежи за водопользование и сброс промышленных сточных вод, налогообложение за использование материала (налог на ископаемое топливо)	Покрытие правительственных издержек поддержания водных ресурсов
	Кредиты, инвестиции в акционерный капитал, финансирование через инвестиционный фонд и гарантии, экологические налоги и льготы	Увеличение финансирования малого и среднего бизнеса. Сокращение выбросов углекислого газа на 80% к 2050 году. Осуществление производства 15% всей энергии за счет возобновляемых источников. Переработка 50% бытовых отходов и сокращение свалки биоразлагаемых городских отходов на 35% к 2020 году
Венгрия	Платеж за извлечение воды	Ставка за один метр кубический варьируется по источникам и регионам
Германия	Платеж за извлечение воды	Снизить извлечение воды (зависит от законодательства земли и использования воды)
	Налог на токсические отходы	Снижение объем токсических отходов на 20–45%
	Финансирующие экологические платежи (платеж за отработанное машинное масло)	Выполняют управляюще мотивационные функции, финансируют доходную часть бюджета
	Выравнивающие экологические платежи (платежи земли Гессен, которые взимаются в случае изменения ландшафтов)	Взимаются после произведенного вмешательства в окружающую среду и заменяют компенсационные мероприятия
	Управляющие экологические платежи (налог на минеральные масла)	Основываются на экономическом воздействии на плательщиков и вступают в конкуренцию с экологическим административным правом
	Субсидирование процентных ставок	Сокращение на 40% выбросов парниковых газов. Увеличение до 30% доли возобновляемых источников теплоэнергии. Увеличение энергоэффективности в два раза. Двукратное увеличение мощностей комбинированного производства электроэнергии и тепла при росте 25% объемов выработки энергии
	Льготное тарифное кредитование, целевые субсидии, государственные гарантии	Финансирование «зеленых» проектов. Стимулирование производителей электроэнергии из возобновляемых источников на покупку

Продолжение таблицы 3

Страна	Источники «зеленых» инвестиций	Целевое назначение
Греция	Платежи	Финансирование издержек региональных компаний по доставке воды
	Налог на воду	Снижение потребления воды (платиться только домохозяйствами)
	Субсидии	Очистка воды при ее доставке специализированными компаниями
Дания	Плата за отходы	Повторное использование отходов
Италия	Комбинированный платеж за пользование водными услугами	Покрытие издержек предоставления воды и обработки сточных вод. Тарифная формула определяется наблюдательным комитетом
Канада (Альберта, Онтарио, Торонто)	Торговля правами за загрязнение	Финансирование экологических проектов (чистый транспорт, энергосбережение и энергоэффективность, экологически чистая энергия, лесное и сельское хозяйство, управление земельными ресурсами, адаптация и устойчивость к изменению климата)
	Обязательства осуществления	Обеспечить выполнение работ, предусмотренных лицензий на создание водной инфраструктуры
	Платежи, связанные с ответственностью за причиненный ущерб	Компенсация ущерба при выполнении Водного акта
	«Зеленые» облигации, прямое государственное финансирование через «зеленые» фонды, программа кредитования по повышению энергоэффективности, льготная тарифная программа	Строительство сети быстрых зарядных станций для электромобилей. Сокращение выбросов парниковых газов и расходов электроэнергии. Поддержка инициативы энергоэффективности для малых и средних предприятий. Поддержка других инициатив
Нидерланды	Налог на извлечение подземных вод	Минимизация объемов извлечения подземных вод
Польша	Платеж за извлечение воды	Минимизация объемов извлечения вод (зависит от типа воды, типа использования и доступности ресурсов)
Франция	Платежи	Извлечение и потребление воды для регулирования ее использования (ставки дифференцируются от типа воды (поверхностная или подземная) и зоны извлечения и выплачиваются Водным агентством для управления качеством воды). Доставка воды, для финансирования инвестиций в водную инфраструктуру. Финансирование общественных систем потребления и доставки питьевой воды (варьируется по муниципалитетам)
	Добавочный налог	Сбор муниципальных средств на потребление минеральной воды. Варьируется по муниципалитетам
Чешская Республика	Платежи	Выплаты в Государственный Экологический Фонд направлены на: использование поверхностных и подземных вод в соответствии с установленными стандартами. Проекты по использованию возобновляемых источников энергии для производства тепловой энергии, по энергосбережению в зданиях (частичная или полная теплоизоляция), по строительству пассивных домов
Швеция	Налоги на углерод, этиловый и неэтиловый бензин, дизельное топливо с низким уровнем загрязнения	Уменьшение загрязнения на 6%; снижение уровня этилового загрязнения до 80%, уменьшение от автомобилей на 75%
Япония	Платежи за извлечение воды из рек, пользование водой из хранилищ	Покрытие издержек префектуры на поддержание качества воды. Распределение воды между пользователями
Южная Корея	Экспортные и импортные кредиты, гарантии, рынок венчурного капитала	Поощрение стратегических научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и коммерциализация технологий в области новых и возобновляемых источников энергии. Создание нового рынка для стимулирования развития промышленности в области новых и возобновляемых источников энергии

Окончание таблицы 3

Армения	Платежи за выбросы загрязняющих веществ в окружающую среду (воздух и воду), за размещение производственных и бытовых отходов, за экологически вредную продукцию	Проекты, связанные с энергосбережением (включая жилищное хозяйство), возобновляемой энергией, сельским хозяйством (экологически чистое фермерство), горнодобывающей и обрабатывающей промышленностью (внедрение природоохранных технологий), а также экотуризм, агротуризм
Республика Беларусь	Платежи за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, за сбросы сточных вод, за захоронение, хранение отходов производства, за добычу (изъятие) природных ресурсов	Внедрение современных энергоэффективных технологий, расширение использования возобновляемых источников энергии – солнечной, ветровой, геотермальной, биогаз, экологически безопасных технологий производства сельхозпродукции, строительство «зелёных» жилых кварталов и микрорайонов, совершенствование системы управления отходами, увеличение доли транспортных средств, соответствующих современным экологическим требованиям
Казахстан	Платежи за использование особо охраняемых природных территорий, за пользование животным миром, за эмиссию в окружающую среду, за лесные пользования, за пользование водными ресурсами поверхностных источников	Стабилизация и улучшение качества окружающей среды, переход к низкоуглеродному развитию
Киргизия	Платежи за загрязнение и за размещение отходов, роялти – текущие платежи за пользование недрами с целью разработки, бонусы – платежи за право пользования недрами с целью геологического изучения и разработки месторождений полезных ископаемых, а также налог на движимое имущество, который можно считать транспортным налогом	Внедрение современных технологических решений по снижению энергозатрат, приобретение оборудования для использования альтернативных источников энергии, реконструкция в целях повышения энергоэффективности зданий самих органов местного самоуправления, а также объектов их социальной инфраструктуры
Россия	Финансирование государственных программ. Государственные гарантии. Фонд развития промышленности	Энергоэффективность и развитие энергетики. Воспроизводство и использование природных ресурсов. Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы. Проекты, связанные с энергосбережением и повышением энергетической эффективности в сфере жилищно-коммунального хозяйства и сфере промышленности. Разработки новой высокотехнологичной продукции, создание конкурентоспособных производств на базе лучших доступных технологий

Источник: разработка авторов на основе [2; 3].

Структура источников формирования «зеленых» инвестиций в зарубежных странах представлена в таблице 4.

Для «зеленого» инвестирования в развитых странах используются различные виды источников:

- платежи;
- торговля квотами на использование природных ресурсов;
- залоговая система;
- выплаты за невыполнение требований охраны окружающей среды;
- «обязательные осуществления»; платежи, связанные с ответственностью за причиненный ущерб;
- субсидии, экологические налоги.

В сфере применения их необходимо подразделять по обеспечению рационального использования на следующие:

- водные, зеленые, лесные ресурсы;
- рыбного хозяйства;
- ресурсы биоразнообразия.

В основном направленность рассматриваемых источников «зеленых» инвестиций такова:

- максимальное предотвращение;
- снижение экологического ущерба и достижение предельно допустимого уровня загрязнений при минимальных издержках.

Таблица 4. – Структура источников формирования «зеленых» инвестиций в Беларуси и зарубежных странах

Страна	Экологические платежи	Экологические налоги	Субсидии	Система торговли правами на загрязнение	Залоговая система	Выплаты за невыполнение природоохранных требований	Обязательства осуществления	Платежи, связанные с ответственностью за ущерб
Австралия	*		*	*	*		*	
Австрия	*	*	*		*			
Бельгия	*	*						
Великобритания	*	*			*			*
Венгрия	*	*			*	*		
Германия	*	*						*
Греция	*		*			*		
Дания	*	*	*	*	*			*
Исландия	*	*			*			
Италия	*				*			
Канада	*		*	*	*	*	*	*
Корея	*				*	*		
Мексика	*	*			*			
Нидерланды	*	*	*		*			
Норвегия	*	*	*		*	*		
Польша	*	*	*	*	*	*		
США	*	*	*	*	*		*	*
Турция	*		*		*	*		*
Финляндия	*	*	*		*			*
Франция	*		*	*				
Чехия	*	*	*		*	*		
Швейцария	*	*	*	*				
Швеция	*	*	*		*	*		*
Япония	*	*	*					*
Россия	*	*	*					
Армения	*	*	*					
Беларусь	*	*	*					
Казахстан	*	*	*					
Киргизия	*	*	*					

Источник: разработка авторов на основе [2; 3].

Так как возможности в формировании «зеленых» инвестиций в природоохранную деятельность ограничены в любой стране, поэтому у хозяйствующего субъекта они могут достигать больших масштабов в случае ликвидации последствий при отсутствии или недостаточном осуществлении природоохранных превентивных затрат у локальных загрязнителей (таблица 5).

Таблица 5. – Теоретические и практические характеристики экологических налоговых инструментов

Теоретические характеристики	Практические характеристики
Эмиссионные налоги	
<ul style="list-style-type: none"> • Налог уплачивается на объем выбросов определенного качества • Налоговая ставка устанавливается равной предельным внешним издержкам загрязнения для достижения общественно оптимального уровня загрязнения • Эффективность достигается за счет стимулирования осуществления загрязнителем наибольшей величины снижения загрязнения при минимизации издержек 	<ul style="list-style-type: none"> • Необходимы точные методы измерения (проверки) объемов эмиссии загрязняющих веществ • Точная оценка общественных предельных издержек затруднена или невозможна, что не позволяет выявить оптимальный объем загрязнений (существующий при равенстве предельных общественных издержек и выигрышей от загрязняющей деятельности) • Прямое налогообложение эмиссии стимулирует минимизацию издержек снижения загрязнения
Экологические и продуктовые налоги	
<ul style="list-style-type: none"> • Налог уплачивается на продукт или деятельность, взаимосвязанную с определенным экологическим ущербом. • Налоговая ставка устанавливается, чтобы достичь снижения загрязнения до общественно-оптимального уровня. • Приводит к минимальным издержкам загрязнения только при определенных условиях, поскольку налог стимулирует только один метод снижения загрязнения (снижение потребления ресурса или конечного товара) 	<ul style="list-style-type: none"> • Продуктовые налоги менее эффективны, где внешние издержки зависят от процесса производства и очистных технологий принятых фирмой, или потребительские манеры использования. • Лучшие результаты достигаются там, где есть прямая связь между облагаемым товаром и экологической проблемой. • Не требует прямого измерения эмиссии. Легко реализуется, используя систему косвенного налогообложения
Экологические налоговые льготы	
<ul style="list-style-type: none"> • Экологические налоговые льготы проектируются для стимулирования экологически позитивного поведения. • Стимулирование только одного способа снижения загрязнения может не привести к минимизации издержек снижения загрязнения. • Величина льготы должна отражать общественный выигрыш (снижение экологических общественных издержек) 	<ul style="list-style-type: none"> • Льготы могут привести к увеличению объемов загрязнения, снижая издержки загрязняющих отраслей. • Стимулы определяются параметрами налога в рамках, которого предоставляется льгота. • Льгота приводит к необходимости сбора недополученных средств, что приводит к повышению реальной налоговой ставки. • Налоговые льготы увеличивают сложность и административные издержки налоговой системы

Источник: разработка авторов на основе [2; 3].

Применяемые в развитых странах экологические налоговые инструменты включают:

- эмиссионные налоги;
- экологически продуктовые налоги;
- экологические налоговые льготы.

Показателем использования экологических налогов как инструмента эколого-экономической политики государства может служить доля этих налогов в совокупных налоговых доходах и в ВВП.

Доля экологических налогов в общих налоговых доходах значительно варьируется по странам, при этом среднеарифметический показатель по развитым странам составляет 7%, а средневзвешенный по величине ВВП – 5,8%.

Доля экологических налогов в ВВП этих стран также высока, что свидетельствует о высокой степени экологической ориентированности налоговых систем западных стран.

Анализ направлений и форм «зеленых» инвестиций в рациональное природопользование в зарубежных странах показывает, что во многом результативность инвестиций в экологию достигается и обеспечивается при согласовании и сопряжении их по источникам и характеру реализации.

Важным фактором обеспечения и сопряжения является взаимодействие таких форм инвестиций, как: финансирование, законодательно-правовые, распределительные, интеллектуальные и др. (таблица 6).

Сопряжения на уровне международного разделения труда можно представить следующим:

- 1) страны золотого миллиарда экономят на инвестициях в природоохранную деятельность:
 - дешево покупают сырье и дорого продают продукцию обрабатывающих отраслей;
 - «прокачивают» в бедные страны грязные технологии и отходы;
- 2) в приграничных районах строят свои предприятия и экономят на охране окружающей среды:
 - в частности, Финляндия построила свои металлургические предприятия и заводы целлюлозно-бумажной промышленности вдоль границ с Российской Федерацией так, что сточные воды с них по-

ступают в реку Вуоксу и Ладожское озеро. Подобным образом экономят на инвестициях в охрану окружающей среды за счет «фактора сопряжения» при либеральности природоохранных органов России, финская сторона перекладывает затраты (заботы) по охране водных ресурсов на российскую сторону.

Таблица 6. – Классификация видов сопряжения источников «зеленых» инвестиций в рациональное природопользование

Уровень инвестиций	Содержание, формы сопряжения
Международный уровень	Согласование проблем природопользования в системе международного разделения труда, размещения и развития производительных сил в пространстве с учетом сопредельных территорий (государств)
На уровне страны и регионов	Законодательно-правовые методы инвестиций, технико-технологические, организационно-распорядительные, экономические, культура производства, территориальная организация производства, межотраслевые пропорции, межрегиональные пропорции
Уровень субъекта республики	Пропорции в схемах развития и размещения производительных сил (отраслевой, территориальный разделы), межбюджетные отношения (между республиканским и местным бюджетом), регулирование права собственности и распоряжения, согласование экологических программ субъекта республики с экологическими программами муниципальных образований
Уровень муниципальных образований, хозяйствующих субъектов	Сопряжение мероприятий в стратегических планах социально-эколого-экономического развития муниципальных образований, городов: между программами и направлениями стратегии; между сопредельными территориями использующими общие объекты природопользования

Источник: разработка авторов на основе [2; 3].

В аспекте разделения труда на уровне страны и регионов сопряжение инвестиций в охрану окружающей среды предусматривает:

- 1) сопряжение пропорций между структурными элементами процесса воспроизводства:
 - между сферами народного хозяйства (материальное, нематериальное производство);
 - между отраслями (добывающие, обрабатывающие, в том числе между мероприятиями на воспроизводство минерально-сырьевой базы и результатами природопользования);
 - между регионами (ассимиляционный потенциал регионов, их взаимосвязь экосистем). Например, сброс стоков в Финляндии отображается в экобалансе Ладоги, что необходимо устранять посредством переговоров;
 - между элементами рационального использования природных ресурсов (использование, охрана, воспроизводство);
- 2) технологический аспект (форма территориальной организации производства, использование природных ресурсов, внедрение достижений НТП);
- 3) организационно-распорядительные: планирование; культура производства;
- 4) конкретизация права распоряжения и права собственности на природные ресурсы и объекты;
- 5) взаимодействие в аспекте сопредельных территорий.

Приведенная классификация сопряжения мероприятий по охране окружающей среды в воспроизводственном процессе способствует выявлению следующих приоритетов:

- *приоритетность мероприятий по уровню их реализации* (республиканский, региональный, локальный), поскольку в силу пространственного характера функционирования природоохранных объектов и их использования очевидна и объективна проблема осуществления подхода «вкладывания» как элементов природы, а значит – мероприятий;

- *приоритетность мероприятий по охране окружающей среды в территориальном аспекте*, так как от степени полноты и масштабности их осуществления на одной территории (особенно при расположении водопотребителей по течению реки и в случае трансграничного переноса загрязнений) зависит социально-эколого-экономическое благополучие природопользователей, расположенных на сопредельных территориях;

- *приоритетность в аспекте организационно-распорядительного и технико-технологического характера*. Важность этого момента заключается в особенностях экологизации самого воспроизводственного процесса и ее этапности. Ограниченность ресурсов является критериальным, поэтому определен выбор следующих решений: внедрению ресурсосберегающих, малоотходных технологий предшествуют мероприятия по достижению культуры производства, которые не требуют крупных единовременных и текущих затрат.

Заключение. На современном этапе социально-экономических реформ, проводимых во всем мире, одной из ключевых проблем дальнейшего развития экономики государств является фундаментальная проблема дисбаланса между экономическим ростом и сохранением природного капитала, которая приводит к таким негативным последствиям, как отрицательное влияние на человеческий потенциал (потенциал здоровья), истощение природного капитала. С этой точки зрения весьма актуально развитие «зеленой» экономики, направленное на рост благосостояния общества, социальных гарантий и одновременное уменьшение экологических рисков и дефицитов при выборе приоритетных направлений повышения качества жизни населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование и развитие «зеленых» инвестиций в условиях обеспечения устойчивого экономического роста является одной из главных задач этого направления, а изучение зарубежного опыта для любого государства, в том числе и Республики Беларусь, позволит применить его при разработке и внедрении природоохранных мероприятий во взаимоотношениях «общество – природная среда – человек».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров, В.В. Инвестиции / В.В. Бочаров. – СПб. : Питер, 2003. – 288 с.
2. Рогачёв, С.Б. Экологическое законодательство / С.Б. Рогачёв, С.Б. Новичков // Экология и промышленность. – 2002. – № 10. – С. 152–156.
3. Юдин, Е. Проблемы налогового регулирования природопользования / Е. Юдин // Налоги. – 2002. – № 2. – С. 67–80.
4. Папенков, К.В. Совершенствование экономического механизма недропользования в современных условиях / К.В. Папенков, Е.С. Мелехин // Вестн. Моск. гос. ун-та. – 2002. – № 1. – С. 36–56.

Поступила 25.09.2018

WORLD EXPERIENCE OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF «GREEN» INVESTMENTS IN CONDITIONS OF PROVIDING SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH

S. POLONIK, E. KHOROBRYKH, A. LYTVYNCHUK

The article considers the experience of formation and development of “green” investments in a number of foreign countries. The essence of the concepts of “investment”, “green” investments, their features in rational nature management, directions of implementation with the identification of individual species, forms of manifestation is defined. The stages of development, forms of investments and types of sources of “green” investment in rational nature management, taking into account specific indicators of their formation, purpose, and the effect of “green” investment are described in detail. A number of countries show the structure of sources of formation of “green” investments: environmental payments, payments associated with liability for damage, environmental taxes, subsidies, the system of trade in rights for pollution, collateral system, implementation obligations, etc. Theoretical and practical characteristics of environmental tax instruments are presented, classification of the types of conjugation of sources of “green” investment in rational nature management.

Keywords: *investments, “green” investments, sustainable development, rational nature management, economic growth, development stages, structure, types, sources of investment, efficiency, foreign experience.*

УДК 338

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ООО «ФРУТРЕАЛ»

канд. экон. наук, доц. **Е.Б. МАЛЕЙ**; **К.А. ДАДАШОВА**
(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются возможности применения мультимодальных перевозок для повышения экономической устойчивости торговой организации в части закупочной деятельности. Дано авторское определение мультимодальных перевозок на основе выделения ключевых обязательных критериев: перевозка груза двумя и более видами транспорта, возложение финансовой и юридической ответственности за перевозку на одного оператора, оформление единого перевозочного документа, транспортировка «от двери до двери», что позволило сформулировать основные принципы организации мультимодальной перевозки. Проанализирована закупочная деятельность конкретной торговой организации ООО «Фрутреал», даны рекомендации по повышению ее экономической устойчивости за счет расширения географии поставок фруктов и овощей с применением мультимодальных перевозок, что позволит снизить затраты на доставку с сохранением качества закупаемых товаров. Предложенные подходы могут быть использованы иными крупными торговыми организациями, стремящимися к устойчивому функционированию в современных рыночных условиях.

Ключевые слова: экономическая устойчивость, мультимодальные перевозки, торговая организация, закупочная деятельность, география закупок, сезонность фруктов, условия хранения товаров, товарное соседство.

Одной из основных черт современной рыночной экономики является ее неопределенность, высокий уровень конкуренции и риска. Это обуславливает требование к субъектам хозяйствования – обладать высоким уровнем экономической устойчивости, что обеспечит их независимость от изменения рыночной конъюнктуры, а также риска банкротства. В этих условиях компании должны ориентироваться на новые принципы и методы организации хозяйственной деятельности, позволяющие гибко реагировать на внутренние и внешние изменения. Такие методы предоставляет логистика, выступающая инструментом рациональной организации потоковых процессов с оптимальными затратами трудовых и материальных ресурсов.

Закупочная логистика для торговой организации играет важную роль, так как позволяет грамотно выстроить пути доставки товаров с целью минимизации издержек и наличия запасов на складах, а также сформировать необходимый торговый ассортимент и осуществлять воздействие на поставщиков товаров в соответствии с требованиями потребительского спроса. Для эффективной организации закупочной деятельности важна транспортная составляющая, поскольку транспорт выполняет базовую функцию в потоковых процессах. С целью оптимизации процессов доставки грузов и достижения устойчивых позиций на рынке в настоящее время широко применяются мультимодальные перевозки, которые предполагают использование различных видов транспорта. В данных перевозках один вид транспорта (например, железнодорожный) выступает в роли основного перевозчика, а взаимодействующие виды транспорта являются клиентами, оплачивающими его услуги. Также при мультимодальных перевозках груз может перегружаться из грузового отсека одного вида транспорта в грузовой отсек другого (например, из грузового автомобиля в железнодорожный вагон, из железнодорожной цистерны в грузовой отсек танкера и т.д.).

В экономической литературе существует большое количество различных определений мультимодальной перевозки. Однако в основном авторы сходятся к выделению нескольких критериев, применяемых для дефиниции понятия «мультимодальная перевозка». Результаты исследования представлены в таблице 1.

Исходя из проведенного исследования, нами выявлено четыре основных критерия, которые выделяют авторы экономической литературы, трактуя понятие «мультимодальная перевозка»: первый – перевозка груза двумя и более видами транспорта. Его выделяют большинство авторов – 50%; второй критерий – оформление единого перевозочного документа (так считают 25% авторов); третий критерий мультимодальной перевозки (5% авторов) – транспортировка «от двери до двери»; четвертый критерий – осуществление перевозки, полная финансовая и юридическая ответственность за данную конкретную перевозку возлагается на одного оператора (его придерживаются 20% авторов).

Представляется, что все четыре критерия являются обязательными для определения экономической сущности мультимодальной перевозки. Таким образом, нами предлагается следующее определение: *Мультимодальная перевозка – это наивысший по сложности вид перевозки грузов двумя или более видами транспорта, при котором лицо, организующее всю перевозку груза («от двери до двери»), несет за нее ответственность на всем пути следования независимо от количества принимающих участие видов транспорта при оформлении единого перевозочного документа.*

Таблица 1. – Анализ критериев в определении сущности понятия «мультимодальная перевозка»

Автор (источник)	Критерии				Другие определения
	перевозка груза двумя и более видами транспорта	оформление единого перевозочного документа	транспорти- ровка «от двери до двери»	возложение полной фи- нансовой и юридической ответственности за пере- возку на одного оператора	
http://www.stalogistic.by [1]	+				
http://www.tforum.ru [2]	+			+	
http://www.bel-gruz.by [3]	+	+		+	
http://goodlogistics.ru [4]	+	+	+	+	
http://www.ulex.info [5]	+		+		
http://www.emons.by [6]					<i>Мультимодальная перевозка – перевозка, которая заключается в качественном сервисе доставки грузов из одного пункта в другой, сочетающем в себе такие виды транспорта, как наземный, представленный автомобильными и железнодорожными перевозками, морской и воздушный транспорт</i>
http://vedinform.com [7]		+		+	
Дыбская В.В. [8, с. 528]	+	+		+	
Баско И.М., Бороденя В.А., Карпеко О.И. [9, с. 315]	+	+			
Ивуть Р.Б., Кисель Т.Р. [10, с. 237]	+		+		
https://www.syl.ru [11]	+				
http://fb.ru/article [12]					<i>Мультимодальные перевозки – один из вариантов доставки груза посредством смешанного груза, которая может осуществляться и внутри страны, и за ее пределами</i>
http://logoskop.ru [13]	+				
http://gruz-xatt.com [14]	+	+			
http://studbooks.net [15]	+				
http://vse-fakty.ru [16]	+				
http://autocarinfo.ru [17]	+				
https://dal.academic.ru [18]	+	+			
https://www.acelogistics.by [19]	+				
http://webkonspect.com [20]	+				
https://www.ronl.ru [21]	+	+			
http://www.wtransports.com [22]		+		+	
https://studme.org [23]	+	+		+	
Итого	50%	25%	5%	20%	

Источник: собственная разработка на основании изученной экономической литературы.

Исходя из представленного выше определения, можно выделить следующие принципы организации мультимодальной перевозки:

- единый оператор, организующий перевозку, который несет ответственность за груз перед заказчиком по всему маршруту следования;
- единый перевозочный документ по всему маршруту следования всеми видами транспорта;
- единый организационно-технологический подход к управлению перевозками;
- координация оператором перевозки действий всех логистических посредников, участвующих в процессах транспортировки.

Применение мультимодальных перевозок имеет ряд *достоинств*:

- учитываются все преимущества различных транспортных средств, а также их максимально эффективное использование;
- для каждого из участков пути подбирается наиболее подходящий вариант транспортировки и вид транспортного средства, который напрямую зависит от особенностей перевозимого груза, а также пожеланий заказчика;
- такой тип перевозок даёт возможность транспортировки груза почти в любую точку мира;
- существенно снижается стоимость транспортировки;
- определённые виды транспорта могут значительно экономить время перевозки груза.

Однако в настоящее время отечественные субъекты хозяйствования предпочитают стандартные схемы доставки грузов мультимодальным перевозкам, поскольку это сопряжено со сложностями координации действий всех логистических посредников, участвующих в процессах транспортировки, с отсутствием развитого рынка логистических операторов, которые в состоянии предложить комплексный подход к решению организационно-правовых вопросов перевозок, и высокой стоимости таких посреднических услуг.

Рассмотрим далее особенности закупочной деятельности конкретной торговой организации с точки зрения оценки ее устойчивости и возможности совершенствования с применением мультимодальных перевозок. В настоящее время ООО «Фрутреал» имеет: 10 крупнейших в Беларуси ритейлов в партнерах; 16 региональных складов по всей республике; 173 иностранные компании-поставщика; 2000 клиентов-покупателей; 10 000 квадратных метров современного логистического центра; 200 сотрудников головного офиса. Основные направления деятельности ООО «Фрутреал»: импорт плодоовощной продукции; оптовая и розничная продажа фруктов и овощей; газация бананов; перевозка; фасовка; хранение плодоовощной продукции. Главным образом ООО «Фрутреал» осуществляет деятельность по закупке и реализации фруктовой и овощной продукции, что в итоге занимает более 90% оказанных услуг за год. Ассортимент поставляемых ООО «Фрутреал» товаров составляют как традиционные, так и экзотические фрукты и овощи. Импорт свежих овощей и фруктов осуществляется из 20 стран мира, среди них Россия, Польша, Узбекистан, Турция, Египет, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Бельгия, Казахстан, Греция, Аргентина, Марокко. Таким образом, на сегодняшний день ООО «Фрутреал» является ведущим поставщиком фруктов и овощей высокого качества в Республике Беларусь.

Проведенный SWOT-анализ показал, что главными сильными сторонами ООО «Фрутреал» выступают высокое качество поставляемых товаров, широкая номенклатура, наличие высококвалифицированного персонала, многолетний опыт работы на рынке, а также устойчивые взаимоотношения с контрагентами. Слабой стороной организации является недостаточное внимание к рекламной политике. Угрозы могут быть вызваны главным образом появлением новых конкурентов, ухудшением экономической обстановки в республике, что может снизить потребление плодоовощной продукции среди населения и привести к уменьшению объемов товарооборота и потере прибыли.

Анализ доли ООО «Фрутреал» и его ближайших конкурентов по конкретным видам деятельности представлен в таблице 2.

Таблица 2. – Доли ООО «Фрутреал» и его ближайших конкурентов по конкретным видам деятельности, %

Категория продукции (услуг)	ООО «Фрутреал»	ООО «Евроторг»	ООО «ФрутПоинт»	ООО «Фрут-Импэкс»
Импорт плодоовощной продукции	25	36	20	21
Оптовая и розничная торговля плодоовощной продукцией	26	40	22	25

Источник: собственная разработка.

Как видно из таблицы 2, наиболее серьезным конкурентом для ООО «Фрутреал» является ООО «Евроторг», который оказывает схожий спектр услуг и имеет более высокий процент рынка по представленным показателям.

Логистическая система ООО «Фрутреал» состоит из информационных, финансовых и материальных потоков. Под материальным потоком в данной системе понимается плодоовощная продукция, которая приходит от компаний-производителей фруктов и овощей либо от крупных оптовых компаний, помещается на хранение на центральном складе в городе Полоцке, далее сортируется, комплектуется и отгружается региональным филиалам, розничным посредникам либо напрямую конечному потребителю.

Как отмечалось выше, география закупок ООО «Фрутреал» обширна, однако закупка непосредственно фруктов и овощей в последние годы была привязана территориально к поставщикам из Литвы и Польши, а в 2016–2017 годах имело место увеличение объема поставок из Турции, что обусловлено сезонностью созревания фруктов и овощей.

Наиболее крупными поставщиками являются:

- UAB «BalticFreshFruit» Литва (фрукты, овощи);
- «EKONOMIKSISTEMLTD.STI» Турция (фрукты);
- «GULERLER KOMISYONCULUK» Турция (фрукты);
- «AGRO KONARY» Польша (фрукты, овощи).

В рамках международных цепей поставок на ООО «Фрутреал» применяются мультимодальные контейнерные перевозки и автомобильные перевозки в рефрижераторных фурах. Железнодорожный транспорт не используется, так как перевозимые овощи и фрукты – скоропортящиеся грузы.

По результатам проведенного исследования закупочной деятельности ООО «Фрутреал» были выявлены следующие недостатки:

- большая зависимость от существующих поставщиков;
- все поставщики расположены в основном в одном регионе (Европа);
- риск недопоставок (поставок по завышенным ценам) из-за неблагоприятных природных явлений (засуха, неурожай).

На основании выявленных недостатков были разработаны *мероприятия по совершенствованию в закупочной деятельности* ООО «Фрутреал» для повышения устойчивости функционирования организации с использованием мультимодальных перевозок, представленные в таблице 3.

Таблица 3. – Мероприятия по совершенствованию закупочной деятельности ООО «Фрутреал» для повышения устойчивости функционирования организации

Направления совершенствования	Содержание
1. Расширение географии закупок и разработка новых мультимодальных маршрутов доставки товаров	1. Анализ новых регионов для поставок фруктов и овощей. 2. Поиск логистических центров для возможности временного хранения, перегруза товаров, например, в Польше, Литве, Голландии. 3. Разработка новых мультимодальных маршрутов доставки товаров
2. Совершенствование существующих способов доставки товаров за счет применения мультимодальных перевозок	1. Поиск логистических центров для возможности временного хранения, перегруза товаров, например, в Польше, Литве, Голландии. 2. Разработка новых мультимодальных маршрутов доставки товаров

Источник: собственная разработка.

Для повышения устойчивости функционирования организации ООО «Фрутреал», снижения зависимости от климатических условий одного региона нами были рассмотрены в качестве новых рынков закупки фруктов и овощей страны Северной Америки – США и Мексика.

Так, в Соединенных штатах наиболее распространенными районами выращивания продукции являются следующие штаты:

- Аризона – апельсин, грейпфрут;
- Вирджиния – арахис, яблоки;
- Джорджия – арахис;
- Флорида – цитрусовые (апельсин, кумкват, грейпфрут, танжело);
- Калифорния – цитрусовые, виноград, миндаль;
- Техас – грейпфрут, лимон.

В Мексике в штатах Мехико, Халиско, Мичоакан, Оахака и Кампече в основном выращивают ананас, цитрусовые, банан, манго, авокадо, папайю, гуава. Наиболее плодородным является штат Мехико.

Основными поставщиками плодоовощной продукции в США (Флорида) являются компании Gateway Global Trading (Форт-Майерс) и T & E International Traders (Майами); в Мексике – FreshKampo (Гвадалахара) и Profruit Export (Лос-Рейес-де-Сальгадо). Так, предпочтительнее закупать во Флориде такие фрукты, как апельсин, грейпфрут, кумкват, танжело, а в Мехико – авокадо, ананас, манго, гуава.

Для построения цепи поставок и планирования мультимодальной перевозки овощей и фруктов необходимо учитывать следующие факторы: *сезонность созревания*, что позволит составить календарный план закупок; *условия и сроки хранения*, так как перевозка овощей и фруктов относится к категории перевозок скоропортящихся грузов, что является необходимым условием для выбора способа транспортировки и сроков доставки; *товарное соседство*, что позволит грамотно комплектовать сборные грузы.

В таблице 4 представлена сезонность созревания фруктов в исследуемом регионе.

Таблица 4. – Сезонность созревания фруктов в Северной Америке

Сезон	Товар							
	авокадо	ананас	апельсин	грейпфрут	кумкват	танжело	манго	гуава
Январь	+	+	+	+		+		
Февраль	+	+	+	+	+	+		
Март	+	+	+	+	+	+		
Апрель	+	+	+	+	+	+		
Май					+			
Июнь					+		+	
Июль							+	
Август							+	
Сентябрь							+	+
Октябрь							+	+
Ноябрь	+	+		+				+
Декабрь	+	+	+	+				+

Источник: собственная разработка.

Исходя из данных таблицы 4, можно сделать вывод: с ноября по апрель предпочтительнее закупать авокадо, ананас, апельсин, грейпфрут; с февраля по июнь – кумкват; с января по апрель – танжело; с июня по октябрь – манго; с сентября по декабрь – гуаву.

Рекомендуемые условия хранения фруктов представлены в таблице 5.

Таблица 5. – Рекомендуемые условия хранения фруктов

Наименование товара	Температура хранения, °С	Относительная влажность воздуха, %	Срок хранения, суток
Авокадо	+7...+10	85...95	15...30
Ананас	+7...+13	85...95	15...40
Апельсин	-1...+10	85...95	60...120
Грейпфрут	+10...+14	85...95	30...40
Кумкват	+4...+7	85...95	14...30
Танжело	+3...+8	85...95	14...30
Манго	+10...+13	85...95	14...25
Гуава	0...+5	85...95	14...25

Источник: собственная разработка.

Из таблицы 5 видно, что наибольшим сроком хранения обладает апельсин, а наименьшим – манго и гуава. Относительная влажность воздуха для данных товаров составляет 85...95%.

На основании анализа сезонности созревания фруктов, условий и сроков хранения нами *рекомендовано* из штата Флориды (США) *осуществлять закупку следующих товаров*: апельсин и грейпфрут – с декабря по апрель; кумкват – с февраля по июнь; танжело – с января по апрель. Из штата Мехико (Мексика): авокадо и ананас – с ноября по апрель; манго – с июня по октябрь; гуаву – с сентября по декабрь.

В отношении товарного соседства, возможно совместить перевозку таких фруктов, как авокадо, апельсин, грейпфрут, кумкват, танжело и гуава, так как плоды данной группы вырабатывают этилен, а цитрусовые, подвергшиеся воздействию бенефила (дефенила), могут отдавать свой запах другим продуктам. Отдельно лучше перевозить ананас и манго, так как они чувствительны к холоду.

Рассмотрим далее построение мультимодальной перевозки согласно вынесенным рекомендациям по поставке фруктов в рамках расширения географии закупок ООО «Фрутреал» из Северной Америки.

Перевозку фруктов из Северной Америки в Европу рекомендуем осуществлять морским транспортом от портов в США и Мексике до складских терминалов в Польше, Литве или Голландии с возможностью

временного хранения и (или) перегруза в автомобильный транспорт для доставки товаров в Беларусь. Перевозка из Флориды будет осуществляться от порта Джексонвилл, а из Мехико – от порта Альтамира.

Для дальнейшего анализа выбраны терминалы следующих портов в Европе: Порт Гданьск (Гданьск), Клайпедский контейнерный терминал (Клайпеда) и Порт Роттердам (Роттердам). Для сравнения стоимости данных перевозок использованы условия поставки FOB (Free On Board) в соответствии с правилами Инкотермс-2010. Термин «Франко борт» означает, что продавец выполнил поставку, когда товар перешел через поручни судна в названном порту отгрузки, и с этого момента все расходы и риски потери или повреждения товара должен нести покупатель. По условиям термина FOB на продавца возлагается обязанность по таможенной очистке товара для экспорта. Данный термин может применяться только при перевозке товара морским или внутренним водным транспортом. Показатели перевозки товаров из США и Мексики в Полоцк представлены в таблице 6.

Таблица 6. – Показатели перевозки товаров из США и Мексики в город Полоцк

Маршрут	Стоимость доставки, \$	Срок доставки, дней
<i>Из США</i>		
Джексонвилл – Клайпеда – Полоцк	Морской фрахт – 3000 Портовые расходы – 350 Наземная доставка: - ж/д транспортом – 850 - автотранспортом (24 т нетто, 26 т брутто – контейнеровоз) – 1450 [24] Итого: ж/д – 4200, авто – 4800	34–36
Джексонвилл – Гданьск – Полоцк	Морской фрахт – 2800 Портовые расходы – 500 Наземная доставка автотранспортом (20 т нетто, 21,5 т брутто – рефрижератор): - перегрузка из контейнера в рефрижератор – 700 - доставка рефрижератором до Полоцка – 1400 [24] Итого: 5400	34
Джексонвилл – Роттердам – Полоцк	Морской фрахт – 2500 Портовые расходы – 800 Наземная доставка автотранспортом (20 т нетто, 21,5 т брутто – рефрижератор): - перегрузка из контейнера в рефрижератор – 1000 - доставка рефрижератором до Полоцка – 2100 [24] Итого: 6400	27
<i>Из Мексики</i>		
Альтамира – Клайпеда – Полоцк	Морской фрахт – 3500 Портовые расходы – 350 Наземная доставка: - ж/д транспортом – 850 - автотранспортом (24 т нетто, 26 т брутто – контейнеровоз) – 1450 [24] Итого: ж/д – 4700, авто – 5300	35–37
Альтамира – Гданьск – Полоцк	Морской фрахт – 3300 Портовые расходы – 500 Наземная доставка автотранспортом (20 т нетто, 21,5 т брутто – рефрижератор): - перегрузка из контейнера в рефрижератор – 700 - доставка рефрижератором до Полоцка – 1400 [24] Итого: 5900	35
Альтамира – Роттердам – Полоцк	Морской фрахт – 3000 Портовые расходы – 800 Наземная доставка автотранспортом (20 т нетто, 21,5 т брутто – рефрижератор): - перегрузка из контейнера в рефрижератор – 1000 - доставка рефрижератором до Полоцка – 2100 [24] Итого: 6900	28

Источник: собственная разработка.

На основании проведенных расчетов по доставке фруктов из США и Мексики были выбраны маршруты через порт Клайпеда в Литве: «Джексонвилл – Клайпеда – Полоцк», «Альтамира – Клайпеда – Полоцк». Через Клайпеду возможна перевозка как железнодорожным, так и автомобильным транспортом, при этом доставка по железной дороге дешевле. Однако так как мы доставляем скоропортящийся товар, то был выбран наиболее быстрый способ наземной доставки – автотранспортом. Таким образом, доставка из США в город Полоцк составит 4800 долларов со сроком 35 дней, а перевозка из Мексики в город Полоцк – 5300 долларов со сроком 36 дней.

Далее был рассмотрен существующий маршрут доставки фруктов из Испании. ООО «Фрутреал» в основном закупает из Испании томаты и цитрусовые фрукты, осуществляя доставку напрямую автомобильным транспортом. Загрузка осуществляется из Валенсии и Альмерии. Перевозка из Валенсии составляет 4060 долларов, а из Альмерии – 4630 долларов.

Так как цитрусовые имеют достаточно большой «срок жизни», то можем предложить другие возможные маршруты перевозки товаров из Альмерии в Полоцк с использованием мультимодальной перевозки морским и автомобильным транспортом и перегрузкой в тех же логистических центрах в Польше, Литве и Голландии по маршрутам: Альмерия – Клайпеда – Полоцк; Альмерия – Гданьск – Полоцк; Альмерия – Роттердам – Полоцк.

Показатели перевозки товаров морским и автомобильным транспортом из Альмерии в Полоцк представлены в таблице 7.

Таблица 7. – Показатели перевозки товаров морским и автомобильным транспортом из Альмерии в Полоцк

Маршрут	Стоимость доставки, \$	Срок доставки, дней
Альмерия – Клайпеда – Полоцк	Морской фрахт – 2000 Портовые расходы – 350 Наземная доставка: - автотранспортом (24 т нетто, 26 т брутто – контейнеровоз) – 1450 [24] Итого: 3800	20
Альмерия – Гданьск – Полоцк	Морской фрахт – 1900 Портовые расходы – 500 Наземная доставка автотранспортом (20 т нетто, 21,5 т брутто – рефрижератор): - перегрузка из контейнера в рефрижератор - 700 - доставка рефрижератором до Полоцка – 1400 [24] Итого: 4500	19
Альмерия – Роттердам – Полоцк	Морской фрахт – 1600 Портовые расходы – 800 Наземная доставка автотранспортом (20 т нетто, 21,5 т брутто – рефрижератор): - перегрузка из контейнера в рефрижератор – 1000 - доставка рефрижератором до Полоцка – 2100 [24] Итого: 5500	14

Источник: собственная разработка.

Проведенные расчеты показали, что самым оптимальным по стоимости способом доставки фруктов из Испании в город Полоцк является маршрут через порт Клайпеда, стоимость доставки которого составит 3800 долларов со сроком перевозки – 20 дней.

Таким образом, применение разработанного нами мультимодального маршрута может стать альтернативой существующему способу доставки фруктов из Испании, так как стоимость перевозки напрямую из Альмерии в город Полоцк автомобильным транспортом составляет 4630 долларов, а новый мультимодальный маршрут «Альмерия – Клайпеда – Полоцк» предполагает затраты в 3800 долларов, что позволяет сэкономить 830 долларов на каждой доставке.

Нами разработан план-график по реализации предложенных мероприятий (таблицы 8, 9).

Таблица 8. – План-график реализации мероприятий по расширению географии закупок

№	Этап	Мероприятия	Срок проведения	Ответственные лица
1	Планирование	- Изучение нового рынка закупок; - Изучение ассортимента товаров; - Поиск поставщиков	4 дня	Специалист по закупкам
2	Организация	- Определение объемов закупаемых товаров; - Подготовка бюджета закупок, определение затрат на закупку; - Оценка и выбор поставщиков; - Осуществление закупок	8 дней	Специалист по закупкам
3	Внедрение	- Проведение переговоров; - Заключение договоров на поставку товаров; - Составление документации	5 дней	Специалист по закупкам
4	Контроль	Контроль поставок и оценка работы по закупке товаров	ежедневно	Специалист по закупкам

Источник: собственная разработка.

Таблица 9. – План-график реализации мероприятий по разработке новых и усовершенствованию существующих способов доставки товаров

№	Этап	Мероприятия	Срок проведения	Ответственные лица
1	Планирование	Изучение возможных направлений доставки грузов, определение промежуточных пунктов в цепях поставок	3 дня	Специалист по мультимодальным перевозкам
2	Организация	- Сбор информации о тарифах на предоставляемые услуги по перемещению материалопотока; - Сбор информации о сроках доставки груза; - Выбор наилучших вариантов	6 дней	Специалист по мультимодальным перевозкам
3	Внедрение	- Проведение переговоров; - Заключение договоров	3 дня	Специалист по мультимодальным перевозкам
4	Контроль	Контроль и оценка работы по данным маршрутам	ежедневно	Специалист по мультимодальным перевозкам

Источник: собственная разработка.

Таким образом, общая продолжительность внедрения мероприятий по расширению географии закупок составит 17 дней, а общая продолжительность внедрения мероприятий по разработке новых и усовершенствованию существующих способов доставки товаров – 12 дней.

Предлагаемые мероприятия будут воздействовать на функционирование логистической системы через ряд факторов, которые могут повлечь за собой возникновение рисков ситуации.

Рисковый спектр логистической системы ООО «Фрутреал» в связи с внедрением предлагаемых мероприятий показан в таблице 10.

Результаты оценки рисков ситуации представлены в таблице 11.

Таблица 10. – Рисковый спектр логистической системы ООО «Фрутреал»

Логистические подсистемы	Причины возникновения рисков ситуации	Возможные риски
Закупка	- неблагоприятные природно-климатические условия; - снижение объемов запасов; - отсутствие предложения	- дефицит товаров на складе; - несбалансированность объемов запаса и потребностей
	- отсутствие предложения на рынке; - инфляционные ожидания	- несоответствие цены качеству
Транспортировка	- рост транспортных тарифов; - неоптимальные транспортные маршруты	- увеличение транспортных расходов
	- сбои в транспортной системе	- нарушение графика движения товаров
	- непригодный подвижной состав	- утрата/порча продукции

Источник: собственная разработка.

Таблица 11. – Оценки рисков ситуации

Риск	Вероятность возникновения	Размер возможного ущерба
1. Дефицит товаров на складе	0,3	0,7
2. Несбалансированность объемов запаса и потребностей	0,1	0,3
3. Несоответствие цены качеству	0,6	0,6
4. Увеличение транспортных расходов	0,3	0,3
5. Нарушение графика движения товаров	0,2	0,6
6. Утрата/порча продукции	0,5	0,7

Источник: собственная разработка.

С целью предотвращения рисков после внедрения предлагаемых мероприятий нами рекомендуются следующие *методы управления рисками*:

- постоянный контроль движения и местоположения груза;
- постоянный мониторинг рынка услуг логистических центров;
- периодический сбор информации о тарифах на грузоперевозки;
- установление долгосрочных партнерских отношений с компаниями-поставщиками и логистическими центрами;
- отказ от ненадежных партнеров;
- наличие страховых запасов на складе;
- страхование груза;
- прогнозирование спроса на закупаемые товары.

Выводы

Применение новых принципов и методов хозяйствования для гибкого и своевременного реагирования на внешние и внутренние вызовы, предоставляемые логистикой, к числу которых относятся мультимодальные перевозки, позволяет повышать экономическую устойчивость организации.

В результате проведенного исследования нами дано определение мультимодальной перевозки на основе выделения *ключевых обязательных критериев*: перевозка груза двумя и более видами транспорта; возложение финансовой и юридической ответственности за перевозку на одного оператора: оформление единого перевозочного документа; транспортировка «от двери до двери». Это позволило сформулировать следующие *принципы организации мультимодальной перевозки*:

- единый оператор, организующий перевозку, который несет ответственность за груз перед заказчиком по всему маршруту следования;
- единый перевозочный документ по всему маршруту следования всеми видами транспорта;
- единый организационно-технологический подход к управлению перевозками;
- координация оператором перевозки действий всех логистических посредников, участвующих в процессах транспортировки.

В настоящее время отечественные субъекты хозяйствования предпочитают стандартные схемы доставки грузов мультимодальным перевозкам, поскольку это сопряжено со сложностями координации действий всех логистических посредников, участвующих в процессах транспортировки, с отсутствием развитого рынка логистических операторов, которые в состоянии предложить комплексный подход к решению организационно-правовых вопросов перевозок, и высокой стоимостью таких посреднических услуг. В этой связи нами были изучены особенности закупочной деятельности конкретной торговой организации ООО «Фрутреал» с точки зрения оценки ее устойчивости и возможности совершенствования, применяя мультимодальные перевозки.

Выявлена высокая степень зависимости ООО «Фрутреал» при закупке фруктов и овощей от самих поставщиков и их географического расположения в одном регионе (Европа), обуславливающего риск недопоставок (поставок по завышенным ценам) из-за возможных неблагоприятных природных явлений (засуха, неурожай).

На основании выявленных недостатков были разработаны мероприятия по совершенствованию закупочной деятельности ООО «Фрутреал» для повышения устойчивости функционирования организации с использованием мультимодальных перевозок.

Для снижения зависимости от климатических условий одного региона нами рассмотрены в качестве новых рынков закупки фруктов и овощей страны Северной Америки – США и Мексика.

Даны рекомендации по поставке фруктов в рамках расширения географии закупок ООО «Фрутреал».

Из США (штат Флорида) осуществлять закупку следующих товаров: апельсин и грейпфрут – с декабря по апрель; кумкват – с февраля по июнь; танжело – с января по апрель.

Из Мексики (штат Мехико): авокадо и ананас – с ноября по апрель; манго – с июня по октябрь; гуаву – с сентября по декабрь.

Согласно вынесенным рекомендациям построены возможные схемы мультимодальных перевозок и выявлены оптимальные. По доставке фруктов из США и Мексики были выбраны маршруты через порт Клайпеда в Литве:

- «Джексонвилл – Клайпеда – Полоцк»;
- «Альтамира – Клайпеда – Полоцк» с использованием морского и автомобильного транспорта.

Таким образом, доставка из США в город Полоцк составит 4800 долларов со сроком 35 дней, а перевозка из Мексики в Полоцк – 5300 долларов со сроком 36 дней.

Кроме того, взамен существующего маршрута доставки цитрусовых из Испании (Альмерия) автомобильным транспортом, стоимость перевозки по которому составляет 4630 долларов, разработан аль-

тернативный мультимодальный маршрут «Альмерия – Клайпеда – Полоцк». Затраты на осуществление указанной мультимодальной перевозки составят 3800 долларов, что позволяет сэкономить 830 долларов на каждой доставке.

Исходя из разработанного плана-графика по реализации предложенных мероприятий, общая продолжительность внедрения мероприятия по расширению географии закупок составит 17 дней, а общая продолжительность внедрения мероприятия по разработке новых и усовершенствованию существующих способов доставки товаров – 12 дней.

С целью предотвращения негативных последствий после внедрения предлагаемых мероприятий, выявлены возможные риски, произведена их оценка и предложены *методы управления*:

- постоянный контроль движения и местоположения груза;
- мониторинг рынка услуг логистических центров;
- периодический сбор информации о тарифах на грузоперевозки;
- установление долгосрочных партнерских отношений с компаниями-поставщиками и логистическими центрами;
- отказ от ненадежных партнеров; наличие страховых запасов на складе;
- страхование груза и прогнозирование спроса накупаемые товары.

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация предложенных мероприятий с использованием мультимодальных перевозок повысит экономическую устойчивость деятельности ООО «Фрутреал» за счет расширения географии поставок фруктов и овощей и снижения затрат на их доставку с сохранением качества покупаемых товаров. Представленные рекомендации могут быть использованы иными крупными торговыми организациями, стремящимися к устойчивому функционированию в современных рыночных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sta-logistic.by/services/intermodal/>. – Дата доступа: 12.04.2018.
2. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tforum.ru/pub/44>. – Дата доступа: 12.04.2018.
3. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bel-gruz.by/services/multimodal_perevozki.html. – Дата доступа: 12.04.2018.
4. Мультимодальные перевозки/интермодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goodlogistics.ru/smeshannye-multimodalnye-intermodalnye-perevozki/>. – Дата доступа: 12.04.2018.
5. Мультимодальные перевозки: назначение, виды, особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulex.info/mnenie-eksperta/multimodalnye-perevozki-naznachenie-vidyi-osobennosti.html>. – Дата доступа: 12.04.2018.
6. Мультимодальный тип перевозок как надёжный вид транспортировки и доставки по всему миру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.emons.by/uslugi/multimodalnye_perevozki.html. – Дата доступа: 13.04.2018.
7. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vedinform.com/freight/container/multimodal.html>. – Дата доступа: 13.04.2018.
8. Логистика : учебник / В.В. Дыбская [и др.] ; под ред. В.И. Сергеева. – М. : Эксмо, 2009. – 944 с.
9. Логистика: учеб. пособие / И.М. Баско [и др.] ; под ред. И.И. Полещук. – Минск : БГЭУ, 2007. – 431 с.
10. Ивуть, Р.Б. Транспортная логистика : учеб.-метод. пособие / Р.Б. Ивуть, Т.Р. Кисель. – Минск : БНТУ, 2012. – 379 с.
11. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.syl.ru/article/212195/new_multimodalnaya-perevozka-opredelenie-vidyi-shema. – Дата доступа: 27.04.2018.
12. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/108065/multimodalnaya-perevozka-osobennosti-i-preimuschestva>. – Дата доступа: 27.04.2018.
13. Понятие мультимодальных перевозок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://logoskop.ru/perevozka/multimodalnye-perevozki.html>. – Дата доступа: 21.05.2018.
14. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gruzxatt.com/publ/osobennosti_perevozki_gruzov/osobennosti_perevozki. – Дата доступа: 27.04.2018.
15. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studbooks.net/1191135/marketing/multimodalnye_perevozki. – Дата доступа: 27.04.2018.
16. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vse-fakty.ru/interesnyye-fakty-o-tekhnikе/224-multimodalnyye-perevozki-gruzov>. – Дата доступа: 27.04.2018.

17. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://autocarinfo.ru/2015/10/multimodalnye-gruzovye-perevozki-cto-eto-takoe>. – Дата доступа: 27.04.2018.
18. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dal.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1569842>. – Дата доступа: 27.04.2018.
19. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ace logistics.by/uslugi/multimodalny-transport/>. – Дата доступа: 27.04.2018.
20. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webkonspect.com/?room=profile&id=908&labelid=72150>. – Дата доступа: 27.04.2018.
21. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ronl.ru/leksiitransport/317085/>. – Дата доступа: 27.04.2018.
22. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wtransports.com/2016/04/25/raznica-meghdu-intermodalnimi-i-multimodalnimi-perevozkami/>. – Дата доступа: 27.04.2018.
23. Мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/1728081023471/logistika/multimodalnye_intermodalnye_perevozki. – Дата доступа: 27.04.2018.
24. MSC – Морские контейнерные перевозки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.msc.com>. – Дата доступа: 20.05.2018.

Поступила 08.10.2018

**THE USE OF MULTIMODAL TRANSPORTATION
FOR IMPROVING THE ECONOMIC SUSTAINABILITY
OF THE TRADE ORGANIZATION «FRUITREAL LLC»**

A. MALEI, K. DADASHOVA

This article discusses the possibilities of using multimodal transportation for improving the economic sustainability of the trade organization in terms of procurement. The author defined the concept of multimodal transportation based on identifying of the key mandatory criteria: shipping with two or more modes of transport, imposing financial and legal responsibility on one operator for the transportation, issuing a single shipping document, “door-to-door” transportation. It helped to formulate the basic principles of the organization of multimodal transportation. We analyzed the procurement of the trade organization “Fruitreal LLC” and made recommendations for improving the economic sustainability by expanding the geography of fruit and vegetable supplies using multimodal transportation, what will reduce the delivery costs while keeping quality of the purchased goods. The approaches proposed in the article can be used by other large trade organizations what are striving for sustainable functioning in the current market conditions.

Keywords: *economic sustainability, multimodal transportation, trade organization, procurement, procurement geography, fruit seasonality, storage conditions, commodity neighborhood.*

УДК 339.924+164.01

**РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН
ПО СОПРЯЖЕНИЮ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»****ИН ЦЗЮЙ****(Белорусский государственный экономический университет, Минск)**

Рассматриваются основные современные тенденции развития транспортно-логистической интеграции в мировой экономике. Определены условия развития транспортно-логистической сферы, на основе которых выявлено три этапа, на каждом из которых определяются те или иные тенденции развития транспортно-логистической интеграции, а именно всестороннее применение информационных технологий и поиск новых форм торговли, развитие региональных интеграционных процессов, клиентоориентированность, или работа на конечный результат. Также с учетом рассмотренных тенденций определены перспективы сотрудничества ЕАЭС с КНР в транспортно-логистической сфере (сопряжение «Один пояс – один путь»).

Ключевые слова: мировая экономика, транспортно-логистическая интеграция, сотрудничество.

Транспортно-логистический сектор, как и любой другой сектор экономики, испытывает на себе влияние инноваций, развитие новых технологий, в том числе и в других, не связанных с логистикой секторах экономики. Опыт промышленно развитых стран и передовых компаний свидетельствует о том, что транспортно-логистическому сектору принадлежит стратегически важная роль в современных интеграционных процессах. При этом процессы транспортно-логистической интеграции, происходящие в мировой экономике, изменяются не только в ответ на смену приоритетов/целевых установок в деятельности компаний, а точнее, на изменение условий получения экономической прибыли и конкурентоспособности, но и на факторы и тенденции, действующие в звеньях экономической интеграции.

По данным Европейской логистической ассоциации, применение логистических разработок позволяет сократить время производства товаров на 25%, снизить издержки производства продукции до 30%, сократить объемы материально-технических запасов от 30 до 70%. С целью выявления масштаба распространения логистики и ее результатов Всемирным банком был проведен обзор 1450 компаний США, Японии, Канады и западноевропейских стран. Из этих компаний 55% представляли промышленность, 15% – оптовую и розничную торговлю, 30% – услуги (транспортировку, хранение, электронную обработку данных) [1, с. 97].

В результате было выявлено следующее:

- управление каналами движения продукции ведет к сокращению продолжительности цикла заказа на 80% и размера запасов на 30–70%, к повышению производительности на 20–50% и уменьшению затрат на доставку продукции до 30% (Европейская ассоциация промышленности);
- снижение затрат на логистику на 1% эквивалентно 10%-ному росту объемов перевозок (компания GeneralMotors, Bosch, Siemens, Mitsubishi);
- организация получения товаров с помощью электронных заказов позволила многим фирмам увеличить объемы сбыта до 50% (Ассоциация промышленности США);
- в результате совершенствования логистики и снижения запасов на 30% уменьшились затраты на хранение и капитальные вложения, что, в свою очередь, привело к росту прибыли на активы почти на 35% (Henkel);
- используя интегрированное управление логистикой, некоторые промышленные компании снизили до 25% продолжительность процесса производства продукции, что позволило им сократить на 20% общие затраты на маркетинг (BostonConsultingGroup) [1, с. 98].

Таким образом, выделение функций логистики в самостоятельную систему обеспечения деятельности предприятия позволяет значительно повысить его конкурентоспособность.

Транспортная логистика выступает в роли необходимой составляющей всей теории и практики логистики коммерции, так как логистика как наука занимается управлением всеми потоковыми движениями, а управление материальным потоком невозможно без его перевозки. Логистические операции на пути движения материального потока происходят с применением различных транспортных средств [2, с. 81]. Затраты на эти операции составляют примерно половину от суммы затрат на логистику.

С учетом данного подхода к транспорту как части логистической цепи логистика коммерции рассматривается в разных аспектах:

- 1) с позиции эффективности работы отдельных видов транспорта;
- 2) с точки зрения организации перевозок от грузопроизводителя до получателя;
- 3) с учетом интересов клиента важна не только основная перевозка, но и обработка, и хранение.

В мировой экономической системе логистика – наиболее эффективный, рыночно-ориентированный способ планирования, формирования и развития товароматериальных и сопутствующих им потоков с наименьшими издержками во всей логистической цепи. Внедрение логистического подхода к реализации транспортной стратегии обеспечит ускорение и непрерывность продвижения товароматериальных потоков, развитие контейнерных перевозок грузов в интермодальном сообщении, обеспечение транспортно-логистического сервиса на уровне международных стандартов, позволит значительно сократить все виды запасов продукции в производстве, снабжении и сбыте, уменьшить стоимость оборотных средств и массы грузов (находящихся в пути), снизить в среднем на 30–40% себестоимость производства и затраты в дистрибуции, связанные с перемещением товароматериальных, транспортных и сопутствующих потоков от мест производства до потребления, обеспечить наиболее полное удовлетворение потребителей в качестве товаров и услуг [3, с. 11].

Одним из основных условий развития транспортно-логистической сферы может служить сама интеграционная составляющая всего процесса. Как отмечает российский ученый, доктор экономических наук А.С. Элларян, «Особо значимый характер приобретают проблемы развития эффективных методов и форм межфирменной интеграции в транспортно-логистической сфере, которые обусловлены новыми вызовами и угрозами глобальной экономики, работой в условиях жестких экономических санкций» [4, с. 4]. Для того чтобы данная сфера могла приносить максимальные стратегические выгоды, все ее функциональные звенья должны работать на основе интеграции. Такое повышение эффективности функционирования в каждом звене имеет смысл только в том случае, если это способствует повышению эффективности интегрированной системы логистики в целом. Региональная экономическая интеграция создает повышенный спрос на развитие сопряженной транспортно-логистической инфраструктуры, поддерживающей экономические коридоры, связывающие индустриальные кластеры, города-центры, особые экономические зоны. Регионализация фокусирует внимание не только на максимизации эффективности цепей поставок, но и на повышении их устойчивости, надежности, защищенности, взвешенности принятия решений относительно резервных систем региональных цепей поставок.

Эволюция транспортно-логистической интеграции в мировой экономике охватывает три этапа, на каждом из которых определяются те или иные тенденции.

1) *Формирование адекватных экономических взаимоотношений* между участниками рынка, а также между государством и участниками рынка, позволяющих достичь поставленной экономической цели.

Как участники рынка, так и государство ведут постоянный поиск более совершенной (с точки зрения общего экономического результата) формы взаимоотношений. Так, например, на железнодорожном транспорте реализуется реформа, способствующая устранению негативных проявлений естественной монополии. Эксперты в воздушном и водном видах транспорта, пытаются преодолеть олигополистические препятствия, предлагают концепцию логистического решения данной проблемы. Автомобильный транспорт, сформировав развитую конкурентную среду, преодолевает последствия ужесточения конкуренции, регулируя барьеры входа-выхода отрасли. Таким образом, этап формирования рынка не заканчивается после того, как созданы модель регулирования и структура рынка. В соответствии со складывающимися условиями и под влиянием внешней среды формы взаимоотношений на рынке меняются.

2) *Функционирование*, т.е. определение функций отдельных элементов рынка транспортных услуг и обеспечение условий их нормальной деятельности.

Функционирование происходит с учетом специфики не только свойств транспортно-логистической услуги, заданных форм организации рынка, но и особенностей организации транспортного производства, а именно: отсутствие определенного во времени и пространстве места, где могут заключаться сделки купли-продажи услуг, что обусловлено невещественностью транспортной услуги, особенностями ее потребления во время производства; многократное повторение при перемещении производимой продукции (объемы производства услуг не равны объемам производства вещественной продукции); требование выполнения условий предоплаты (в условиях нестабильности экономики производитель услуг требует 100%-ной предоплаты в качестве гарантии оплаты выполнения услуг) и др.

3) *Развитие*, т.е. необратимое, направленное, закономерное изменение, в результате которого возникает новое качественное состояние объекта (транспортного рынка), позволяющее качественно изменять продукт труда (транспортной услуги) и на более высоком уровне удовлетворять все разнообразие потребностей в транспортных услугах.

Дальнейшее развитие транспортно-логистического рынка в качестве процесса, направленного в будущее, принципиально важно, так как характеризует смену качественного состояния рынка. Развитие как этап характеризуется стабильностью условий и форм рынка. Как процесс, развитие транспортного рынка представляет собой накопление потенциала более высокого качества всей системы рыночных отношений, основанного на материально-технической базе, инновационной стратегии и технологиях производства транспортных услуг, и имеет некоторую цикличность.

В прикладной экономике наименее исследованы следующие проблемы:

- проблемы диагностики и оценки состояния, тенденций и особенностей функционирования и развития рынка транспортных услуг;
- проблемы перехода низкого качества системы рынка в более высокое;
- проблемы формализации развития системы рынка транспортных услуг (например, с помощью компьютеризации).

В силу того, что транспорт, являясь сферой материального производства, не производит вещественной продукции как таковой, транспортная услуга имеет ряд специфических особенностей:

- транспортная услуга является продолжением процесса производства в сфере обращения; процесс производства заканчивается в момент передачи продукции ее потребителю. Сама по себе транспортная услуга существовать не может, она обязательно обеспечивает коммерческую деятельность нетранспортных предприятий;

- услуга не может существовать вне процесса ее производства, а значит, нельзя сформировать запасы услуги;

- предоставление услуги – это продажа процесса труда, а значит, качество услуги – это качество ее выполнения, т.е. качество труда;

- потребительная стоимость услуги возникает при строгом соблюдении временных ограничений, направления движения товара и других условий, что сужает возможность ее конкурентной замены;

- спрос на услуги подвержен резким колебаниям в зависимости от временных и пространственных параметров, транспорт не имеет ресурсов, позволяющих сглаживать неравномерности спроса [5, с. 31].

Спрос на услуги конкретного вида транспорта определяется, в частности, развитием в регионе других видов транспорта, степенью их интеграции, уровнем транспортных тарифов, качеством сервиса, предоставляемого потребителям различными видами транспортных предприятий и организаций.

Сегодня как никогда актуальны задачи увеличения объемов перевозок, повышения экономической эффективности деятельности многочисленных отечественных грузовых и пассажирских перевозчиков и экспедиторов. И не только на внутренних линиях. Как свидетельствует зарубежный опыт, качественно «скачка» в транспортной сфере можно достигнуть лишь за счет использования новых технологий обеспечения процессов перевозок, отвечающих современным требованиям и высоким международным стандартам, в частности, за счет расширения освоения логистического мышления и принципов логистики. По своей сути транспортная логистика как новая методология оптимизации и организации рациональных грузопотоков, их обработки в специализированных логистических центрах позволяет обеспечивать повышение эффективности таких потоков, снижение непроизводительных издержек и затрат, а транспортникам – соответствовать современным тенденциям, максимально отвечать запросам все более требовательных клиентов и рынка.

С учетом эволюции транспортно-логистической интеграции в мировой экономике рассмотрим наиболее значимые факторы, определяющие новые тренды в развитии транспортно-логистической сферы в условиях формирования интеграционных взаимодействий.

1. *Всестороннее применение информационных технологий и поиск новых форм торговли.* В оперативном аспекте, особенно в логистических структурах глобального уровня, доминирующей становится концепция «тотального» управления – круглосуточного, кругосветного, повсеместного мобильного информационного мониторинга в режиме реального времени. При решении задач тактического и стратегического уровня все активнее используются информационно-аналитические методы прогнозирования и поддержки принятия решений на основе единой для всех бизнес-процессов компании информационной базы (информационного киперкуба) с применением технологий хранилищ данных, распознавания, управления знаниями, а также специального информационно-аналитического программного обеспечения (например, международная телематическая программа «Tedim»). Такая информационная интеграция в транспортно-логистической сфере осуществляется в разных организационно-технологических формах, среди которых:

- сетевая интеграция, связанная с построением сетей передачи данных под управлением операционных систем;

- интеграция деловых процессов, связанная с автоматизацией делопроизводства на основе электронной почты и систем документооборота;

- межкорпоративная интеграция (на основе технологий Интернет).

2. *Развитие региональных интеграционных процессов.* Несмотря на глобализацию мировой экономики и расширяющиеся и углубляющиеся связи, в мире остается около 200 стран (по состоянию на 2016 год [6, с. 65]), множество границ и таможенных барьеров, поэтому совершенно логично, что многие страны объединяются в союзы, ассоциации, интеграционные группировки, образуя тем самым общие, единые рынки, предполагающие свободное перемещение товаров, услуг, трудовых ресурсов. Мировое хозяйство характеризуется обострением конкурентной борьбы за рынки сбыта, новыми векторами международных интеграционных процессов, интенсификацией поиска новейших, более эффективных способов

повышения конкурентоспособности не только товаров и услуг, но и отдельных стран и регионов. В современных условиях экономической нестабильности в развитии макрологистических транспортных систем отчетливо просматриваются тенденции глобализации, формой проявления которой являются интеграционные преобразования. Активно создаются и развиваются межгосударственные транспортно-логистические, телекоммуникационные, дистрибутивные и другие макрологистические системы [6, с. 65].

Одна из главных задач скоординированной (согласованной) транспортной политики в интеграционной группировке – создание единого рынка транспортно-логистических услуг, который должен строиться на единых принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности. Эффекты от формирования и развития единого транспортно-логистического рынка для экономики предполагает под собой:

- обеспечение долгосрочного устойчивого экономического развития;
- увеличение доли транспортно-логистических услуг в ВВП;
- обеспечение роста грузопотоков в рамках взаимной и внешней торговли путем предоставления более качественных транспортно-логистических услуг;

- реализация крупномасштабных проектов в сфере транспортно-логистической инфраструктуры;
- создание новых транспортно-логистических производств и рабочих мест.

Преимущества от создания единого транспортно-логистического рынка для населения выражается:

- в повышении мобильности и транспортно-логистической доступности;
- в повышении надежности и качества транспортно-логистических услуг;
- в снижении негативного воздействия транспорта на жизнь и здоровье населения;
- в обеспечении прозрачности при формировании тарифов (цен) на транспортно-логистические услуги.

Наибольшие эффекты от формирования и развития единой транспортно-логистической интеграции будут наблюдаться именно у бизнес-сообществ, которые будут предполагать под собой следующее:

- снижение транспортно-логистической составляющей в конечной цене товара;
- создание конкурентной среды на едином рынке транспортно-логистических услуг;
- обеспечение равных условий доступа на единый рынок транспортно-логистических услуг;
- развитие мультимодальных транспортно-логистических центров, а также развитие смешанных перевозок;

- гармонизация условий и правил перевозок;
- переход к формированию долгосрочных тарифов на транспортно-логистические услуги.

3. *Клиентоориентированность, или работа на конечный результат.* Под данной тенденцией понимается участие в интегрированном планировании деятельности фирм-клиентов, лучшее понимание отраслевых особенностей и др. В основе клиентоориентированности лежит принцип комплексности оказываемых компаниями услуг, степень интеграции деятельности клиента и транспортно-логистической компании. На современном этапе развития транспортно-логистической сферы возможно применение 4PL-подхода (ForthPartyLogistics), под которым подразумевается планирование и координация информационных потоков клиента, оптимизация цепочки поставок. На начальных этапах формирования рынка транспортно-логистических услуг применяются, как правило, подходы от 1PL до 3PL. В основе их лежит принцип комплексности оказываемых компаниями услуг, степень интеграции деятельности клиента и транспортно-логистической компании.

1PL-подход (FirstPartyLogistics) – автономная логистика, все операции выполняет сам грузовладелец.

2PL-подход (SecondPartyLogistics) – набор узкопрофильных традиционных услуг. К ним относятся следующие участники рынка:

- международные транспортные компании;
- экспедиторы;
- склады общего пользования;
- грузовые терминалы;
- таможенные брокеры;
- страховые компании).

3PL-подход (ThirdPartyLogistics) – широкий сервисный спектр с добавленной стоимостью, привлекают для оказания услуг субподрядчиков. В комплекс услуг входят: организация и управление перевозками; учет и управление запасами; подготовка экспортно-импортной и фрахтовой документации; складское хранение; обработка груза и множество других услуг.

С внедрением 4PL-подхода применяется системный подход к управлению всеми логистическими бизнес-процессами, к координации действий компании и ее ключевых контрагентов в цепи поставок, в обеспечении их эффективного взаимодействия и обмена данными.

4. *Возрастает роль маркетинговых стратегий в конкурентной борьбе логистических компаний на международном рынке.* В маркетинговых стратегиях крупных логистических компаний преобладают ориентация на создание положительного имиджа компании и индивидуальные потребности клиента, ис-

пользование так называемого клиентоориентированного маркетинга (комплекса коммуникационных инструментов, направленных на формирование клиентской базы и удовлетворение индивидуальных потребностей клиентов). Так, в работе с клиентами американской компании DHL существует дифференцированный подход к потребностям клиентов. Упор сделан на использование товарных (диверсификация рынков, адаптация к локальным рынкам, работа с целевыми группами) и коммуникационных стратегий (директ-маркетинг, различные виды рекламы, работа с общественностью). Компания анализирует особенности среды местных рынков, создавая положительный и хорошо узнаваемый образ фирмы, исследует уровень удовлетворенности клиентов при использовании услуг компании [1, с. 101].

На основании рассмотренных тенденций можем судить перспективы сотрудничества ЕАЭС с КНР в транспортно-логистической сфере (сопряжение «Один пояс – один путь»).

На основании работы, проведенной ЕЭК с министерствами и ведомствами государств-членов ЕАЭС в 2015 году, а также учитывая в целом повестку продвижения комплексной инициативы сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс – один путь», транспортно-логистическая сфера признается одной из приоритетных направлений сотрудничества.

Современный логистический рынок Китая привлекает пристальное внимание зарубежных предприятий, активно инвестирующих его развитие. В последнее время FedEx, UPS, TNT и другие трансконтинентальные корпорации сотрудничают с крупными логистическими предприятиями Китая. Сегодня на востоке Китая уже сформированы 4 крупных логистических района: логистическое кольцо вокруг Бохайского залива, в центре которого находятся Пекин; логистическое кольцо в зоне дельты реки Янцзы, с центром в Шанхае; логистическое кольцо в зоне Тайваньского пролива; логистическое кольцо в дельте реки Чжунцзян, в центре которого – Гуанчжоу и Шэньчжэнь. Эти крупные логистические кольца разными способами стимулируют развитие центральных и западных районов страны.

Отметим, что становление китайской логистики связано с рядом проблем, важнейшей из которых является специализация местных операторов на узком сегменте логистических услуг, что ослабляет межхозяйственную консолидацию и ограничивает развитие общей логистической системы страны. Во многом по этой причине государство в рамках присоединения к ВТО приветствует зарубежное инвестирование в логистический сектор. В Китае формируются так называемые «WFOE» – WhollyForeign-OwnedEnterprises – предприятия, полностью находящиеся в иностранной собственности. Другой ряд проблем логистического сектора в Китае непосредственно связан с государственной политикой, проводимой в прошлом: ранее логистические операторы находились под самоконтролем, что вызывало раздробленность рынка услуг.

Положительным следствием зарубежной интеграции в китайский рынок является стимулирование местных операторов к развитию с целью повышения конкурентоспособности до уровня иностранных компаний. В том числе развитие происходит за счет внедрения в процесс управления логистикой передовых информационных технологий и повышения уровня автоматизации и информатизации логистических операций, разработки спектра новых информационных услуг логистики, применения современной техники.

Специфической особенностью функционирования китайской логистической системы является то, что в отличие от стран ЕС и ЕАЭС инвестирование в логистическую инфраструктуру осуществляется исключительно со стороны частного сектора, а действия государства направлены на поддержку усиления интеграции, координации и стандартизации.

Следовательно, необходимо определить факторы развития региональной экономической интеграции и учитывать их при развитии сопряжения.

Анализ экономических основ системной организации сопряжения выявил следующие экономические факторы развития:

1) при регионализации торговли основой экономической системы становится сфера логистики: чем выше доля внутриблоковой/внутрирегиональной торговли, тем более развитым должен быть сектор логистических услуг, увеличение емкости сектора, усложнение логистических взаимодействий и т.д., что, в свою очередь, увеличит вклад услуг логистики в ВВП;

2) создание сопряженной транспортно-логистической инфраструктуры: транспортные коридоры, особые экономические зоны, индустриальные кластеры – необходима координация совместных действий по выработке транспортно-логистической политики;

3) повышение внимания к устойчивости, надежности и защищенности цепей поставок; разработка соответствующих стратегий по формированию единой транспортно-логистической системы [7, с. 266].

Если данные факторы принимать во внимание, то страны в сопряжении можно считать не конкурентами, а сильными партнерами: ЕАЭС предлагает институциональную поддержку проекта, Китай – инвестиционные возможности для развития проектов сопряжения. На этом фоне белорусско-китайские отношения становятся более тесными.

В настоящий момент рассматривается вопрос о заключении с Китаем непреференциального соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которое, не предполагая глубокой либерализации торговли,

позволило бы выйти на качественно новый уровень отношений. Данное Соглашение могло бы включать следующие основные направления взаимодействия в транспортно-логистической сфере:

- создание транзитного коридора «Западный Китай – Западная Европа», включая согласование вопросов таможенного регулирования, создание и финансирование транспортной инфраструктуры на территории государств-членов Союза, доступ к рынку перевозок и смежным услугам;

- программа «Дорожные карты и ключевые договоренности в рамках Соглашения». Так, в 2016 году министром экономики Республики Беларусь В.И. Зиновским и председателем Государственного комитета по делам развития и реформ Китайской Народной Республики Сюем Сяоши был подписан «Комплекс мер по продвижению строительства концепции “Один пояс – один путь” между правительствами Республики Беларусь и Китайской Народной Республики». Данный комплекс мер охватывает и перспективы сотрудничества в транспортно-логистической сфере. Такое сотрудничество подразумевает создание Дорожной карты и важный рамочный документ, направляющий деловое сотрудничество двух стран [8]. Это означает, что отношения между двумя странами в рамках данной стратегии вышли на новый этап. На данном этапе логистика является мостом и связующим звеном в международной логистической деятельности, играет ключевую роль для Беларуси и Китая, для Восточной Европы и, возможно, для всех стран, примыкающих к поясу Великого шелкового пути;

- возможность реализации модели облачного складирования в Беларуси, а именно развитие площадки для складской логистики третьих лиц в Беларуси в условиях стратегии «Один пояс – один путь»;

- формирование институциональной основы сотрудничества на регулярной основе между ЕАЭС и КНР.

Необходимо отметить, что сотрудничество ЕАЭС с КНР в данном направлении дает для Беларуси ряд преимуществ:

- способствует устойчивому развитию железных дорог на поясе Великого шелкового пути, а также развитию логистической отрасли в Беларуси;

- предоставляет возможность технической и инвестиционной поддержки Беларуси благодаря опыту развития логистики третьих лиц в Китае;

- создание подобной платформы будет стимулировать модернизацию логистической отрасли Беларуси и выведению ее на новый уровень;

- широкие возможности для развития строительства инфраструктуры, создания комплекса информационных технологий и повышения уровня услуг в сфере поставок.

- предоставление льготных и коммерческих кредитов. Так, Белорусская железная дорога и Экспортно-импортный банк Китая подписали уже три 12–15-летних кредитных соглашения для комплексного развития Белорусской железной дороги на сумму более 175 млн долл. США с целью финансирования проектов «Обновление подвижного состава Белорусской железной дороги», «Электрофикация направления Молодечно – Гудогай – госграница» [9, с. 322].

Следовательно, существуют разные причины повышения интереса Китая к ЕАЭС в целом и Беларуси в частности. Помимо установившихся дружественных отношений между двумя странами, а также получения прибыли в транспортно-логистической сфере, Китай имеет возможность получить в лице Беларуси важного партнера, так как Беларусь находится на перекрестке Восточной и Западной Европы, а также является частью большой группировки ЕАЭС. В свою очередь, Беларусь видит в Китае важного стратегического партнера в Азии, через которого планирует выход на рынки стран АСЕАН.

Таким образом, через призму эволюции транспортно-логистической интеграции в мировой экономике можно выделить новые тренды в развитии транспортно-логистической сферы в условиях формирования интеграционных взаимодействий, а именно всестороннее применение информационных технологий и поиск новых форм торговли, развитие региональных интеграционных процессов, повсеместное участие в интегрированном планировании деятельности фирм-клиентов и лучшее понимание отраслевых особенностей. Данные тенденции проявляются на трех этапах эволюции транспортно-логистической интеграции в мировой экономике: на этапах формирования адекватных экономических взаимоотношений между участниками рынка, а также между государством и участниками рынка, позволяющих достичь поставленной экономической цели; определения функций отдельных элементов рынка транспортных услуг и обеспечения условий их нормальной деятельности, на этапе необратимого, направленного, закономерного изменения, в результате которого возникает новое качественное состояние объекта (транспортного рынка), позволяющее качественно изменять продукт труда (транспортной услуги) и на более высоком уровне удовлетворять все разнообразие потребностей в транспортных услугах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климович, Л. Международный рынок транспортно-логистических услуг и перспективы белорусской логистики / Л. Климович // Журнал международного права и международных отношений. – 2012. – № 1. – С. 97–104.

2. Сергеев, В.И. К вопросу об эффективности управления транспортно-логистическими системами / В.И. Сергеев // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2. – С. 81–84.
3. Саркисов, С.В. Формирование международных логистических систем предприятиями России в условиях глобализации мировой экономики / С.В. Саркисов. – М. : Анкил, 2007. – 228 с.
4. Элларян, А.С. Интеграционные процессы в сфере транспортной логистики / А.С. Элларян // Российский экономический интернет журнал. – М., 2017. – С. 4.
5. Городко, М.В. Развитие логистической системы Республики Беларусь / М.В. Городко // Новая экономика. – 2011. – № 1. – С. 31–37.
6. Руселевич, А.Н. Единый транспортно-логистический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы [Электронный ресурс] / А.Н. Руселевич // Логистические системы и процессы в условиях экономической нестабильности: материалы IV Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Минск, 6–7 дек. 2016 г. / Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ ; фак. междунар. отношений БГУ ; редкол.: В.В. Апанасович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 65.
7. Нестерова, Д.В. Экономические факторы системной организации сопряжения строительства «Один пояс – один путь» и ЕАЭС / Д.В. Нестерова // Форум аналитического центра экономического сотрудничества КНР и ЕАЭС : материалы форума, Харбин, 14–15 июня 2016 г. – Харбин : Хэйлунцзянская акад. общественных наук, 2016. – С. 266.
8. 我国与白俄罗斯签署共同推进“一带一路”建设的措施清单 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://finance.ifeng.com/a/20160930/14915706_0.shtml. – Дата доступа: 20.01.2017.
9. Семак, Е.А. Развитие торгово-экономических отношений Республики Беларусь и КНР / Е.А. Семак // Форум аналитического центра экономического сотрудничества КНР и ЕАЭС : материалы форума, Харбин, 14–15 июня 2016 г. – Харбин : Хэйлунцзянская акад. общественных наук, 2016. – С. 266.

Поступила 05.09.2018

**THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT AND LOGISTICS INTEGRATION
IN THE GLOBAL ECONOMY: CURRENT TRENDS AND PROSPECTS
OF COOPERATION BETWEEN THE COUNTRIES
IN PAIRING THE “ONE BELT AND ONE ROAD”**

IN JU

The main current trends in the development of transport and logistics integration in the world economy are considered. The conditions for the development of transport and logistics sphere, on the basis of which three stages are identified, each of which determines certain trends in the development of transport and logistics integration, namely the comprehensive use of information technologies and the search for new forms of trade, the development of regional integration processes, customer focus, or work on the final result. Also, taking into account the considered trends, the prospects of cooperation between the EAEU and China in the transport and logistics sector (one belt-one road Interface) are determined.

Keywords: world economy, transport and logistics integration, cooperation.

УДК 331.5(476.5)

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ:
СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ***канд. экон. наук, доц. И.В. ЗЕНЬКОВА; А.А. ТИВАНОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматриваются сильные и слабые стороны исследуемого региона – Витебской области. Выявлены и систематизированы проблемы и угрозы устойчивого развития региона. Даны рекомендации по устранению проблем и дальнейшему пути развития региона. Подробно описаны наиболее привлекательные его стороны, усовершенствование их развития. Показана привлекательность для инвесторов.

Ключевые слова: *регион, устойчивое развитие, потенциал, угрозы развития, индустриальный потенциал, агропромышленный комплекс, природные ресурсы.*

Витебская область Республики Беларусь – территория, по которой проходят транспортные артерии, связывающие с Европой наиболее крупные и развитые экономические регионы России. Это два европейских транспортных коридора: Критский № 2 (Берлин – Варшава – Минск – Москва); Критский № 9 (Хельсинки – Санкт-Петербург – Киев – Кишинев – Бухарест).

Такие крупные экономические центры, как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Варшава, Вильнюс, Рига, находятся на расстоянии 400–800 км от областного центра, удаленность от морского порта Клайпеды составляет 400 км.

Железнодорожные узлы городов Витебска и Орши имеют международное значение. В этих городах расположены аэропорты, обеспечивающие возможность организации грузовых и пассажирских авиаперевозок. Аэропорт «Витебск» категории IV «В» имеет разрешительный документ на эксплуатацию в ограниченных метеорологических условиях и способен принимать все типы современных авиалайнеров (Ил-76, Ту-154, В-737-800, В-757-200, А-310-200 и др.). Аэропорт на территории ОАО «Оршанский авиаремонтный завод» имеет класс «Б», способен принимать воздушные суда в дневное время.

По территории области проходят оптико-волоконная линия от Орши до Берлина и газопровод «Ямал – Европа». Значимость географического положения области повысилась в связи с наращиванием грузопотоков Россия – Калининградская область России.

• Значимый индустриальный потенциал

Основу сформированного на территории региона хозяйственного комплекса составляет промышленность, в которой в 2014 году было занято 24,1% общей численности занятого населения, произведено 58,6% валового выпуска, 33,6% валовой добавленной стоимости. Направлениями специализации промышленного комплекса региона в республиканском разделении труда является переработка нефти и нефтехимия, производство текстильной продукции (синтетические и льняные материалы, ковры и ковровые изделия), производство обуви, станкостроение, электроэнергетика, добыча и переработка глинистого сырья.

На территории области расположены РУПТП «Оршанский льнокомбинат», производящий практически 100% льняных тканей республики, ОАО «Витебский ковровый комбинат», доля продукции которого в республиканских объемах более 90%, комплекс обувных производств, производящих более 40% республиканских объемов данной группы и др.

В регионе находится единственный в республике меховой комбинат. По ряду других товарных позиций область также занимает монопольное или доминирующее положение в республике. Решающее влияние на результаты работы экономического комплекса области оказывают производственные объекты республиканского значения – ОАО «Нафтан», включая завод «Полимир», ОАО «Полоцкстекловолокно», Лукомльская ГРЭС.

Промышленный потенциал региона имеет открытый характер и ориентирован на внешние рынки. По большинству видов продукции экспорт составляет более 50% производимого объема, по отдельным позициям (акриловые волокна, органические кислоты, полиэтилен, стеклоткани) превышает 90%. В товарной структуре экспорта преобладает продукция нефтеперерабатывающей и химической промышленности, мясомолочная продукция – 14%, текстильные изделия.

Экспортно-импортные операции осуществляются со 100 странами мира. Основными торговыми партнерами области являются Россия (59% всего объема товарооборота), Нидерланды (24,5%), Соединенное Королевство (2,3%), Германия, Китай, Польша (по 1,5%), Украина (1%).

• Развитый агропромышленный комплекс

На долю области приходится 17,2% республиканской площади земель сельскохозяйственного назначения. По качеству земельных ресурсов область существенно уступает другим регионам республики,

низкий бонитет почв сочетается здесь с высокой завалуненностью, глинистыми почвами, мелкоконтурностью и раздробленностью участков. При более суровых климатических условиях это существенно ограничивает возможности растениеводства. Организована работа по оптимизации землепользования, часть низкоплодородных пахотных земель переводится в естественные угодья, что позволяет увеличить кормовую базу и развивать производство востребованной сельскохозяйственной продукции. Специализацией сельскохозяйственного производства области является молочно-мясное скотоводство с развитым свиноводством, значимое место занимает птицеводство (более 30% республиканских объемов). В республиканском разделении труда Витебская область специализируется на выращивании льна.

Имеющиеся ресурсы достаточны для обеспечения потребностей животноводства в кормах, а населения – в основных продуктах питания. Производственные мощности пищевой промышленности позволяют полностью перерабатывать получаемую сельскохозяйственную продукцию. Активная модернизация, направленная на углубление процессов переработки мясомолочного, овощного и фруктового сырья, увеличение сроков хранения, внедрение новых видов упаковки, обеспечивает конкурентоспособность выпускаемой продукции на внутреннем и внешнем рынках.

• Разнообразные сырьевые ресурсы, пригодные для промышленного использования

В регионе сосредоточено: более одной трети республиканских запасов торфа (1135 млн тонн, 52% из которых находятся в пределах природоохранных зон); почти 100% разведанных запасов доломитов (утвержденные запасы 878 млн тонн с глубиной залегания от 2,5–4,5 до 35–38 м); 14% республиканских запасов строительных песков; 35% разведанных запасов песчано-гравийного материала; 38% балансовых запасов глинистого сырья, в том числе по разрабатываемым запасам – 47%; более 77% республиканских запасов сапропелей. Выявлен также целый ряд источников минеральных вод. Значительным потенциалом обладают лесные ресурсы – 39,5% земельного фонда области занято лесами и кустарниками (1580,3 тыс. га); запас древесины оценен 292,8 млн м³; общие запасы древесины в лесах области составляют порядка 1/5 всех запасов Беларуси.

• Наличие уникальных водных ресурсов и природных ландшафтов

По запасам поверхностных вод область занимает первое место в республике, более 90% ее территории входит в зону Белорусского Поозерья. Количество озер составляет более 1,5 тысяч, или 89% всех озер Беларуси. Уникальные верховые болота региона называют «легкими Европы». На долю Витебской области приходится 22,3% всех особо охраняемых природных территорий республики. В регионе расположена большая часть Березинского биосферного заповедника (Лепельский и Докшицкий районы); Национальный парк «Браславские озера» (Браславский район); 6 ландшафтных, 4 биологических и 11 гидрологических заказников республиканского значения, 60 заказников местного значения, 76 памятников природы республиканского и 166 местного значения. Березинский биосферный заповедник и 2 заказника – Освейский (Верхнедвинский район) и Ельня (Миорский и Шарковщинский районы) имеют международный статус Рамсарских территорий. Значимость рекреационных ресурсов и ландшафтов области повышается благодаря практическому отсутствию на территории региона радиоактивного загрязнения.

• Наличие развитого научно-исследовательского потенциала и системы подготовки кадров, отвечающих структуре социально-экономического комплекса

В регионе функционирует 4 учреждения НАН Беларуси, 11 исследовательских и конструкторских подразделений промышленных организаций, 5 государственных учреждений, обеспечивающих получение высшего образования и ведущих активную научно-исследовательскую деятельность. По широкому спектру направлений создана многоуровневая система подготовки от кадров рабочих специальностей до специалистов высшего звена: ветеринария, швейная, текстильная, обувная промышленность, машиностроение, станкостроение, приборостроение, нефтехимия, энергетика, строительство, информационные технологии, медицина. Учреждения, обеспечивающие подготовку специалистов с высшим образованием, конкурентоспособны на международном рынке образовательных услуг. На территории области осуществляют свою деятельность 2 научно-технологических парка – на базе Витебского государственного технологического университета и Полоцкого государственного университета.

• Высокий уровень системы медицинской помощи, конкурентоспособной на внешнем рынке по ряду направлений (диагностика, гинекология и родовспоможение, кардиология, хирургия вен, знойная хирургия, нейрохирургия, офтальмология, урология, гастроэнтерология, стоматология)

Ряд ведущих медицинских учреждений области оснащены оборудованием мировых лидеров индустрии: Siemens, Karl Storz, Drager, General Electric, Philips, Carl Zeiss, Fujinon, TOMEY. В сочетании с высоким уровнем подготовки кадров это позволяет использовать новейшие медицинские технологии в диагностике и хирургическом лечении. Регион первым в республике создал реестр оказываемых медицинских услуг, получил лицензию и открыл центр медицинского туризма. С 2010 по 2013 год проведенная работа по развитию сферы услуг позволила обеспечить за три года рост экспорта услуг более чем в 2 раза. Эффективность использования вложенных в здравоохранение средств в регионе остается наиболее высокой по республике.

• Конкурентоспособная инфраструктура оздоровления и отдыха

Сеть санаторно-курортных, оздоровительных организаций и организаций отдыха региона включает 112 единиц, или 24,0% всех организаций республики. За период 2005–2013 годов их количество увеличилось в 1,5 раза. На территории Витебской области размещено 8 санаториев (в том числе 1 – детский в Миорском районе), 32 базы отдыха, 66 других оздоровительных и рекреационных организаций. Общая мощность сети санаторно-курортных и оздоровительных организаций на конец 2014 года составляла 6675 койко-мест. Наиболее крупные организации расположены в Лепельском, Полоцком, Витебском, Браславском районах.

По итогам 2013 года санаторно-курортные и оздоровительные организации области признаны лучшими в республике. При этом в целом по области удельный вес путевок, реализованных иностранным гражданам, составил в 2013 году 40,9% от их общего количества. Известность и привлекательность ряда организаций очень высока. Так, в санатории «Лётцы» (Витебский район) иностранцам реализовано 81% путевок, «Лесные озера» (Ушачский район) – 78,8%, «Лесное» (Докшицкий район) – 64,3%, «Лепельский военный санаторий» – 58,7%. По группе организаций оздоровления и отдыха Браславского района на внутреннем и внешнем рынке сформировался устойчивый бренд «Браславские озера».

• Успешный опыт развития сельского туризма

Регион является одним из лидеров республики в данном направлении. В 2013 году в области действовало 502 агроэкоусадьбы, или 23,9% от общего числа по республике. За период с 2009 года их количество в области возросло в 1,8 раза. Наиболее интенсивно сельский туризм развивается в Браславском, Глубокском, Лепельском, Миорском, Полоцком, Поставском, Россонском районах, где сосредоточено 77,7% всех агроусадоб региона.

• Богатое историко-культурное наследие

На территории области находится 931 недвижимый объект культурного наследия, включенный в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, в том числе: 291 архитектурный памятник; 258 памятников истории; 4 – искусства; 374 – археологии; 2 памятника градостроительства (исторические центры г. Витебска и г. Полоцка); 2 заповедных места (место жизни и творчества Янки Купалы в д. Левки Оршанского района, Березинская водная система в Лепельском районе), что составляет 17,6% от общего количества подобных объектов по республике. Область занимает второе место среди регионов страны по количеству музеев (27 единиц, 22 из которых расположены на территории районов).

• Многожанровое фестивальное движение

Целый ряд фестивалей имеют статус международных и более чем 20-летнюю историю их проведения. Традиционными и наиболее значимыми стали: Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске»; Международный Репинский пленер; Международные Шагалоуские дни; Международный музыкальный фестиваль им. И. Соллертинского; Международный фестиваль современной хореографии в г. Витебске; Международный фестиваль органной музыки «Званы Сафіі» и Международный фестиваль старинной и современной камерной музыки в Полоцке; Международный фестиваль народной музыки «Звіняць цымбалы і гармонік» в Поставах. Широко известны региональный фестиваль песни и музыки Поднепровья России, Беларуси и Украины «Дняпроўскія галасы ў Дуброўна», праздник искусств «Дзвіна – Двина – Daugava», фестиваль гитарной музыки «Менестрель» и др.

Таким образом, *имеющиеся природные ресурсы и особенности территории Витебской области обеспечивают благоприятные условия для развития в регионе малой гидроэнергетики, производства и экспорта строительных материалов, лесной и деревоперерабатывающей промышленности, животноводства, льноводства, рыбоводства, перерабатывающих отраслей АПК, развития услуг туризма и отдыха, бальнео- и грязелечения.*

В Витебской области предпринимаются активные усилия по развитию социально-экономического потенциала на основе использования имеющихся конкурентных преимуществ. Ежегодно объем средств, направляемых на инвестиции, составляет по области порядка 20 трлн рублей, из них на модернизацию производств направляется более 7 трлн рублей.

Приоритетными направлениями инвестиционной деятельности области являются: развитие производственной сферы с реализацией инвестиционных проектов с высокой долей наукоемких и ресурсоберегающих технологий; экспортноориентированные и импортозамещающие производства; реконструкция и модернизация предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, обновление парка сельскохозяйственных машин; дальнейшее развитие свободной экономической зоны «Витебск» с ориентацией на создание инновационных производств; оказание содействия иностранным инвесторам в создании новых предприятий и производств; активизация работы по привлечению иностранных кредитных линий; развитие малого предпринимательства; вовлечение в хозяйственный оборот неиспользуемого имущества, находящегося в коммунальной собственности Витебской области.

Наиболее привлекательными для инвесторов являются такие сферы деятельности, как транспорт и логистика, энергетика, строительство и производство строительных материалов, сельское хозяйство, производство продуктов питания, торговля, фармацевтика. Инвесторы приглашаются для обсуждения вариантов использования сельскохозяйственных земель для организации выращивания зерновых культур, льна, рапса, овощей, для закладки садов и ягодников.

Выявление и систематизирование проблемы и угрозы устойчивого развития региона. Ключевой задачей устойчивой жизнедеятельности является удовлетворение возрастающих потребностей населения с наименьшими затратами при сокращении использования невозобновляемых ресурсов и ущерба окружающей среде. Базовые ресурсы, которыми располагает Витебская область, и хозяйственный комплекс, созданный на территории региона, позволяют удовлетворять существующие потребности регионального сообщества в электрической и тепловой энергии, воде, основных продуктах питания. Обеспеченность населения торговым и коммунальным обслуживанием, социальными (здравоохранение, образование, социальное обслуживание) и бытовыми услугами повсеместно соответствует принятым социальным стандартам.

В то же время эффективность использования ресурсов в экономике и жизнеобеспечении недостаточна для устойчивого развития территории. Масштабы и результативность экономической деятельности, характер и территориальная локализация мест приложения труда не позволяют обеспечить необходимый уровень качества жизни населения на всей территории региона. Экономический рост сопровождается увеличением использования невозобновляемых ресурсов и нагрузки на окружающую среду. Основные угрозы устойчивому развитию региона заключаются в следующем:

• **Недостаточные потоки ресурсов, получаемых от экономической деятельности**

Причины:

- высокая энерго- и материалоемкость, недостаточная конкурентоспособность хозяйственного комплекса вследствие малого распространения современных и уникальных производств и технологий;
- отсутствие достаточных внутренних и внешних инвестиционных ресурсов для коренной модернизации производственной базы;
- низкая производственная и технологическая культура, незначительное распространение лучших международных практик в организации производства и бизнес-администрировании;
- низкая инновационная активность и восприимчивость субъектов хозяйствования, предпринимательский потенциал населения и органов государственной власти.

• **Сокращение демографического и трудового потенциала, особенно в малых городских населенных пунктах и сельской местности**

В результате того, что показатели смертности превышают рождаемость, естественная убыль населения в регионе происходит с 1990 года. Сложившаяся половозрастная структура позволяет прогнозировать дальнейшее сокращение населения региона. Ситуация усугубляется миграционным оттоком населения – при положительном внешнем миграционном сальдо область имеет отрицательные результаты по межобластной миграции на протяжении более чем 15-летнего периода.

За 1994–2014 годы абсолютные потери региона вследствие межобластных перемещений составили 36,3 тыс. человек – более 3% к численности на конец периода.

Причины:

- неблагоприятная возрастная структура населения, в которой численность поколений старших возрастов превышает численность поколений, вступающих в детородный и трудоспособный возраст;
- высокие показатели смертности трудоспособного населения, особенно мужчин, главным образом вследствие болезней системы кровообращения, новообразований, внешних причин (отравлений алкоголем, самоубийств, несчастных случаев, связанных с транспортом и др.);
- низкие показатели рождаемости – на протяжении более чем 15-летнего периода суммарный коэффициент рождаемости не превышает 1,6 при критическом значении (2,1–2,3), позволяющем обеспечить простое замещение поколений.
- низкие показатели здоровья детей, подростков и молодежи;
- непривлекательные условия жизни и труда в малых городских населенных пунктах и сельской местности.

• **Неравная доступность материальных благ, торговых, социальных и бытовых услуг, услуг транспорта и связи для населения городской и сельской местности, городов областного подчинения и районов области**

В 2015–2016 годах в 13 районах области размер средней заработной платы составлял менее 85% среднего по области и менее 75,4% среднего по республике. Наименьший уровень заработной платы сложился в Браславском, Ушачском, Шарковщинском и Шумилинском районах, наибольший – в городе Новополоцке (разница между данными регионами и городом составляет более 67%). При значительно большем количестве сельских населенных пунктов плотность автодорог общего пользования на один квадратный километр территории составляет 91% к среднему по республике уровню.

• Значительная зависимость энергетической системы от внешних топливно-энергетических ресурсов

Энергетические мощности превышают внутреннюю потребность региона в электрической энергии в 2,5 раза и на 100% обеспечивают потребность в тепловой энергии. В то же время ключевые объекты энергетической системы, прежде всего Лукомльская ГРЭС, работают на импортируемых ресурсах. Удельный вес импортного топлива в материальных затратах на производство энергии превышает 80%, доля производства первичной энергии в валовом потреблении топливно-энергетических ресурсов (энергетическая самостоятельность региона) составляет 19%.

• Значительные объемы потребления невозобновляемых источников энергии

Удельный вес производства энергии из возобновляемых источников (гелио-, гидро-, ветро-, геотермальная энергетика и т.д.) в общем производстве энергии занимает менее 1%. На территории региона отсутствуют ветро-, гелио-, биогазовые установки, гидростанции на крупных реках региона находятся в начальной стадии строительства (на реке Западная Двина ведется строительство двух гидростанций, в планах – строительство еще двух, а также одной (Оршанской) на реке Днепр.

• Истощение и деградация земель вследствие сельскохозяйственного использования. Рост выбросов в атмосферный воздух от мобильных источников

Выбросы от передвижных источников в течение 2009–2013 годов составляли более половины всех объемов вредных выбросов, попадающих в атмосферный воздух. В расчете на одного жителя в 2013 году их объем был равен 100 кг/чел. (102% к среднему по республике), что на 13,7% больше, чем от стационарных источников.

• Значительное загрязнение атмосферного воздуха стационарными промышленными источниками

В 2013 году количество выбросов в атмосферный воздух составило 226,1 тыс. тонн (в 2005 г. – 230,4 тыс. тонн). В расчете на одного жителя в 2013 году их объем составил 88 кг/чел., или 187% к среднему по республике уровню. При этом не удается достичь стабильной динамики их сокращения.

• Загрязнение поверхностных и грунтовых вод в результате производственной и хозяйственной деятельности

Наибольшую антропогенную нагрузку в пределах области испытывают участки реки Западная Двина ниже городов Новополоцка и Витебска. На протяжении ряда лет сохраняется проблема «аммонийного» загрязнения водных объектов в районе крупных промышленных центров – городов Полоцка, Новополоцка и Верхнедвинска. Грунтовые воды в наибольшей степени подвержены загрязнению, что обусловлено внесением в почву минеральных и органических удобрений. В районах размещения крупных животноводческих комплексов формируются очаги загрязнения грунтовых вод соединениями азота и фосфора. В отбираемых пробах подземных вод для централизованного водоснабжения ряда городских населенных пунктов отмечается повышенное содержание железа, а для Новополоцка – аммиака.

• Интенсивный рост накопления промышленных и коммунальных отходов

В 2013 году объем образовавшихся на территории региона отходов производства увеличился в сравнении с уровнем 2009 года практически в 2 раза, ежегодный объем использования не превышает 76%. Положительной тенденцией является рост объемов частичного использования или удаления ранее накопленных отходов. На протяжении последних 5 лет в сумме с использованными их объем превышал масштабы образования отходов. Объем ежегодного образования твердых коммунальных отходов за 5 лет увеличился на 15,1%, жидких – в 1,6 раза.

Решения существующих проблем ограничены имеющимися ресурсами, сложившейся структурой хозяйства, экологической емкостью территории, возможностью расширения на ней экономической деятельности без нарушения экологического равновесия. Важны роль и место каждого внутреннего административно-территориального образования в едином хозяйственном комплексе региона. Так, в соответствии с принятой в республике Концепцией территориально-поляризованного развития, районы, не относящиеся к промышленно-развитым и удаленные от транспортных коридоров, призваны выполнять роль природного каркаса и уравновешивать нагрузку на окружающую среду со стороны центров экономической активности. Это накладывает дополнительные ограничения на экономическое развитие периферии. Общей закономерностью является также то, что новые производства, бизнес тяготеют, прежде всего, к уже сложившимся промышленным центрам, размещаются вдоль транспортных коридоров. Стратегии, ориентированные на преодоление этих тенденций, являются дорогостоящими и не гарантируют ожидаемых результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ридевский, Г.В. Центр-периферийные процессы и императив устойчивого развития / Г.В. Ридевский // Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации. – Минск : Издат. центр БГУ. – 2012. – С. 120–122.

2. Ридевский, Г.В. Регионализация и расслоение пространства как основные итоги регионополизации в Белоруссии / Г.В. Ридевский // Российская глубинка – модели и методы изучения. – М. : РАН Ин-т географии, 2012. – С. 193–208.
3. Катровский, А.П. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного района / А.П. Катровский, Г.В. Ридевский // Региональные исследования : науч. журн. – 2013. – № 3. – С. 128–136.
4. Ридевский, Г.В. Дифференциация регионов Республики Беларусь по уровню жизни населения и необходимость коренной трансформации региональной политики / Г.В. Ридевский // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 15. – С. 26–37.
5. Об утверждении Программы социально-экономического развития Витебской области на 2016–2020 гг. : Решение Витебского областного Совета депутатов от 06.04.2017 № 191.
6. Стратегия устойчивого развития Витебской области до 2035 г. – Витебск, 123 с.
7. Рязанцев, С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции / С.В. Рязанцев. – Ставрополь : Кн. изд-во, 2001. – 542 с.
8. Регионы Республики Беларусь, 2017.
9. Nickell, S.J. Dynamic Models of Labor Demand [Electronic resource] / S.J. Nickell // Handbook of labor economics ; ed. by C. Orley Ashenfelter and Richard Layard. North-Holland, 2010. – Vol. 1, Part 2. – P. 473–522. – Режим доступа : Mode of access: [https://doi.org/10.1016/s1573-4463\(86\)01012-x](https://doi.org/10.1016/s1573-4463(86)01012-x).
10. Davis, S.J. Gross job flows [Electronic resource] / S.J. Davis, J. Haltiwanger // Handbook of labor economics ; ed. by C. Orley Ashenfelter and Richard Layard. North-Holland, 2010. – Vol. 3. Part B. Ch. 41. – P. 2711–2805. – Mode of access [https://doi.org/10.1016/s1573-4463\(99\)30027-4](https://doi.org/10.1016/s1573-4463(99)30027-4).
11. Ключня, И.В. Сбалансированность рынка труда в Республике Беларусь: методологические и методические основы обеспечения / В.Л. Ключня, И.В. Зенькова. – Новополоцк : Изд-во УО «Полоцкий государственный университет», 2009. – 216 с.

Поступила 12.10.2018

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF VITEBSK REGION: STRENGTHS AND WEAKNESSES

V. ZENKOVA, A. TIVANOVA

This article examines the strengths and weaknesses of the region of research, namely, the Vitebsk region. The problems and threats to the sustainable development of the region have been identified and systematized. Recommendations are given on the elimination of problems and the further development of the region. The most attractive aspects of the Vitebsk region and the improvement of their development and attractiveness for investors are also described in detail.

Keywords: *region, sustainable development, potential, threats of development, industrial potential, agro-industrial complex, natural resources.*

УДК 332.1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

*канд. экон. наук, доц. Е.П. ЛИСИЧЕНОК
(Полоцкий государственный университет)*

Представлено авторское видение сущности категории «потенциал региона». Приведена структура ресурсного потенциала региона, включающая экологический (природно-ресурсный), социальный и экономический потенциал, что позволяет ввести в оборот категорию «социо-эколого-экономический потенциал региона». Рассмотрены составляющие социо-эколого-экономического потенциала региона, представлена их характеристика с позиции отдельных авторов. Предложено авторское определение социо-эколого-экономического потенциала региона. Определен состав показателей, которые могут быть использованы для проведения оценки социо-эколого-экономического потенциала региона, в разрезе его составляющих. Представлены методы, которые могут быть использованы для проведения оценки.

Ключевые слова: *социо-эколого-экономический потенциал региона, конкурентоспособность.*

Оценка социо-эколого-экономического потенциала регионов различного уровня в современных условиях представляет собой важнейшую научно-исследовательскую задачу, имеющую несомненный прикладной характер. Это связано с тем, что в условиях рыночной экономики регион является важным элементом экономических отношений не только в рамках государства, но также и в масштабах мировой экономики. Оценка социо-эколого-экономического потенциала региона дает возможность определить конкурентоспособность региона, что особенно важно в условиях глобализации.

Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на качественных характеристиках потенциала региона, дающих ему преимущество перед другими регионами. Наличие конкурентных преимуществ позволяет регионам эффективно участвовать в конкурентной борьбе.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (НСУР-2030) отмечено, что для выхода на траекторию устойчивого развития каждой стране необходимо ориентироваться на общесистемные принципы, реализовывать определенные императивы и соблюдать критерии, обеспечивающие гармоничное развитие экономики, социальной сферы и окружающей среды в их взаимодействии [1]. Устойчивое развитие страны и ее регионов зависит от их потенциала. В современных условиях ускоренное и качественное развитие региона осуществляется с учетом сильной конкуренции. В качестве конкурентного преимущества выступает потенциал региона. В условиях конкуренции необходимо иметь значительный потенциал, работа по наращиванию которого должна быть постоянной.

Анализ сущности и структуры потенциала регионам позволяет сделать следующие выводы:

- потенциал региона можно рассматривать как совокупность имеющихся у региона ресурсов и возможностей в какой-либо области, которые могут быть использованы для достижения определенных целей его развития;

- чаще всего авторы рассматривают такие виды потенциала, как «социально-экономический потенциал региона» и «экономический потенциал региона»;

- поскольку потенциал, прежде всего, рассматривается как совокупность ресурсов, на наш взгляд, его правомочно определять как ресурсный потенциал региона;

- можно согласиться с тем, что ресурсный потенциал в качестве составляющих включает экологический (природно-ресурсный), социальный и экономический потенциал региона. Это позволяет нам говорить о социо-эколого-экономическом потенциале региона.

Следует отметить, что категория «социо-эколого-экономический потенциал региона» не является новой, о чем свидетельствуют результаты исследований, проводимых различными авторами.

Остановимся на сущности данной категории. Среди ученых, которые серьезно занимаются данной проблемой, следует выделить Е.А. Лосевскую [2; 3].

Под *социо-эколого-экономическим потенциалом* территории муниципального образования Е.А. Лосевская понимает совокупность потенциалов, осуществляющих производственную деятельность, инновационные моменты, инвестиции, развитие инфраструктуры, удовлетворяющее запросы населения, а также поддержание экологического баланса.

Представляется, что сущность социо-эколого-экономического потенциала региона необходимо определять с учетом его составляющих:

- *социальный потенциал региона*

Изучая категорию «социальный потенциал региона», Т.Ф. Файзуллин отмечает следующее [4]:

- в «Социологической энциклопедии» социальный потенциал определяется как «интегральное понятие, характеризующее возможности государства, фирм, общественных организаций, объединений,

личности, групп населения, отраслей хозяйства, регионов, различных сфер жизнедеятельности и общества в целом в решении перспективных задач социального развития»;

- Г.И. Плясуля предлагает социальный потенциал рассматривать как способность системы к самоорганизации;

- по мнению А.А. Дрегало и В.И. Ульяновского, социальный потенциал представляет собой «совокупность имеющихся ресурсов общества для достижения поставленной или заданной цели».

По нашему мнению, *социальный потенциал* следует рассматривать как систему элементов, непосредственно формирующих социальную активность и возможности в получении социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия.

Представляется, что *социальный потенциал региона* можно охарактеризовать как совокупность возможностей и способностей населения территориального образования, сформированную за счет использования региональных социальных ресурсов, а также сами региональные социальные ресурсы.

Экологический потенциал региона

Как показал анализ, многие авторы, в том числе белорусские, рассматривают экологический потенциал как совокупность всех видов природных ресурсов (земельные ресурсы, водные ресурсы, воздух, минерально-сырьевые ресурсы). На наш взгляд, не менее важным является создание в регионе условий для сохранения и укрепления имеющего природно-ресурсного потенциала, т.е. возможности региональных органов власти и управления, общественных организаций по обеспечению условий, направленных на сохранение имеющегося природно-ресурсного потенциала.

Поэтому, как нам представляется, *экологический потенциал региона* – это совокупность имеющихся в регионе ресурсов, доступных к использованию, а также возможности и условия их сохранения и эффективного использования.

Экономический потенциал региона

Отдельные трактовки понятия «экономический потенциал региона» приведены в таблице.

Подходы авторов к определению сущности категории «экономический потенциал региона»

Автор, источник	Сущность
Любимова М.В. Нестеров В.П. Дмитриева В.С., [5]	Под <i>экономическим потенциалом</i> региона понимается совокупная способность экономики региона, ее отраслей, предприятий, хозяйств осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления. Экономический потенциал региона определяется природными ресурсами региона, средствами производства, трудовым и научно-техническим потенциалом, накопленным в регионе
Донцов С.С. Сулейманова А.И. [6]	<i>Экономический потенциал</i> следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле экономический потенциал – это совокупность овеществленного и живого труда, а также научно-технических знаний. Однако общественное развитие определяется не только этими показателями, но и наличием природных ресурсов (полезных ископаемых, как источника минерального сырья, лесных массивов, водных ресурсов и другие)
Калимуллина И.М. Цит.: по [7]	Под <i>экономическим потенциалом</i> региона подразумевается вся совокупность ресурсов, которые максимально возможно использовать для обеспечения определенного уровня организации конкретной хозяйственной деятельности в целях повышения уровня и качества жизни населения

Источник: составлено автором на основе изучения экономической литературы.

По нашему мнению, *экономический потенциал региона* можно рассматривать как способность региона за счет использования собственных ресурсов территориального образования обеспечить достижение в территориальных границах устойчивого экономического роста и развития.

Таким образом, обобщив всё вышесказанное, можно предложить следующее определение социо-эколого-экономического потенциала региона.

Социо-эколого-экономический потенциал региона – это совокупность ресурсов региона (природных, социальных, трудовых и т.д.), а также возможностей и условий, создаваемых в регионе для их сохранения, развития и эффективного использования.

Составляющие социо-эколого-экономического потенциала региона представлены на рисунке.

Нами был рассмотрен ряд методов оценки потенциала региона, среди которых:

- метод относительных разностей;
- метод «Паттерн»;
- метод суммы мест;
- метод ранжирования, метод многомерного сравнительного анализа;
- балльный метод; метод экспертных оценок.

Представляется, что наиболее эффективными методами оценки социо-эколого-экономического потенциала региона являются метод многомерного сравнительного анализа и метод ранжирования.

Структура социо-эколого-экономического потенциала региона

Источник: собственная разработка.

Далее определим состав показателей, которые могут быть использованы для проведения оценки.

В составе экологических индикаторов, отмечает В.И. Борисевич [7, с. 240], можно выделить такие, как антропогенная нагрузка на территорию, уровень выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, состояние поверхностных водоемов и запасов сточных вод.

К экологическим индикаторам Н.С. Сорокина [8, с. 225] относит: уровень природно-ресурсного потенциала; общий уровень загрязнений на единицу валового регионального продукта; природный капитал.

Обратим внимание на социальную составляющую потенциала региона.

К данной группе показателей Н.С. Сорокина [8, с. 224] относит следующие: коэффициент естественного прироста населения; ожидаемую продолжительность жизни при рождении; индикативный показатель здоровья населения; число зарегистрированных преступлений (на душу населения); уровень образования и квалификации населения; когнитивный показатель; социально-психологический потенциал.

Также уровень социального развития характеризуют такие параметры, как: доля занятых в сфере общественного и личного труда; численность безработных; численность безработных на одно вакантное место; индекс человеческого развития (ИЧР) и др. При этом индекс человеческого развития является обобщающим показателем уровня социального развития региона.

К социальным индикаторам В.И. Борисевич [7, с. 240] относит: уровень безработицы и занятости в регионе; динамику номинальных и реальных доходов; структуру доходов и расходов; соотношение среднемесячного дохода и прожиточного минимума; потребление материальных благ и услуг; уровень развития инфраструктуры.

Что касается экономических индикаторов, то их спектр весьма широк. По мнению Н.С. Сорокиной сюда включаются: валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения; объем инвестиций в основной капитал; налоговый потенциал региона; объем внешнеторгового оборота на душу населения; финансовая обеспеченность региона (с учетом паритета покупательной способности) на душу населения; соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума; суммарный оборот розничной торговли, общественного питания и платных услуг в расчете (с учетом паритета покупательной способности) на душу населения; основные средства по видам экономической деятельности [8, с. 224].

В целом, как показал анализ, состав экономических индикаторов, выделяемых различными авторами, достаточно однороден. Основным ограничением при подборе показателей для проведения оценки социо-эколого-экономического потенциала в нашем исследовании является имеющаяся статистическая база, поскольку информация по регионам (районам) носит достаточно ограниченный характер. Исходя из этого, нами сформирована система показателей оценки социо-эколого-экономического потенциала, представленная ниже.

Экологические индикаторы:

- объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников;
- сброс воды;
- объем образования отходов производства в организациях;
- природно-ресурсный потенциал (лесистость территории; крупные водохранилища).

Социальные индикаторы:

- номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников;

- реальная заработная плата работников (в процентах к предыдущему году);
- обеспеченность населения жильем (на конец года; квадратных метров общей площади на одного жителя);
- уровень зарегистрированной безработицы (в процентах);
- число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения.

Экономические индикаторы:

- индексы промышленного производства (в процентах к предыдущему году; в сопоставимых ценах);
- индексы производства продукции сельского хозяйства в сельскохозяйственных организациях (в процентах к предыдущему году; в сопоставимых ценах);
- индексы объема подрядных работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» (в процентах к предыдущему году; в сопоставимых ценах);
- розничный товарооборот на душу населения (тысяч рублей; в фактически действовавших ценах);
- рентабельность продаж (в процентах);
- индексы инвестиций в основной капитал (в процентах к предыдущему году; в сопоставимых ценах);
- поступление иностранных инвестиций в реальный сектор экономики (тысяч долларов США);
- удельный вес района в областном обороте внешней торговли товарами (в процентах).

Важным моментом при оценке потенциала региона является выявление не только тех факторов, которые обеспечивают очевидные преимущества, т.е. сильных сторон территории, но и факторов, снижающих привлекательность региона, т.е. его слабых сторон. Таким образом, оценка потенциала, проведенная на основе предлагаемых автором методов и системы показателей, позволит выявить как факторы, формирующие конкурентные преимущества региона, так и факторы, ослабляющие его позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (НСУР-2030) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: srrb.niks.by/info/program.pdf. – Дата доступа: 08.10.2018.
2. Лосевская, Е.А. Сущность эколого-социо-экономического потенциала территориальных образований / Е.А. Лосевская // Экономическая наука и практика : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). – Чита : Изд-во Молодой ученый, 2013. – С. 8–10.
3. Лосевская, Е.А. Социо-эколого-экономическая оценка формирования и развития территории муниципальных образований (на примере Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Е.А. Лосевская. – Ростов н/Д, 2014. – 22 с.
4. Файзуллин, Т.Ф. Определение сущности и содержания социального потенциала региона / Т.Ф. Файзуллин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 6 (56), ч. I. – С. 191–194.
5. Любимова, М.В. Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона / М.В. Любимова, В.П. Нестеров, В.С. Дмитриева // Потенциал региона. – 2007. – № 4. – С. 13–24.
6. Донцов, С.С. Основные понятия и теоретические основы определения экономического потенциала региона / С.С. Донцов, А.И. Сулейманова // Вестн. Павлодар. гос. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 98–106.
7. Борисевич, В.И. Экономика региона : учеб. пособие / В.И. Борисевич, П.С. Гейзлер, В.С. Фатеев. – Минск : БГЭУ, 2002. – 432 с.
8. Сорокина, Н.С. Система индикаторов устойчивого сбалансированного развития региона / Н.С. Сорокина // Ползуновский альманах. – 2011. – № 4/2. – С. 224–228.

Поступила 10.10.2018

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF ECOLOGICAL AND SOCIO-ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGION

E. LISICHENOK

The author's vision of the category "potential of the region" is presented in the article. The structure of the region's resource potential including the ecological (natural resource), social and economic potential is given. This allows us to use the category of "socio-ecological-economic potential of the region". The components of the region's socio-ecological-economic potential are considered. Their characteristic is presented from the point of view of the authors. The author's definition of the region's socio-ecological-economic potential is proposed in the article. The composition of the indicators that can be used to assess region's socio-ecological-economic potential in the context of its components is defined. Methods which can be used for evaluation are presented.

Keywords: *socio-ecological and economic potential of the region, competitiveness.*

УДК 658.5

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

д-р экон. наук, проф. В.Л. КЛЮНЯ
(Белорусский государственный университет, Минск);
канд. экон. наук М.В. БАРАКУЛИНА
(Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина)

Рассматриваются особенности предприятий, относящихся к субъектам малого предпринимательства в Республике Беларусь, в том числе количественные и качественные характеристики. Определена специфика реализации функции управления персоналом на малых предприятиях в сравнении с крупным бизнесом. Подчеркивается, что решение проблемы ограниченной или неэффективной реализации управленческих функций в сфере управления персоналом лежит в плоскости совершенствования управляющей подсистемы управления персоналом. Проводимые исследования практики управления персоналом на предприятиях малого бизнеса позволили выделить подходы к формированию системы управления персоналом на малых предприятиях. Построение системы управления персоналом на исследуемых предприятиях должно ориентироваться на обеспечение их организационной гибкости, применение современных управленческих технологий и базироваться на процессном подходе.

Ключевые слова: управление персоналом, субъекты малого предпринимательства, численность персонала, оптимизация структуры управления.

Введение. Процессы, связанные с развитием экономики страны приводят к изменению условий хозяйственной деятельности предприятий. Вовлечение экономики Республики Беларусь в систему мировых хозяйственных связей, отказ от широкого государственного вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов, конкуренция ставят предприятия перед необходимостью реформирования собственных систем управления, которые должны быть способны отвечать новым вызовам внешней среды. К таким системам традиционно относят и систему управления, которая при всей своей сложности и многоаспектности требует не только творческого, но и организационно-экономического подхода. Одной из подсистем системы управления предприятием, наиболее активно воздействующей на экономику организации и одновременно являющейся наиболее сложной в управлении, выступает система управления персоналом.

Система управления персоналом призвана обеспечить эффективную реализацию всех специальных и основных функций управления, и именно от ее состояния во многом зависит эффективность развития предприятия – персонал, выступая одновременно и объектом, и субъектом управления, обладает не только производительностью, но и созидательной способностью. Таким образом, система управления персоналом выступает тем элементом, который позволяет предприятию эффективно функционировать и развиваться. Состояние системы управления персоналом влияет на структуру и величину затрат предприятия, объем производства и реализации продукции (работ, услуг) и, как следствие, на размер конечных финансовых результатов (прибыли) и рентабельность.

И если крупные организации, обладающие большим ресурсным, кадровым, финансовым потенциалом, способны самостоятельно решать сложные управленческие задачи, то субъекты малого предпринимательства в силу объективных причин не всегда обладают такими возможностями. В представляемой работе будут рассмотрены направления оптимизации системы управления персоналом в организациях, являющихся субъектами малого предпринимательства.

Понятие и особенности субъектов малого предпринимательства

Малый бизнес традиционно играет важную роль в экономике большинства стран. Следует учитывать при этом, что понятия «малое» и «крупное» предпринимательство содержат количественную характеристику организации. Использование количественных характеристик требует определения показателей и их размерности. В связи с этим законодательно в большинстве государств определено, при каких условиях та или иная организация будет относиться к малому предпринимательству. Традиционно такими критериями выступают совокупные активы организации, величина собственного капитала, ежегодная выручка и численность работников. Последний критерий наиболее предпочтителен, поскольку обладает такими характеристиками, как инфляционная устойчивость, прозрачность, сопоставимость и доступность.

В Республике Беларусь критерии отнесения субъектов к категории малых периодически изменялись. Так, до 2010 года к малому бизнесу относились вновь создаваемые и действующие предприятия со следующей численностью работающих:

- в промышленности и на транспорте – до 100 человек;

- в сельском хозяйстве и научно-технической сфере – до 60 человек;
- в строительстве и оптовой торговле – до 50 человек;
- в других отраслях производственной сферы, общественного питания, бытовом обслуживании населения и розничной торговле – до 30 человек;
- в других отраслях непроизводственной сферы – до 25 человек.

В настоящее время в Республике Беларусь в соответствии с Законом о поддержке малого и среднего предпринимательства, принятым Палатой представителей 26 мая 2010 года, «к субъектам малого предпринимательства относятся:

- индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь;
- микроорганизации – зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 15 человек включительно;
- малые организации – зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 16 до 100 человек включительно» [1].

Количественные характеристики субъектов малого предпринимательства определяют те специфические черты, которые отличают их менеджмент от менеджмента крупных предприятий. Многими учеными проводился анализ специфических черт малых предприятий, среди которых можно выделить «Каталог признаков отличия малых предприятий от больших», составленный немецкими учёными Г. Пфолем и Б. Келлервесселем, которые выделяют следующие *особенности малого бизнеса*:

- управление предприятием осуществляет собственник – предприниматель с неглубокими знаниями по менеджменту, непосредственно участвующий в производственных делах; решения принимаются часто интуитивно;
- на предприятии, как правило, слабо развито планирование;
- управляющие чаще имеют технически-ориентированное образование;
- персональное, а не функциональное разделение труда;
- характерен высокий уровень концентрации функций управления;
- практически отсутствует возможность замены персонала;
- формирование структурных подразделений в большинстве случаев исключено;
- от работников требуются широкие профессиональные знания;
- между руководством и сотрудниками преобладают тесные, неофициальные контакты.

Все вышеперечисленные особенности оказывают неоднозначное влияние на систему менеджмента на предприятиях малого бизнеса, так как имеют свои положительные и отрицательные стороны. Поэтому, формируя свою систему управления персоналом, малое предприятие должно учитывать эти специфические черты и стремиться использовать преимущества, нейтрализуя при этом недостатки.

Особенности системы управления персоналом на предприятиях малого бизнеса

Определяя особенности системы управления персоналом на малых предприятиях, необходимо выделить основные функциональные блоки управления персоналом, к которым применительно к небольшим организациям традиционно относят:

Определение потребности в персонале. Планирование качественной и количественной потребности в персонале.

Обеспечение персоналом. Получение и анализ информации в области персонала, отбор персонала.

Оценка персонала. Установление соответствия качественных характеристик персонала требованиям должности или рабочего места.

Развитие персонала. Планирование и реализация карьеры, перемещений персонала, организация обучения персонала.

Использование персонала. Определение содержания и результатов труда, адаптация персонала, обеспечение безопасности труда, высвобождение персонала и т.д.

Мотивация персонала. Управление содержанием и процессом мотивации поведения работника. Использование побудительных систем.

Управление поведением персонала. Управление конфликтами и стрессами.

Правовое и информационное обеспечение. Правовое регулирование трудовых отношений. Учёт и статистика персонала. Разработка кадровой политики. Информирование персонала.

Выполнение означенных функций на крупных и средних по размерам предприятиях осуществляет служба управления персоналом. Однако у субъектов малого предпринимательства, как было отмечено выше, возможность формирования отдельного структурного подразделения для решения кадровых вопросов отсутствует. В целом формирование организационной структуры системы управления персоналом на малом предприятии осуществляется с учётом следующих факторов:

- общая численность работников организации;

- конкретные условия и характерные особенности организации, связанные со сферой её деятельности;
- социальная характеристика организации, структурный состав её работников, их квалификация;
- сложность и комплексность решаемых задач по управлению персоналом;
- техническое обеспечение управленческого труда и др.

Особенности малых предприятий, главным образом их размеры, определяют вид организационной структуры системы управления персоналом. Варианты организационных структур могут зависеть от возможностей предприятия (в первую очередь финансовых) сформировать то или иное подразделение. Кроме того, здесь важную роль играет достигнутый методический, кадровый потенциал, который влияет на степень участия внешних консультативных фирм в реализации той или иной целевой задачи.

Поскольку суммарная трудоёмкость функций управления персоналом на малых предприятиях незначительна (по сравнению с крупным предприятием), то выполнение отдельных задач по управлению персоналом целесообразно поручать конкретному специалисту, а не подразделению. Ряд функций могут быть переданы на аутсорсинг; целесообразно активно использовать возможности консалтинга.

Анализ практики функционирования малых предприятий Бреста позволил выявить качества персонала, которые руководители малых предприятий считают наиболее значимыми для эффективного функционирования последних. Результаты сравнительной оценки представлены в таблице.

Наиболее значимые характеристики персонала на предприятиях малого бизнеса города Бреста *

Характеристика	Количество руководителей отметивших характеристику как наиболее значимую (в %)	
	2007 г.	2017 г.
Одаренность: интеллект, талант и т.д.	16,7	15,9
Социальные способности: способность к контактам, способность к управлению конфликтами, способность работать в группе и т.д.	91,7	93,8
Мотивация: готовность идти на риск и т.д.	25	24,8
Свойства личности: эмоциональная стабильность и т.д.	33,3	41,4
Профессиональные способности и знания	83,3	78,5
Профессиональный опыт	33,3	45,4
*Респонденты могли выбрать не более одного варианта ответа.		

Как видно из таблицы за анализируемый период произошли определенные изменения в требованиях, предъявляемых к работникам малых предприятий со стороны их руководителей. Все большее значение приобретают социальные способности работников (93,8%), определенные свойства личности (41,4%). В то же время значение профессиональных компетенций несколько снижается (на 4,8%). Во многом это объясняется возрастанием темпа ведения бизнеса, а также высокой скоростью происходящих изменений во внутренней и внешней среде. В настоящее время период устаревания знаний сокращается. Намного важнее наличие у работника способности получать и применять новые знания, чем сами стартовые знания, с которыми он пришел на предприятие.

На современном этапе руководители организаций, относящихся к субъектам малого предпринимательства, осознают необходимость формирования работоспособного трудового коллектива, который можно было бы определить как команду единомышленников. Как отмечают руководители предприятий, кандидат должен обладать определенным менталитетом, внутренней культурой, подразумевающей желание работать, интуицию, умение принимать самостоятельные решения. Наряду с этим неизменным остается тот факт, что при возрастании требований к работникам малые предприятия ограничены в возможности финансирования своих кадровых программ. Данное положение обусловлено особенностями малого бизнеса, среди которых одним из ключевых выступает ограниченность самофинансирования и доступа к финансовым ресурсам, как фондового рынка, так и банковской системы.

Предлагаемая концептуальная модель системы управления персоналом должна, на наш взгляд, включать следующие элементы управляющей подсистемы системы управления персоналом на предприятиях малого бизнеса: принятие решений, контроль, учет, планирование, анализ и оценку, корректировку, мотивацию. Эти основные функции управления должны выполняться в системе управления персоналом

вне зависимости от размеров предприятия. Одновременно существуют особенности в реализации функций управления персоналом на предприятиях различных масштабов деятельности.

Специфика функционирования крупного предприятия предполагает концентрацию в высшем звене управления (ВЗУ) функций принятия решения и контроля в сфере управления персоналом и стратегических аспектов управления персоналом. Реализация остальных функций управления может быть делегирована производственным и функциональным подразделениям предприятия. Высшее звено управления среднего предприятия концентрирует свои усилия на реализации функций принятия решения, контроля, а также учета и планирования. Таким образом, охватываются стратегический и тактический уровни управления персоналом. На малом предприятии руководитель концентрирует реализацию всех управленческих функций, в том числе в сфере управления персоналом: принятие решений, контроль, учет, планирование, анализ и оценка, корректировка, стимулирование. Охватываются все три уровня функционирования предприятия. Такая ситуация складывается вследствие отсутствия у ВЗУ малого предприятия возможности делегировать реализацию функций управления персоналом на нижние уровни (последние могут отсутствовать).

В практике хозяйственной деятельности малые предприятия постепенно трансформируют свою организационную структуру от линейной к линейно-функциональной. Однако при таком построении структуры присутствует нарушение норм управляемости, что не способствует эффективному использованию ресурсов предприятия. Так, на предприятии с численностью 60 человек численность административно-управленческого персонала составляет в среднем 10 человек. Следовательно, значение коэффициента управляемости составляет $1/6$, для предприятия с численностью 100 человек соотношение в среднем составляет $1/9$. Данная ситуация не может рассматриваться как оптимальная и ведет к неэффективному использованию ресурсов предприятия, в том числе и затрат на персонал. Однако даже при такой структуре у руководителя отсутствует возможность делегировать реализацию функции управления персоналом.

Исследования особенностей функционирования предприятий различных размеров демонстрируют, что на одного работника аппарата управления крупного, среднего и малого предприятия приходится неодинаковые затраты труда, обеспечивающие равную его эффективность. Таким образом, специфика системы управления персоналом малого предприятия требует выработки методологии реализации функций управления персоналом, позволяющей при имеющихся общих особенностях субъектов малого предпринимательства достичь максимально возможной эффективности реализации данных функций. В данном случае возникает ключевой вопрос: способно ли высшее руководство самостоятельно или с помощью консультантов решить задачи в сфере управления персоналом?

Подходы к формированию системы управления персоналом на предприятиях-субъектах малого предпринимательства

Практика функционирования малых предприятий показывает, что одной из ключевых задач, требующих решения, выступает поддержание максимально возможной эффективности в условиях ресурсных ограничений, в том числе и по численности занятых. При этом последнее не только продиктовано требованиями законодательства, но в большей степени определяется самой сутью малого бизнеса. Такие ограничения, с одной стороны, ставят субъекты малого предпринимательства в менее выгодное положение по отношению к более крупным и стабильно функционирующим конкурентам, а с другой – дает им целый ряд преимуществ, среди которых можно выделить гибкость, скорость принятия решения и т.д.

Именно малые предприятия, в конечном итоге, становятся «проводниками» новых управленческих технологий, в том числе создания виртуальных организационных структур (так называемых «виртуальных офисов»).

Важнейшим направлением работы с персоналом на малых предприятиях была и остается его численная адаптация. Персонал не только выполняет конкретную работу и обладает определенными созидательными способностями, но и влияет на величину расходов предприятия. Он играет ключевую роль в повышении производительности, росте эффективности деятельности организации, поскольку персонал сам по себе обладает определенной производительностью, а также по причине того, что именно персонал выступает носителем инноваций.

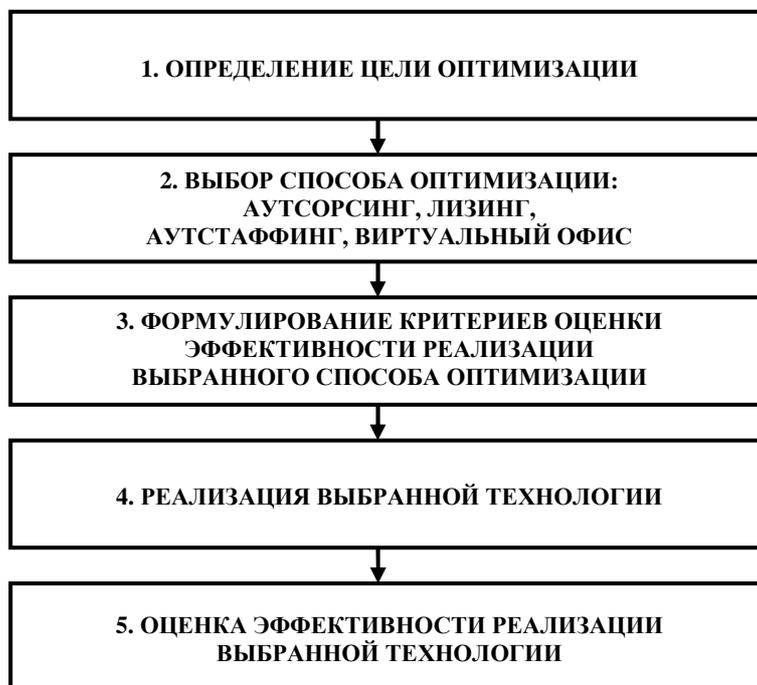
Таким образом, для малых предприятий особенно актуальным является определение необходимой и достаточной численности персонала для реализации всех бизнес-процессов, с учетом использования современных альтернатив найму дополнительных работников.

Задача выбора оптимальной численности работников на малом предприятии может решаться как с помощью методологии математического программирования, так и с использованием нормативного метода. При этом в основе должно лежать не только описание рабочих мест, но и использование процессного подхода в менеджменте [2].

Описание бизнес-процессов позволяет проводить их ранжирование по установленному критерию. В качестве последнего может рассматриваться: значимость, затраты на реализацию процесса, сезонность,

способность организации самостоятельно эффективно реализовать процесс. Именно использование процессного подхода позволяет четко устанавливать, какие процессы можно передать сторонним организациям, от каких процессов следует в принципе отказаться, а какие должны быть оптимизированы.

В целом технология оптимизации численности и структуры управления на малом предприятии может быть представлена таким образом, как показано на рисунке.

**Технология оптимизации организационной структуры
и численности персоналом на малом предприятии**

Таким образом, система управления персоналом малого предприятия будет базироваться на следующих основополагающих подходах:

1) *использование системы описания всех бизнес-процессов* (управленческих, производственных, обслуживающих);

2) *применение ранжирования процессов с целью:*

- определения процессов, требующих передачи на аутсорсинг или лизинг;
- определения процессов, реализация которых возможна удаленно и не требует создания рабочего места в офисе (виртуальный офис);
- определения процессов, реализация которых возможна только непосредственно на предприятии [3].

Построение оптимальной управленческой модели (в нашем случае системы управления персоналом) на малых предприятиях с использованием вышеназванных подходов будет способствовать повышению их организационной и финансовой гибкости, а также рыночной мобильности.

Именно переход к гибким управленческим структурам и технологиям позволит, по нашему мнению, воздействовать на причину неэффективного менеджмента, которая кроется в функционировании управляющей подсистемы. Такой переход позволит при сохранении (а в некоторых случаях и сокращении) трудоемкости реализации управленческих функций, получать необходимую результативность субъекту малого предпринимательства.

Заключение

Ограничения по численности, накладываемые на малое предприятие, не позволяют последнему формировать такое структурное подразделение, как служба управления персоналом. Однако важность выполнения кадровой функции на малом предприятии достаточно велика. Следовательно, возникает проблема, связанная с ограниченным выполнением функций управления персоналом на предприятиях, относящихся к субъектам малого предпринимательства, что ведет к снижению эффективности как управления персоналом, так и функционирования предприятий в целом.

Рекомендуемые многими отечественными и зарубежными авторами направления совершенствования, связанные с командным строительством, развитием коллектива предприятия, управлением груп-

повой динамикой, воздействуют уже на следствие, а не на причину того состояния, в котором находится система управления персоналом на малом предприятии. Поэтому формирование эффективной системы управления персоналом должно осуществляться через планомерное воздействие на управляющую подсистему. Именно данный подход позволит субъектам малого предпринимательства реализовать управленческие функции с максимально возможной эффективностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. О поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства : Закон Респ. Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Варакулина, М.В. Инновационные технологии управления персоналом и необходимость их применения в организациях жилищно-коммунального хозяйства / М.В. Варакулина // Веснік Брэсцкага ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2011. – № 2. – С. 72–80.
3. Варакулина, М.В. Оптимизация численности персонала как ключевой фактор обеспечения эффективности деятельности субъектов малого предпринимательства // Актуальные проблемы национальной экономики : сб. материалов региональной науч.-практ. конф., Брест, 22 марта 2017 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; под общ. ред. Т.С. Силук. – Брест : БрГУ, 2017. – С. 98–100.

Поступила 15.10.2018

DEVELOPMENT OF PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM IN ENTERPRISES RELATING TO SMALL BUSINESS: ORGANIZATIONAL AND FUNCTIONAL ASPECTS

V. KLIUNYA, M. VARAKULINA

The peculiarities of enterprises related to small business entities in the Republic of Belarus, including quantitative and qualitative characteristics, are considered. The authors determine the specifics of the implementation of the function of personnel management in small enterprises in comparison with large businesses. It is emphasized that solving the problem of limited or ineffective implementation of management functions in the field of personnel management lies in the plane of improving the management subsystem of personnel management. The research conducted by the authors of the article on the practice of personnel management at small business enterprises made it possible to identify approaches to the formation of a personnel management system at small enterprises. The construction of a personnel management system at the enterprises under study should be oriented towards ensuring their organizational flexibility, application of modern management technologies and based on the process approach.

Keywords: *human resource management, small business entities, number of staff, optimization of structure of management.*

УДК 331.108

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ФОРМАТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

*канд. экон. наук, доц. Н.Л. БЕЛОРУСОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Во второй половине XX века человечество вступило в эпоху глобальных перемен – перешло к своей следующей стадии развития – информационному обществу. Сегодня информация является ключевым фактором в экономике в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости. В этой связи современный изменяющийся мир требует новых подходов в управлении различными аспектами жизни общества. Меняется платформа, на базе которой формируются как сферы деятельности, так и отношения в обществе. Перевод экономики на новый качественный уровень развития занимает одно из центральных мест в освоении не сырьевой модели роста, а модели базирующейся на принципах цифровой экономики, основу которых составляют инновации. Поскольку цифровая экономика затронет не только сферы материального производства, но и социальную сферу, особая роль в цифровой экономике отводится человеческому капиталу и его трансформации в современном обществе.

Ключевые слова: *человеческий капитал, информационное общество, цифровые технологии, цифровая экономика.*

Стремительное развитие экономических процессов, изменение их сути требует новых подходов для их реализации. Одним из таких направлений может стать формирование и дальнейшее развитие цифровой экономики на основе компьютеризации и высоких технологий. Эти технологии порождают новые рыночные возможности и имеют серьезные экономические последствия в широком диапазоне секторов.

Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

«Цифровая» (электронная) экономика – это экономика, существующая в условиях гибридного мира. Гибридный мир – это результат слияния реального и виртуального миров, отличающийся возможностью совершения всех «жизненно необходимых» действий в реальном мире через виртуальный [1].

Развитию цифровой экономики предшествовали и способствовали развитие и появление глобальной сети Интернет, развитие телекоммуникационных технологий и средств связи, массовое появление виртуальных товаров, электронных денежных средств и многое другое.

Цифровую экономику представляют три уровня [2]:

- рынки и отрасли экономики, где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов;
- платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики;
- нормативное регулирование, информационная инфраструктура, персонал и информационная безопасность.

Цифровая экономика стремительно развивается в глобальных масштабах. Она является важнейшим двигателем инноваций, конкурентоспособности и экономического роста в мире. Организации, принцип работы которых базируется на цифровых технологиях, являются точками экономического роста в своем регионе, стране.

Цифровая экономика служит базой развития в целом и оказывает воздействие на разнообразные отрасли, среди которых банковская, розничная торговля, транспорт, энергетика, образование, здравоохранение и др. Цифровые технологии, такие как интернет вещей (IoT), большие данные (big data), использование мобильных устройств и девайсов, преобразуют способы социального взаимодействия, экономические отношения, институты. Появляются новые способы кооперации и координации экономических агентов для совместного решения определенных задач (sharing economy).

Большинство развитых стран, таких как США, Канада, Япония, Германия, продвигают цифровую экономику в своем обществе в качестве стратегической цели на ближайшие десятилетия. К числу стран, входящих в «Топ-10 стран» с наиболее развитой цифровой экономикой, относят Норвегию, Швецию, Швейцарию, Данию, Финляндию, Сингапур, Южную Корею, Великобританию, Гонконг и США. И не случайно практически все эти страны возглавляют мировой рейтинг и являются «счастливыми странами».

Заслуживает внимания опыт европейских стран по развитию цифровой экономики. Одним из таких примеров является создание **DigitalSingleMarketStrategy** – стратегии Единого Цифрового рынка (DSM) в Европе. Стратегия DSM направлена на максимизацию потенциала роста европейской цифровой эконо-

мики. Это должно позволить каждому европейцу в полной мере воспользоваться своими преимуществами, в частности, путем повышения уровня цифровых навыков, которые необходимы для всеобъемлющего цифрового общества.

В рамках указанной стратегии разработаны три основных направления, которые позволят реализовать ее принципы:

- 1) лучший доступ для потребителей и предприятий к цифровым товарам и услугам по всей Европе;
- 2) создание законодательных условий для цифровых сетей и инновационных услуг, способствующих повышению благосостояния граждан и процветанию экономики;
- 3) максимизация потенциала роста цифровой экономики.

Уровень развития цифровой экономики можно оценить с помощью системы индикаторов, отражающих следующие показатели:

- уровень развития высокотехнологичного сектора экономики, его удельный вес в продукции обрабатывающей промышленности и услугах;
- инвестиции в научные разработки, разработку программного обеспечения, расходы на образование и дополнительную переподготовку;
- разработку и выпуск информационно-коммуникационного оборудования;
- создание рабочих мест в сфере науки и высоких технологий;
- показатели кооперации между корпорациями, венчурными фирмами, университетами и научно-исследовательскими организациями;
- международные потоки знаний, международное сотрудничество в области науки и инноваций;
- мобильность ученых, инженеров, студентов;
- динамику распространения интернета;
- долю высокотехнологичной продукции в международной торговле.

Всеобъемлющее развитие цифровых технологий должно стать движущей силой инноваций и для экономики Республики Беларусь, обеспечивая тем самым глобальную конкурентоспособность национальной экономики и национальную безопасность страны.

В Республике Беларусь, стране с хорошо развитой IT-сферой, развитие цифровой экономики станет приоритетной стратегией развития на ближайшую перспективу.

В настоящее время в республике принят Декрет о развитии цифровой экономики, который будет стимулировать развитие новых видов деятельности резидентов, создаст условия для успешного развития продуктивных IT-компаний, обеспечит легализацию криптовалют и смарт-контрактов. Принята Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, целью которой является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства. Программа включает три основные подпрограммы развития цифровой экономики:

- 1) информационно-коммуникационную инфраструктуру;
- 2) инфраструктуру информатизации;
- 3) цифровую трансформацию.

Главными задачами для реализации этой программы выступают: быстрое развитие высокотехнологичных производств и услуг; формирование благоприятной бизнес-среды; рост экспорта как одна из важнейших задач.

С целью консолидации усилий по развитию цифрового рынка и цифровых бизнесов Беларуси создана Конфедерация Цифрового Бизнеса, целью которой является содействие развитию цифрового рынка и цифровых бизнесов; содействие созданию инфраструктуры, необходимой для развития цифрового бизнеса; обеспечение перехода на современные информационно-коммуникационные технологии ведения бизнес-процессов и вовлечение в этот процесс субъектов хозяйствования; организация эффективного взаимодействия между государственными органами и национальным бизнесом при реализации комплексных проектов в сфере информатизации.

Особая роль в развитии цифровой экономики, на наш взгляд, отводится человеческому капиталу. Формируется новая общественно-экономическая парадигма, где базовым процессом является уже производство не товаров, а знаний. И мы должны думать об «оцифровке» человека, т.е. об обучении людей цифровым технологиям и развитии интеллектуального потенциала.

В формате цифровой экономики объектом исследования, анализа и прогнозирования должен стать не только интеллектуальный капитал организаций, но и человеческий потенциал, к которому будут предъявляться принципиально новые качественные требования.

Уже сегодня система образования Республики Беларусь имеет высокий потенциал для подготовки специалистов IT-профиля и цифровой экономики. Вместе с тем роль человека в цифровой экономике будет меняться и это не может не вызвать ряд опасений. Подготовка современного специалиста должна

проходить не только с учетом формирования профессиональных компетенций, а как специалиста с новым типом мышления. Персонал должен быть способен работать в команде, что при нашей иерархической системе не всегда удается достичь. Для реализации принципов цифровой экономики необходимо формулировать и реализовывать *soft skills* – знания и навыки, которые связаны не с профессиональной компетенцией, а с умением обучаться, возможностью работать в коллективе, с мотивацией к достижениям.

Необходимо стимулировать высокое качество спроса на такие кадры, пересмотреть подход к подготовке педагогических кадров и продолжить проработку государственно-частных партнерств в сфере образования. В системе высшего образования необходим переход с поточной системы на индивидуальные образовательные программы, проектно-ориентированное обучение, развитие онлайн-образования.

Цифровая революция и связанные с ней автоматизация и роботизация производств, несомненно, повлекут за собой кадровую революцию. Рынок труда существенно меняется уже сейчас, а впереди, по мере проникновения «цифры» в различные сферы экономической деятельности, его ждут глобальные перемены. Исследователи Карл Фрей и Майкл Осборн из Оксфордской бизнес-школы прогнозируют, что в ближайшие 20–30 лет примерно 47% рабочих мест современного мира будут автоматизированы, а миллионы рабочих мест по всему миру будут сокращены [3]. Согласно исследованиям, наиболее низкий риск автоматизации характерен для профессий, в которых требуются социальные и творческие навыки, а также аналитические способности и инновационный подход, требующие принятия решений в условиях отсутствия баланса, нестабильности, неопределенности.

Нелинейность мышления, асимметрия, неповторяющиеся задачи, частая смена приоритетов являются аспектами, требующими человеческого участия. Искусственный интеллект позволяет заменять личное общение людей, вытеснять их труд и справляться с этими задачами не хуже, а иногда даже лучше. Но это не затрагивает необходимости принятия решений эмоционального характера. На сегодняшний день с такой задачей может справиться только человек [4].

На первых этапах мы можем столкнуться с ситуацией, когда у нас будет одновременно и безработица, и нехватка квалифицированных работников. Не все члены общества смогут перестроиться и освоить новые специальности. Возникнут трудности у некоторых людей пенсионного и предпенсионного возраста, которые не смогут адаптироваться к новым профессиям ввиду плохого владения IT-технологиями.

В будущем могут появиться такие профессии:

- персональный бренд-менеджер;
- виртуальный адвокат;
- модератор платформы общения с представителями государственных органов;
- инфостилист;
- цифровой лингвист;
- виртуальный доктор;
- тайм-брокер;
- дизайнер интерфейсов.

При этом искусственный интеллект вытеснит такие профессии, как юристы; бухгалтеры; рекрутеры. Анализируя значимость цифровой экономики, можно выделить видимые преимущества и риски в ее развитии [4; 5].

Основные преимущества:

- значительное увеличение производительности труда;
- несложность централизованного управления, налогообложения и контроля;
- глобальная автоматизация и стандартизация всех хозяйственных процессов: производственных, образовательных, медицинских, социальных и т.д.;
- снижение бюрократии и коррупции;
- рост «прозрачности» общественно-экономической жизни государства;
- упрощение политической жизни;
- снимается национальный вопрос;
- минимизация, а на поздних стадиях сведение практически до нуля зависимости экономики и производства от нестабильности человеческого фактора.

Основными рисками являются:

- проникновение чужих IT-технологий во все аспекты жизни и деятельности;
- усиление угроз для национальной кибербезопасности;
- увеличение уровня безработицы;
- обеднение человеческого и кадрового потенциала;
- развитие «клипового», или машинного мышления (особенно у детей);
- пропадает индивидуальность, воображение, фантазия;
- пропадает связь с реальным окружающим миром и человек замыкается в себе.

Таким образом, обобщая возможность и необходимость перехода общества на рельсы цифровой экономики, следует понимать необходимость подготовленности общества для решения следующих задач [5]:

1) *сохранение занятости населения при увеличении производительности труда.* Такой подход может быть достигнут не только путем перераспределения работающих в другие отрасли, но в совершенно ином понимании и выполнении самой работы;

2) *разработка механизмов повышения качества жизни общества при увеличении производительности труда.* Если возможности цифровой экономики не будут способствовать повышению уровня жизни населения, а также формированию среднего класса, дальнейший рост диспаритета в обществе будет самым главным препятствием на пути к построению цифровой экономики;

3) *возврат к фундаментальному образованию как в средней, так и высшей школе* – единственно возможный путь подготовки общества к жизни в новых условиях, так как меняется сама природа занятости, экономика с высокой производительностью труда усложняется, интеллектуального труда становится больше;

4) *разработка механизма установления цены на информационный продукт.* Традиционные рыночные механизмы в эпоху цифровизации экономики уже не работают;

5) *дальнейшее совершенствование законодательства,* проведение в стране институциональных реформ, а также соответствующая подготовка персонала, способного и умеющего работать по-новому;

6) требуется проводить постоянный мониторинг и детальный анализ ситуации на рынке труда в связи с внедрением цифровых технологий и освобождением части работающего населения, а также возможного продления возраста выхода на пенсию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, В.В. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива / В.В. Иванов, Г.Г. Малинецкий. – М. : Рос. акад. наук, 2017. – 64 с.
2. Введение в «Цифровую» экономику / А.В. Кешелава и [др.]. ; под общ. ред. А.В. Кешелава. – М. : ВНИИгеосистем, 2017. – 28 с.
3. Мокрова, Л.П. Индустриальная революция: кем быть? Человеческий капитал в формате цифровой экономики / Л.П. Мокрова // Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию С.П. Капицы. – М. : РосНОУ, 2018. – С. 40–46.
4. Зайцева, А.В. Опасности цифровой экономики: факторы изменения основ человеческого взаимодействия / А.В. Зайцева. – М. : РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017.
5. Подмаркова, И.П. Концепция реализации бюджетно-налоговой политики в цифровой экономике / И.П. Подмаркова // Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию С.П. Капицы. – М. : РосНОУ, 2018. – С. 154–160.
6. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения. – Н. Новгород : Изд-во «Профессиональная наука», 2018. – 131 с.

Поступила 12.10.2018

HUMAN CAPITAL IN THE FORMAT OF THE DIGITAL ECONOMY

N. BELORUSOVA

In the second half of the XX century mankind entered the era of global changes – passed to its next stage of development – the information society. Today, information is a key factor in the economy as a resource, service, product, source of value added and employment. In this regard, the modern changing world requires new approaches in the management of various aspects of society. The platform on the basis of which both spheres of activity and relations in society are formed is changing. The transfer of the economy to a new qualitative level of development is one of the Central places in the development of not the raw material model of growth, but the model based on the principles of the digital economy, the basis of which is innovation. Since the digital economy will affect not only the sphere of material production, but also the social sphere, a special role in the digital economy is given to human capital and its transformation in modern society.

Keywords: *human capital, information society, digital technologies, digital economy.*

УДК 334.78

СЕТЕВЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ИНТЕГРАТОРЫ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И «УМНЫЕ» СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

канд. экон. наук, доц. М.А. СЛОНИМСКАЯ
(Институт экономики НАН Беларуси, Минск)

Анализируются белорусская и ряд других европейских политик стимулирования современных сетевых инструментов инновационного развития – кластеров, технологических платформ и «живых» лабораторий. Показывается их особая роль в построении конкурентоспособной экономики, основанной на генерации знаний и распространении инноваций. Рассмотрены концептуальные основы и практика подходов к выбору областей «умных» специализаций, а также роль государства в стимулировании развития сетевых инновационных инициатив. Очерчены перспективы развития инновационно-ориентированного сетевого инструментария технологических взаимодействий в направлении усиления открытости инновационной политики компаний и совершенствования спиралеобразных моделей национальных инновационных систем.

Ключевые слова: сетевая экономика, сетевые инструменты, открытые инновации, кластеры, технологические платформы, «живые» лаборатории, «умные» специализации.

Введение. Новые инновационные концепции, получившие развитие в XXI веке, тесно связаны с инструментами сетевой экономики, процессами глобализации и переходом к открытому типу инноваций, предполагающему непосредственное участие потребителей в инновационном процессе. В сетевых структурах создается среда, в которой компании используют не только собственные идеи, но и разработки других организаций, передавая свои знания и технологии сетевым партнерам. При этом потребители также становятся агентами инноваций как самостоятельно, так и совместно с бизнесом или в качестве сопроизводителей государственных услуг.

В рамках новой парадигмы требуется также обоснование и разработка механизма встраивания отечественных компаний в глобальные сети и создание подобного рода сетевых инновационных интеграторов на национальном и региональном уровнях. Так, ряд стратегических и проектных документов, подготовленных в последнее пятилетие в целях повышения эффективности научной сферы и превращения результатов исследований и разработок в востребованный экономикой и обществом интеллектуальный продукт, предусматривает в Республике Беларусь реализацию на основе сетевого принципа кластерной организации научно-инновационной деятельности и практического освоения идеологии технологических платформ. Одновременно формируются условия для построения системы инновационных услуг и образования «живых» лабораторий для обеспечения деятельности интегрированных сетей фирм, создающих общую потребительскую ценность. Изучаются возможности применения европейского опыта практико-ориентированного выбора областей «умных специализаций на региональном уровне.

Кластерные инициативы. Доступные сегодня результаты исследований не дают однозначного ответа на вопрос о том, какими должны быть «модельные» кластеры и правительственные меры их поддержки. Даже само понятие кластеров весьма многообразно. Они понимаются как сетевые образования совершенно разного рода – от инновационных систем до цепочек создания добавленной стоимости (таблица 1).

Таблица 1. – Концепции кластеров, принятых в некоторых странах Европы

Страна	Концепция кластера
Австрия	Производственные сети, инновационные сети, сети взаимодействия
Бельгия	Производственные цепочки и сети, инновации и кооперация
Великобритания	Региональные инновационные системы
Германия	Однотипные фирмы и инновационные системы
Голландия	Цепочки создания добавленной стоимости и производственные сети
Дания	Ресурсные зоны
Испания	Инновационные системы
Италия	Межотраслевые потоки знаний
Норвегия	Цепочки создания добавленной стоимости и производственные сети
Финляндия	Комбинации фирм, связанных друг с другом трансфером знаний
Швейцария	Инновационные сети
Швеция	Системы взаимосвязанных фирм из различных отраслей промышленности

Источник: Boosting Innovation. The Cluster Approach. OECD Proceedings. OECD publication Service, 1999.

Очевидно, что научная трактовка исследуемого понятия зависит от ключевых признаков, присущих тому или иному кластеру. Выделяют следующие их типы: территориальные, промышленные, инновационные. К последним обычно относят совокупность предпринимательских и инновационных сетей, в которых происходит генерация и обмен знаниями, взаимное обучение, продвижение и распространение инноваций [1, с. 18].

Необходимо отметить, что инновационные кластеры, в отличие от промышленных и территориальных, развивающихся в основном через механизм конкуренции, формируются посредством комбинирования, т.е. основой взаимодействия их субъектов является кооперация в сфере генерации знаний и продвижения инноваций. Технологическое сотрудничество в таких сетевых структурах соответствует современным научным концепциям открытых инноваций [2] и тройной спирали [3]. В соответствии с первой в сети создается среда, в которой компании используют не только собственные идеи, но и разработки других организаций, передавая свои знания и технологии партнерам по сетевой структуре. Эффективность технологического взаимодействия согласно концепции тройной спирали обеспечивается за счет тесного сотрудничества трех институциональных структур – университетов (науки), бизнеса и власти, где все составляющие «спирали» выполняют свои функции и взаимодополняют друг друга. На стартовом этапе генерации знаний идет взаимодействие науки (университетов) и власти (органов управления), на следующем при трансфере технологий наука (вуз) кооперируется с бизнесом (деловыми кругами), а вывод инноваций на рынок обеспечивается совместными действиями бизнеса и власти. Таким образом, членство компании в кластере выступает средством повышения ее индивидуальной конкурентоспособности.

В Республике Беларусь Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров утверждена постановлением Совета Министров от 16.01.2014 г. № 27. В ней даны определения ряду применяемых в документе терминов. Так, *кластер* трактуется как «совокупность территориально локализованных юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей, взаимодействующих между собой на договорной основе и участвующих в процессе создания добавленной стоимости», под *кластерной инициативой* – «документально подтвержденное намерение организаций (индивидуальных предпринимателей) содействовать формированию кластера на определенной территории и выступать его участниками». *Инновационно-промышленный кластер* согласно упомянутому документу – это «кластер, участники которого обеспечивают и осуществляют инновационную деятельность, направленную на разработку и производство инновационной и высокотехнологичной (наукоемкой) продукции» [4].

Сегодня, например, 8–10 приборостроительных компаний Беларуси намереваются объединиться в кластер, который, по оценкам идеологов его создания, сможет к 2020 году обеспечить среднюю зарплату порядка 1300 долл. США примерно 3500 сотрудникам. Государственную поддержку они видят в предоставлении кластеру гибрида фискальных стимулов, предусмотренных для резидентов свободных экономических зон (СЭЗ) и Парка высоких технологий (ПВТ) в республике. Как следует из презентации компании Apply Logistic Group, которая выступает одним из идеологов создания кластера, в Беларуси есть все необходимые предпосылки для создания успешного инновационного приборостроительного объединения: высокий научно-технический потенциал, относительно высокая культура производства и относительно низкая стоимость интеллектуального и физического труда. Но более важно, что уже есть успешные приборостроительные компании, поставляющие свою продукцию (медицинские приборы, радиометры, весовое оборудование, датчики, измерители физических параметров и т.д.) в Европу, США и страны Азии [5].

В результате через инновационные приборостроительные кластеры Беларусь получит вторую точку роста национальной экономики после Парка высоких технологий, потенциально обеспечивающую увеличение отечественного экспорта и валютной выручки, усиление национального бренда высокотехнологичной страны. Такие инновационные приборостроительные кластеры смогут замедлить утечку мозгов, благодаря тому, что сильные специалисты и ученые смогут реализовывать себя на родине, в своей стране, не прибегая к переезду в высокотехнологичные страны, считают в Apply Logistic Group [5] и Национальной академии наук Беларуси [6].

Результаты специального изучения 200 кластерных инициатив в различных регионах мира, проведенного авторами исследования «The Cluster Initiative GreenBook», показали, что инновационная деятельность и распространение технологий отнесены к важнейшим целям создания и деятельности кластеров. Ее реализовывали 75% рассмотренных кластерных инициатив. Это позволило сделать вывод о том, что территориальная кластеризация способствует повышению инновационной активности хозяйствующих субъектов [7].

Усиление роли кластеров стало одним из приоритетов инновационного развития экономик стран Евросоюза. Основы современной кластерной политики в Европе были сформулированы в Сообщении комиссии европейских сообществ от 17 ноября 2008 года «На пути к кластерам мирового уровня в ЕС: внедрение расширенной инновационной стратегии». В документе, в частности, говорится о необходимости согласованных мер по созданию условий для повышения уровня европейских кластеров и их выходу на мировой рынок. «Устойчивая рыночная фрагментация, слабые связи между кластерами внутри евро-

зоны приводят к тому, что европейские кластеры не обладают достаточной критической массой и инновационным потенциалом, чтобы быть конкурентоспособными в условиях глобальных рынков. Стремление к превосходству должно стать однозначным приоритетом» [8, с. 5].

Эти положения служат также достижению целей Лиссабонской стратегии (в модернизированном варианте – стратегия «Европа 2020»), направленной на рост конкурентоспособности и снижение социальной напряженности. Среди ее приоритетов: повышение занятости; рост инвестиций в образование, науку и инновации; снижение уровня бедности; новая промышленная политика; поддержка малого и среднего бизнеса; углубление единого европейского рынка.

Вместе с тем следует отметить дискуссионность вопроса эффективности прямого бюджетного финансирования кластеров в экспертном сообществе. Ряд специалистов придерживается мнения, что помощь государства может быть бесполезной и даже вредной, поскольку успешные кластеры в основном образуются преимущественно естественным путем. Кроме того, аргументом против бюджетной поддержки кластеров является то, что такое финансирование фактически снижает гибкость системы, а это приводит к закреплению устаревших направлений научного и технологического развития. Те, кто считает прямую государственную поддержку необходимой, обсуждают вопрос о том, на что именно и кому должны выделяться средства – кластерам как объектам инфраструктуры, организациям, размещенным в кластерах (например, малым инновационным предприятиям), либо на проекты, выполняемые в кластерах, в том числе кооперационные.

Технологические платформы и «умные» специализации. Важнейшей целью создания технологических платформ обычно декларируется разработка перспективных для коммерциализации результатов научной деятельности в виде наукоемких технологий высших технологических укладов. Этот инструмент развития сотрудничества и согласования интересов основных участников платформ позиционируется не как финансовый, а как коммуникационный (между властью, наукой и бизнесом). Так, прогнозно-аналитический доклад Совета Министров и Национальной академии наук «Беларусь 2020: наука и экономика. Концепция комплексного прогноза научно-технического прогресса и приоритетных направлений научно-технической деятельности в Республике Беларусь на период до 2020 года» трактует технологические платформы как один из важных механизмов координации усилий бизнеса, науки и государства по инновационному развитию, в рамках которого они вырабатывают общее видение будущего технологического развития соответствующей отрасли (направления), формируют и реализуют необходимую программу действий. Здесь технологическая платформа представляет собой «коммуникационный инструмент, направленный на создание перспективных технологий, новых продуктов (услуг), привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон, а также на совершенствование нормативной правовой базы в области научно-технологического и инновационного развития» [9].

Такой подход почти идентичен европейскому и российскому аналогам. Более того имеет место и ориентация ряда оформляющихся белорусских технологических платформ на «привязку» к соответствующим российским («Биоиндустрия и биоресурсы – БиоТех-2030»; «Медицина будущего»; «Инновационные лазерные, оптические и оптоэлектронные технологии – фотоника»; другие техплатформы). В России уже обозначилась деятельность более трех десятков подобных коммуникационных сетевых площадок.

Стандартный алгоритм формирования и работы технологических платформ включает, как показывает европейский опыт, три основных этапа: на первом определяются стратегические приоритеты научно-технологического развития, которые фактически задают тематику платформ; на втором создаются «дорожные карты»; на третьем происходит реализация проектов, в том числе научных исследований и разработок, которые финансируются из различных источников; третий этап в России фактически только начинается. Это связано со сложностью и длительностью процесса согласования финансовых условий и мер по государственной поддержке функционирования технологических платформ. В зависимости от состава участников эти платформы могут быть ориентированы на развитие различных партнерских связей (таблица 2).

Таблица 2. – Сетевые связи в технологических платформах европейских стран

Типы сетевых связей	Страны
Внутринаучные связи (продвижение совместных исследовательских центров и проектов, центров научного превосходства)	Бельгия, Испания, Норвегия, Франция, Швейцария
Связи «наука – промышленность» (продвижение государственно-частных партнерств)	Бельгия, Германия, Дания, Италия, Норвегия, Польша, Португалия, Финляндия, Франция
Внутрипромышленные связи (продвижение отраслевых сетей)	Бельгия, Германия, Дания, Испания, Польша, Португалия
«Умная» специализация кластеров	Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия, Испания, Польша, Турция, Финляндия, Чехия, Эстония

Источник: OESD Science, Technology and Industry Outlook 2012.

Выделяют три типа таких связей: между научными учреждениями и университетами; между научными учреждениями, вузами и промышленными компаниями; между разными промышленными компаниями. Следует подчеркнуть, что для кластерного развития хозяйствующих субъектов необходимо наличие всех трех видов партнерских отношений: между производителями, поставщиками, потребителями, а также поддерживающими и обслуживающими их организациями – научными учреждениями, вузами, финансовыми институтами, венчурными компаниями.

Следует отметить, что в последние годы за рубежом, особенно в странах Евросоюза, где сетевым формам инновационного развития уделяется существенное внимание, активно развивается идеология «умной» специализации. Под «умной» специализацией понимается выбор на региональном уровне таких областей, в которых сетевые образования смогут внести наибольший вклад в экономическое развитие путем поддержки поисковых научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности в рамках выявленных областей специализации. «Умная» специализация необязательно касается высокотехнологичных отраслей или «приоритетных» направлений – это могут быть и низкотехнологичные отрасли или сфера услуг, но такие, где вложения в исследования и разработки будут способствовать промышленному развитию региона и смогут дать импульс развитию других секторов экономики.

Концепция «умной» специализации (smart specialization) была предложена в 2009 году экономистами Д. Фореем, П. Давидом и Б. Холлом [10]. Эта концепция является сегодня основой формирования новых кластеров во многих европейских странах, и этот подход постепенно возводится на уровень общеевропейской политики: предполагается, что в будущем смогут претендовать на поддержку из ресурсов ЕС только те европейские регионы, которые уже определили свою «умную» специализацию. Как сообщалось на VII Международной конференции из цикла «Региональное развитие» на тему «Регионы Центральной и Восточной Европы перед вызовами “умного”, устойчивого и инклюзивного развития» (г. Торунь, Университет имени Николая Коперника, Республика Польша, 17–18 июня 2016 г.), польским регионам на воеводском уровне совместно с Министерством образования и науки Польши уже поставлены задачи по разработке своих региональных стратегий «умных» специализаций.

Выбор областей «умной» специализации производится консенсусом экспертов, представляющих науку, образование, бизнес, промышленность. Государству в данной концепции отводятся три функции: 1) создание условий для осуществления согласований и выбора «умной» специализации; 2) проведение мониторинга кластерного развития с точки зрения выбранной регионами специализации; 3) определение потребностей, возникших в связи с выбранной специализацией (например, в сфере образования) и введением соответствующих стимулов и мер поддержки. Такой подход позволяет более гибко задействовать разные инструменты, усиливая их потенциальные эффекты. Например, технологические платформы как сетевой инструмент согласования интересов различных акторов могут способствовать выявлению направлений «умной» специализации формирующихся кластеров.

Как сообщила пресс-служба Национальной академии наук, в Беларуси планируется создание «умного» кластера в сфере космических исследований «В стране надо сформировать кластер по космической отрасли во главе с национальным Агентством по космическим исследованиям, предприятием “Геоинформационные системы” и Объединенным институтом проблем информатики НАН Беларуси. В кластер должны войти не только организации Национальной академии наук, но и предприятия, вузы страны, где ведутся исследования по данной тематике: БГУ, БГУИР и другие. «Академия наук должна стать платформой для объединения интеллекта», – подчеркнул председатель Президиума НАН, руководитель Агентства по космическим исследованиям Владимир Гусаков на совещании по вопросам космической деятельности, состоявшемся в 2017 году в Минске [11].

В рамках деятельности технологических платформ частные и государственные средства должны фокусироваться на финансировании наиболее перспективных с позиции коммерциализации научных исследованиях с учетом предпочтений бизнеса, готового трансформировать инновационные решения в конкурентоспособную на национальном и мировом рынках продукцию.

Одна из основных задач техплатформ, создаваемых в разных странах, – координация исследований, осуществляемых на доконкурентной стадии, в том числе в рамках формируемой системы технологического прогнозирования, в которую входит:

- выявление пакетов технологий, включая ключевые производственные технологии, которые могут обеспечить устойчивую конкурентоспособность секторов отечественной экономики на мировом рынке;
- определение тематических областей исследований, фундаментальных и прикладных проблем, решение которых необходимо для формирования соответствующих пакетов технологий;
- оценка необходимого ресурсного обеспечения для проведения исследований, а также требований к компетенции кадров и инфраструктурным решениям.

Технологические платформы как инструмент стимулирования сетевых связей весьма актуален и для нашей страны. Республика Беларусь, как показывают международные сопоставления, заметно отстает от мировых лидеров именно по параметрам, характеризующим партнерские взаимосвязи, в первую очередь между наукой и бизнесом [12, с. 8].

В этом контексте обращает на себя внимание активизация формирования транснациональных форм сетевых инновационно-технологических взаимодействий государств-членов Евразийского экономического союза, куда входит и Республика Беларусь. Так, члены Коллегии Евразийской экономической комиссии на своем заседании 6 сентября 2016 года одобрили проект распоряжения Совета ЕЭК «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ» [13]. Перечень предложений по формированию направлений по формированию евразийских технологических платформ включает в себя 14 приоритетных направлений, такие как: 1) медицинские и биотехнологии, фармацевтика; 2) информационно-коммуникационные технологии; 3) фотоника; 4) авиакосмические технологии; 5) ядерные и радиационные технологии; 6) энергетика; 7) технологии транспорта; 8) технологии металлургии и новые материалы; 9) добыча природных ресурсов и нефтегазопереработка; 10) химия и нефтехимия; 11) электроника и технологии машиностроения; 12) экологическое развитие; 13) промышленные технологии; 14) сельское хозяйство, пищевая промышленность, биотехнологии.

Евразийские технологические платформы определены в Евразийском экономическом союзе в качестве ведущего инструмента (механизма) формирования инновационной экономики будущего, создания в пяти его странах (Россия, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Армения) центров компетенций, стимулирования постоянного технологического обновления, повышения глобальной конкурентоспособности промышленности. Фактически эти платформы станут механизмом кооперации в научно-технической, инновационной и производственной сферах и создадут условия для сотрудничества между ведущими организациями бизнеса, науки, государства, общественными организациями союзных стран.

Евразийские технологические платформы в соответствии с профилем своей деятельности могут включать в себя в качестве участников организации крупного (отраслевые промышленные предприятия, государственные компании и др.), малого и среднего бизнеса, научные организации (научно-исследовательские институты, университеты и др.), государственные институты развития, общественные (отраслевые ассоциации и объединения) и иные организации, в том числе из государств, не являющихся членами Союза, а также физических лиц. Предполагается, что такие платформы будут объединять участников не менее чем из 3 государств-членов.

Для обеспечения функционирования евразийских технологических платформ по мере необходимости предполагается сформировать специальные органы: экспертные, координационные, научно-технические советы, рабочие группы, конкурсные и иные комиссии. Расходы, связанные с деятельностью указанных органов, будут осуществляться за счет средств заинтересованных организаций и участников каждой технологической платформы.

«Живые» лаборатории. В последнее десятилетие в мире, главным образом в странах Европейского Союза, получил распространение феномен «живая лаборатория» (Living Lab). На сайте Европейской сети «живых» лабораторий (European Network of Living Labs – ENoLL) [14] они определяются как ориентированные на потребителя открытые экосистемы, основанные на совместном творчестве, интегрирующем научные исследования и инновационные процессы в условия реальной жизни. В центр инноваций помещен человек, что позволяет ему активно использовать возможности, предоставляемые новыми концепциями и решениями в сфере информационно-коммуникационных технологий, для удовлетворения его специфических потребностей и ожиданий с учетом местных условий, культурных особенностей и креативного потенциала.

Роль «живых» лабораторий в современной европейской инновационной системе и необходимость создания их широкой сети впервые официально была обозначена в Хельсинском манифесте [15]. Тогдашний комиссар Евросоюза Э. Лииканен 20 ноября 2006 года, во время председательства Финляндии в Европейском союзе, озвучил идею создания сети ENoLL с целью «совместного создания инноваций в государственно-частно-общественном партнерстве». Это стало новым шагом европейской политики в области исследований, разработок и инноваций, изменившим основную парадигму всего инновационного процесса. В последующем все большее число европейских акторов различных видов деятельности и некоммерческих структур стали понимать, что вовлечение представителей общества в процесс создания товаров и услуг является жизненно важным для успешного выведения своих продуктов на рынок и обеспечения их конкурентоспособности.

Сеть ENoLL включает более 170 участников, которые находятся в разных странах мира: в 22 странах Европы, а также в Бразилии, Колумбии, Перу, Парагвае, США, Канаде, Египте, Тунисе, Саудовской Аравии, ЮАР, Тринидаде и Табаго, КНР, Тайване [17]. Как самостоятельно, так и через своих членов она поддерживает совместное творчество, вовлечение потребителей, проведение экспериментов и тестирование инноваций в различных сферах, таких как энергетика, средства массовой информации, мобильность, охрана здоровья, сельское хозяйство и др. Сеть также является платформой по обмену практическим опытом, обучения и развития международных проектов в сфере организации «живых» лабораторий.

В сетевой структуре создается среда, в которой компании используют не только собственные идеи, но и разработки других организаций, передавая свои знания и технологии сетевым партнерам. При этом потребители также становятся агентами инноваций, как самостоятельно, так и совместно с бизнесом или в качестве сопроизводителей государственных услуг. Подход к инновациям, который позволяет задействовать не только внутренние источники компании, но также и внешние, получил название «открытых инноваций».

Термины «открытые» и «закрытые» инновации ввел американский экономист Г. Чесбро в 2003 году в работе «Open Innovation. The New Imperative for Creating and Profiting from Technology» [2]. В сокращенном варианте книга была издана и на русском языке в 2007 году под названием «Открытые инновации. Создание прибыльных технологий» [16]. Генри Чесбро установил, что с повышением скорости обмена информационными потоками снизилась эффективность применения «закрытых» бизнес-моделей. Открытые же инновации позволяют задействовать не только внутренние источники, но и внешние. Вовлекаемые в процесс компетентные люди из внешней среды (других сфер) предлагают свои идеи, дают квалифицированные советы и тем самым содействуют совершенствованию конечных продуктов.

Исходя из основных характеристических признаков «живые» лаборатории оказалось возможным расклассифицировать на две специфические группы (таблица 3). В первую группу входят «живые» лаборатории, образованные на базе научно-исследовательских учреждений и университетов, которые разрабатывают тестовые электронные платформы, имеющие доступ к большой панели потребителей и обеспечивают их техническую поддержку. Услуги тестовых панелей, а также инструменты моделирования бизнес-процессов и оценки перспективности опытных образцов предоставляются различным инновационным организациям, действующим в сфере разработки мобильных приложений, энергетики, здравоохранения, массовой информации, электронного правительства и др.

Таблица 3. – Характеристика действительных членов Европейской сети «живых» лабораторий

Страна	Название	Краткая характеристика
Бельгия	«Живая» лаборатория “iMinds iLab.o”	Электронная платформа, предоставляющая для новаторов тестовую панель из потребителей, ее техническое обслуживание, инструменты моделирования бизнес-процессов и оценки опытных образцов в сфере мобильных приложений, энергетики, здравоохранения, массовой информации, электронного правительства и др. Одновременно может создаваться специальная среда, обеспечивающая взаимодействие университетского кампуса, научно-исследовательской группы университета, организаций, которые стимулируют синергетическое взаимодействие между ними, а также местными и региональными органами управления и гражданами с целью генерирования инноваций. Организация, решающая социальные проблемы жителей конкретной территории и вопросы территориального развития на основе использования цифровых технологий. Действует как посредник между гражданами, общественными организациями, университетами и органами местного управления, стимулируя их взаимодействие, инновационную активность и получение обратной связи
Тайвань	Тайваньская «живая» лаборатория	
Польша	Познаньская «живая» лаборатория	
Швеция	«Живая» лаборатория “Ботния” (“Botnia”)	
Испания	Электронная «живая» лаборатория “Españtec”	
Финляндия	Сеть «живых» лабораторий “Лауреа” (“Laurea”)	
	«Живая» лаборатория “ТАМК”	
Великобритания	Бристольская «живая» лаборатория Городская лаборатория Ковентри	
Испания	«Живая» лаборатория “Консорциум Фернандо де лос Риос” (CFRLL – Consorcio Fernando de los Rios) Лаборатория Барселоны «Живая» лаборатория “BIRD” Каталонская цифровая лаборатория “i2Cat”	
Нидерланды	«Живая» лаборатория Эйндховена	
Польша	Краковская «живая» лаборатория	
Турция	Башакшехирская «живая» лаборатория «Живая» лаборатория “Умный город Стамбул” (SCILL – Smart City Istanbul Living Lab)	
Финляндия	Хельсинкская «живая» лаборатория “Forum Virium Helsinki”	
Швейцария	«Живая» лаборатория в сфере энергетики (“Energy Living Lab”)	

Источник: [17, с. 89].

Отнесенные ко второй группе «живые» лаборатории действуют как посредники между гражданами, общественными организациями, университетами и органами местного управления, стимулируя их взаимодействие, инновационную активность и получение обратной связи с целью решения социальных

проблем жителей конкретной территории на основе использования цифровых технологий. Это наиболее многочисленная группа «живых» лабораторий, позволяющих повысить качество жизни населения, реализуя проекты типа «умный» город, «умный» регион, «умная» территория.

В сентябре 2016 года первый подобный инновационный квартал Living Lab – уличное пространство на улице Мельникова – презентовали в Киеве. Ожидается, что квартал станет средой, дружественной к экологии, благодаря энергосберегающему освещению улиц, формированию системы зеленых насаждений и парковых участков, отлаженной системе сортировки и переработки мусора, «умным» лавочкам, остановкам с солнечными батареями и возможностью подзарядки гаджетов, сети электрозаправок, сенсорам экологического состояния улицы [18].

Необходимым условием функционирования «живых» лабораторий и других форм сетевого взаимодействия является развитая информационно-коммуникационная инфраструктура, включающая программное и техническое обеспечение, телекоммуникационные сети, а также инновационные ресурсы. При этом развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры не является самоцелью – оно должно быть связано с реализацией потребности в информационных продуктах и услугах.

Одним из декларированных правительством национальных приоритетов Республики Беларусь является становление в стране информационного общества. 30 ноября 2015 года Международный союз электросвязи (МСЭ) представил очередной доклад «Измерение информационного общества-2015» [19], согласно которому Беларусь заняла 36-е место из 167 возможных в рейтинге развития информационно-коммуникационных технологий с индексом развития ИКТ 7,18. При этом за 5 лет Беларусь улучшила положение в рейтинге на 14 позиций (50 место в 2010 году с индексом развития ИКТ 5,30), прочно удерживая лидирующую позицию в регионе СНГ. По оценкам Комиссии МСЭ по развитию широкополосного доступа (ШПД) на начало 2015 года Республика Беларусь занимала в мире 25-ю позицию по количеству абонентов стационарного ШПД и 23-ю позицию – по количеству домохозяйств, имеющих доступ в сеть Интернет, среди 195 стран, принявших участие в исследовании.

Следует отметить неравномерность развития информационно-коммуникационных технологий в Республике Беларусь в региональном и отраслевом разрезе. По результатам интегральной оценки в региональном разрезе наилучшие условия для развития электронного бизнеса имеются на территории Минска, наименее благоприятные – на территории Витебской и Брестской областей. По отраслям экономики наилучшим образом подготовлены к использованию современных информационных технологий учреждения высшего образования и финансовой сферы, слабее всего – предприятия сельского хозяйства.

С точки зрения системного подхода низкая готовность к участию в системах создания общей ценности хотя бы одного из элементов не позволяет обеспечить достижение целей деятельности всей системы. Таким образом, можно сделать вывод об актуальности разработки механизма встраивания отечественных компаний в глобальные сети, что обеспечивает равные условия использования информационных технологий для предприятий различных отраслей, для создания эффективных сетевых инструментов на национальном и региональном уровнях. Как свидетельствует зарубежный опыт, «живые» лаборатории, выбранные в качестве такого инструмента, способствуют необходимой координации и объединению усилий науки, образования, государственной власти, бизнеса и гражданского общества для решения данной задачи.

В настоящее время говорят о наступлении нового этапа развития концепции управления цепью поставок SCM (Supply Chain Management) – электронной цепи поставок (eSC – electronic Supply Chain). Данным термином обозначают группу предприятий, объединенных компьютерной сетью в целях совместной разработки новых продуктов, прогнозирования спроса, гибкого использования совместных ресурсов, оперативного реагирования на запросы клиентов [20, с. 22].

Анализ успешных примеров реализации концепции управления цепью поставок позволяет сделать вывод об эффективности использования услуг «живых» лабораторий еще на этапе проектирования логистической системы, что расширяет возможности ее адаптации к требованиям участников интеграционно-объединения.

Залог успеха деятельности «живой» лаборатории – предварительная виртуальная интеграция участников цепи поставок на базе Интернета. Стимулом может быть свободное получение информации о ценах, поставщиках и покупателях, результатах анализа рынка, возможность общения и другие функции, полезные для предприятий одной и той же отрасли [21, с. 32].

Примером подобного объединения участников сети является государственный сайт Финляндии aitojamakuja.fi, на котором можно получить информацию о местных сельскохозяйственных производителях, их продукции и точках продаж по всей стране. Портал поддерживается проектом “Aitoja makuja II” (фин. «подлинный вкус») в рамках программы развития сельской местности “Manner-Suomi” (фин. «Материк Финляндия»). Координатором проекта является Центр обучения и развития “Brahea” Университета Турку. Сайт содержит сведения о финской кухне, гастрономическом туризме, системе и специфике финского питания. С его помощью потребители могут найти необходимую продукцию, а рестораны – партнеров

для совместной деятельности. Система поиска работает на финском, шведском, английском и русском языках. На сайте можно найти данные о различных магазинах (при фермах, конкретные предприятия-производители, местные, по продаже экопродуктов), ресторанах, которые позволяет путешественнику определять место нахождения ближайшего магазина или ресторана по маршруту следования.

Построение подобной системы услуг, направленной на многообразие взаимодействий между группами фирм, создающих общую потребительскую ценность, включая использование услуг «живых» лабораторий, можно рассматривать как шаг в направлении развития сетевых форм организации экономики и совершенствования управления цепями поставок. К примеру, в Беларуси формирование интегрированной цепи поставок АПК можно начать с подготовки проекта создания «живых» лабораторий, включающего выбор заинтересованных участников, определение актуальной тематики научных исследований и разработок на форумах среди участников информационно-торговой площадки «Фермерство» [22], сайтах Фермер.by [23], Agroforum.by [24] и других отечественных виртуальных сообществ, объединяющих фермеров по общим интересам. Такие структуры могут быть созданы при ведущих профильных научных и учебных организациях в виде отраслевых лабораторий [25] с участием специалистов в области информационных систем и технологий. Подобная сетевая организация позволит направить креативный потенциал исследовательских и образовательных учреждений на решение актуальных проблем агробизнеса и заложить инновационные направления интеграции АПК.

«Живые» лаборатории пока не получили существенного распространения в национальной инновационной системе Республики Беларусь. Однако, как показывает анализ, они могут стать важным ее звеном, стимулирующим взаимодействие науки, образования, государственной власти, бизнеса и гражданского общества, осуществляя информационно-консалтинговую поддержку социально-экономического развития по следующим направлениям:

- тестирования и совершенствования разработок отечественных производителей на основе концепции открытых инноваций;
- содействия росту внутреннего спроса на отечественные ИТ-разработки и развития инновационных электронных услуг;
- разработки и реализации стратегий инновационного развития территорий на основе сетевого взаимодействия участников инновационного процесса и поддержки малого инновационного бизнеса;
- разработки инновационного программного обеспечения в сфере интегрированного управления цепями поставок;
- повышения качества образования за счет участия студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава в практикоориентированной научно-исследовательской работе.

Заключение. Распространение современных технологий, процессы глобализации, растущий динамизм внешней среды и уровень ее неопределенности в конце XX – начале XXI века изменили мировое экономическое пространство и привели к формированию нового уклада жизни, когда в основу организации экономики и общества ложатся сетевые потоки, сетевые структуры и сетевые взаимодействия.

Как отмечает российский исследователь Н. Смородинская, «в XXI веке вертикальные конструкции оказались слишком жесткими, чтобы соответствовать возросшему динамизму среды, а модель традиционного рынка – наоборот, слишком атомистичной, чтобы соответствовать возросшему уровню взаимозависимостей. Поэтому со вступлением в постиндустриальную эпоху мир стал осваивать третий, сетевой механизм координации, который устраняет функциональные недостатки и синтезирует преимущества двух предыдущих. Мировая экономика и все ее подсистемы стратифицируются в кластерно-сетевые структуры – гораздо более пластичные, чем иерархии, и одновременно более интегрированные, чем модель рынка» [26, с. 14].

Сетевые структуры (кластеры, технологические платформы, относительно недавно появившиеся «живые» лаборатории и др.) играют важную роль в активизации инновационных процессов, так как они позволяют свести в едином процессе создания инноваций усилия многих людей, научных дисциплин, носителей самых различных ресурсов, в том числе и ресурсов знаний. Особую важность при этом имеет активный обмен знаниями и открытость инноваций.

«Демократизация» знаний благодаря Интернету помогла потребителям стать более осведомленными о существующих на рынке предложениях, сообщать о своих потребностях и принимать участие в процессе разработки товаров и услуг. Через блоги, форумы, поисковые системы и т.д. потребители в настоящее время могут сравнивать цены, производительность, обсуждать вопросы этики компаний, а также кастомизировать продукты и услуги. Потребители становятся все более требовательными, они имеют возможность выбирать поставщиков товаров и услуг по всему миру, что, соответственно, усиливает уровень конкуренции. Все это вынуждает производителей включать клиентов в инновационный процесс, т.е. собирать у них информацию о том, что производить, а также совместно разрабатывать новые товары и услуги.

Активная роль потребителя в инновационном процессе подчеркивается в модели «Четверной спирали» (“Quadruple Helix”), которая недавно была предложена американским ученым Э. Караянисом и австрийским исследователем Д. Кэмпбеллом [27] на основе уже упоминавшейся модели «Тройной спирали» (“Triple Helix”), разработанной известным американским экономистом с белорусскими корнями Г. Ицковицем и голландским ученым Л. Лейдесдорфом в конце прошлого века [28]. Если «Тройная спираль» символизирует союз между властью, бизнесом и университетами как ключевыми элементами национальной инновационной системы, то четырехзвенная модель вводит четвертый элемент «спирали» – гражданское общество как активный потребитель и участник инноваций. Общественное участие, таким образом, становится одним из ключевых факторов достижения успеха в инновационном развитии за счет сетевой кооперации и совместной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рутко, Д. Зарубежный опыт развития инновационных кластеров / Д. Рутко // Наука и инновации. – 2016. – № 1. – С. 18–22.
2. Chesbrough, H. Open Innovation. The New Imperative for Creating and Profiting from Technology / H. Chesbrough. – Boston : Harvard Business School Press, 2003. – 227 p.
3. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Г. Ицковиц. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. – 237 с.
4. Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации : постановление Совета Министров Респ. Беларусь // КонсультантПлюс. Беларусь, ЗАО «КонсультантПлюс». – Минск, 2014.
5. Зарплата 1300 долларов для 3500 сотрудников. В Беларуси хотят создать приборостроительный кластер [Электронный ресурс] // Новости TUT.BY. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/497044.html>.
6. В Институте физики имени Б.И. Степанова состоялось подписание Соглашения о создании инновационно-промышленного кластера «Микро-, опто- и СВЧ-электроника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nasb.gov.by/rus/news/2003/>.
7. Solvell, O. Cluster Initiative GreenBook [Electronic resource] / O. Solvell, G. Lindqvist, C. Ketels. – Mode of access: <http://www.cluster-research.org>.
8. Сообщение Комиссии Европейских сообществ Совету, Европейскому парламенту, Европейскому экономическому и социальному Комитету и Комитету регионов: на пути к кластерам мирового уровня в ЕС: внедрение расширенной инновационной стратегии : офиц. текст. – Брюссель, 2008. – 10 с.
9. Беларусь 2020: наука и экономика : концепция комплексного прогноза научно-технического прогресса и приоритетных направлений научно-технической деятельности в Республике Беларусь на период до 2020 года / В.Г. Гусаков [и др.] ; под ред. В.Г. Гусакова / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики, Нац. акад. наук, Центр системного анализа и стратегических исследований. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 211 с.
10. Foray, D. Smart Specialization: The Concept [Electronic resource] / D. Foray, P.A. David, B. Hall // Knowledge for Growth. Prospects for Science, Technology and Innovation. Selected papers from Research Commissioner Janez Potochnk’s Expert Group. – 2009. – June. – Mode of access: http://ec.europa.eu/invest-in-research/pdf/download_en/kfg_policy_brief_no9.pdf.
11. Кластер в сфере космических исследований планируется создать в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/tech/view/klaster-v-sfere-kosmicheskikh-issledovaniy-planiruetsja-sozdatv-belarusi-233348-2017/>.
12. Комарова, Ж. На пути совершенствования научной сферы / Ж. Комарова // Наука и инновации. – 2014. – № 1. – С. 7–11.
13. ЕЭК одобрила приоритетные евразийские технологические платформы – Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-09-2016-4.aspx>.
14. European Network of Living Labs (ENoLL) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.openlivinglabs.eu/>.
15. The Helsinki Manifesto 20.11.2006 “We have to move fast, before it is too late” [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ru.scribd.com/document/290101063/Helsinki-Manifesto-201106>.
16. Чесбро, Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий / Г. Чесбро. – М. : Поколение, 2007.
17. Слонимская, М.А. «Живые лаборатории» как инструментарий открытых инноваций в сетевых структурах / М.А. Слонимская // Беларус. экон. журн. – 2016. – № 4. – С. 84–98.

18. Инновационный квартал Living Lab появился в Киеве на улице Мельникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kievvlav.com.ua/news/innovacionnij_kvartal_living_lab_pojavilsja_v_kieve_na_ulice_melnikova43661.html.
19. Измерение информационного общества-2015. – Минск : Национальный статистический комитет Респ. Беларусь, 2016. – 131 с.
20. Zarządzanie łańcuchami dostaw [Supply chain management] / M. Ciesielski [i inne]. – Warszawa : Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2011.
21. Слонимская, М.А. Живые лаборатории в теории и практике открытых инноваций / М.А. Слонимская // Наука и науковедение / М.А. Слонимская. – 2016. – № 9. – С. 30–32.
22. Фермерство. Информационно-торговая площадка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://farming.by/>.
23. Фермер.БЮ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fermer.by/>.
24. Агрофорум – форум фермеров Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroforum.by/>.
25. Об утверждении Примерного положения об отраслевой лаборатории : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 09.02.2017 № 110 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/2798>.
26. Смородинская, Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу / Н.В. Смородинская. – М. : ИЭ РАН, 2015. – 344 с.
27. Carayannis, E.G. Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems / E.G. Carayannis, D.F.J. Campbell. – SpringerBriefs in Business 7, 2012. – 64 p.
28. Etzkowitz H. A Future Location of Research in A Triple Helix of University Industry Government Relations / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff / A Triple Helix of University-Industry-Government Relations: The Future Location of Research? ; L. Leydesdorff, H. Etzkowitz (ed.). – New York : Science Policy Institute State University of New York. 1998. – P. XV–XVII.

Поступила 30.08.2018

NETWORK INNOVATIVE INTEGRATORS: THE MAIN FORMS AND “SMART” SPECIALISATIONS

M. SLONIMSKA

The Belarusian, a number of European and some of other policies of innovative new network tools development stimulation – clusters, technology platforms, Living Labs are analyzed in the article. The article shows their special role in building competitive economy, based on knowledge generation and diffusion of innovation. The authors consider the conceptual framework and approaches in practice of select the smart specialization areas, as well as state’s role in promoting a networking innovative initiative. The prospect for the development of innovation-based network tools technological interactions in the direction of strengthening the innovation policy of openness of companies and improving helix models of national innovation system are outlined.

Keywords: network economy, network tools, open innovations, clusters, technological platforms, “live” laboratories, “smart” specializations.

УДК 338.462

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

А.В. КАЛИНИН

(Республиканский институт высшей школы, Минск)

Представлен анализ сущности экономических понятий «образовательная услуга», «экспорт», «эффективность» на основе исследований отечественных и зарубежных экономистов, а также норм права. Рассматриваются как общие, так и специфические особенности образовательных услуг. Дается авторское определение «экспорта образовательных услуг». Рассматривается специфика вычисления эффективности экспортной деятельности учреждений образования, а также представлена формула для ее расчета с указанием основных элементов. Вводится авторский «коэффициент предельного набора» для повышения точности расчётов. Предложена система учета затрат на обучение для вычисления эффективности экспорта образовательных услуг. Полученные данные могут быть использованы руководителями учреждений высшего образования при организации международного сотрудничества и совершенствовании системы экспорта образовательных услуг.

Ключевые слова: образовательная услуга, экспорт образовательных услуг, эффективность экспорта.

Введение. Экспорт образовательных услуг в целом и его эффективность в частности являются малоизученными областями экономической теории. Существующие научные труды на данные темы часто представляют собой лишь перенос принципов и методических подходов из области маркетинга товаров и услуг на высшее образование без учета его специфики. Значительная часть исследований не подкреплена методикой, что затрудняет их практическое применение. Они дают понимание проблемы в общем виде, но, как правило, не содержат практических рекомендаций для учреждений высшего образования для организации эффективной системы экспорта своих образовательных услуг. Некоторые исследования носят прикладной характер, но в них зачастую рассматриваются лишь частные, узкие аспекты данной проблемы. В этой связи сегодня востребованы исследования, которые содержат разработки, интегрирующие теоретическую и методологическую составляющие, которые позволят учреждениям высшего образования на ее основе разработать собственные стратегии по организации эффективной экспортной деятельности с учетом своей специфики.

В соответствии с Протоколом поручений Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, данных 24 августа 2017 года на Республиканском педагогическом совете, Министерству образования поручено «начиная с 2018 года обеспечить рост экспорта образовательных услуг». Такая задача подразумевает повышение эффективности экспортной деятельности учебных заведений. Она предполагает принятие качественных решений по обеспечению функционирования системы экспорта, а для этого необходима разработка соответствующих концепций, подходов и методик определения данной экономической категории, ее комплексного понимания. Проведение исследований эффективности экспорта образовательных услуг позволит усовершенствовать маркетинговые стратегии учреждений образования по продвижению своих образовательных услуг на мировой рынок.

Определение понятия и сущности эффективности экспорта образовательных услуг невозможно без определения основных дефиниций: образовательная услуга, экспорт и эффективность.

Основная часть. Всемирная торговая организация включила образовательные услуги в перечень услуг, которые регулируются Генеральным соглашением по торговле услугами (ГАТС) [1]. Данное Соглашение регулирует международную торговлю. Следовательно, с точки зрения международного права, образовательная услуга является объектом международной торговли, а значит и экспорта.

В научной литературе даются различные определения понятию «образовательная услуга». В частности, Е.В. Бурденко под образовательной услугой понимал «Полезный вид труда, непосредственно удовлетворяющий потребность человека в образовании, и как материально-вещественный продукт, позволяющий удовлетворять образовательную потребность человека самостоятельно (учебники, обучающие программы, пособия и т.п.)» [2]. По мнению Т.В. Даниловой, образовательная услуга – это «совокупность результатов образовательного процесса и сопутствующих ему вспомогательных процессов, представленная высшим образовательным учреждением на рынке образовательных услуг и непосредственно направленная на удовлетворение установленных и предполагаемых образовательных потребностей конкретного потребителя» [3]. Образовательная услуга, по определению М.А. Лукашенко, есть «совокупность целесообразной деятельности, удовлетворяющей потребность субъекта в образовании, и промежуточных образовательных продуктов в форме вещи, сопровождающих такую деятельность» [4]. Согласно определению А.О. Ченцова: «образовательные услуги создаются в процессе научно-педагогического труда,

являющегося, в свою очередь, разновидностью научного труда. Результат научно-педагогического труда может быть назван образовательным продуктом. Образовательный продукт – это часть интеллектуального продукта, адаптированная к соответствующему сегменту образовательных услуг» [5]. Под образовательной услугой А.М. Стрижов понимал «целенаправленную деятельность, характеризующуюся взаимодействием участников образовательного процесса и направленную на удовлетворение образовательных потребностей личности» [6]. С точки зрения Р. Джапаровой, образовательная услуга – это «деятельностная передача системных знаний и привитие проверенных опытом практических навыков к определенному виду занятия путем непосредственной коммуникации с обучаемым» [7]. Образовательная услуга, по Е.Д. Липкиной, – это «совокупность знаний, умений, навыков и определенного объема информации, которые используются для удовлетворения специфической потребности человека и общества в интеллектуальном развитии и приобретении профессиональных умений и навыков» [8]. Определение С.А. Зайчиковой характеризует образовательную услугу как «систему знаний, умений, навыков, которые используются в целях удовлетворения потребности индивида, общества и государства и направлены на приращение капитала» [9]. Согласно Н.Н. Терещенко, это «целый комплекс действий: воспитательного и обучающего характера, направленный на удовлетворение потребности индивида, в результате осуществления которого происходит совершенствование имеющихся и приобретенных навыков» [10]. По В.Н. Зотову, образовательная услуга – это «объем учебной и научной информации, передаваемый гражданину в виде суммы знаний общественного и специального характера, а также практических навыков, передаваемых гражданину по определенной программе» [11]. Определение образовательной услуги И.Б. Романова: «Трудовая деятельность экономической единицы, направленная на удовлетворение потребности некоторого субъекта в образовании (т. е. в приобретении систематизированных знаний, умений и навыков), осуществляемая с предварительного согласия данного субъекта» [12]. С точки зрения В.П. Щетинина, образовательная услуга характеризуется как «система знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения многоликих потребностей человека, общества и государства» [13]. По определению, данному У.Г. Зиннуровым, образовательная услуга – это «Объем учебной и научной информации как суммы знаний общеобразовательного и специального характера и практические навыки, передаваемые личности по определенной программе» [14]. Под образовательной услугой В.М. Кожухар понимал «работу отдельного педагога или педагогического коллектива, направленную на целесообразное (предварительно запрограммированное) изменение социально-психологической (в частных проявлениях – профессиональной, квалификационной и т.д.) структуры личности обучаемого» [15]. Соответственно определению образовательной услуги А.В. Морозова, это «Процесс формирования разнообразных способностей человека к труду, т.е. инвестирование в человеческий капитал, принимающий форму комплексного блага» [16]. Согласно А.П. Панкрухиной, образовательная услуга – это «Комплекс таких услуг, которые непосредственно связаны с реализацией главных целей образования, осуществлением его миссии» [17].

Таким образом, в научной литературе существует множество достаточно отличающихся между собой определений. Анализируя полученную информацию, можно сделать *вывод*, что определение образовательной услуги дается через следующие основные подходы:

- образовательная услуга как результат научно-педагогического труда;
- образовательная услуга как взаимодействие между производителем и потребителем;
- образовательная услуга как процесс передачи определенной информации для усвоения с целью получения определенного результата;
- образовательная услуга как комплекс знаний, направленных на развитие индивида, гражданина;
- образовательная услуга как деятельность образовательного учреждения направленного на развитие интеллектуальных способностей человека, формирование профессиональных качеств.

Для определения сущности категории «образовательная услуга» целесообразно учитывать терминологию, закрепленную в законодательстве Республики Беларусь. В статье 30 Налогового кодекса Республики Беларусь дается следующее определение термина «услуга»: «деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности» [18]. То есть услуга рассматривается как деятельность с некоторыми особенностями своих результатов.

Кодекс об образовании Республики Беларусь не дает определение термину «образовательная услуга», но дает определение «образовательной деятельности». Поскольку, как уже было определено выше, белорусское законодательство отождествляет понятия «услуга» и «деятельность», то данное определение допустимо принимать к сведению для определения категории «образовательная услуга». Так, в соответствии с Кодексом, образовательная деятельность – это «деятельность по обучению и воспитанию, осуществляемая учреждением образования (организацией, реализующей образовательные программы послевузовского образования, иной организацией, которой в соответствии с законодательством предоставлено

право осуществлять образовательную деятельность, индивидуальным предпринимателем, которому в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность) [19]. Исходя из данного определения круг физических и юридических лиц, которые потенциально могут заниматься образовательной деятельностью, достаточно широк и не ограничивается только учреждениями образования. В этой связи автором предлагается использовать термин «исполнитель» для обозначения любого юридического или физического лица, занимающегося образовательной деятельностью.

Таким образом, в рамках экономической теории, на основе изучения литературы и, принимая во внимание анализ существующих определений понятия «образовательная услуга», автором сформулировано следующее определение дефиниции «образовательная услуга»: *образовательная услуга – это деятельность исполнителей, направленная на удовлетворение спроса потребителей на образование.*

Обучение иностранных граждан представляет собой «товар», который направлен на удовлетворение потребности иностранного гражданина в освоении новых знаний, умений и навыков. Этот товар отличается своей спецификой. Среди общих особенностей образовательных услуг, которые также присущи и другим видам услуг отмечаются следующие:

1) *неосвязаемость*. Образовательную услугу невозможно увидеть, попробовать, почувствовать, услышать. Потенциальный потребитель не в состоянии оценить образовательную услугу до ее оказания, а иногда и даже после того, как такая услуга будет ему оказана;

2) *несохраняемость*. Образовательные услуги невозможно сохранить или отложить их продажу. Следовательно, учреждения высшего образования очень чувствительны к колебаниям спроса и предложения. Также образовательные услуги быстро устаревают.

Образовательные услуги также характеризуются особенностями, присущими только данному виду услуг:

1) *неделимость производства и потребления*. Технология оказания образовательных услуг требует активного участия в образовательном процессе самого потребителя, в том числе его присутствие в месте оказания образовательных услуг;

2) *большая длительность оказания услуг*. Большая часть образовательных программ реализуются несколько лет;

3) *изменчивость качества*. Качество оказания образовательных услуг в наибольшей степени зависит от профессионализма преподавателей и в наименьшей (по сравнению с другими видами услуг) от средств производства. Даже у одного исполнителя образовательных услуг их качество может существенно отличаться от смены преподавателей;

4) *отсроченность результата*. Эффективность образовательных услуг часто не проявляется непосредственно и наглядно по завершении их оказания, а опосредована и отдалена от результатов некоторыми факторами, например, зависимостью от условий будущей работы и жизни выпускника;

5) *конкурсный характер предоставления*. Желания и готовности абитуриента оплатить образовательные услуги еще недостаточно для того, чтобы стать ее потребителем.

Словарь современных экономических терминов дает следующее определение экспорту – это «производимые в стране и продаваемые нерезидентам товары и услуги. К «видимому» экспорту относятся поставки товаров за рубеж. «Невидимым» экспортом называют реализуемые нерезидентам услуги...» [20, с. 711]. Таким образом, продажа произведенных в государстве товаров и услуг нерезидентам является определяющим фактором экспорта.

Белорусское законодательство дает определение экспорту услуг в целом. Так, в пункте 10.2 Главы 3 Постановления Национального статистического комитета Республики Беларусь «Указания по заполнению формы государственной статистической отчетности 12-вэс (услуги) “Отчет об экспорте и импорте услуг” дается следующее определение термину “экспорт услуг” – это “предоставление резидентами Республики Беларусь различных видов услуг нерезидентам» [21]. В том же Постановлении детализируется понятие «нерезиденты Республики Беларусь»: «иностранные граждане и лица без гражданства, за исключением иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих вид на жительство в Республике Беларусь...».

Исследователи экспорта образовательных услуг дают различные определения этому термину. В частности, Т.М. Рогова [22, с. 23] разделяет позицию С.Д. Резника, который определяет экспорт образовательных услуг как «Оказание образовательных услуг гражданам других стран как на территории самой страны, так и через филиалы или посредством реализации образовательных программ за рубежом».

Определение А.В. Косевича звучит следующим образом: «Совокупность организационных мероприятий, методических и дидактических приемов, применяемых субъектами национальной системы образования по созданию, продвижению позиционированию и реализации на внутреннем и внешнем рынках конкурентоспособных образовательных услуг потребителям-нерезидентам» [23, с. 47].

По мнению М.С. Максаковского, экспорт образовательных услуг – это «Оказание услуг в области профессиональной подготовки и переподготовки кадров, повышение их квалификации, включаю-

щее в себя совокупность мероприятий, охватывающих все уровни и программы обучения в национальных системах образования» [24, с. 21].

Экспорт образовательных услуг В.Д. Чухломин определяет как «Обучение иностранных студентов в своей стране и через создание представительств и филиалов в иностранных государствах» [25].

Несмотря на различия формулировок определений, их всех объединяет то, что при экспорте потребителем образовательных услуг во всех случаях являются иностранные граждане.

Вместе с тем понятие «экспорт образовательных услуг» законодательно не закреплено. Кодекс Республики Беларусь об образовании в статьях 118–120 регламентирует «международное сотрудничество в сфере образования», «внешнеторговую деятельность в сфере образования» и «получение образования в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства...» [26]. Однако ни в одной из этих статей не дается определение «экспорта образовательных услуг» и не используется этот термин.

Впервые в нормативно-правовых актах Республики Беларусь определение термину «экспорт образовательных услуг» было дано в «Концепции развития экспорта образовательных услуг в рамках сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами в 2007–2010 годах». В документе использовалось следующее определение: «экспорт образовательных услуг – предоставление резидентами Республики Беларусь образовательных услуг нерезидентам на территории Республики Беларусь и за ее пределами (в том числе в виде дистанционной формы обучения) в соответствии с законодательством Республики Беларусь или международными договорами Республики Беларусь» [27].

Но деятельность любого исполнителя по экспорту образовательных услуг выходит далеко за рамки педагогической деятельности по обучению иностранных граждан. Она предполагает проведение комплекса разноплановых, взаимосвязанных и взаимозависимых организационных, экономических, юридических и педагогических мероприятий. Поэтому автором предлагается рассматривать экспорт образовательных услуг с учетом его специфики как деятельность, комплекс взаимосвязанных действий и мероприятий, систему.

Принимая во внимание все вышеназванные определения, а также выявленные особенности, автор дает следующее определение *экспорту образовательных услуг – это многосторонняя деятельность исполнителей-резидентов Республики Беларусь, направленная на возмездное удовлетворение спроса потребителей-нерезидентов на образование, включающая в себя проведение комплекса организационных, экономических, юридических и педагогических мероприятий.*

В экономической теории понятие «эффективность» трактуется неоднозначно. Для классической школы эффективность организации понимается как достижение цели с минимальными затратами. При этом часто отождествляется с производительностью (Ф. Тейлор, М. Вебер, А. Файоль, Л. Гьюлик, Л. Урвик и др.).

С шестидесятых годов XX века эффективность понимается как эксплуатация ресурсов с минимальными затратами. Такая трактовка обусловлена трансформацией понимания как многоцелевой системы.

В рамках неинституционального подхода (Мейер, Б. Роуан, Скотт, ДиМаджио) в противовес рациональной деятельности организации, фиксирующейся в эффективности организации, ставятся требования институционального окружения [28]. В данном случае организации трактуются как относящиеся либо к типу организаций, выживание которых зависит от эффективности и где результат деятельности легко подсчитать; либо к типу, где выходной продукт трудно определить, а следовательно и определить эффективность. К данной категории относятся организации образования, здравоохранения и др.

Довольно интересный подход к оценке эффективности организации дает теория случайных трансформаций (Марч и Олсен). В данном подходе эффективность функционирования организации рассматривается как суммарный вектор действий всех членов организации, выполняющих свою работу [29].

В экономической теории под эффективностью в общем виде понимается «соотношение результатов и затрат ...», она «отличается многообразием форм выражений» [30, с. 27]. Общую формулу экономической эффективности можно выразить следующей формулой: *эффективность = результат / затраты*. Следовательно, максимальная эффективность достигается при получении максимального результата с минимальными затратами.

Согласно П. Самуэльсону и У. Нордхаусу [31, с. 55], экономическая эффективность – это получение максимума возможных благ от имеющихся ресурсов, постоянно соотнося выгоды (блага) и затраты, при этом необходимо вести себя рационально. Производитель и потребитель благ стремятся к наивысшей эффективности, максимизируя при этом свои выгоды и минимизируя затраты.

Рассмотрим некоторые из существующих определений *эффективности экспортной деятельности предприятия*. Согласно терминологии «Современного экономического словаря» эффективность экспорта – «это выгодность экспорта, измеряемая отношением стоимости во внешнеторговых ценах товара, вывезенного из страны, к его стоимости во внутренних ценах» [32]. Представляется, что такое определение неактуально при рассмотрении экспорта образовательных услуг, так как не позволяет объективно

оценить все аспекты ведения экспортной деятельности учебным заведением и не подходит для разработки экспортной стратегии учебного заведения.

Под эффективностью экспорта Е. Злотникова понимает «величину прироста сальдо торгового баланса при увеличении экспорта продукции отрасли на единицу» [33]. Такое определение эффективности экспорта имеет смысл только в том случае, если предприятие занимается как экспортной, так и импортной деятельностью, что не характерно для учебных заведений Республики Беларусь.

В отношении разработки методологии оценки эффективности экономического роста следует отметить исследование В.А. Кустикова [34]. Экономический и социальный аспекты эффективности, а также ее критерии и показатели достаточно подробно рассмотрены М.И. Ноздриным-Плотницким [35]. Много внимания исследованиям оценки эффективности различных стратегий устойчивого развития на макроуровне уделили отечественные исследователи О.А. Высоцкий и И.В. Щитникова [36; 37].

Среди исследователей общей эффективности деятельности учебных заведений как субъектов хозяйствования стоит отметить Е.В. Пушкарева, Л.В. Гридину и Е.Н. Олешкевич [38; 39]. Эффективность деятельности учебных заведений через призму удовлетворения спроса потребителя (заказчика) образовательных услуг рассмотрена в исследовании Е.П. Поповой «Проблема эффективности университетов и заказчики образовательных услуг» [40].

Однако вопросы эффективности экспортной деятельности учебных заведений как в отечественной, так и зарубежной научной литературе рассматриваются достаточно редко. Подобными исследованиями активно занимаются некоторые российские исследователи Г.А. Краснова и Т.Л. Клячко. В своей работе «Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в мире и России» они рассматривают эффективность экспорта образовательных услуг на макроуровне, в масштабе всего государства с точки зрения вклада иностранных студентов в экономику России [41].

Эффективность экспорта образовательных услуг на микроуровне в масштабе отдельного учебного заведения исследовалась Б.В. Казариным, Е.Е. Кобелевой, Л.Н. Ваулиной. Много внимания оценке эффективности экспортной деятельности учебного заведения уделено А.А. Алексанковым в диссертационном исследовании «Методика разработки инновационной программы вуза по экспорту образовательных услуг», где предложена методология «оценки экономической эффективности образовательных услуг для потребителя, построенной на основе концептуальных положений теории человеческого капитала» [42, с. 137].

Анализ вышеуказанной литературы показал, что проблема определения содержания категории «эффективность» применительно к экспорту образования изучена недостаточно. Существующие исследования оценки эффективности экспорта образовательных услуг носят фрагментарный характер и не позволяют сформировать целостную модель построения эффективной стратегии учреждения высшего образования по продвижению своего образования на мировой рынок, а также системы оценки.

Во многих других исследованиях эффективность экспорта зачастую рассматривается в контексте получения оплаты предприятием за свой товар в валюте на иностранных рынках.

В результате изучения научной литературы установлено, что теоретическими особенностями эффективности экспорта образовательных услуг являются следующие:

1) эффективность экспорта образовательных услуг можно рассматривать на трех уровнях: глобальном, макроуровне (в масштабе экономики Республики Беларусь) и микроуровне (деятельность отдельного учебного заведения), при этом понимание сущности эффективности будет разным;

2) оценка эффективности экспорта образовательных услуг значительно зависит от экспертных оценок, что обуславливает большое влияние субъективного фактора;

3) принимая во внимание то обстоятельство, что экспорт образовательных услуг, как правило, не предполагает никакого «вывоза» услуг за пределы Республики Беларусь и оплата производится в национальной валюте, автор делает вывод о том, что категорию эффективности экспорта образовательных услуг целесообразно рассматривать через призму эффективности производства услуг в целом.

Поскольку рассматривается экономическая эффективность экспорта образовательных услуг, то как результат, так и затраты целесообразно измерять в денежном выражении. Таким образом, эффективность экспорта образовательных услуг – это соотношение объема финансовых доходов учебного заведения от обучения иностранных граждан к финансовым расходам на их обучение.

Эффективность экспортной деятельности учебного заведения должна измеряться за определенный промежуток времени, так как управленческие решения могут давать свой положительный или отрицательный эффект в зависимости от времени. Например, снижение требований к абитуриентам из числа иностранных граждан может привести к увеличению численности обучающихся иностранцев на начальном этапе, а следовательно и доходов учебного заведения, но впоследствии может привести к так называемой «девальвации диплома» и снижению репутации этого учебного заведения, что негативно скажется на экспорте образовательных услуг. Или, например, учебное заведение может существенно увеличить расходные

статьи на создание англоязычных программ обучения и обновление учебно-материальной базы, тем самым снизить эффективность своей экспортной деятельности на какое-то время, но впоследствии такие меры могут привести к росту доходов от обучения иностранных студентов и увеличению эффективности.

Таким образом, эффективность экспорта образовательных услуг УВО должна рассматриваться как соотношение доходов УВО по обучению иностранных граждан и расходов на эту деятельность во временной динамике. Оценка эффективности целесообразно проводить как показатель суммы оценки критериев деятельности УВО, обеспечивающих получение наибольшего дохода, с одной стороны, и снижающих затраты – с другой.

Исходя из сущности и циклов функционирования учебного процесса, автором предлагаются следующие отрезки времени (t) для измерения данного показателя: краткосрочная перспектива – до 1 года (t_k); среднесрочная перспектива составляет 4–5 лет (t_c); долгосрочная перспектива – более 5-ти лет (t_d).

Результатом экспортной деятельности учебного заведения является тот доход, который оно получило от обучения иностранных граждан, который, в свою очередь, состоит из количества проданных услуг по определенной цене. Таким образом, результат = $V_1 \cdot n_1 + V_2 \cdot n_2 + \dots + V_n \cdot n_n$, где V – это цена услуги, n – количество проданных услуг. Или $\sum_{k=1}^n V_k$, т.е. сумма стоимости всех проданных услуг учебным заведением нерезидентам за определенный период времени.

Показатель « n » напрямую зависит от количества иностранных граждан, которые обучаются в учреждении образования, но нетождествен этому количеству, так как на протяжении периода обучения иностранные студенты, помимо обучения по основной специальности, могут потреблять несколько образовательных услуг учреждения образования. Например, участие в конференциях, платных семинарах, обучение на различных курсах и т.п.

Таким образом, увеличение количества иностранных студентов, продажа им наибольшего количества образовательных услуг по максимальной цене повышает эффективность экспортной деятельности учреждения образования и, следовательно, является направлением ее совершенствования и развития.

В общем процессе определения эффективности экспорта образовательных услуг принципиальное значение имеет определение затрат учреждения образования на обеспечение экспорта. В экономической теории под затратами понимается «совокупность расходов объединения, предприятий, организаций, выраженных в денежной форме, на производство продукции, оказание услуг, выполнение работ» [43, с. 169]. Исходя из этого базового определения, в контексте экспорта образовательных услуг под затратами следует понимать объем финансовых средств, затраченных учреждением образования на реализацию образовательных услуг для иностранных граждан за определенное время.

В отношении учета затрат на обучение, в том числе иностранных граждан, белорусское законодательство устанавливает следующие нормы для учреждений образования. В соответствии с пунктом 16 Инструкции о порядке определения стоимости обучения при реализации образовательных программ высшего и среднего специального образования на платной основе в государственных учреждениях образования «для расчета стоимости обучения на платной основе одного обучающегося используется метод распределения затрат, установленный в учетной политике учреждения образования», а в соответствии с пунктом 18 той же Инструкции «стоимость обучения иностранных граждан определяется исходя из конъюнктуры рынка, если иное не установлено законодательством и международными договорами Республики Беларусь ...». То есть учреждения образования в праве самостоятельно определять, как стоимость образовательных услуг для иностранных граждан, так и использовать собственную систему учета и распределения затрат на их обучение [44].

Определение объема затрат на экспорт образовательных услуг является сложным процессом. Сложность его заключается в классификации затрат учебного заведения на обучение резидентов и нерезидентов, так как зачастую они потребляют образовательные услуги вместе, вместе пользуются учебно-материальной базой, литературой и т.д. В то же время среди расходов учебного заведения есть и такие, которые очевидно направлены на экспорт образовательных услуг: оплата участия в выставочных мероприятиях за рубежом; оплата услуг рекрутинговых компаний; реклама в СМИ иностранных государств; издание рекламной продукции на иностранных языках и т.п. Подобная классификация может быть проведена только способом экспертных оценок, что допускает субъективный фактор в принятии решений. Таким образом, особенностью оценки эффективности экспорта образовательных услуг является ее значительная зависимость от экспертных оценок, что допускает субъективный фактор.

Всю совокупность затрат учебного заведения на обучение иностранных граждан автор предлагает разделить на две категории: первую и вторую. В первую категорию входят все те затраты, которые невозможно классифицировать как направленные только на экспорт образовательных услуг. Например, расходы учебного заведения на коммунальные услуги. Ко второй категории следует отнести все те рас-

ходы, которые однозначно направлены на экспорт образовательных услуг. Например, затраты на обучение иностранных граждан на подготовительном отделении.

Следовательно, сумма затрат учреждения образования на экспорт образовательных услуг должна состоять из суммы затрат первой категории из расчета на количество обучающихся нерезидентов (Z_1) и всей совокупности затрат второй категории (Z_2). Затраты первой категории можно рассчитать по формуле $Z_1 = \frac{Z_o}{n_o} \cdot n_i$, где Z_o – совокупность общих затрат учебного заведения на оказание образовательных услуг, n_o – общее количество обучающихся в учебном заведении; n_i – количество обучающихся-нерезидентов. Значение затрат второй категории рассчитывается как сумма всех затрат учебного заведения на экспортную деятельность: $Z_2 = V_1 + V_2 + \dots + V_n$, или $\sum_{k=1}^n V_k$.

Так, базовая формула для вычисления эффективности экспорта образовательных услуг принимает следующее значение:

$$\mathcal{E}_i = \frac{\sum_{k=1}^n V_k}{\left(\frac{Z_o}{n_o} \cdot n_i \right) + \sum_{k=1}^n V_k}.$$

Если коэффициент $\mathcal{E} > 1$, то эффективность экспорта образовательных услуг учреждения образования положительная, если $\mathcal{E} \leq 1$, то отрицательная.

Каждое учебное заведение имеет свои ограничения по максимально допустимому количеству обучающихся, которое установлено законодательно: требования к аудиторному фонду и профессорско-преподавательскому составу из расчета на количество обучающихся, требования к общежитиям, к количеству обучающихся в группе и т.д. Этот предел по количеству обучающихся в учебном заведении может быть и уменьшен по разным причинам, например, ввиду проводимой политики органов государственного управления, стратегией учреждения образования и т.п. Тем не менее любое учреждение образования может определить для себя то количество иностранных студентов, которое оно готово принять на обучение на определенный срок, принимая во внимание все обстоятельства и существующие технические, педагогические, финансовые, юридические и иные условия. По факту количество принятых на обучение иностранных граждан может соответствовать этому значению, или быть меньше.

Допустим в университетах *A*, *B* и *B* обучаются по 200 иностранных обучающихся. Доходы и расходы университетов от экспорта образовательных услуг за год из расчета на одного иностранного обучающегося одинаковы: 2000 и 1500 долларов США соответственно. Но в университете *A* оптимальное количество иностранных студентов – 300 человек, в университете *B* – 200, в университете *B* также 200, но абитуриентов, желающих поступить и соответствующих требованиям университета – 250. Университет *B* вынужден провести конкурс среди иностранных абитуриентов и «отсеять» 50 абитуриентов, которые, так же как и поступившие, соответствовали требованиям к поступлению, но не прошли по конкурсу.

Опираясь на базовую формулу расчёта эффективности, у всех трех университетов коэффициент эффективности будет одинаковым и составит 1,3. Но в данном случае этот показатель не отражает очевидной разницы эффективности экспортной деятельности учебных заведений. Вероятно, университет *B* проводит обучение по более востребованным специальностям на мировом рынке образования, а также более результативную рекламную кампанию, сформировал более привлекательный имидж, обеспечил высокое качество обучения и т.д.

Для повышения точности расчета и устранения этой ошибки автором предлагается введение «коэффициента предельного набора» (K); K – это соотношение количества желающих получить образование

в учебном заведении (n_n): $K = \frac{n_n}{n_p}$ и оптимального количества иностранных обучающихся в данном

учебном заведении. При расчете коэффициента n_n учитывается количество фактически поступивших на обучение иностранных граждан за определенный период и количество тех, которые подходили под критерии отбора учреждения образования, но не прошедшие по конкурсу. В нашем примере коэффициент K для университета *A* будет равен 0,7; для университета *B* он составит 1, а для университета *B* будет равен 1,25.

Поскольку коэффициент K отражает соотношение реальных результатов экспортной деятельности учебного заведения к потенциальным, то фактический результат должен умножаться на K . В результате коэффициент эффективности университета *A* составит 0,93, университета *B* – 1,3, а университета *B* – 1,67. И хотя в денежном выражении объем доходов университета *A* от экспорта образовательных услуг превышает

расходы, его эффективность экспорта будет отрицательной, так как учреждение высшего образования работает «не на полную мощность» и не набирает оптимальное количество иностранных граждан на обучение.

Формула эффективности экспортной деятельности после введения коэффициента K имеет следующий вид:

$$\mathcal{E}_t = \frac{\left(\sum_{k=1}^n Y_k \right) \cdot \frac{n_n}{n_p}}{\left(\frac{z_o}{n_o} \cdot n_i \right) + \sum_{k=1}^n V_k}$$

Таким образом, в заключение проведенного исследования, можно сделать следующие *выводы*:

- *образовательная услуга* – это деятельность исполнителей, направленная на удовлетворение спроса потребителей на образование;

- *экспорт образовательных услуг* – это многосторонняя деятельность исполнителей-резидентов Республики Беларусь, направленная на возмездное удовлетворение спроса потребителей-нерезидентов на образование, включающая в себя проведение комплекса организационных, экономических, юридических и педагогических мероприятий.

- *формула эффективности экспорта образовательных услуг является базовой экономической категорией* для определения наиболее подходящей стратегии развития системы обучения иностранных студентов в учреждении образования, так как учитывает все основные ее элементы во взаимосвязи между собой и взаимозависимости, а также основой для разработки критериев оценки эффективности экспорта образовательных услуг;

- *практическая (экономическая, социальная) ценность полученных результатов исследования позволит* учреждениям образования выявить свои сильные и слабые стороны в системе экспорта своих образовательных услуг, а также «уязвимые места»;

- *вычисление коэффициента эффективности экспорта образовательных услуг позволит* глубже понять сущность основных факторов, влияющих на результативность экспорта, а также потенциальные резервы для наращивания объемов экспорта.

Заключение

Образовательная услуга – это деятельность исполнителей, направленная на удовлетворение спроса потребителей на образование.

Экспорт образовательных услуг – это многосторонняя деятельность исполнителей-резидентов Республики Беларусь, направленная на возмездное удовлетворение спроса потребителей-нерезидентов на образование, включающая в себя проведение комплекса организационных, экономических, юридических и педагогических мероприятий.

Формула эффективности экспорта образовательных услуг является базовой экономической категорией для определения наиболее подходящей стратегии развития системы обучения иностранных студентов в учреждении образования, так как учитывает все основные ее элементы во взаимосвязи между собой и взаимозависимости. Она также является основой для разработки критериев оценки эффективности экспорта образовательных услуг.

Практическая (экономическая, социальная) ценность полученных результатов исследования позволит учреждениям образования выявить свои сильные и слабые стороны в системе экспорта своих образовательных услуг, а также «уязвимые места».

Вычисление коэффициента эффективности экспорта образовательных услуг позволит глубже понять сущность основных факторов, влияющих на результативность экспорта, а также потенциальные резервы для наращивания объемов экспорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) [Электронный ресурс] / Соглашение. – Режим доступа: http://www.rgwt.com/wto.asp?id=3668&doc_id=2111. – Дата доступа: 11.07.2018.
2. Бурденко, Е.В. Права работника / Е.В. Бурденко. – М. : ИИЦ МГУДТ, 2006. – 257 с.
3. Данилова, Т.В. Методика оценки конкурентоспособности вузов / Т.В. Данилова // Качество и конкурентоспособность в XXI веке : материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. – Чебоксары : Чувашский гос. ун-т, 2006. – С. 55–61.
4. Лукашенко, М.А. Маркетинг и PR в учебном заведении / М.А. Лукашенко // Высшее образование в России. – 2002. – № 4. – С. 32–40.

5. Ченцов, А. О бизнесе образовательных услуг / А. Ченцов // Высшее образование в России. – 1999. – № 2. – С. 120–123.
6. Стрижов, А.М. Понятие качества образовательной услуги в условиях рыночных отношений / А.М. Стрижов // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1999. – № 3. – С. 47–50.
7. Джапарова, Р. Маркетинг услуг профессионального образования / Р. Джапарова // Маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 55–65.
8. Липкина, Е.Д. Конкурентоспособность вузов на современном рынке образовательных услуг / Е.Д. Липкина. – Омск : ОмГПУ, 2006. – 136 с.
9. Зайчикова, С.А. Стратегия маркетинга высшего учебного заведения в системе открытого образования / С.А. Зайчикова, И.Н. Маяцкая. – М. : РГСУ, 2006. – 115 с.
10. Терещенко, Н.Н. Исследование рынка образовательных услуг высшей школы / Н.Н. Терещенко. – Красноярск : Красноярский гос. ун-т, 2005. – 267 с.
11. Зотов, В.Н. Разработка стратегии и тактики маркетинговой деятельности вузов на рынке образовательных услуг и научно-технической продукции : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / В.Н. Зотов. – М. : РЭА им. Г.В. Плеханова, 1997. – 21 с.
12. Романова, И.Б. Управление конкурентоспособностью высшего учебного заведения / И.Б. Романова. – Ульяновск : Средневож. науч. центр, 2005. – 140 с.
13. Щетинин, В.П. Экономика образования / В.П. Щетинин, Н.А. Хроменков, Б.Г. Рябушкин. – М. : Российское педагогическое агентство, 1998. – 306 с.
14. Зиннуров, У.Г. Маркетинг в деятельности вузов: теория и методы решений / У.Г. Зиннуров. – Уфа : УГАТУ, 1993. – 226 с.
15. Кожухар, В.М. К определению содержания образовательной услуги / В.М. Кожухар // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. – № 3. – С. 31–41.
16. Морозов, А.В. Креативная педагогика и психология : учеб. пособие для вузов / А.В. Морозов, Д.В. Чернилевский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект ; Королев : Традиция/Королев, 2004. – 559 с.
17. Панкрухин, А.П. Маркетинг образовательных услуг / А.П. Панкрухин // Маркетинг в России и за рубежом. – 1997. – № 7–8. – С. 79–85.
18. Налоговый кодекс Республики Беларусь (общая часть) : Закон Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 2/920.
19. Кодекс Республики Беларусь об образовании : Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2011 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 2/1795.
20. Словарь современных экономических и правовых терминов ; авт.-сост. В.Н. Шимов [и др.] ; под общ. ред. В.Н. Шимова. – Минск : Амалфея, 2002. – 816 с.
21. Указания по заполнению формы государственной статистической отчетности 12-вэс (услуги) : отчет об экспорте и импорте услуг : постановление Национального статистического комитета Респ. Беларусь, 15 июня 2015 г. № 40 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2015. – № 7/3128.
22. Рогова, Т.М. Экспорт образовательных услуг российских вузов: барьеры и перспективы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Т.М. Рогова. – Ростов н/Д, 2013.
23. Косевич, А.В. Экспорт образовательных услуг сферы высшего образования: мировой опыт и российская практика : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / А.В. Косевич. – М., 2006.
24. Максаковская, Н.С. Структура и содержание процесса экспорта образовательных услуг в вузах физической культуры и спорта (на примере Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Н.С. Максаковская. – М., 2013.
25. Чухломин, В.Д. О стратегии выхода учреждения образования на внешний рынок / В.Д. Чухломин // Маркетинг в России и за рубежом. – 2014. – № 4(42). – С. 32.
26. Кодекс Республики Беларусь об образовании : Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2011 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 2/1795.
27. Об утверждении Концепции развития экспорта образовательных услуг в рамках сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами в 2007–2010 годах : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 окт. 2007 г. № 1320 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 5/25955.
28. Попова, Е.П. Проблема эффективности университетов и заказчики образовательных услуг / Е.П. Попова // Современ. гуманитар. исслед. – 2011. – № 6. – С. 220–227.
29. March, J.G. Ambiguity and Choice in Organizations / J.G. March, J.P. Olsen. – Bergen, Norway, 1976.
30. Курс экономической теории : учеб. пособие / А.В. Сидорович [и др.] ; под общ. ред. А.В. Сидорович. – 2-е изд. – М. : Дело и Сервис, 2001.

31. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон, У. Нордхаус. – М. : Вильямс, 2014. – С. 55.
32. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь [Электронный ресурс] / Б.А. Райзберг // КонсультантПлюс. – М., 2007. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/a4ac408fb9d6def070ad3a76312ca092863048e5/. – Дата доступа: 27.03.2018.
33. Злотникова, Е. Влияние валютного курса на эффективность экспорта отдельных отраслей экономики / Е. Злотникова // Банковский вестник. – 2008. – № 1. – С. 53.
34. Кустиков, В.А. Факторы и эффективность экономического роста белорусской экономики: методы оценки и тенденции изменения / В.А. Кустиков // Экон. бюл. Науч.-исслед. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2014. – № 6. – С. 55–67.
35. Ноздрин-Плотницкий, М.И. Факторы производства, их характеристика и взаимосвязь. Эффективность производства / М.И. Ноздрин-Плотницкий // Экономическая теория : краткий курс / М.И. Ноздрин-Плотницкий [и др.] ; под общ. ред. М.И. Ноздриной-Плотницкой. – Минск, 2017. – С. 34–40.
36. Высоцкий, О.А. Оценка эффективности функционирования стратегии устойчивого развития / О.А. Высоцкий // Прозрачное управление в системе обеспечения устойчивого развития предприятия / О. А. Высоцкий. – Минск, 2014. – С. 29–30.
37. Щитникова, И.В. Методологические принципы единства формирования показателей эффективности на различных иерархических уровнях управления экономикой / И.В. Щитникова // Науч. тр. Белорус. государственного экономического университета ; редкол.: В.Н. Шимов (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Вып. 3. – С. 453–458.
38. Гридина, Л.В. Показатели для оценки эффективности управления качеством образовательных услуг вуза / Л.В. Гридина // Менеджмент в России и за рубежом. – 2010. – № 6. – С. 90–94.
39. Олешкевич, Е.Н. Методологические подходы к определению эффективности рынка образовательных услуг и методика его диагностирования в Республике Беларусь / Е.Н. Олешкевич // Вестн. экон. интеграции. – 2011. – № 1. – С. 48–56.
40. Попова, Е.П. Проблема эффективности университетов и заказчики образовательных услуг / Е.П. Попова // Современные гуманитарные исследования. – 2011. – № 6. – С. 220–227.
41. Клячко, Т.Л. Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в мире и России / Т.Л. Клячко, Г.А. Краснова // Экономика науки. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 102–108.
42. Алексанков, А.М. Методика разработки инновационной программы вуза по экспорту образовательных услуг : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А.М. Алексанков. – СПб., 2003.
43. Словарь современных экономических и правовых терминов / авт.-сост. : В.Н. Шимов [и др.] ; под общ. ред. В.Н. Шимова. – Минск : Амалфея, 2002.
44. Об утверждении инструкции о порядке определения стоимости обучения при реализации образовательных программ высшего и среднего специального образования на платной основе в государственных учреждениях образования : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 июля 2011 г. № 210 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 8/25073.

Поступила 13.08.2018

CONCEPT AND ESSENCE OF EDUCATIONAL SERVICES' EXPORT EFFICIENCY

A. KALININ

The article analyzes the essence of the economic concepts “educational service”, “export”, “efficiency” that are based on studies of domestic and foreign economists, as well as the rules of law. Both general and specific features of educational services are considered. The author’s definition of “export of educational services” is given. The specifics of calculating the effectiveness of the export activities of educational institutions is discussed in the article, and also a formula for calculating is presented with an indication of the main elements. Also Introduced the author’s “coefficient of limiting set” to improve the accuracy of calculations. A training cost accounting system is proposed for calculating the efficiency of the export of educational services. The data obtained can be used by heads of higher education institutions in organizing international cooperation and improving the system of export of educational services.

Keywords: educational service, export of educational services, export efficiency.

УДК 338.2

ДУАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ

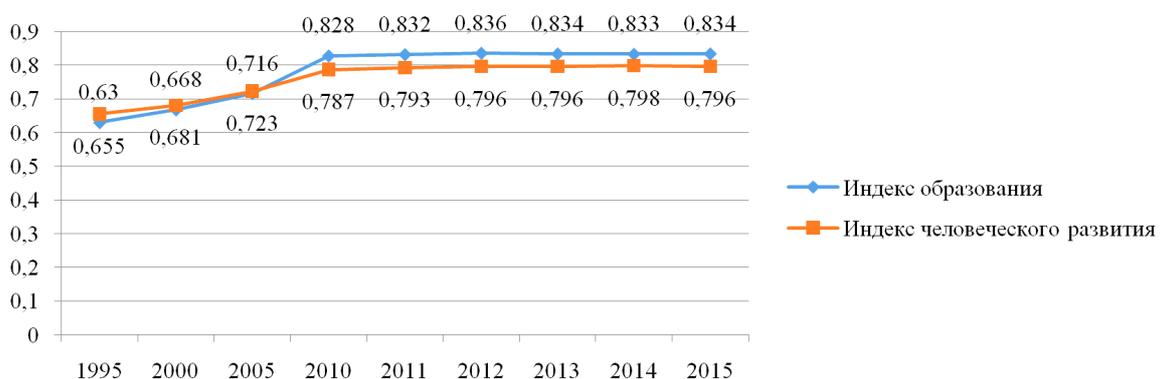
Э.Н. ВОРОНЬКО, Т.Н. СЕРЕДА
(Полоцкий государственный университет)

Образование рассматривается как важнейшая составляющая показателя «качество жизни». Исследована динамика индекса человеческого развития и индекса образования для Республики Беларусь. Раскрывается сущность и обосновывается необходимость использования дуальной системы обучения как условия повышения профориентации и конкурентоспособности будущих экономистов. Выявлены преимущества такой модели обучения перед традиционной для работодателя, учебного заведения, будущего специалиста и государства. Предложены формы организации практико-ориентированного обучения, уточнены функции учреждений высшего образования, определен механизм сотрудничества вузов и организаций-партнеров, описаны основы формирования стратегии вуза. Государственно-частное партнерство представлено как один из вариантов организации взаимоотношений между государством и частными организациями. Налаженное сотрудничество вузов и организаций рассматривается как фактор развития региона и повышения его конкурентоспособности.

Ключевые слова: дуальное обучение, образование, экономика знаний, учреждения высшего образования, индекс образования, индекс человеческого развития, государственно-частное партнерство.

Введение. Новая философия и парадигма развития экономики и общества продолжают формироваться и совершенствоваться, но уже доведены до практического применения в стратегии и экономической политике развитых стран [1, с. 94]. Обществу нужны новые знания, и соответственно новые методы и модели их получения. Образование – это важнейшая составляющая показателя «качество жизни», необходимое условие инновационного развития и построения экономики знаний. Для формирования экономики знаний необходимо обеспечить одновременное развитие основных элементов, составляющих базис экономики знаний: образования, науки, инновационной системы, человеческого капитала и благоприятной среды его функционирования, внедряющей создаваемые инновации промышленности [2, с. 79].

Основная часть. При определении уровня экономического развития страны ключевым критерием является индекс образования (Education Index). Но образованных людей государство может терять или приобретать, соответственно уменьшая или увеличивая свой интеллектуальный потенциал, именно поэтому этот важный аспект следует включить в предмет исследований маркетинга экономики знаний [1, с. 95]. Согласно докладу о человеческом развитии (Human Development Reports, 1990–2015), уровень индекса образования опережает индекс человеческого развития, что отображено на графике (рисунок).

Динамика индекса человеческого развития и индекса образования для Республики Беларусь

Источник: составлено автором на основе [3].

Достигнутые уровни показателей, представленных на рисунке, обеспечивают Беларуси нахождение в группе стран с высоким уровнем развития. В рейтинге стран мира по уровню образования Республика Беларусь в 2015 году занимала 26 место среди 188 стран [4]. Для удержания и повышения достигну-

тых позиций вместе с развитием экономики и общества необходимо и совершенствование системы образования. Современное образование должно готовить студентов к работе в экономике знаний, что значительно меняет роль учреждений образования в складывающихся условиях развития.

Анализ основных подходов к понятию «экономика знаний», проведенный в работе [2, с. 79–80], позволяет сделать вывод о том, что одной из основных структур в экономике такого типа становятся учреждения высшего образования. Это обусловлено их функциями по генерации и трансферу знаний и инноваций, являющимися основными факторами роста в новых условиях хозяйствования. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть функции, которые выполняют такие учреждения в условиях формирования экономики знаний.

Отметим, что некоторые авторы в качестве главной роли учреждений высшего образования выделяют функции, выполняемые ими в современной экономике. С точки зрения других исследователей, основное назначение таких учреждений – это осуществление конкретных миссий. Однако, по нашему мнению, такой подход не совсем корректен: выполнение одних и тех же функций различными вузами не предполагает абсолютно идентичной формулировки миссий по их достижению.

В экономике знаний учреждения высшего образования выполняют ряд следующих функций: образовательную, социальную, экономическую, исследовательскую, интегрирующую, инклюзивную [2, с. 81].

Отметим при этом, что количество выполняемых функций увеличивается, а традиционные, сложившиеся десятилетиями функции трактуются по-новому.

В настоящее время на рынке труда востребованы не сами по себе знания, а способность специалиста применять их на практике, выполнять определенные профессиональные и социальные функции. Создание практико-ориентированной образовательной среды учебного заведения, изучение ее влияния на становление, реализацию, раскрытие, самосовершенствование личности остается актуальной проблемой высшего образования [5, с. 426].

Одним из путей решения существующей проблемы является использование дуальной системы профессионального обучения, получившей мировое признание в качестве формы подготовки кадров.

Дуальное обучение определяется как форма подготовки кадров, предусматривающая сочетание обучения в учебном заведении с периодами производственной деятельности. Модель дуального обучения – это система методов, организационных форм, средств их реализации, а также приёмов педагогической техники в условиях профессиональной подготовки на основе взаимодействия учебного заведения и предприятия [6, с. 139].

Сущность дуального обучения заключается в сбалансированном сочетании теории и практики путем сотрудничества предприятий, учреждений образования, органов власти. По нашему мнению, одним из вариантов такого сотрудничества может стать государственно-частное партнерство.

Согласно определению, представленному в [7, с. 53], в образовательной сфере государственно-частное партнерство рассматривается как совокупность взаимоотношений между государством и частными организациями, главная цель которых заключается в постановке и решении задач, стоящих перед ними, а также разделение ответственности за результаты принимаемых решений. Это могут быть задачи, связанные с обеспечением специалистами высшей квалификации субъектов хозяйствования региона; разработкой квалификационных требований к такого рода специалистам; разработкой содержания и организации прохождения всех видов практики для будущих специалистов; расширением сферы образовательной деятельности и коммерциализации разработок путем создания учебно-производственных центров, технопарков, учебно-научно-инновационных комплексов и пр. [7, с. 54].

Функционирование такого партнерства может протекать в различных формах.

С нашей точки зрения, одними из эффективных для реализации возложенных на учреждения высшего образования функций и выполнения ими миссий по переходу к экономике знаний в регионах могут стать следующие формы государственно-частного партнерства:

- 1) создание государственно-частного партнерства в форме простого товарищества;
- 2) создание государственно-частного партнерства в форме некоммерческой организации (партнерства, фонда);
- 3) использование контрактов как административных договоров, заключаемых между государственными вузами и частными организациями на осуществление определенных общественно необходимых и полезных видов деятельности.

С целью реализации дуального обучения осуществление государственно-частного партнерства в регионе должно осуществляться по следующим направлениям [7, с. 56]:

- *распространение лучшей практики взаимодействия предприятий, объединений работодателей и учреждений профессионального образования* (применение различного рода соглашений о совместной деятельности по вопросам подготовки и переподготовки кадров ведущих региональных вузов и органи-

заций, учреждений региона; открытие базовых кафедр региональных организаций и предприятий на базе факультетов региональных вузов; программы по сотрудничеству с целью развития системы взаимодействия выпускающих кафедр вузов и потенциальных работодателей и пр.);

- участие в разработке образовательных стандартов, примерных учебных планов и программ учебных дисциплин учреждений профессионального образования, а также осуществление контроля за качеством профессионального образования создаваемых объединениями работодателей и т.д.

Практика студентов – одна из форм практико-ориентированного обучения, которая при использовании вузом практико-ориентированного подхода приобретает совершенно новый смысл и становится важнейшим элементом программы вузовской подготовки. Необходимо сделать практику действительно непрерывной, преимущественно в одной и той же организации или в одной и той же отраслевой вертикали. Но модель непрерывной практики неосуществима в условиях случайного выбора мест прохождения практик. Решение этой проблемы заключается в поиске постоянных бизнес-партнеров (работодателей) и организации у них филиалов кафедр. В этом случае достаточно быстро возникает обратный процесс. Работодатели начинают рассматривать конкретных студентов как свой кадровый резерв, вносят предложения по уточнению учебных программ обучения и содержания конкретных дисциплин [5, с. 428].

Налаженное сотрудничество вузов и организаций приведет к эффективному использованию имеющихся у них ресурсов, а в конечном итоге – к развитию региона и повышению его конкурентоспособности.

Дуальная система обучения специалистов направлена на совершенствование модели подготовки профессиональных кадров с учётом экономических нужд в специалистах для увеличения инвестиционной заинтересованности регионов, повышения их инновационной активности.

Основой образования, ориентированного на формирование конкурентоспособности будущего специалиста, должно быть создание такой среды, которая основывалась бы на соперничестве между обучающимися и тем самым в максимальной степени способствовала бы формированию конкурентоспособности будущего специалиста.

Введение дуальной системы обучения дает существенные преимущества для работодателя, для учебного заведения, для будущего специалиста и для государства, которое эффективно решает задачу подготовки квалифицированных кадров для своей экономики.

Выделим *преимущества* (по сравнению с традиционной формой обучения) *системы дуального обучения*:

- усиление практикоориентированности образовательного процесса при сохранении уровня теоретической составляющей;
- подготовка специалистов в соответствии с реальными потребностями работодателей, что способствует трудоустройству значительного числа выпускников вследствие учета потребностей работодателей;
- формирование профессиональной, социальной, организационной, психофизиологической адаптации путем воздействия на личность специалиста в процессе практической подготовки на предприятии;
- обеспечение более высокой мотивации обучающихся в получении знаний за счет качественного выполнения служебных обязанностей на рабочем месте;
- экономия финансовых средств на подбор и отбор персонала повышает заинтересованность работодателей в обучении и подготовке своих будущих работников;
- концентрация учебного заведения на передаче фундаментальных знаний позволяет повысить не только мобильность выпускника в профессиональном направлении, но и делает его конкурентоспособным на современном рынке труда;
- сокращение бюджетных расходов на подготовку специалистов, софинансирование процесса обучения со стороны бизнеса;
- повышение материально-технического, технологического оснащения образовательного процесса;
- реализация обучающимися возможностей самостоятельного финансового обеспечения во время получения образования.

Отметим, что введение дуальной системы обучения в вузах требует от них изменения подходов к формированию стратегии их деятельности. Особую актуальность формирование стратегии приобретает в процессе перехода к экономике знаний.

В связи с высокой значимостью грамотно разработанной стратегии для функционирования учреждений высшего образования в современных условиях хозяйствования рассмотрим концептуальные основы формирования стратегии вуза: формулировка миссии и определение видения, основные ценности и стратегические цели.

Так, при формулировании миссии вуза необходимо определить конечную цель функционирования вуза, действия по ее достижению, установить приоритеты по достижению поставленной цели [8, с. 63].

Видение как элемент стратегии вуза представляет собой тот образ вуза, который он должен принять в долгосрочной перспективе. Отметим, что, в отличие от миссии, которая определяется деятельность вуза в настоящее время, в видении содержится желаемая в будущем деятельность.

Что касается стратегических целей, то для учреждений высшего образования в условиях перехода к экономике знаний таковыми могут быть те, которые позволят усилить его позиции на рынке, повысить конкурентоспособность, а именно:

- удовлетворение потребностей государства или региона в подготовке специалистов как по качеству подготовки, так и по количеству;
- повышение качества подготовки выпускников на основе реализации компетентного подхода в обучении, использования дуальной системы в процессе обучения;
- развитие и совершенствование материально-технической базы, интеграция учреждения высшего образования с научными институтами и бизнес-сообществом на условиях государственно-частного партнерства, которое является механизмом согласования требований потенциальных потребителей услуг вуза и возможностями вуза по оказанию этих услуг и т.д. [8, с. 64].

Внедрение элементов дуальной системы обучения в учебный процесс позволит значительно повысить качество образования, а соответственно и уровень социально-экономического развития территории, особенно при использовании системы рейтинговой оценки городов, которая основана на индикаторах, отражающих преимущественно качество жизни в городах, в том числе качество образования [9, с. 340].

Однако использование дуальной системы обучения требует введения нормативной базы документов, позволяющей четко регламентировать механизмы обучения.

Таким образом, в заключение проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

- одним из условий повышения профориентации и конкурентоспособности будущих экономистов является модель дуального обучения;
- дуальное обучение подразумевает организацию учебного процесса в образовательном учреждении, осуществляющем теоретическую подготовку, и на реальном предприятии, обеспечивающем практическую подготовку;
- высокая надежность дуальной системы обучения объясняется тем, что она отвечает интересам всех участвующих сторон (предприятий, учащихся, государства): для предприятия дуальное образование – это возможность подготовить для себя кадры точно «под заказ», обеспечив их максимальное соответствие всем своим требованиям, экономя на расходах на поиске и подборе работников, их переучивании и адаптации; для студентов дуальное обучение – отличный шанс рано приобрести самостоятельность и легче адаптироваться к взрослой жизни;
- государство эффективно решает вопрос квалифицированных кадров для своей экономики;
- использование дуальной системы обучения в вузе, основанной на усилении практической направленности подготовки специалиста, повышает эффективность технологии подготовки бакалавров экономического профиля, поскольку решается главная задача – выпуск специалиста, знающего, что он умеет и что может предложить работодателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серeda, Т.Н. Предпосылки и направления развития маркетинга экономики знаний [Электронный ресурс] / Т.Н. Серeda // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты : сб. тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию финансово-экономического факультета УО «ПГУ», Новополоцк, 25–26 окт. 2012 г. ; под ред. Н.Л. Белорусовой. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2012. – С. 93–97. – Режим доступа: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/2123>.
2. Воронько, Э.Н. Роль и место учреждений высшего образования в становлении экономики знаний / Э.Н. Воронько // Потребительская кооперация. – № 2 (45). – 2014. – С. 79–83.
3. Human Development Reports [Electronic resource] // United nations development programme. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/data>.
4. Рейтинг стран мира по уровню образования. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя редакция: 05.08.2018). – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>.
5. Серeda, Т.Н. Формирование практико-ориентированной образовательной среды вуза [Электронный ресурс] / Т.Н. Серeda // Инновационные подходы в образовательном процессе высшей школы: национальный и международный аспекты : электрон. сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 8–9 февр. 2018 г. / Полоц. гос. ун-т ; под ред. Ю.П. Голубева, Н.А. Борейко. – Новополоцк, 2018. – С. 426–430. – Режим доступа: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/21486>.

6. Кутумова, А.А. Дуальная система обучения как технология подготовки бакалавров профессионального обучения в современных условиях педагогического вуза [Электронный ресурс] / А.А. Кутумова, Г.А. Яркова // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 4-1. – С. 139–142. – Режим доступа: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35791>.
7. Воронько, Э.Н. Взаимодействие государства и бизнеса при подготовке специалистов для экономики знаний [Электронный ресурс] / Э.Н. Воронько // Новые коммуникативные технологии и современное белорусское общество : электрон. сб. ст. междунар. науч. конф., Новополоцк, 11–12 нояб. 2016 г. / Полоц. гос. ун-т ; под. общ. ред. И.А. Бортника. – Новополоцк, 2017. – С. 53–57.
8. Маркетинг образовательных услуг ; под общ. О.В. Прокопенко. – Ruda Śląska : Drukarnia i Studio Graficzne Omnidium, 2016. – 168 с.
9. Середя, Т.Н. Маркетинг города как инструмент управления и фактор экономического роста территории / Т.Н. Середя // Экономика города в период структурных преобразований: теория, методология, практика : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. ; под ред. Ю.С. Руденко, М.Я. Парфеновой, Л.Г. Руденко [Электронный ресурс]. – М. : Изд-во «МУ им. С.Ю. Витте», 2017. – С. 336–341. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32417746>.

Поступила 31.08.2018

DUAL TRAINING AS A CONDITION FOR INCREASING VOCATIONAL GUIDANCE AND COMPETITIVENESS OF FUTURE ECONOMISTS

E. VORONKO, T. SEREDA

The article considers education as the most important component of the “quality of life” indicator. The dynamics of the Human Development Index and the Education Index for the Republic of Belarus. The essence is revealed and the necessity of using the dual system of training is justified, as conditions for increasing vocational guidance and competitiveness of future economists. The advantages of such a model of training (in comparison with the traditional one) for the employer, for the educational institution, for the future specialist and for the state are revealed. The forms of organization of practice-oriented training are proposed, the functions of universities are clarified, the mechanism of cooperation between universities and partner organizations is defined, the bases for the formation of the university strategy are described. Public-private partnership is presented in the article as one of the options for organizing the relationship between the state and private organizations. The well-coordinated cooperation of universities and organizations is considered as a factor in the development of the region and increasing its competitiveness.

Keywords: *dual training, education, knowledge economy, institutions of higher education, education index, human development index, public-private partnership.*

УДК 65.01

**ГОТОВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПОДХОДУ В УПРАВЛЕНИИ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ**

М.В. ГАЙДОВА, Е.А. КОСТЮЧЕНКО
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается возможность разработки стратегии управления персоналом торговой сети на основе оценки готовности организации к стратегическому подходу в управлении. Используя признаки «стратегичности», дается оценка степени готовности организации к стратегическому управлению. Уточняются стратегические цели объекта исследования и стратегические задачи в области управления персоналом. Внимание акцентируется на ключевом значении кадровой службы при переходе к работе по стратегии управления персоналом.

Ключевые слова: стратегия, стратегический менеджмент, экспертная оценка, метод Дельфи, стратегия управления персоналом, конкурентное преимущество.

Стратегии, которая была бы универсальна для всех организаций, не существует, так же как и не существует универсального алгоритма стратегического управления. Любая организация единственная в своем роде, и процесс разработки стратегии для любой организации уникален. Это обусловлено различиями в позиции организации на рынке, ее внутренним потенциалом, поведением конкурентов и потребителей, динамикой ее развития, характеристиками товара или услуг, состоянием экономики, культурной среды и еще множеством дефиниций.

Прежде чем разрабатывать функциональные стратегии, в соответствии с которыми будет осуществляться стратегическое управление организацией, необходимо оценить ее готовность к стратегическому подходу в управлении.

Для разработки стратегии управления персоналом одной из торговых сетей города воспользуемся методикой оценки готовности к работе по стратегии, предложенной в [1].

Практика стратегического управления позволяет определить несколько признаков, степень проявления которых в деятельности организации характеризует ее готовность к использованию стратегического подхода. Эти признаки могут проявляться в организации в разной степени и характеризуют в конечном итоге ее конкурентные преимущества [1]:

- *ясность миссии.* Наличие представления о тех целях, которые организация желает достичь в будущем, т.е. наличие разработанной миссии, согласованной с интересами собственников и регламентированной;

- *четкость целей и стратегии организации,* которые должны быть оформлены в виде документов, где последовательно излагается концепция стратегического управления организацией на определенный период;

- *наличие отлаженного механизма сбора, анализа и обработки информации.* Управленческая реакция на внешние угрозы должна опережать их появление, опираясь на изучение «слабых сигналов». Организация должна иметь возможность своевременного распознавания проблем и владеть механизмом их решения;

- *работа по повышению конкурентоспособности организации.* Ясность в отношении конкурентных преимуществ и слабых сторон организации. Организация должна проявлять инновационность для повышения его конкурентоспособности;

- *адаптация организации к открывающимся возможностям подразумевает наличие различных по составу и качеству ресурсов для реализации разных рыночных возможностей.* Потенциал организации должен подстраиваться под открывающиеся возможности с тем, чтобы на основе разработки целей и своевременной их корректировки обеспечить устойчивые позиции на рынке;

- *направленность оперативного менеджмента на выполнение стратегических задач организации.* Оперативный менеджмент должен быть фундаментом стратегического управления и осуществляться в рамках действующей стратегии. При отсутствии стратегической направленности интересы функциональных подразделений начинают доминировать над интересами организации в целом;

- *отделение задач стратегического управления от задач оперативного управления.* Субъектами принятия стратегических и оперативных решений в организации не должны быть одни и те же менеджеры.

- *наличие штабных подразделений, осуществляющих консультирование по вопросам стратегического развития.* Такие подразделения не участвуют в решении задач оперативного управления, а осуществляют консультирование высших менеджеров по вопросам стратегического управления (например, отдел стратегического развития);

- использование внешних консультантов для решения неспецифических задач. Внешние консультанты с большей степенью объективности могут оценить состояние стратегического управления в организации;

- постоянное информирование персонала о стратегических целях и планах организации. Периодическое напоминание сотрудникам о миссии, информирование о стратегических целях и планах организации способствует мотивации в деятельности персонала;

- зрелость организационной культуры, предусматривающей гармонизацию интересов организации и интересов различных групп и категорий работников;

- наличие в организации эффективно работающего подразделения по управлению персоналом, укомплектованного квалифицированными кадрами. Это подразделение (служба) должно на основе учета и анализа факторов внешней и внутренней среды предприятия формировать стратегию управления персоналом.

Степень проявления рассмотренных признаков в деятельности организации характеризует уровень её готовности к реализации стратегического подхода в управлении.

Выявление степени проявления признаков, характеризующих подготовленность организации к использованию принципов и методов стратегического планирования и управления, может производиться экспертным путем по методу Дельфи, являющемуся одним из наиболее распространенных методов экспертного оценивания.

Метод Дельфи, по нашему мнению, имеет свои преимущества по сравнению с другими методами, которые основаны на обычной статистической обработке результатов индивидуальных опросов. Он позволяет сократить погрешность по всей совокупности индивидуальных ответов. Также он ограничивает колебания внутри опрашиваемых групп [2].

В качестве экспертов выступают менеджеры организации, что обеспечивает сохранение конфиденциальности, не требует дополнительных затрат времени и ресурсов, необходимых для привлечения сторонних специалистов. Менеджеры организации обладают знаниями местных условий и специфики, но, с другой стороны, они менее подготовлены к экспертной работе, что требует дополнительного разъяснения сущности и методики проведения экспертного опроса, а также учета особенностей ответов при обработке экспертной информации.

Для оценки готовности организации к работе по принципам стратегического управления менеджерам предлагается оценить степень проявления каждого признака в деятельности организации – выставить оценки, соответствующие степени проявления того или иного признака:

«5» – если данный признак в организации полностью проявляется;

«4» – если данный признак проявляется не полностью;

«3» – если данный признак проявляется слабо;

«2» – если данный признак не проявляется.

Общая оценка степени готовности организации представляет собой средневзвешенный балл:

$$\bar{s} = \frac{1}{m \cdot n} \sum_{i=1}^m k_i \sum_{j=1}^n s_{ij}, \quad (1)$$

где s_{ij} – балльная оценка j -го эксперта степени проявления i -го признака; n – количество экспертов; k_i – коэффициент важности i -го признака, определяемый по правилу:

$$k_i = \begin{cases} 1, & \text{если } i\text{-й признак «менее важный»}, \\ 2, & \text{если } i\text{-й признак «важный»}, \\ 3, & \text{если } i\text{-й признак «очень важный»}; \end{cases}$$

m – число рассматриваемых признаков.

Для оценки степени готовности организации к стратегическому управлению по полученному средневзвешенному баллу устанавливается шкала (рисунок 1).

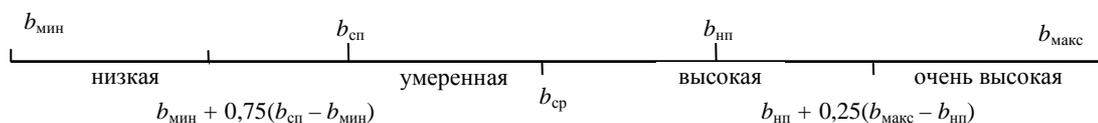

Рисунок 1. – Шкала оценки степени готовности организации к стратегическому управлению

Степень готовности организации к стратегическому управлению оценивается следующим образом:

- *очень высокая*, если полученный средневзвешенный балл попадает на интервал $(b_{\text{нп}} + 0,25(b_{\text{макс}} - b_{\text{нп}}), b_{\text{макс}})$, где $b_{\text{макс}}$ – средневзвешенный балл, отвечающий случаю полного соответствия всех признаков оптимальному состоянию; $b_{\text{нп}}$ – средневзвешенный балл, соответствующий случаю неполного соответствия всех признаков оптимальному состоянию;

- *высокая*, если полученный средневзвешенный балл попадает на интервал $(b_{\text{сп}}, b_{\text{нп}} + 0,25(b_{\text{макс}} - b_{\text{нп}}))$, где $b_{\text{сп}} = (b_{\text{сп}} + b_{\text{нп}})/2$;

- *умеренная*, если полученный средневзвешенный балл попадает на интервал $(b_{\text{мин}} + 0,75(b_{\text{сп}} - b_{\text{мин}}), b_{\text{сп}})$, где $b_{\text{мин}}$ – средневзвешенный балл, соответствующий случаю полного несоответствия всех признаков оптимальному состоянию, $b_{\text{сп}}$ – средневзвешенный балл, соответствующий случаю слабого соответствия всех признаков оптимальному состоянию;

- *низкая*, если полученный средневзвешенный балл попадает на интервал $(b_{\text{мин}}, b_{\text{мин}} + 0,75(b_{\text{сп}} - b_{\text{мин}}))$.

На основании полученной оценки степени готовности организации делается заключение: *если она оценивается как высокая, то можно приступать к выработке стратегии и стратегическому планированию, в противном случае сначала необходимо провести работу по подготовке организации к введению стратегического управления, содержание которой определяется слабо проявляющимися признаками «стратегичности».* При этом на подготовку потребуется тем больше времени и ресурсов, чем ниже оценивается степень готовности.

Оценка «стратегичности» исследуемой торговой сети представлена в таблице; даны комментарии к оценкам признаков. Оценка получена по результатам экспертного опроса представителей высшего и среднего менеджмента.

Готовность исследуемой организации к стратегическому подходу в управлении

Признак «стратегичности»	Оценка степени проявления признака	Комментарии к оценкам признаков
1 Ясность миссии	Проявляется не полностью	Нет утвержденного и доведенного до сведения персонала документа, содержащего гласно обсужденную и принятую концепцию стратегического поведения организации
2 Четкость целей и стратегии организации	Проявляется слабо	Представление о стратегических целях организации размыто и неконкретно, не внедрено в сознание персонала
3 Наличие отлаженного механизма сбора, анализа и обработки информации	Проявляется слабо	Присутствуют задержки оперативной информации о состоянии внешней среды, полученная информация не всегда соответствует запросам
4 Работа по повышению конкурентоспособности организации	Проявляется слабо	Нет единого понимания конкурентных преимуществ и слабостей, работа по повышению конкурентоспособности ведется не систематически
5 Адаптируемость организации	Проявляется слабо	Потенциал ориентирован на имеющийся рынок
6 Направленность оперативного менеджмента на выполнение стратегических задач	Проявляется слабо	В силу неопределенности стратегических установок оперативное управление сконцентрировано на достижении краткосрочных целей
7 Отделение задач стратегического управления от задач оперативного управления	Проявляется слабо	Высшее руководство берет на себя решение оперативных вопросов низшего уровня, лишая средний менеджмент возможности принятия самостоятельных решений
8 Наличие штабных подразделений, осуществляющих консультирование по вопросам стратегического развития	Проявляется слабо	Отсутствуют штабные подразделения, занимающиеся только вопросами стратегической значимости
9 Использование внешних консультантов для решения специфических задач	Проявляется слабо	Внешние консультанты привлекаются крайне редко
10 Постоянное информирование персонала о стратегических целях и планах организации	Проявляется слабо	Информационная подсистема менеджмента требует повышенного внимания
11 Зрелость организационной культуры	Проявляется слабо	Существующий уровень корпоративной культуры не обеспечивает единства в понимании стратегических целей в среде менеджмента, а также лояльности персонала к руководству
12 Наличие в организации эффективно работающего подразделения по управлению персоналом	Проявляется слабо	Подразделение по управлению персоналом по своему количественному и квалификационному составу не вполне соответствует предъявляемым требованиям

Обработав экспертные листы и проведя промежуточные расчеты, рассчитанный средневзвешенный балл, рассчитанный по формуле (1), составил 104,4 (рисунок 2).

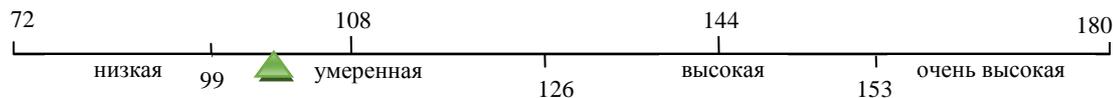

Рисунок 2. – Шкала оценки степени готовности исследуемой торговой сети к стратегическому управлению

Позиционировав на шкале оценки средневзвешенный балл (рисунок 2), полученный по исследуемому объекту, отметим, что степень готовности организации к стратегическому управлению умеренная, ближе к низкой.

Полученные результаты позволили сделать *вывод: прежде чем приступать к разработке стратегии управления персоналом исследуемого объекта, необходимо повысить уровень «стратегичности». В качестве направлений повышения готовности к работе по стратегии необходимо взять признаки «стратегичности», используемые в исследовании.*

Препятствия, которые могут встретиться на пути разработки и реализации стратегии управления персоналом, часто бывают связаны с непониманием стратегических потребностей конкретной организации. Эта проблема усугубляется, если факторы окружения и культуры, которые влияют на сущность стратегии, не принимаются во внимание.

Серьезным препятствием может быть и нежелание руководителей подразделений воспринять новые инициативы как свои собственные или развивать те навыки, которые им необходимы для исполнения своей роли в их реализации. Также необходимо обеспечить процессы поддержки инициатив и необходимые финансовые и человеческие ресурсы.

Для исследуемого объекта нами определены следующие *стратегические цели*:

1) обеспечение устойчивого качества услуг (*подцели*: разработка и внедрение системы контроля качества услуг, модернизация торгового оборудования; достижение и поддержание современного уровня автоматизированных систем управления управленческими процессами);

2) создание уникальных конкурентных преимуществ (*подцели*: формирование организационной культуры);

3) увеличение доходов за счет роста (*подцели*: увеличение доходов за счет повышения качества организационного управления; увеличение доли продаж на рынке за счет обеспечения конкурентного ценообразования и качества услуг; повышение прибыльности за счет повышения эффективности технологических и бизнес-процессов, проектирования эффективной организационной структуры управления; создание систем управленческого учета и отчетности, внедрение адекватной системы стимулирования персонала, формирования нормативной базы).

Для достижения целей и задач стратегии в соответствии с результатами исследования нами определена стратегия управления персоналом, которая предполагает реализацию следующих *задач*:

1) своевременное обеспечение организации персоналом требуемой квалификации и в необходимом количестве;

2) воспроизводство квалифицированного персонала;

3) формирование положительного имиджа организации как работодателя;

4) оптимизация процессов управления персоналом;

5) развитие компетенций и квалификаций персонала;

6) гармоничное развитие персонала.

Эксперты менеджмента считают, что в концепциях управления персоналом и HR-менеджментом нет существенной разницы, потому что HR-менеджмент – это дальнейшее развитие многогранной роли кадровой работы; продолжение процесса управления персоналом со стратегическим подходом [3]. Ключевое значение при переходе к работе по стратегии управления персоналом имеет кадровая служба. В условиях конкурентного рынка традиционная кадровая работа становится менее эффективной. Коммерческая деятельность усложняется, и организации для своего выживания и развития должны искать новые методы организации работ, адаптированные к изменениям внешней среды. Роль функции управления персоналом перемещается из области социального обеспечения и администрирования в область стратегии и выполняет идеологическую роль.

Ключевая роль кадровой службы состоит в организации полноценной работы коллектива для достижения основной цели – получения прибыли. Стратегическая задача кадровой службы – это создание сплоченной и работоспособной команды единомышленников, заинтересованных в конечном результате своего труда и результатах организации. Это формирование гибкой системы управления, построенной по принципу близкого и доверительного взаимодействия с каждым работником и призванной способствовать наиболее эффективному развитию бизнеса.

Для устойчивого решения проблем целесообразно создавать систему управления персоналом, основными чертами которой являются [4]:

- 1) ориентация на высококвалифицированную и инициативную рабочую силу;
- 2) непрерывность процесса обогащения знаний и квалификации;
- 3) делегирование ответственности сверху вниз;
- 4) партнерские отношения между участниками функций и процессов;
- 5) новая организационная культура, ориентированная на работников.

В заключение проведенного исследования на основании полученной оценки степени готовности исследуемого объекта сделан *вывод* о том, что в первую очередь необходимо провести работу по подготовке к введению стратегического управления, содержание которой определяется слабо проявляющимися признаками «стратегичности», затем определить стратегические цели и увязать со стратегическими задачами в области управления персоналом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгополов, А.Н. Обоснование параметров внутренней среды предприятия для реализации маркетингового управления / А.Н. Долгополов // Экономические науки. – 2008. – № 38. – С. 258–262.
2. Смирнова, Ю.А. Метод Дельфи как инструмент эффективного стратегического планирования и управления [Электронный ресурс] / Ю.А. Смирнова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-delfi-kak-instrument-effektivnogo-strategicheskogo-planirovaniya-i-upravleniya>.
3. Салливэн, Джон. Стратегическая роль HR-службы [Электронный ресурс] / Джон Салливэн. – Режим доступа: <http://www.hrliga.com/index.php?module=profession&op=view&id=393>.
4. Гайдова, М.В. Изменение статуса и роли отдела кадров в процессе стратегического управления и формирования стратегии управления персоналом / М.В. Гайдова // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты // Электрон. сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоцкого государственного университета. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 94–99.

Поступила 12.10.2018

AVAILABILITY OF THE ORGANIZATION FOR STRATEGIC APPROACH IN MANAGEMENT AS A NECESSARY CONDITION OF DEVELOPMENT OF THE HUMAN-RESOURCE MANAGEMENT STRATEGY

M. GAYDOVA, H. KOSTUCHENKO

The possibility of development the human-resource management strategy of retail chain stores basising on assessment of organization's readiness for strategic approach in management is considered; using signs of "strategicity", an assessment of degree of uorganization's readiness for strategic management is given; strategic objectives of research's object and strategic tasks in the field of human resource management are specified; the attention on the key value of the personnel service in the transition to work on a HR management strategy is focused.

Keywords: *strategy, strategic management, expert evaluation, Delphi method, personnel management strategy, competitive advantage.*

УДК 338.24(476)

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*канд. экон. наук, доц. Г.Н. СЕРЯКОВ
(Полоцкий государственный университет)*

В рамках проведенных исследований динамики промышленного производства в Республике Беларусь показано, что как в целом, так и по большинству отраслей наблюдается отрицательная динамика индекса промышленного производства, свидетельствующая о спаде экономической активности предприятий промышленности в рамках пятого технологического уклада при переходе к шестому.

Ключевые слова: анализ динамики, развитие экономики, промышленность, Республика Беларусь.

Введение. Формирование нового технологического уклада мировой экономики неизменно связано с улучшением качества человеческого потенциала, социальной среды благодаря структурной диверсификации экономики. Однако проблемы выбора направлений и средств развития нового технологического уклада в национальной экономике Республики Беларусь, обеспечивающих ее опережающее развитие, требуют формирования самостоятельной методологии исследований [1], базирующейся, в том числе, на анализе динамики развития экономики промышленности Республики Беларусь.

При проведении анализа динамики развития экономики промышленности Республики Беларусь учтены: известные научные наработки, получившие отражение в трудах Н.И. Базылева, С.П. Гурина [2], П. Дайнеко, С. Пуковича [3], Э.А. Лутохиной, В.В. Козловского [4], В.А. Мельника [5], Е. Раковой [6], В.С. Фатеева [7], В.Н. Федосенко [8], В.Н. Шимова [9; 10]; материалы сборников, докладов; Программы «Экономика Республики Беларусь. Анализ структуры и перспективы инвестирования в отдельные отрасли» [11], «Тенденции и перспективы развития промышленного комплекса Республики Беларусь» [12], «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.» [13]; материалы Послания белорусскому народу и Национальному собранию [14], Указы Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы» [15], материалы Официального сайта Министерства финансов Республики Беларусь [16], Официального сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь [17], Официального сайта Министерства экономики Республики Беларусь [18], Официального правового портала Республики Беларусь [19], Официального Интернет-портала Президента Республики Беларусь [20], Официального сайта Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [21] и др.

Основное содержание исследований. Необходимо отметить, что в многочисленных научных работах, посвященных анализу динамики развития экономики промышленности Республики Беларусь, традиционно выделяются следующие аспекты:

- *во-первых*, базовое значение промышленности для развития экономики Республики Беларусь в целом;

- *во-вторых*, сравнительно низкий (в пределах 5%) уровень инновационной активности предприятий промышленности Республики Беларусь;

- *в-третьих*, существенный (примерно 2% в год) рост доли низкотехнологичных производств, что неизменно сказывается на структуре добавленной стоимости, в первую очередь в обрабатывающей промышленности Республики Беларусь;

- *в-четвертых*, необходимо отметить, что в последнее время (в частности в 2017 году) усилилась зависимость национальной промышленности от импорта;

- *в-пятых*, нельзя не отметить, что в последние годы сократилась доля инвестиций, направляемых предприятиями промышленности Республики Беларусь на обновление основных фондов.

Все эти тенденции в той или иной мере являются свидетельством определенного кризиса в процессах развития экономики промышленности Республики Беларусь, связанного с переходом от пятого технологического уклада к шестому.

В представленной работе с учетом ранее проведенных авторских исследований [25–30] при анализе динамики развития экономики промышленности Республики Беларусь по состоянию на 2018 год были получены следующие результаты.

Если обратиться к структуре промышленного производства Республики Беларусь за 2017 год (рисунок 1) [22], можно обратить внимание, что обрабатывающая промышленность является основой национального промышленного производства, составляя 88,0%.

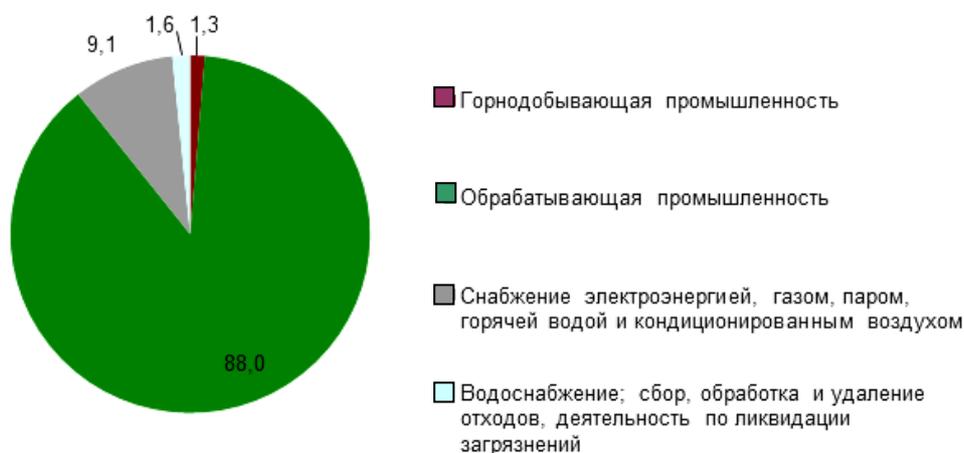

Рисунок 1. – Структура промышленного производства Республики Беларусь за 2017 год

Учитывая, что промышленное производство, которое рассчитывается как сумма вклада в ВВП, анализируемого по видам экономической деятельности, таких составляющих, как горнодобывающая промышленность; обрабатывающая промышленность; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом; водоснабжение, сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений, составляет 26,8% от ВВП страны (30,9% от валовой добавленной стоимости (ВДС)), при этом обрабатывающая промышленность составляет 22,2% от ВВП Республики Беларусь (25,6% от ВДС) и является ядром всей национальной экономики (рисунок 2) [22].

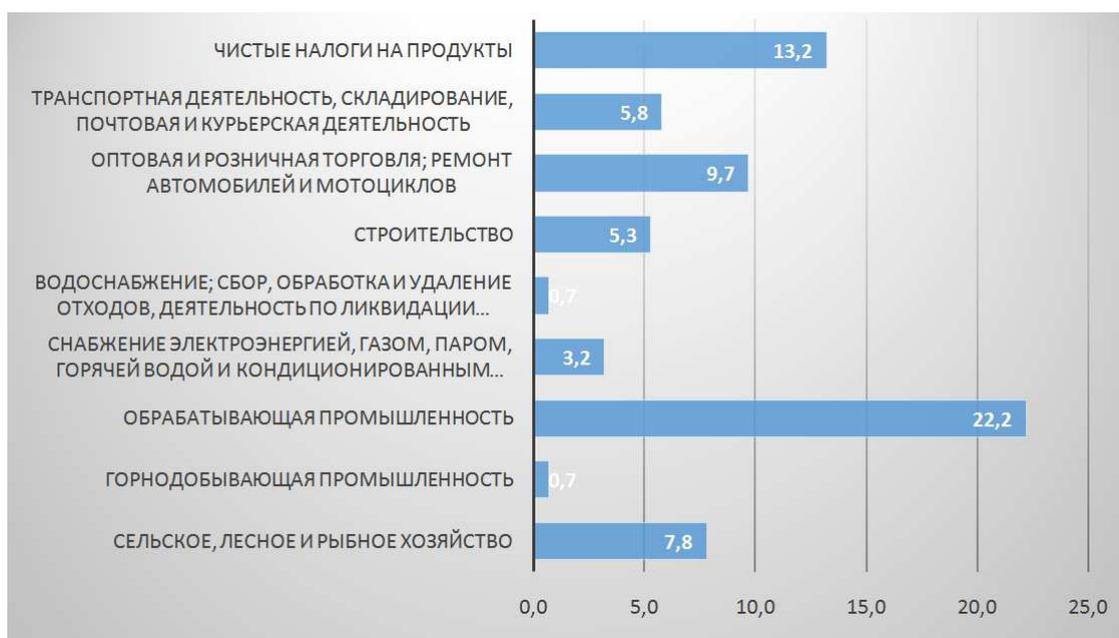

Рисунок 2. – Валовой внутренний продукт и валовая добавленная стоимость по основным видам экономической деятельности в 2017 году

Об эффективном развитии промышленного производства Республики Беларусь свидетельствует и достаточно высокий удельный вес отгруженной инновационной продукции в её объеме, составляющий 19% [23]. Также следует отметить рост производительности труда по ВВП, находящийся в пределах от 103,2 до 104,1% в год [24].

Анализ динамики индекса промышленного производства (рисунок 3)¹, показывает, что в 2010-е годы этот индекс испытывает падение со средним темпом –0,83% в год, демонстрируя тем самым замедление

¹ Рисунок разработан автором по материалам : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/promyshlennost/godovye_dannwe_prom/osnovnye-pokazateli-raboty-promyshlennosti.

темпов промышленного роста, характерное, в том числе, для периода приближения к этапу смены технологических укладов.

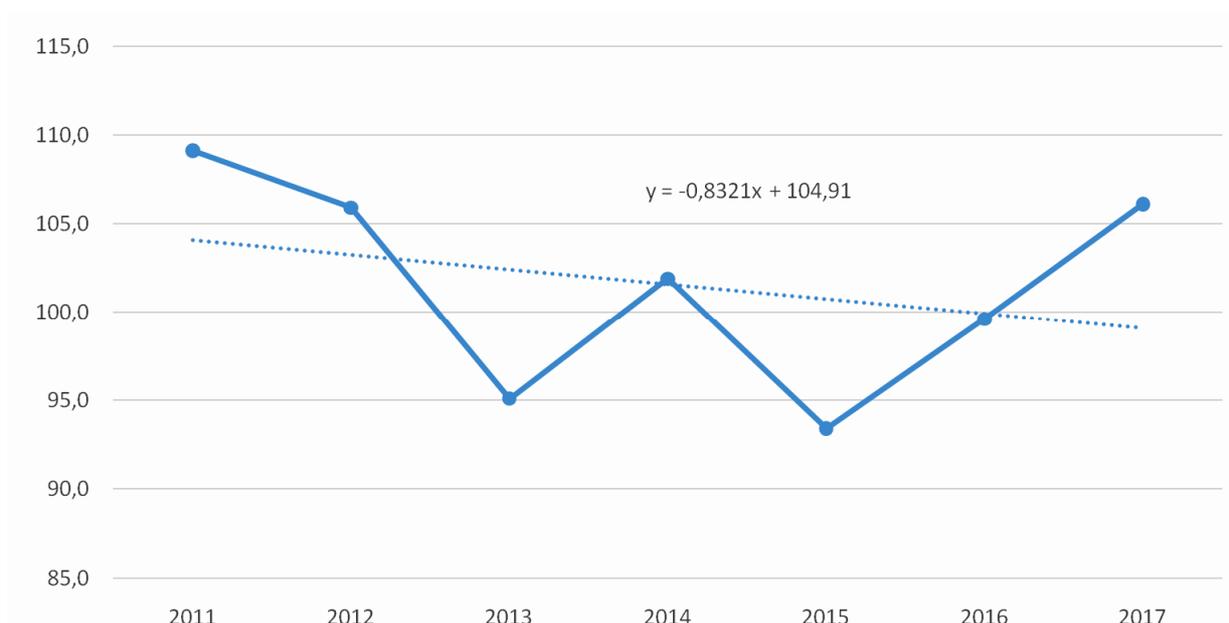

Рисунок 3. – Анализ динамики индекса промышленного производства в Республике Беларусь с 2011 по 2017 год

Необходимо отметить, что негативную динамику демонстрирует и индекс роста валового мирового продукта, проанализированного с 1971 по 2016 год (рисунок 4)², падающего со средним темпом $-0,0433\%$ в год.

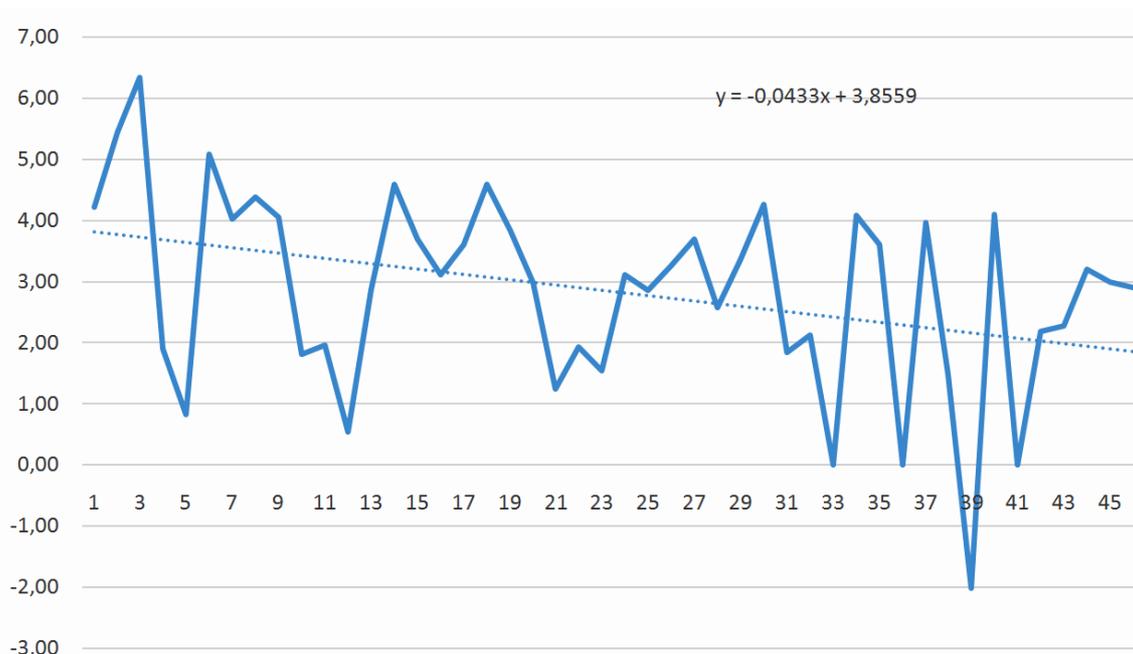

Рисунок 4. – Динамика индекса роста валового мирового продукта, проанализированного с 1971 по 2016 год в фиксированных ценах 1970-го года

² Рисунок разработан автором по материалам : Динамика ВВП мира с 1970 по 2016 год: <https://seosait.com/dinamika-vvp-mira-1970-2016>.

Если вернуться к динамике индекса промышленного производства в Республике Беларусь с 2011 по 2017 год, то необходимо отметить следующие показатели (% в год):

- горнодобывающая промышленность: $-0,18$;
- обрабатывающая промышленность: $-0,97$;
- производство продуктов питания, напитков и табачных изделий: $-0,81$;
- производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха: $-0,4$;
- производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации: $+1,1$;
- производство кокса и продуктов нефтепереработки: $-3,0$;
- производство химических продуктов: $+0,23$;
- производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов: $-0,30$;
- производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов: $-1,01$;
- металлургическое производство, производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования: $-0,63$;
- производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры: $-1,07$;
- производство электрооборудования: $-1,09$;
- производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки: $+0,72$;
- производство транспортных средств и оборудования: $-4,87$;
- производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования: $-0,84$;
- снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом: $+0,78$;
- водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений: $-1,23$.

Выводы по работе. Проведенные исследования показали, что по большинству видов производства наблюдается отрицательная динамика. Этот факт является косвенным свидетельством спада экономической активности предприятий промышленности в рамках пятого технологического уклада при переходе к шестому. Исключение составляют лишь несколько видов производств, характеризующихся положительной динамикой.

Производства с положительной динамикой индекса промышленного производства

В росте индекса промышленного производства изделий из дерева и бумаги, полиграфической деятельности и тиражирования записанных носителей информации наблюдается рост производства по последней из составляющих, демонстрирующих значимость информационных технологий не только для пятого, но и для шестого технологического уклада.

Рост индекса промышленного производства химических продуктов свидетельствует о том, что потенциал химических технологий и потребность в химических продуктах продолжает расти.

Рост индекса промышленного производства, связанного со снабжением электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом можно объяснить не столько ростом объема потребления, сколько ростом тарифов на перечисленные виды ресурсов как в производственной, так и в социально-бытовой сфере.

Рост индекса промышленного производства машин и оборудования, не включенных в другие группировки, свидетельствует о росте спроса на продукцию этой категории. Причем формулировка «не включенных в другие группировки» в определенной мере свидетельствует об инновационной продукции, за которой традиционно не успевают инерционные статистические группировки.

Таким образом, результаты проведенного исследования динамики индекса промышленного производства в Республике Беларусь позволяют сделать *вывод*, что как в целом, так и по большинству видов производства наблюдается отрицательная динамика индекса промышленного производства, что является свидетельством спада экономической активности предприятий промышленности в рамках пятого технологического уклада при переходе к шестому.

Рост индекса промышленного производства по таким направлениям, как производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации; производство химических продуктов, производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, свидетельствует о том, что именно в этих группах находятся элементы технологий, соответствующих шестому технологическому укладу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серяков, Г.Н. Теоретико-методические основы исследования технологических укладов экономики / Г.Н. Серяков, А.В. Тебекин. – М. : Русайнс, 2017. – 106 с.

2. Базылев, Н.И. Макроэкономика : учебник / Н.И. Базылев, С.П. Гурин. – Минск : БГЭУ, 2008. – 216 с.
3. Дайнеко, П. Реструктуризация предприятий в условиях экономического роста Республики Беларусь / П. Дайнеко, С. Пукович. – Минск : Институт приватизации и менеджмента, 2004.
4. Лутохина, Э.А. Макроэкономика: Социально-ориентированный подход : учебник / Э.А. Лутохина, В.В. Козловский ; под ред. Э.А. Лутохиной. – Минск : ИВЦ Минфина, 2005. – 400 с.
5. Мельник, В.А. Государственная идеология: Понятие, элементы, функции / В.А. Мельник. – Минск : Тесей, 2007. – 397 с.
6. Ракова, Е. Белорусский бизнес 2011. Состояние, тенденции, перспективы. Аналитический отчет ; под ред. Е. Раковой. – Минск : Исслед. центр ИПМ, 2011. – 80 с.
7. Фатеев, В.С. Социально-экономическое развитие и изменения в отраслевой структуре промышленности регионов Республики Беларусь в 1990–2010 гг. / В.С. Фатеев // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. – Минск : БГЭУ, 2011. – С. 413–419.
8. Федосенко, В.Н. Модернизация промышленности Республики Беларусь: цели, достижения, проблемы / В.Н. Федосенко // Экономика и управление. – 2016. – № 1(45). – С. 77–81.
9. Шимов, В.Н. О влиянии структурных сдвигов в экономике Белоруссии на динамику эффективности производства. Региональные проблемы социально-экономического развития / В.Н. Шимов // Сб. науч. трудов. – Минск, 2001. – С. 153.
10. Национальная экономика Беларуси: Потенциалы. Хозяйственные комплексы. Направления развития. Механизмы управления : учеб. пособие ; под общ. ред. В.Н. Шимова. – Минск : БГЭУ, 2008. – 431 с.
11. Экономика Республики Беларусь. Анализ структуры и перспективы инвестирования в отдельные отрасли. <http://www.uniter.by/upload/iblock/c8d/c8d38c0d30e65139d6aa1dbe6fd2e636.pdf>.
12. Тенденции и перспективы развития промышленного комплекса Республики Беларусь // <http://economics.basnet.by/files/Tendencii.pdf>.
13. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Я.М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак. – 200 с.
14. Послание белорусскому народу и Национальному собранию http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/
15. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.economy.gov.by/uploads/files/Programma-2020.pdf>
16. Официальный сайт М-ва финансов Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/>
17. Официальный сайт Национального статистического комитета Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>
18. Официальный сайт М-ва экономики Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/>
19. Официальный правовой портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.by.
20. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/>
21. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mintrud.gov.by/>
22. http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/promyshlennost/graficheskii-material-grafiki-diagrammy_11/struktura-promyshlennogo-proizvodstva/
23. Основные социально-экономические показатели по Республике Беларусь <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/osnovnye-pokazateli/osnovnye-sotsialno-ekonomicheskie-pokazateli-respubliki-belarus/>
24. Основные социально-экономические показатели по Республике Беларусь <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/osnovnye-pokazateli/osnovnye-sotsialno-ekonomicheskie-pokazateli-respubliki-belarus/>
25. Серяков, Г.Н. Анализ признакового пространства выделения технологических укладов экономических систем и выявления направлений их развития / Г.Н. Серяков, А.В. Тебекин // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 2017. – С. 407–411.

26. Серяков, Г.Н. Проблемы исследования направлений и средств развития нового технологического уклада экономических систем и потенциальные пути их решения / Г.Н. Серяков, А.В. Тебекин // Журнал экономических исследований. – 2017. – Т. 3, № 8. – С. 18–30.
27. Серяков, Г.Н. Анализ эволюции технологических укладов / Г.Н. Серяков, А.В. Тебекин // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды : материалы междунар. науч.-практ. конф. ; Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Институт мировой экономики и информатизации», 2015. – С. 206–212.
28. Серяков, Г.Н. Влияние динамики циклов экономической активности на перспективы развития национальной экономики / Г.Н. Серяков, А.В. Тебекин // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1 (53). – С. 34–38.
29. Серяков, Г.Н. Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования / Г.Н. Серяков, А.В. Тебекин // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2014. – № 1–2. – С. 33–36.
30. Серяков, Г.Н. Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования / Г.Н. Серяков, А.В. Тебекин // Транспортное дело России. – 2013. – № 6-2. – С. 22–24.

Поступила 15.10.2018

ANALYSIS OF DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ECONOMY OF REPUBLIC OF BELARUS

G. SERYAKOV

Within the conducted researches of dynamics of industrial production in Republic of Belarus it is shown that as in general, and on the majority of types of production negative dynamics of the index of industrial production is observed that is the evidence of recession of economic activity of the enterprises of the industry within the fifth technological way upon transition to the sixth.

Keywords: *analysis of dynamics, development of economy, industry, Republic of Belarus.*

УДК 339.9.012.23

ВЛИЯНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Е.В. БОГДАНОВА

(Полоцкий государственный университет)

Представлен социально-экономический анализ категории «четвертая промышленная революция». Определены методологические основы исследования процессов четвертой промышленной революции и их взаимосвязь с социально-экономическими процессами. Рассмотрены теоретические основы четвертой промышленной революции, определена сущность её мегатрендов. Изучены основные показатели социально-экономического развития стран СНГ. Проанализированы данные социально-экономического развития Республики Беларусь. На основании проведенного анализа влияния четвертой промышленной революции на социально-экономические процессы Республики Беларусь сделаны выводы и выявлены узкие места относительно адаптации социально-экономических процессов Республики Беларусь на пути к четвертой промышленной революции.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, инновации, четвертая промышленная революция, экономический рост, социально-экономические процессы.

Исследованию теоретических основ четвёртой промышленной революции посвящены работы таких ученых-экономистов, как: К. Шваб [1], А.М. Марголин [2], Е.П. Голубков [3], Вольфганг Дорст [4], Д. Аакер [5], О. Уолкер [6], Дж. О'Шонесси [7], Т.А. Гайдаенко [8], Э. Бриниолфссон [9], в которых даётся описание наиболее распространённых проблем, связанных с ИТ, показано влияние цифровой деятельности на людей, бизнес и общественную жизнь, инновационный процесс и ответственность лиц, принимающих решения. В указанных работах авторы также обращают научное внимание на различные стороны категории «индустриализация 4.0», «социально-экономические процессы». В таблице 1 представлены теоретические подходы различных авторов относительно категории четвертая промышленная революция.

Таблица 1. – Теоретические основы четвертой промышленной революции

Автор подхода	Сущность теоретического подхода	Значимость теоретического подхода
Д. Аакер	Четвертая промышленная революция представляет собой объединение промышленности и цифровых технологий, приводящее к созданию цифровых производств, или умных заводов и фабрик, где все устройства, машины, продукция и люди общаются между собой посредством цифровых технологий и интернета	Значимость теоретического подхода заключается в обобщенном подходе к определению четвертой промышленной революции
Э. Бриниолфссон	Индустрия 4.0 – производственная сторона, эквивалентная ориентированному на потребителей «Интернету вещей», в котором предметы быта, от автомобилей до тостеров, будут подключены к Интернету	Значимость теоретического подхода состоит в акцентировании научного внимания на потребителе в системе «производство» – «цифровые технологии»
К. Шваб	Индустрия 4.0 характеризуется сочетанием технологий, «которые размывают границы между физической, цифровой и биологической сферами»	В данном теоретическом подходе скорее речь идет о симбиозе нескольких явлений, среди которых роботизация – лишь одно из многих
Е.П. Голубков	Индустрия 4.0 – это так называемый «проект будущего» немецкого федерального правительства. Это стратегический план развития экономики Германии, предусматривающий совершение прорыва в области информационных технологий. Но, в отличие, например от США, где развивают ИТ-технологии в сторону социальных сетей, развлечений, коммуникаций, немцы ставят задачу подключения к сети промышленного оборудования и целых производств	Максимального эффекта предполагается добиться от соединения традиционно сильных позиций Германии в области индустрии с новейшими достижениями в области информатизации. Ценность данного исследования заключается в обращении страновой принадлежности новаторств и нововведений, свойственных индустрии 4.0
Т.А. Гайдаенко	Переход на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени в постоянном взаимодействии с внешней средой, выходящее за границы одного предприятия, с перспективой объединения в глобальную промышленную сеть вещей и услуг	Обращает научное внимание в сферу производства как целостную глобальную систему

Источник: составлено автором на основе [1 с. 117; 2, с. 69; 3, с. 183; 4, с. 122; 5, с. 217].

Таким образом, в узком смысле Индустрия 4.0 (Industrie 4.0) – это название одного из 10 проектов государственной Hi-Tech стратегии Германии до 2020 года, описывающего концепцию умного производства (Smart Manufacturing) на базе глобальной промышленной сети интернета вещей и услуг (Internet of Things and Services).

В широком смысле Индустрия 4.0 характеризует текущий тренд развития автоматизации и обмена данными, который включает в себя киберфизические системы, Интернет вещей и облачные вычисления. Представляет собой новый уровень организации производства и управления цепочкой создания стоимости на протяжении всего жизненного цикла выпускаемой продукции.

Исследуя различную литературу, сталкиваешься с тем, что исследователи используют два сочетания: «четвёртая промышленная революция» и «индустриализация 4.0». Но, как представляется, в этом вопросе данные понятия идентичны.

На основании результатов исследований, проведенных Всемирным экономическим форумом, а также на основании результатов, полученных в ходе работы глобальных экспертных советов, Президент Всемирного экономического форума К.М. Шваб в своей работе [6] определяет три блока мегатрендов, основанных на ключевых технологиях четвертой промышленной революции, сущность которых проиллюстрирована на рисунке 1.

Рисунок 1. – Сущность мегатрендов четвертой промышленной революции

Источник: составлено автором на основе [7, с. 473].

Проанализировав специфические особенности всех четырех промышленных революций, можно выделить характерный тренд, а именно постоянное возрастание значения систем автоматизации и управления. Этот тренд в значительной мере объясняет специфику текущей четвертой революции.

Компаративный анализ показателей экономики Республики Беларусь с соответствующими показателями стран СНГ показал, что основные тенденции развития страны в 2016 году сопоставимы с тенденциями, демонстрируемыми сырьевыми государствами региона: Россией, Азербайджаном, Казахстаном и Кыргызстаном.

Основные показатели социально-экономического развития стран СНГ в 2016 году представлены в таблице 2, из которой видно, что Республике Беларусь пока не удалось вернуться на позиции лидера по показателям социальной сферы среди стран СНГ, утраченные в начале 2015 года.

Так, по численности безработных в процентах к экономически активному населению Беларусь по-прежнему занимает 3-е место, уступая Азербайджану и Казахстану.

Численность безработных в процентах к численности экономически активного населения в различных странах в 2016 году представлена на рисунке 3.

Следует отметить также, что в Беларуси в текущем году реальные располагаемые денежные доходы населения снижаются быстрее, чем в других странах Евразийского экономического союза. Так, если в Беларуси индекс реальных располагаемых денежных доходов населения в 2016 году по отношению

к 2015 году составил 92,7%, то в России уровень данного показателя остановился на отметке 94,1%, а в Казахстане – на отметке 95,5%.

Таблица 2. – Основные показатели социально-экономического развития стран СНГ в 2016 году (в % к 2015 г.)

Страны СНГ	Валовой внутренний продукт (в постоянных ценах)	Промышленная продукция (в постоянных ценах)	Продукция сельского хозяйства (в постоянных ценах)	Инвестиции в основной капитал (в постоянных ценах)	Оборот розничной торговли (в постоянных ценах; все каналы реализации)	Экспорт	Импорт	Индексы потребительских цен	Индекс цен производителей промышленной продукции
Азербайджан	96,2	99,6	102,6	73,9	101,5	71,8	92,6	115,7	188,7
Армения	100,2	106,7	94,8	89,2	98,0	120,0	101,6	98,9	107,0
Беларусь	97,4	99,6	103,4	82,1	95,9	87,8	91,0	110,6	109,4
Казахстан	101,0	98,9	105,5	105,1	100,9	80,0	82,4	108,5	115,5
Кыргызстан	103,8	104,9	103,02	103,8	105,3	105,1	96,3	99,5	99,7
Молдова	103,33	100,9	118,6	86,1	101,14	104,0	100,8	102,4	102,8
Россия	99,8	101,1	104,8	97,73	94,8	83,0	99,6	105,4	107,4
Таджикистан	106,9	116,0	105,2	120,3	106,1	100,9	88,2	106,1	114,7
Туркменистан	106,2	104,63	116,67
Узбекистан	107,8	106,6	106,6	111,85	114,47	105,7	...
Украина	104,78	102,4	106,1	116,4	104,0	95,4	104,6	112,4	135,7

Источник: данные по Туркменистану, Узбекистану и Украине приведены с официальных сайтов национальных статистических служб этих государств.

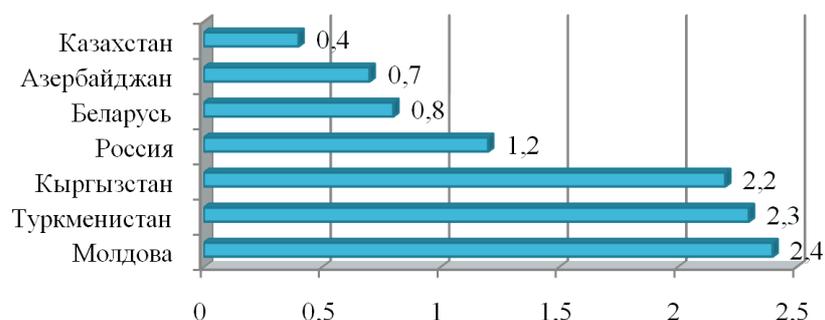

Рисунок 2. – Численность безработных в процентах к численности экономически активного населения, на конец 2016 года

Источник: данные приведены с официальных сайтов национальных статистических служб указанных государств.

Кроме того, Европейская Комиссия ежегодно оценивает состояние цифровизации европейской экономики и общества. Были опубликованы результаты для прошедшего года.

Для такой оценки рассчитывается Digital Economy and Society Index (DESI) – композитный индекс, который суммирует разные индикаторы развития цифровой Европы и отслеживает эволюцию стран, входящих в Европейское Сообщество, с точки зрения их цифровой конкурентоспособности. Этот индекс имеет 5 основных параметров.

Таким образом, индекс DESI представляет информацию о 28 странах, членах Европейского Союза, по широкому диапазону параметров – от способов подсоединения, цифровых навыков до цифровизации бизнеса и общественных сервисов. Индекс DESI 2016 показывает, что Европа и страны, входящие в Евро-

пейский союз, продолжают развивать цифровое общество и прогрессируют, хотя уровень развития стран серьезно различается, и прогрессируют они также с разной скоростью:

- 76% европейских домов имеют широкополосный доступ в интернет (не менее 30 Мбит/с);
- подписка на мобильный интернет увеличилась с 58 подписчиков на 100 человек в 2013 году;
- 4G мобильный сервис покрывает 84% населения Европейского союза;
- количество специалистов по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) составляет 3,5% в общей рабочей силе;
- почти у половины европейцев (44%) по-прежнему отсутствуют основные цифровые навыки: использование почтового ящика, инструменты редактирования или установка новых устройств;
- 79% европейцев пользуются интернетом хотя бы раз в неделю. Рост с индексом 2016 на 3%;
- 78% интернет-пользователей слушают (загружают) музыку, смотрят фильмы, играют;
- 70% европейских интернет-пользователей читают онлайн-новости (64% в 2013 году);
- 63% пользуются социальными сетями (57% в 2013 году);
- 66% покупают онлайн (61% в 2013 году);
- 59% используют онлайн банкинг (56% в 2013 году);
- 39% используют интернет делать звонки (33% в 2013 году);
- 18% европейских предприятий отправляют электронные счета-фактуры (10% в 2013 году);
- 34% интернет-пользователей заполняли формы онлайн, не делая бумажных копий (27% в 2013 году).

Опираясь на данные DESI, Европейская комиссия представила доклад, как государства-члены Европейского союза продвигаются в цифровизации, что позволяет дать оценку достигнутого и определить шаги, чтобы улучшить национальные показатели.

Страны с точки зрения развития цифрового общества сгруппированы в кластеры. Согласно их показателю в DESI 2016 и их относительному росту по отношению к предыдущему году, все страны улучшили свои параметры, за исключением Швеции, параметр которого не изменился с прошлого года (0,672).

Наиболее интенсивно развивались такие страны: Дания (0,68); Нидерланды (0,673); Швеция (0,672); Финляндия (0,669).

В аутсайдерах оказались южные страны: Румыния (0,35); Болгария (0,37); Греция (0,375); Италия (0,4).

Лидеры в темпах развития (рост в 2015 году по сравнению с 2014) – Хорватия (с 0,37 до 0,42); Португалия (с 0,49 до 0,53); Румыния (с 0,32 до 0,35).

Разрыв между лидерами и отстающими постепенно сокращается – разница между Данией и Румынией составляет 0,33, годом ранее этот показатель равнялся 0,36.

Все 27 стран показывают улучшение показателя по сравнению с предыдущим периодом, но 24 из них существенно замедлили свое развитие. Исключением являются Хорватия, Португалия и Латвия.

В работе И.К. Рожко, посвященной исследованию пользовательской активности в интернете по индексу DESI, автор для восполнения индекса DESI для Республики Беларусь выполнил расчет показателя при помощи методов статистического прогнозирования с использованием индексов EDGI, индекса UNCTAD, IDI и отчетов «Индикаторы информационного общества».

Для восполнения индекса DESI для Республики Беларусь в исследовании пользовательской активности в интернете И.К. Рожко были выполнены расчеты этого показателя.

Критерием для выполнения эффективности при использовании в данном случае аналитического метода бенчмаркинга является достижение оптимума Парето.

В результате проведенных расчетов выявлено, что активность пользователей в интернете имеет довольно высокий показатель – 7,536. Это выше, чем в Латвии и Литве.

Заключение. В результате проведенного анализа относительно влияния четвертой промышленной революции на социально-экономические процессы в зарубежных странах и место среди них Республики Беларусь можно сделать *вывод* о том, что Республика Беларусь занимает достаточно высокие позиции в области цифровизации экономики и предпринимает попытки соответствовать всем международным процессам. Однако на пути к этому существует ряд узких мест, которые требуют разработки концептуальных основ адаптации социально-экономических процессов Республики Беларусь на пути к четвертой промышленной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М., 2016. – 569 с.
2. Марголин, А.М. Актуальные проблемы Европы / А.М. Марголин // Европа и политические процессы на Ближнем и Среднем Востоке : науч. журн. – 2012. – № 3. – М. Изд-во ИНИОН РАН, 2016. – 254 с.

3. Голубков, Е.П. Комбинаторные методы в теории случайных процессов / Е.П. Голубков. – М., 2015. – 569 с.
4. Дорст, В. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы : учебник / В. Дорст. – М. : Аспект Пресс, 2015. – 624 с.
5. Аакер, Д. Исследование социально-экономических и политических процессов / Д. Аакер. – М. : РАГС, 2015. – 228 с.
6. Уолкер, О. Исследование социально-экономических и политических процессов в условиях перехода к индустриализации : учебник / О. Уолкер. – М. : Юрайт, 2014. – 256 с.
7. Тавокин, Е.П. Исследование социально-экономических и политических процессов / Е.П. Тавокин. – М. : ИНФРА-М., 2015. – 224 с.
8. Гайдаенко, Т.А. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса / Т.А. Гайденко. – М. : Либроком, 2014. – 264 с.
9. Бриниолфссон, Э. Исследование социально-экономических и политических процессов / Э. Бриниолфссон. – М. : Логос, 2015. – 304 с.
10. Лавриненко, В.Н. Исследование социально-экономических и политических процессов : вузовский учебник / В.Н. Лавриненко, Л.М. Путилова. – М. : Инфра-М, 2016. – 208 с.
11. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии : в 2-х кн. / К. Маркс. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб., 2016. – Т. 1. Кн. 1 : Процесс производства капитала. – 580 с.

Поступила 16.10.2018

THE IMPACT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION ON THE SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

E. BOGDANOVA

The social and economic analysis of the category “fourth industrial revolution” is carried out. The methodological basis of the study of the fourth industrial revolution and their relationship with social and economic processes. The theoretical foundations of the fourth industrial revolution are considered. Determined by the nature of the Megatrends of the fourth industrial revolution. The main indicators of social and economic development of the CIS countries are studied. The data of social and economic development of the Republic of Belarus are analyzed. On the basis of the analysis of the influence of the fourth industrial revolution on the social and economic processes of the Republic of Belarus conclusions and bottlenecks regarding the adaptation of social and economic processes of the Republic of Belarus on the way to the fourth industrial revolution.

Keywords: *scientific and technical progress, innovations, the fourth industrial revolution, economic growth, social and economic processes.*

УДК 336.242

**ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ:
ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И НАУЧНАЯ ЛОГИКА****канд. экон. наук, доц. С.Ф. КУГАН
(Брестский государственный технический университет)**

Логистический потенциал понимается автором как совокупность факторов, способствующих развитию возможностей по достижению целей в рамках механизма стратегического планирования на территориальном уровне. Это своеобразный экономический резерв социально-экономической сферы, способствующий росту потенциала развития территории, отражающий использование определенного объема ресурсов в той или иной точке пространства в рассматриваемый период времени. Рассмотрены различные подходы, позволяющие оценить не только само понятие «логистический потенциал», но и те резервы, и возможности территории, которые оно подразумевает.

Ключевые слова: логистический потенциал, потенциал системы, территория.

Введение. Важнейшим понятием в сфере логистики является «логистический потенциал», рассмотрение которого необходимо начинать с такой многозначной категории, как «потенциал». Слово «потенциал» происходит от латинского «*potentio*» (*сила*). В словаре военных терминов дается такое определение «потенциала»: это «средства, запасы, источники, возможности, которые имеются в наличии и могут быть использованы для достижения определенных целей, решения каких-либо задач» [1, с. 221].

В Большом Энциклопедическом словаре это понятие трактуется как источники, возможности, средства, запасы, которые используются или могут быть использованы для решения определенной задачи либо достижения цели [2]. Другими словами, «потенциал» определяется как совокупность возможностей, при этом сама возможность рассматривается как благоприятное обстоятельство, при котором можно что-то сделать [3]. Это могут быть возможности индивида, организации или страны в определенной области. В плоскости экономики потенциал является синонимом таких понятий, как ресурсы, резервы или возможности.

Многообразие определений данного понятия говорит о возможности применения его в разных отраслях деятельности человека, а также в научной области. В концептуальном подходе «потенциал» определяется как совокупность показателей или количественная мера уровня развития многомерного динамического объекта [4]. Данный термин в русском словоупотреблении и расширенном толковании может звучать следующим образом: «источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели» [5].

В системном подходе, рассматривающем структуру потенциала, он представляется как некая совокупность параметров, обуславливающих наличием у рассматриваемой системы определенных возможностей и способностей для осуществления усилий, направляемых на ее развитие [4]. Другими словами, потенциал – это характеристика общего состояния системы (производственной, экономической, социальной).

Подавляющее большинство исследователей представляет рассматриваемое понятие через призму наличия ресурсов. Ресурсный подход изучает взаимодействие таких понятий, как «потенциал», «ресурсы», «резервы» и «возможности» [6; 7]. В рамках данного подхода вписывается мнение исследователя Л.И. Абалкина о том, что потенциал – это собирательная характеристика ресурсов [8]. Необходимо отметить тот факт, что потенциал это не только совокупность ресурсов, но и их взаимодействие. Кроме того, в его состав входят и резервные запасы ресурсов. Из этого следует, что происходит объединение потенциальной и реальной способности использования ресурсов для достижения поставленных целей.

Изучение материалов научных исследований показало, что интегрированное понятие «потенциал» необходимо рассматривать в контексте системного [4], концептуального [9] и ресурсного подходов [10]. Подобный анализ позволил условно разделить категорию «потенциал» на структурные элементы:

1. *Ресурсы* – запасы или источники средств.
2. *Возможность* – это способность системы к развитию.

Объединение ресурсов и возможностей дает синергетический эффект в достижении целей системы, что также необходимо для ее стабильного функционирования и способно дать импульс ее дальнейшему развитию.

3. *Целенаправленное управление* – это анализ имеющихся возможностей системы, учитывающих способность совокупности ее ресурсов функционировать при заданных параметрах. Управление ресурсами системы актуализирует возможности ее развития.

Исходя из вышесказанного, автор рассматривает потенциал как управление возможностями совокупности ресурсов системы (территории) осуществлять ее эффективное функционирование и перспективное развитие в будущем.

Кроме того, рассматривая потенциал территории, необходимо отметить, что дуализм трактовки понятия «территория» требует уточнения. Фактически, с одной стороны, это расширенная географическая интерпретация – территория представляет собой среду движения потоков товаров, информации и капитала, а также коммуникационную «площадку», на которой возможно наладить координацию и согласование экономических интересов субтерриториальных агентов взаимодействия [11]. С другой стороны, территория уподобляется ассоциированному субъекту, имеющему специфические интересы, которые можно реализовать, используя возможности логистики.

Необходимо учесть, что в географии понятие «территория» рассматривается как общее, синтетическое, по отношению к которому «регион» выступает аналитической категорией: «Территория есть определенная совокупность мест, получаемая путем их объединения, агрегирования по какому-то единому основанию. Район (регион) же – это то, что обязательно выделяется, вычлняется из целостного объекта» [12]. Представляется целесообразным исходить из категориального разграничения географического и экономического пространства. И если под пространством в географии понимается территория, характеризующаяся определенными масштабом и координатами, рельефом и расстояниями и другими географическими категориями, то «экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними. Под объектами территории понимаются населенные пункты, промышленные предприятия, транспортные и инженерные сети и т. д.» [13]. Отсюда следует восприятие регионов как совокупности гетерогенных (внутренне неоднородных) образований, в рамках которых возникают транзитивные взаимодействия.

Основой научного осмысления структуры и логики изменения пространственных статусов территорий может стать сетевая концепция экономического пространства. Содержанием экономического пространства являются потоки товаров, информации и финансов. Одновременно под понятием «территория» представляется возможным подразумевать регион, городское поселение или любую местность, которая подвергается анализу и оценке с целью дальнейшего развития логистики.

В современном мире потенциал экономического пространства (территории) не ограничивается задачами развития и внешней торговли, он также играет растущую роль в стратегическом развитии регионов, их глобальном позиционировании, поддержке инфраструктурного и экономического роста. Поэтому, главное в формировании и развитии потенциала территории – целевая ориентация и комплексность, объединение в единый процесс всех элементов предпринимательской, хозяйственной, производственной, логистической деятельности и объединение их в систему, действующую в интересах региона с синергетическим эффектом, то есть с многократным усилением результата в силу системности.

Поэтому в дальнейшем исследовании «логистический потенциал территории» и его оценку предполагается рассматривать с точки зрения системного подхода. Под потенциалом территории нами понимается система, имеющая ресурсы, создающая резервы и обладающая интегрирующей способностью к их использованию для достижения поставленных целей.

Нужно отметить, что потенциал территории является синтетической категорией, составляющей возможный объект государственного и областного управления и состоящей из определенного количества показателей и индикаторов для его оценки. В экономической литературе составные части потенциала территории рассматривают по-разному, что говорит об отсутствии единого подхода к пониманию его сущности, но тем не менее во всех интерпретациях остается неизменной основа рассматриваемого понятия, суть которой можно свести к следующему определению: *потенциал территории – это совокупность средств и возможностей, необходимых для достижения определенной цели.*

С точки зрения логистики потенциал территории является возможностью функционирующей логистической системы оказывать эффективное воздействие на развитие региона. В большинстве случаев данное понятие характеризуется емкостью и перспективами роста рынка логистических услуг, темпами роста объектов логистической инфраструктуры, а также способностью территории финансировать данный рост за счет внешних и собственных источников. На основе всестороннего анализа данного направления можно сделать вывод о существовании в научной литературе нескольких основных подходов к определению самого понятия «логистический потенциал территории»:

1. В основе ресурсного подхода заложена значимость ресурсов, которые система может использовать для осуществления логистических функций. Ресурсы, рассматриваемые в подходе данного вида, могут быть материально-техническими, информационными, финансовыми, интеллектуальными, человеческими и другими. Оценивая логистический потенциал территории, необходимо учитывать количественную величину отдельных ресурсов, а также их качественные характеристики. Как правило, если исследуется только объем имеющихся ресурсов, то их взаимодействие и влияние друг на друга не учиты-

ваются. В случае исследования системы ресурсов используются показатели, которые отражают не только количество ресурсов, но и отношения, формируемые при их взаимном обмене. Все это предполагает создание специфических условий для интеграции и развития социально-экономических связей между регионами страны, осуществление логистической деятельности, а также формирование конкурентных преимуществ предприятий и организаций исследуемого региона [14].

Основываясь на ресурсном подходе, решение проблем осуществления логистической деятельности в рамках формирования конкурентных преимуществ предприятий и их сохранения сводится к вопросу постоянного движения необходимого количества и качества определенных ресурсов. Простота использования ресурсного подхода выражается доступностью различных методов расчета величины имеющихся ресурсов. Основным недостатком при использовании данного подхода можно считать одностороннюю характеристику логистического потенциала территории, когда рассматривается только внутренняя среда, а влияние внешнего окружения игнорируется.

2. С позиций результативного подхода можно говорить об отражении результата реализации ресурсных возможностей, являющихся характеристикой достигнутого уровня использования логистического потенциала. Другими словами, результирующей компонент – это способность системы использовать существующие ресурсы для достижения желаемого результата. Выражается результат в виде показателей динамики спроса на услуги логистической системы, повышении грузопотоков, темпах роста внешнеторгового товарооборота, в количестве созданных транспортно-логистических центров, в показателях эффективности протекания логистических процессов, т.е. в количественных и качественных показателях изменения исследуемой системы.

Одной из важных особенностей логистического потенциала является изменчивость и адаптивность. Что позволяет охарактеризовать его как динамичную систему, которая представляет собой ресурсную составляющую, накопленную за предыдущий период осуществления логистической деятельности, инфраструктурную составляющую, создающую условия для развития логистики, и результаты текущих периодов, которые, взаимодействуя между собой и дополняя друг друга, быстро адаптируются к изменениям внешней среды и требованиям логистического рынка. Набор показателей, характеризующих логистический потенциал исследуемой системы, может быть достаточно разнообразен, но вместе с тем он должен соответствовать следующим принципам: принципу системности; принципу полноты и достоверности; принципу комплексности и репрезентативности; принципу динамичности; принципу измеримости и сопоставимости. Принцип системности рассматривает исследуемую логистическую систему как совокупность подсистем и как элемент более масштабной системы.

3. Целевой подход отражает сущность логистического потенциала территории, рассматривает способность совокупности экономических субъектов при наличии благоприятных условий реформировать новые формы управления системами поставок, формируя инновационные логистические сети и каналы сбыта [15].

Приведенный анализ подходов позволяет сделать вывод, объединяющий все изученные направления: логистический потенциал территории представляет многосубъектную способность при наличии благоприятных условий управлять инфраструктурой транспортного и складского хозяйств региона посредством оптимизации структуры ресурсов и рационального их использования.

Необходимо отметить, что в состав структуры логистического потенциала региона входят такие составляющие, как: транспортный потенциал; потенциал складской инфраструктуры; географическое положение; экономическое состояние; транзитный потенциал; кадровое обеспечение; информационно-коммуникационный потенциал. Данная совокупность характеризует инфраструктурный комплекс логистики и субъектов логистического рынка региона, а также логистические процессы, протекающие в нем. Поэтому оценку эффективности развития региона необходимо рассматривать с точки зрения перспектив инвестирования сфер экономической деятельности, к которым относится и деятельность транспортно-логистических структур, а также уделяя особое внимание вопросам прогнозирования потенциала региона в сфере услуг транспортировки и складирования, реализация которых позволяет территориям окупать вложенные инвестиции.

Заключение. Изучение работ авторов исследований в сфере логистики, выявило необходимость в уточнении и характеристике понятий «потенциал территории» и «логистический потенциал», анализа его показателей, связанных с эффективностью логистической деятельности и формированием стратегий развития в регионе.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить тот факт, что исследование логистики на региональном уровне может осуществляться в нескольких направлениях:

- исследование транспортно-логистических систем, которое проводится в случае, если в регионе не существует четко разработанной концепции развития логистики, однако организована деятельность по инвестированию и созданию транспортно-логистических объектов;

- исследование логистического потенциала территории, которое является основополагающим для разработки концепции и стратегии логистики, включения этой стратегии в общий план социально-экономического развития региона или в план развития отраслей народного хозяйства;

- исследование логистических процессов, которое проводится для мониторинга эффективности управления логистикой.

Целесообразно проводить оценку логистического потенциала территории с учетом новых методов анализа состоятельности территории в сфере логистических операций как на региональном, так и на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь военных терминов / сост. А.М. Плехов. – М. : Воениздат, 1988. – 336 с.
2. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Росс. Энцикл., 2004. – 1456 с.
3. Агаларова, Е.Г. Потенциал территории и его роль в развитии экономики региона: теоретический аспект / Е.Г. Агаларова, Л.А. Банникова // Молодой ученый. – 2013. – № 12. – С. 211–213.
4. Шафиков, М.Т. Потенциал: сущность и структура / М.Т. Шафиков // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 236–246.
5. Шаланов, Н.В. Концептуальный подход к формированию цены на инновационный продукт / Н.В. Шаланов. – Новосибирск : НГТУ. – 2008. – 28 с.
6. Горшенин, В.П. Критерии и показатели инновационного потенциала персонала корпорации / В.П. Горшенин // Инновации. – 2006. – № 4 (91). – С. 115–119.
7. Дрокин, С.А. Функционально-структурное моделирование управления потенциалом промышленного предприятия / С.А. Дрокин // Теория и практика реструктуризации предприятий : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза : Изд-во ПДЗ, 2001. – С. 58–59.
8. Абалкин, Л.И. Новый тип экономического мышления / Л.И. Абалкин. – М. : Экономика, 1987. – 189 с.
9. Реанович, Е.А. Смысловые значения понятия «Потенциал» [Электронный ресурс] / Е.А. Реанович // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2012. – № 12. – Режим доступа: <http://research-journal.org/featured/>. – Дата доступа: 01.05.2018.
10. Чучулина, Е.В. Человеческий потенциал региона с учетом интерспецифического ресурса / Е.В. Чучулина // Журнал Вестн. Перм. ун-та. Серия: Экономика. – 2012. – Вып. № 4. – С. 124–125.
11. Белых, С.А. Логистическое обеспечение агропромышленного комплекса региона : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.06 / С.А. Белых. – Ростов н/Д, 2000. – 189 с.
12. Важенина, И.С. Мультиполезная потребительная стоимость территории / И.С. Важенина // Маркетинг. – 2008. – № 2. – С. 24–34.
13. Костинский, Г.Д. Идея пространственности в географии / Г.Д. Костинский // Изв. Акад. наук. Сер. «География». – 1992. – № 6. – С. 31–40.
14. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 25 с.
15. Храмова, Т.Г. Методология исследования социально-экономического потенциала потребительской кооперации : дис. ... д-ра экон. наук / Т.Г. Храмова. – Новосибирск, 2002. – 374 с.

Поступила 07.08.2018

LOGISTIC POTENTIAL OF THE TERRITORY: CONCEPT, FEATURES AND SCIENTIFIC LOGIC

S. KUGAN

Logistical potential is understood by the author as a set of factors that contribute to the development of opportunities to achieve goals within the framework of the strategic planning mechanism at the territorial level. This is a kind of economic reserve of the socio-economic sphere that contributes to the growth of the development potential of the territory, reflecting the use of a certain amount of resources at a particular point of space in the period under consideration. Different approaches are considered in the article, allowing to evaluate not only the very concept of “logistical potential”, but also those reserves and the possibilities of the territory that it implies.

Keywords: logistical potential, system potential, territory.

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

УДК 336.763.35

КОРПОРАТИВНЫЕ ОБЛИГАЦИИ В СИСТЕМЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО БАНКИНГА

канд. экон. наук С.В. БОСЛОВЯК
(Полоцкий государственный университет)

На основе выявленной тенденции снижения роли банков в финансировании капиталобразующих инвестиций обоснована необходимость развития ими услуг инвестиционного банкинга, в том числе консультативно-посреднической деятельности по размещению, обращению и погашению облигаций других юридических лиц. Проведен анализ структуры и динамики объемов ценных бумаг, обращааемых в торговой системе ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа», в том числе облигаций юридических лиц. На основе анализа текущего уровня процентных ставок по различным сегментам финансового рынка сделан вывод о перспективности размещения корпоративных облигаций, номинированных в свободно-конвертируемой валюте. Представлены пути развития рынка корпоративных облигаций: популяризация вложений в облигации юридических лиц в рамках повышения финансовой грамотности, расширение спектра услуг инвестиционного банкинга, использование гибридных форм финансирования инвестиций.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный банкинг, корпоративные облигации, эмиссия.

Реальное инвестирование как процесс организации и финансирования капитальных вложений, является одной из важнейших детерминант экономического развития. Роль инвестиций в воспроизводственном процессе проявляется, с одной стороны, в трансформации свободных денежных средств физических лиц и субъектов хозяйствования в финансовые ресурсы инвестиционной деятельности, с другой – в поддержке и развитии строительной и сопутствующих отраслей.

Однако в 2015–2016 году в Беларуси сформировалась негативная тенденция объемов инвестиций в основной капитал: в 2015 году размер таких инвестиций в фактически действовавших ценах составил 92% к уровню в 2014 года, в 2016 году – 90,3% к уровню 2015 года. В сопоставимых ценах темп снижения в 2015 году составил 81,2%, в 2016 году – 82,6% к уровню предыдущего года [1]. Таким образом, реальная инвестиционная активность в республике «просела» за эти два года практически на треть. Удельный вес реальных инвестиций в стоимости валового внутреннего продукта (ВВП) сократился с 28% в 2014 году до 19,7% в 2016 году [1]. Ситуация несколько улучшилась в 2017 году, когда рост капиталобразующих инвестиций в сопоставимых ценах составил 105,1% к уровню 2016 года. Однако объем инвестиций за этот год в фактически действовавших ценах составил лишь 93,4% к уровню 2014 года [2].

При этом доля участия банков в финансировании реальных инвестиций за последние 4 года сократилась более чем в 2 раза: с 26,6% в 2014 году до 12,9% в 2017 году [2]. В последние годы кредитные ресурсы белорусских банков выступили основным источником финансовой поддержки государственных программ правительства Беларуси по модернизации системообразующих отраслей экономики, в связи с чем банковская система в значительной степени приняла на себя риски и функции контроля реализации таких инвестиционных проектов. На фоне слабой генерации выручки от реализации продукции большинства заемщиков в условиях существенного снижения спроса на нее это привело к высокой закредитованности субъектов хозяйствования, что существенно ухудшает их финансовую стабильность и блокирует экономический рост. В свою очередь, такие процессы негативно сказываются на финансовой устойчивости отдельных банков и банковской системы в целом.

Все это свидетельствует о снижении роли банков в финансировании реальных инвестиций и необходимости диверсификации и переориентации их деятельности в инвестиционном процессе. Так, многие ученые-экономисты разделяют мнение, что к числу важнейших факторов инновационного развития экономики, помимо развития информационно-коммуникационных технологий, возобновляемой энергетики, человеческого капитала, относятся степень развитости финансового рынка и эффективность его работы, детерминированные механизмом взаимодействия инвесторов и реципиентов инвестиций [3; 4]. Обеспечение результативности этого механизма и минимизация издержек его субъектов являются задачами различных финансовых посредников, в том числе финансовых институтов – профессиональных участников финансового рынка. Объективно протекающие процессы расширения финансового инструментария обеспечения инвестиционной деятельности организаций-реципиентов необходимо поддержать, в том числе и адекватным развитием инвестиционного банкинга.

Вместе с тем в настоящее время в экономической литературе и практике не сложилось единого подхода к определению категории «инвестиционный банкинг». На наш взгляд, одно из наиболее полных и обоснованных из них представлено у А.Ю. Бурковой: «Инвестиционный банкинг – деятельность финансовой организации, основными функциями которой являются содействие клиентам в реализации их инвестиционных намерений, в том числе на рынке ценных бумаг, производных финансовых инструментов, структурированных финансовых продуктов, на рынке слияний, поглощений и реструктуризаций, консультационных и аналитических услуг» [5, с. 40].

Услуги инвестиционного банкинга постепенно занимают свое место в деятельности ведущих белорусских кредитно-финансовых организаций, которые в его рамках предоставляют следующие виды услуг:

- 1) организация корпоративного финансирования клиентов – комплекс услуг по организации эмиссии, размещению и обслуживанию обращения ценных бумаг клиентов на международном и внутреннем рынках;
- 2) профессиональная деятельность по ценным бумагам – брокерская и дилерская деятельность, депозитарная деятельность, доверительное управление ценными бумагами;
- 3) доверительное управление денежными средствами (индивидуальное и коллективное);
- 4) сопровождение сделок слияния и поглощения, оптимизация структуры собственников;
- 5) инвестиционное финансирование (проектное финансирование, синдицированное и консорциальное кредитование);
- 6) торговля финансовыми инструментами срочных сделок на организованном и неорганизованном рынках;
- 7) консультационные услуги.

Кроме того, расширилось участие банков в проектном финансировании, при котором банки самостоятельно занимаются подготовкой инвестиционного проекта или обеспечивают клиентам консультирование, оплачивают расходы по осуществлению проекта, нередко банки становятся совладельцами акций создаваемых предприятий. Однако, несмотря на широкий перечень анонсируемых инвестиционно-банковских услуг, фактический уровень их реализации в Беларуси остается невысоким.

Вместе с тем именно банки как субъекты экономики, наиболее продвинутые в профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, должны выступить главными маркетмейкерами в процессе привлечения инвестиционных ресурсов субъектами реального сектора экономики посредством использования современных финансовых инструментов.

Следует отметить, что «выделение инвестиционных банков как особого вида финансового института предполагает высокую степень развития рынка ценных бумаг» [3, с. 36]. Соответственно, в конкретной экономической системе инвестиционный банкинг имеет наибольшие перспективы на более развитых сегментах рынка ценных бумаг. В частности, для Республики Беларусь одним из таких направлений является финансирование инвестиционных проектов на основе выпуска корпоративных облигаций.

Следует отметить, что сегмент облигаций юридических лиц занимает в настоящее время достойное место на отечественном биржевом рынке, о чем свидетельствуют представленные в таблице данные.

Динамика и структура сделок в торговой системе ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа» за 2016–2017 годы

Показатели	2016 год				2017 год			
	Количество сделок		Объем сделок		Количество сделок		Объем сделок	
	шт.	уд. вес, %	млн руб.	уд. вес, %	шт.	уд. вес, %	млн руб.	уд. вес, %
Сделки с акциями	2805	36,3	50,3	0,5	3622	30,1	84,3	1,1
Сделки с облигациями	4926	63,7	9577,4	99,5	8414	69,9	7809,7	98,9
в том числе:								
с государственными облигациями	2385	30,8	5941,0	61,7	2765	23,0	2828,3	35,8
с облигациями Национального банка Республики Беларусь	474	6,1	974,7	10,1	1713	14,2	2152,6	27,3
с облигациями местных займов	25	0,3	151,2	1,6	91	0,8	679,5	8,6
с облигациями юридических лиц	2042	26,4	2510,5	26,1	3845	31,9	2149,3	27,2
Итого сделок в торговой системе ОАО «БВФБ»	7731	100,0	9627,7	100,0	12036	100,0	7894,0	100,0

Источник: информация о деятельности профессионального участника рынка ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа» (www.bcse.by).

Как видно из таблицы, несмотря на некоторое снижение объема сделок с облигациями юридических лиц, их удельный вес возрос до 27,2% всего объема сделок в торговой системе ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа».

Еще более впечатляющая динамика наблюдается по объемам эмиссии корпоративных облигаций. По данным Национального банка Республики Беларусь [6] за 9 месяцев 2018 объем эмиссии облигаций юридических лиц, номинированных в белорусских рублях, составил 1241 млн руб. против 698,9 млн руб. за аналогичный период 2017 года (рост в 1,77 раза). По облигациям, номинированным в долларах США, объем эмиссии за 9 месяцев 2018 года составил 1125,7 млн долл. против 645,4 млн долл. за аналогичный период 2017 года (рост в 1,74 раза), в евро: 285,5 млн евро против 92 млн евро (рост в 3,1 раза).

Накопленный объем допущенных к обращению облигаций юридических лиц достиг к 01.10.2018 следующих значений: 7 млрд руб. по облигациям в белорусских рублях (6,3 млрд руб. на 01.01.2018), 2,6 млрд долл. по облигациям, номинированным в долларах США (2,2 млрд долл. на 01.01.2018), 0,9 млрд евро по облигациям, номинированным в евро (0,8 млрд евро на 01.01.2018).

При размещении юридических лиц облигаций следует учитывать, что нижняя граница их доходности связана с экономическими интересами инвестора и ограничивается доходностью альтернативных инструментов для вложения свободных денежных средств инвесторов (например, процентные ставки по депозитам). Верхняя граница доходности облигаций юридических лиц связана с экономическими интересами эмитента и определяется процентной ставкой альтернативных инструментов привлечения денежных средств, в первую очередь, банковских кредитов. Поэтому на функционирующем рынке доходность облигаций юридических лиц должна находиться внутри этих границ, т.е. не быть ниже доходности схожих альтернативных вариантов вложения средств инвесторов и не превышать процентную ставку по банковским кредитам.

Для определения целевой группы инвесторов в корпоративные облигации проведем такие сопоставления по последним данным Национального банка Республики Беларусь в открытом доступе [6]. По состоянию на сентябрь 2018 года средняя процентная ставка по вновь выдаваемым кредитам юридическим лицам в свободноконвертируемой валюте составила 5,22%, в то время как доходность по государственным долгосрочным облигациям составила 4,19% в долларах США и 3,66% в евро, а доходность краткосрочных облигаций Национального банка в долларах США – 3,9%. Следует заметить, что доступ к таким облигациям имеют в основном профессиональные участники рынка ценных бумаг (прежде всего банки и страховые организации).

Столь низкий «спрэд» по представленным процентным ставкам во многом объясняет узкое поле для размещения корпоративных облигаций среди юридических лиц. При этом далеко не у всех организаций реального сектора экономики есть свободные денежные средства для вложения в облигации других юридических лиц.

Гораздо более оптимистична ситуация с перспективами размещения валютных корпоративных облигаций среди физических лиц. По данным этого же обзора средняя процентная ставка по валютным депозитам за сентябрь 2018 года составила всего 1,01% при максимальном значении для депозитов на срок свыше 3 лет в 2,19% [6].

Для аналогичных сопоставлений в национальной валюте характерна совершенно другая ситуация: средняя процентная ставка по новым кредитам юридическим лицам по итогам сентября 2018 года сложилась на уровне 11,08%, а средняя процентная ставка по депозитам физических лиц за этот же период – 9,73%. Доходность краткосрочных облигаций Национального банка в национальной валюте сложилась в сентябре 2017 года на уровне 9,98%. То есть при рассмотрении в качестве потенциальных инвесторов профессиональных участников рынка ценных бумаг «спрэд» процентных ставок составляет всего 1,1 п. п., для потенциальных инвесторов-физических лиц – 1,35 п. п.

Таким образом, текущая ситуация на финансовом рынке наиболее благоприятствует к размещению облигаций, номинированных в свободноконвертируемой валюте, и в первую очередь среди физических лиц.

Вместе с тем при размещении облигаций юридическим лицам приходится сталкиваться со следующими проблемами:

- 1) для финансирования инвестиций необходимы так называемые «длинные» деньги, т.е. долгосрочные заимствования, в то время как спрос на долгосрочные корпоративные облигации со стороны потенциальных инвесторов ограничен: для юридических лиц-профессиональных участников рынка ценных бумаг – по причине «замораживания» активов на длительный срок, для юридических лиц нефинансового сектора – по причине отсутствия свободных денежных средств, для физических лиц – по причине повышенного риска;

- 2) в сравнении с банковскими депозитами инвестирование в облигации сопряжено с более высокой степенью риска, так как в случае неисполнения эмитентом своих обязательств отсутствуют надежные гарантии возврата вложенных средств. Если при возникновении проблем с возвратом банковского

депозита автоматически включается механизм возмещения ГУ «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц», то чистые активы эмитента и даже предоставленное в залог имущество не всегда являются достаточно ликвидными для быстрой выплаты номинальной стоимости облигаций и процентов по ним.

Решение первой проблемы в настоящее время видится через реализацию стимулирующей функции рынка. Так, в настоящее время на данном сегменте рынка есть корпоративные облигации с высокой процентной доходностью. Например, в 2018 году эмиссию облигаций с доходностью 7,5% годовых в долларах США (выше процентных ставок по вновь выдаваемым кредитам) осуществляли ООО «Арлекс», ООО «Производственная компания Ромакс». Важно отметить, что в настоящее время на рынке корпоративных облигаций преобладает предложение со стороны их эмитентов. В ряде случаев именно высокие ставки становятся решающим фактором для потенциальных инвесторов. Такие детерминанты, как деловая репутация и устойчивость финансового состояния эмитентов, часто не являются определяющими. Поэтому одной из первоочередной задач в развитии рынка корпоративных облигаций является повышение финансовой грамотности физических лиц. Это позволит сформировать уровень конкуренции со стороны спроса, а также будет способствовать принятию инвесторами более взвешенных решений и установлению более приемлемых процентных ставок для эмитентов.

Одним из способов решения второй проблемы может выступить предоставление обслуживающими банками гарантий по эмитируемым их клиентами облигациям. Однако для эмитента при этом возрастёт стоимость привлекаемого капитала. Снижению трансакционных и эмиссионных издержек может способствовать оказание банками комплекса услуг в рамках инвестиционного банкинга: доверительное управление временно свободными денежными средствами потенциальных инвесторов в корпоративные облигации, содействие эмитентам в рациональном целевом финансировании инвестиционной деятельности, консультационные услуги. Это позволит преодолеть, в том числе, достаточно высокий уровень конкуренции со стороны инвестиционных компаний и других профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Кроме того, перспективным направлением инвестиционного банкинга в Республике Беларусь являются оказание посреднических услуг по организации первичного публичного размещения акций (ИРО). Существенным является и потенциал краудфандинга, в частности, одного из его направлений – краудинвестинга, который отличается своей направленностью на финансирование коммерческих проектов на возмездной основе. Такое финансирование является по сути одной из форм вложения инвестиций в венчурные проекты, на начальных стадиях развития которых в силу высокой рискованности их инициаторы не могут рассчитывать на привлечение финансирования в форме традиционных источников (кредитов банков, облигационных и иных долгосрочных займов). В совокупности с развитием рынка корпоративных облигаций это будет способствовать ускорению трансформации сбережений физических лиц в финансовые ресурсы инвестиционной деятельности организаций реального сектора и развитию гибридных форм инвестиционного финансирования (например, краудинвестинг с выпуском облигаций, смешанное финансирование и т.д.).

В результате проведенного исследования сделаны следующие *выводы*:

1) инвестиционный банкинг в Беларуси пока недостаточно развит, что во многом обусловлено несовершенством существующих механизмов взаимодействия потенциальных инвесторов и реципиентов инвестиций;

2) выпуск корпоративных облигаций становится в настоящее время действенной альтернативной банковским кредитам в привлечении средств как на краткосрочной, так и на долгосрочной основе. Наибольшие перспективы имеет выпуск корпоративных облигаций, номинированных в свободноконвертируемой валюте (прежде всего, в долларах США), направленных на размещение среди физических лиц;

3) эмитенты пытаются компенсировать более высокие риски, возникающие при выпуске необеспеченных облигаций и привлечении средств на длительный период, за счет установления повышенных процентных ставок, что приводит к увеличению стоимости привлекаемого капитала;

4) при оказании посреднических услуг по размещению, обращению и погашению облигаций банки испытывают достаточно высокую конкуренцию со стороны инвестиционных компаний и других профессиональных участников рынка ценных бумаг, для преодоления которой необходимо расширять спектр услуг, оказываемых в рамках инвестиционного банкинга.

Исходя из вышесказанного, первоочередное внимание должно уделяться обоснованному сокращению трансакционных и прочих издержек по размещению, обращению и погашению облигаций, повышению финансовой грамотности физических лиц через популяризацию расширения их инвестиционных возможностей за счет инвестирования в корпоративные облигации, а также налаживанию эффективных механизмов взаимодействия между реципиентами и инвесторами с учетом возрастания значимости посреднической функции банков в этом процессе. Всё это позволит оптимизировать затраты эмитентов и финансовых посредников, сформировать определенный уровень конкуренции среди потенциальных инвесторов и будет способствовать приближению процентных ставок по корпоративным облигациям к обо-

значенному экономически обоснованному диапазону значений. При этом следует учитывать финансово-экономические интересы реципиентов инвестиций. Для этого может быть использован авторский финансовый механизм управления инвестиционным потенциалом организации, позволяющий регулировать уровень инвестиционной активности и своевременно корректировать инвестиционную политику организации-реципиента [7]. Ключевая роль в нем отводится алгоритму обоснования минимально необходимого уровня рентабельности дополнительно привлекаемых инвестиций [8], применение которого позволяет обоснованно и своевременно принимать решения об отказе от реализации инвестиционных проектов, эффективность которых недостаточна высока для обеспечения выплат по обслуживанию привлекаемых источников финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инвестиции и строительство в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2017. – 213 с.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 489 с.
3. Максимчик, А. Инвестиционный банкинг и проблемы привлечения инвестиций в экономику Беларуси / А. Максимчик, С. Черенкевич // Банкаўскі веснік. – 2017. – № 6. – С. 33–42.
4. Бословяк, С.В. Инвестиционная привлекательность в контексте гармонизации финансовых интересов инвестора и предприятия-реципиента / С.В. Бословяк // Современные технологии управления [Электронный ресурс]. – 2015. – № 7 (55). – Режим доступа: <http://sovman.ru/article/5502/>.
5. Буркова, А.Ю. Трансформация понятия «Инвестиционный банкинг» / А.Ю. Буркова // Банковские технологии. – 2011. – № 3 (45). – С. 37–40.
6. Статистический бюл. Нац. банка Респ. Беларусь. – 2018. – № 9 (231) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbrb.by/publications/bulletin/Stat_Bulletin_2018_09.pdf. – Дата доступа: 15.10.2018.
7. Богатырёва, В.В. Финансовый механизм управления инвестиционным потенциалом организации: элементы, концептуальный базис функционирования / В.В. Богатырёва, С.В. Бословяк // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 6. – С. 99–107.
8. Бословяк, С.В. Аналитическое обеспечение алгоритма обоснования минимально необходимого уровня рентабельности дополнительно привлекаемых инвестиций / С.В. Бословяк // Бухгалтерский учет и анализ. – 2016. – № 3 (231). – С. 19–25.

Поступила 17.10.2018

CORPORATE BONDS IN THE SYSTEM OF INVESTMENT BANKING

S. BOSLOVYAK

The necessity of investment banking development (including consulting and intermediary services concerning issuance and circulation of corporate bonds) is grounded on the basis of revealed tendency of decreasing the role of banks in financing of capital investments. The analysis of structure and dynamics of securities' volumes in the trade system of Belarusian Currency and Stock Exchange (including corporate bonds) is carried out. On the basis of analysis of current level of interest rates for different sectors of financial market the conclusion about perspectivity of issuing the corporate bonds nominated in freely convertible currencies is given. The ways of corporate bonds' market development are presented: the popularization of corporate bonds in the framework of increasing of financial literacy, the extension of the range of investment banking services, the usage of hybrid forms of investment financing.

Keywords: investments, investment banking, corporate bonds, issuance.

УДК 336.71

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЛОЯЛЬНОСТИ КЛИЕНТОВ В РОЗНИЧНОМ СЕГМЕНТЕ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

*канд. экон. наук, доц. И.А. ПОЗДНЯКОВА
(Полоцкий государственный университет);
О.Л. ТРАЩЕНКО
(ОАО «АСБ Беларусбанк», Минск)*

Рассматриваются методы определения лояльности клиентов коммерческого банка, включающие индекс удовлетворённости клиентов, индекс потребительской лояльности, модель SERVQUAL, метод «тайный покупатель», расчет показателя эффективности перекрестных продаж. По каждому методу показаны особенности его применения в банковском секторе, предложен порядок расчета итогового коэффициента. В зависимости от сочетания показателей, характеризующих степень удовлетворённости качеством обслуживания и продуктовой нагрузки, выявлены четыре типа клиентских групп для разработки стратегии дальнейшей работы с каждой из них.

Ключевые слова: *банковские организации, конкуренция, клиентские группы, лояльность клиентов.*

Возрастающая конкуренция между банковскими организациями в сфере расширения клиентской базы делает необходимым изучать мнение клиентов (потребителей банковских услуг) и их предпочтения для установления прочной эмоциональной привязанности к данному банку. Это повышает значение результатов наблюдения, анкетирования, опросов для выработки решений по улучшению качества предоставляемых услуг физическим и юридическим лицам. Поэтому совершенствование методики оценки лояльности клиентов банка в настоящее время является актуальным направлением исследования для розничного сегмента коммерческого банка.

Лояльность клиентов коммерческого банка отражает тип поведения потребителей, выражающийся в установлении долгосрочных взаимоотношений, включающих повторные обращения за банковскими продуктами. Лояльность является одним из ключевых показателей долгосрочных устойчивых отношений между клиентом и банком. В свою очередь, лояльность клиентов зависит от степени удовлетворенности как конкретным банковским продуктом, так и обслуживанием в банке в целом.

Для оценки лояльности клиентов в коммерческом банке могут использоваться как в комплексе, так и по отдельности следующие методы:

- 1) *индекс удовлетворённости клиентов* применяется для измерения уровня удовлетворённости клиентов обслуживанием в банке и выявления его сильных и слабых сторон;
- 2) *индекс потребительской лояльности* применяется для определения доли клиентов, приверженных банку и готовых его рекомендовать;
- 3) *модель SERVQUAL* (service quality – качество услуги) применяется в целях выявления соответствия качества обслуживания и соответствия видов и качества банковских продуктов ожиданиям клиентов;
- 4) *метод «тайный покупатель»* применяется для оценки качества обслуживания клиентов с точки зрения соблюдения ответственными специалистами учреждений банка локальных нормативно-правовых актов, правил и рекомендаций по обслуживанию клиентов;
- 5) *показатель эффективности перекрестных продаж* применяется для определения потенциала кросс-продаж и «глубины отношений с клиентом».

Рассмотрим перечисленные методы для оценки лояльности клиентов коммерческого банка более детально.

Индекс удовлетворённости клиентов (CSI или customer satisfaction index) – это методика расчета удовлетворённости потребителей товаров и услуг, позволяющая выявить значение и соотношение стоимости, качества, доступности и других факторов, положительно или отрицательно сказывающихся на лояльности клиентов. Данный индекс позволяет комплексно оценить широкий круг факторов, влияющих на удовлетворённость потребителей, а именно:

- качество обслуживания, в том числе профессионализм и квалификацию персонала, скорость принятия решения в нестандартных ситуациях;
- качество предлагаемых банковских продуктов (соответствие потребностям и ожиданиям клиентов);
- удобство и комфорт помещений банка и др.

Для определения индекса удовлетворённости клиентов необходимо разработать анкету, в которой клиенту, принимающему участие в опросе, будут предлагаться конкретные вопросы, отражающие критерии оценки банка. Каждый фактор, влияющий на лояльность, имеет свой уровень удовлетворённости и при проведении опроса оценивается клиентом по шкале от 1 до 5 баллов, где 1 – «совершенно не удовлетворён», 5 – «полностью удовлетворён»).

Перечень вопросов, механизм расчёта данного индекса следует разрабатывать индивидуально для каждого конкретного банка или банковского продукта. При необходимости в анкету могут быть включены открытые вопросы, цель которых – получение от клиентов обратной связи и предложений по усовершенствованию обслуживания. Однако ответы на данные вопросы не будут использоваться при расчёте индекса. Индекс удовлетворённости клиентов рассчитывается как отношение суммы средних значений ответов клиентов по каждому вопросу к максимально возможной сумме баллов.

Степень удовлетворённости клиентов (в процентах) характеризуют следующие полученные значения индекса CSI:

- от 80% (включительно) – высокая степень удовлетворённости;
- от 75% (включительно) до 80% – средняя степень удовлетворённости;
- от 50% (включительно) до 75% – недостаточная степень удовлетворённости;
- менее 50% – низкая степень удовлетворённости.

Индекс потребительской лояльности (NPS или net promoter score) отражает степень «преданности» клиента данному банку и его желание рекомендовать данный банк своим друзьям и знакомым. Данный индекс рассчитывается на основании ответов клиентов на закрытый вопрос «С какой вероятностью вы порекомендуете наш банк родственникам, друзьям, коллегам, знакомым?» и открытый вопрос в котором необходимо объяснить поставленную оценку.

Индекс потребительской лояльности для банковского сектора применяется в России. Эксперты аналитического центра Национального агентства финансовых исследований с 2016 года ежегодно проводят мониторинг лояльности клиентов российским банкам. Клиенты оценивают выбор банка по шкале от 0 до 10 баллов, где 0 – «точно не порекомендую», 10 – «точно порекомендую». По результатам ответов все клиенты делятся на три группы:

- промоутеры или сторонники банка (дали оценки «9–10» баллов) – клиенты, которые лояльны к банку и готовы позитивно рекомендовать его своим знакомым;
- нейтралы (поставили «7–8» баллов) – пассивные клиенты, которые в целом удовлетворены банком, но не отличаются стремлением рекомендовать его другим;
- критики (по шкале оценки «0–6» баллов) – удовлетворённость клиентов банком минимальна, клиенты склонны к негативным откликам о банке и, возможно, находятся в поиске альтернативы [1].

Индекс потребительской лояльности рассчитывается как разница между долей промоутеров (в процентах) в общем количестве клиентов и долей критиков (в процентах).

Модель SERVQUAL (service quality – качество услуги) позволяет сопоставить ожидания клиентов относительно процесса взаимодействия с банком и его фактическое восприятие, а также выделить главные для клиента параметры оценки качества обслуживания. Данная методика широко представлена в экономической литературе. Оценка удовлетворённости по модели SERVQUAL может производиться посредством опроса клиентов на основании анкет. С учетом изучения зарубежного и российского опыта в данной сфере можно предложить использование анкет, содержащих ключевые критерии удовлетворённости, наиболее значимые для потребителя, по следующим пяти направлениям:

- «надёжность» – способность банка вовремя, в полном объеме и в согласованные сроки оказать услуги;
- «отзывчивость» (чувствительность) – активная готовность сотрудников банка помочь клиенту и быстро оказать услуги, способность персонала помогать клиентам в решении их вопросов (проблем);
- «убедительность» (уверенность) – формируемый уровень доверия к банку, воспринимаемая компетентность персонала, информированность и профессионализм, вежливость и дружелюбие, способность вызвать у клиента доверие к банку, уверенность в безопасности услуг;
- «эмпатия» (сопереживание) – степень персонализированности сотрудников банка при общении с клиентами (доступность, коммуникативность, понимание и т.д.);
- «осязаемость» (материальность) – восприятие внешнего вида персонала, рекламных материалов, интерьера помещений, оборудования и т.д.

Российский ученый Э.В. Новаторов [2] предложил использование двух анкет, состоящих из вопросов, которые делятся на пять вышепредставленных блоков. Каждый блок содержит по 4–5 вопросов. Клиенты по шкале от 1 до 5, где 1 – «полностью не согласен», 5 – «полностью согласен», высказывают при заполнении первой анкеты свои субъективные восприятия по указанным пяти блокам качества обслуживания в банке; при заполнении второй анкеты свои общие ожидания относительно тех же критериев. Коэффициенты качества по каждому вопросу рассчитываются путём вычитания полученных рейтингов ожидания (вторая анкета) из полученных рейтингов восприятия (первая анкета). После определения средних арифметических значений результаты группируются в 5 коэффициентов качества. Полученные коэффициенты качества суммируются, и рассчитывается индекс качества. Вычисленное нулевое значение свидетельствует о том, что уровни ожидания и восприятия качественного обслуживания совпадают, т.е. ожидания клиентов подтверждаются; отрицательное значение означает, что уровень ожидания превышает уровень восприятия; положительное значение указывает на то, что уровень восприятия качества превышает уровень ожиданий. Приближение какого-либо значения коэффициента качества к нулевому или положительному значению означает высокое качество услуг, отрицательное значение – низкое каче-

ство услуг по данному критерию. Чем выше негативных значений коэффициентов качества, тем ниже качество услуги в целом и наоборот.

Проведение исследований (проверок) по методу «тайный покупатель» применяется с целью решения организационных задач, в том числе измерения степени соблюдения стандартов обслуживания клиентов. При использовании данного метода независимый эксперт выступает в роли клиента и объективно оценивает работу сотрудников банка. Оценка лояльности клиента по методу «тайный покупатель» может проводиться двумя способами: с приглашением маркетинговой компании; сотрудниками банка (специалистами и руководителями розничного бизнеса, внештатными сотрудниками). В обоих случаях разрабатывается анкета и алгоритм расчета результатов. Анкеты заполняются в форме интервью.

Оценка качества обслуживания в учреждениях банка (филиалах, центрах банковских услуг, расчетно-кассовых центрах и т.д.) может определяться по следующим критериям по шкале от 1 до 5, где 1 – «не удовлетворяет», 5 – «удовлетворяет полностью»:

- 1) удобство расположения отделения банка;
- 2) внешний вид отделения и состояния прилегающей территории;
- 3) удобство режима работы банка с клиентами;
- 4) микроклимат;
- 5) удобство зоны ожидания клиентов;
- 6) внешний вид персонала;
- 7) внешний вид рекламно-информационных материалов;
- 8) отсутствие очередей;
- 9) работа консультанта в клиентском зале и уровень консультирования;
- 10) вежливость отзывчивость персонала отделения;
- 11) скорость обслуживания;
- 12) соблюдение сотрудником банка стандартов качества обслуживания;
- 13) совершение сделки и перекрестные продажи;
- 14) работа с возражениями.

По результатам посещения отделения коммерческого банка составляется отчет и определяется оценка качества в целом (рассчитывается средний балл).

Перекрестные продажи или кросс-продажи применяются коммерческим банком для увеличения объема продаж и повышения уровня лояльности клиентов. Перекрестные продажи являются предложением банка существующему или новому клиенту, приобретающему какой-либо банковский продукт или услугу, приобрести другие дополнительные и взаимосвязанные продукты и услуги. При этом продажа дополнительных продуктов и услуг может осуществляться на более выгодных условиях. Показателем, характеризующим эффективность перекрестных продаж, является продуктовая нагрузка.

Продуктовая нагрузка, т.е. количество потребляемых банковских продуктов в среднем на одного клиента, рассчитывается на основании информации банковского программного обеспечения (например, SAP for Banking и ИАС «Форвард») как отношение общего числа банковских продуктов к количеству активных клиентов. Показатель эффективности перекрестных продаж применяется для сегментации клиентов банка, а также позволяет в случае необходимости сократить перечень банковских предложений до наиболее востребованных.

Опрос клиентов в целях расчёта индекса удовлетворённости клиентов, индекса потребительской лояльности, расчёт коэффициентов по модели SERVQUAL может быть проведен в виде анкетирования (в том числе посредством маркетинговой кампании в SAPCRM, корпоративного сайта банка). Допускается, что источником получения информации могут выступать анкеты, заполненные специалистами банка по результатам личного интервью, телефонного опроса.

Количественная оценка лояльности по предложенным направлениям может проводиться как в целом по клиентской базе банка, так и по сегментам клиентов. Дополнительными показателями могут выступать: средняя продолжительность взаимоотношений банка с клиентами, количество полученных жалоб и благодарностей.

С помощью предложенных показателей также возможно проведение исследования лояльности клиентов к конкретным банковским продуктам. В этом случае составляется анкета, содержащая вопросы об определённом банковском продукте, либо расчет качества продукта осуществляется на основе отдельного блока вопросов.

Комплексное исследование показателей для оценки лояльности клиентов должно проводиться подразделениями розничного бизнеса коммерческого банка не реже 1 раза в год. После проведения комплексного исследования осуществляется анализ и оценка динамики рассчитанных показателей. В зависимости от сочетания показателей удовлетворённости качеством обслуживания и продуктовой нагрузки в соответствии с представленной ниже таблицей клиентов можно разделить на четыре типа. В качестве сегментов для анализа могут выступать следующие категории клиентов: пенсионеры, молодежь, работающее население, мужчины, женщины и т.д.

Типы клиентов коммерческого банка в зависимости от сочетания продуктовой нагрузки и показателей удовлетворённости

Тип клиента	Продуктовая нагрузка	Показатели удовлетворённости
Лояльный	Выше среднего уровня, установленного для сегмента, к которому относится клиент	Не менее двух показателей соответствуют критериям: CSI от 75% (включительно); NPS по группе клиентов положительный / оценка отдельных клиентов более 7 баллов (включительно); SERVQUAL положительный
Довольный	Ниже среднего уровня, установленного для сегмента, к которому относится клиент	Не менее двух показателей соответствуют критериям: CSI от 75% (включительно); NPS по группе клиентов положительный / оценка отдельных клиентов более 7 баллов (включительно); SERVQUAL положительный
Вынужденный	Выше среднего уровня, установленного для сегмента, к которому относится клиент	Не менее двух показателей соответствуют критериям: CSI до 75%; NPS по группе клиентов отрицательный / оценка отдельных клиентов менее 7 баллов; SERVQUAL положительный
Нелояльный	Ниже среднего уровня, установленного для сегмента, к которому относится клиент	Не менее двух показателей соответствуют критериям: CSI до 75%; NPS по группе клиентов отрицательный / оценка отдельных клиентов менее 7 баллов; SERVQUAL положительный

Источник: собственная разработка.

В соответствии с четырьмя выделенными типами клиентов коммерческого банка разрабатывается стратегия для дальнейшей работы с каждой группой. Мероприятия, включаемые в стратегию, должны быть направлены на формирование длительных отношений с использованием инструментов, способствующих удержанию и повышению лояльности клиентов.

Таким образом, формирование лояльности клиентов в настоящее время важная составляющая работы коммерческого банка, от которой зависит насколько динамично он будет развиваться в будущем. Предпочтения потребителей финансовых услуг меняются. И от того, насколько быстро банк реагирует на изменение потребностей, будет зависеть получит ли он преимущества в привлечении новых клиентов и сможет ли сохранить постоянных, а также выстроить с ними длительные отношения. Использование предложенных методов оценки лояльности клиентов позволят банку выявить проблемы и недостатки как в отдельно взятом банковском продукте, так и в работе банка в целом и сформулировать при необходимости корректирующие или предупреждающие мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индекс лояльности клиентов российским банкам снижается [Электронный ресурс] / Национальное агентство финансовых исследований. – Режим доступа: <https://nafii.ru/analytics/indeks-loyalnosti-klientov-gossiyskim-bankam-snizhaetsya>. – Дата доступа: 25.09.2018.
2. Новаторов, Э.В. Методика оценки качества банковских услуг / Э.В. Новаторов // Практический маркетинг. – 2001. – № 10. – С. 30–39.

Поступила 17.10.2018

METHODS OF ASSESSING CUSTOMER LOYALTY IN THE RETAIL SEGMENT OF THE COMMERCIAL BANK

I. POZDNYAKOVA, O. TRASHCHENKO

The article presents methods for determining customer loyalty of a commercial bank, including the customer satisfaction index, net promoter score, SERVQUAL model, method of "Secret buyer", the calculation of the indicator of the effectiveness of cross-selling. For each method, the features of its application in the banking sector are presented, the procedure for calculating the final coefficient is proposed. Depending on the combination of indicators characterizing the degree of satisfaction with the quality of service and product load four types of client groups were identified to develop a strategy for further work with each of them.

Keywords: banking organizations, competition, customer groups, customer loyalty.

УДК 336.225.1

РОЛЬ И МЕСТО БАНКОВ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.Н. БУДНИКОВА

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Исследованы мнения ученых и положения законодательных актов Республики Беларусь, касающиеся сущности и видов налоговых отношений, состава их участников, в результате чего определены проблемы идентификации банков как участников налоговых отношений, а также роль и место банков в системе налоговых отношений.

Ключевые слова: налоговые отношения, участники налоговых отношений, посредник в налоговых отношениях, особый участник налоговых отношений, налогово-правовой статус банка.

Современная банковская система практически любого государства характеризуется многообразием выполняемых ею функций. Ее основной структурный элемент – коммерческие банки – обеспечивают межотраслевое, межрегиональное и международное перераспределение капитала по сферам и отраслям экономики, способствуя развитию народного хозяйства.

Понятие банка, приведенное в статье 8 Банковского кодекса Республики Беларусь, определяет специфику деятельности банка как юридического лица, имеющего исключительное право осуществлять в совокупности такие банковские операции, как привлечение денежных средств физических и (или) юридических лиц на счета и (или) во вклады (депозиты); размещение указанных привлеченных денежных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности и срочности; открытие и ведение банковских счетов физических и (или) юридических лиц [1].

При том находясь в состоянии постоянного развития, укрепления своих позиций на рынке, банки активнее осуществляют нехарактерные для них операции, внедряясь в нетрадиционные сферы финансового предпринимательства, тем самым повышая свою роль в функционировании экономики, образовывая новые и укрепляя существующие связи со всеми ее секторами.

Благодаря своим функциям в экономике, банки можно идентифицировать в качестве незаменимых участников налоговых правоотношений, поскольку они способны выступать не только в качестве налогоплательщиков и налоговых агентов, рассчитывая и уплачивая в бюджет свои налоги и некоторые налоги других налогоплательщиков. Банки являются связующим между государством и налогоплательщиком, принимая от последних налоговые платежи и зачисляя их на счета бюджета, оказывая содействие налоговым органам в области учета и контроля налогоплательщиков, создавая новые финансовые технологии, улучшающие сбор налогов и повышающие уровень контроля за финансовыми потоками в отдельной стране и за ее пределами.

Ввиду столь многочисленного набора функций участие банков во взаимоотношениях по поводу налогообложения характеризуется широким кругом обязанностей, что отражает их особую роль в налоговых правоотношениях и, соответственно, особый налогово-правовой статус.

Однако в связи с усложнением экономических связей банка с прочими субъектами рынка подходы к его определению нуждаются в уточнении.

В исследованиях большинства ученых [2–4] налоговые отношения с участием банком рассматриваются односторонне – с позиции их взаимоотношений с налоговыми органами, в силу чего банкам присваивается триединый статус:

- как самостоятельный налогоплательщик;
- как налоговый агент в части исчисления и удержания налогов из денежных средств, выплачиваемых клиентами-налогоплательщиками и перечисления в бюджет указанных налогов;
- как посредник между государством и другими налогоплательщиками, предоставляющий налоговым органам необходимую информацию для проверки правильности исчисления и своевременности уплаты налогов в бюджет налогоплательщиками.

Такой подход, по нашему мнению, не учитывает ряд положений:

- *во-первых*, статус посредника в налоговых отношениях предусматривает набор разнообразных функций, в силу чего он нуждается в уточнении;
- *во-вторых*, усложнение экономических отношений между налогоплательщиками в последние годы привело к образованию сложной системы отношений непосредственно между ними, в результате чего функции банка как участника налоговых отношений расширились и усложнились.

В отношении первого вопроса следует отметить, что в исследованиях С.К. Хотинои посреднические функции банка в налоговых отношениях подразделяются следующим образом:

- 1) налоговые отношения, возникающие при осуществлении банками функций учета открываемых налогоплательщикам счетов;

2) налоговые отношения, возникающие в ходе контроля за соблюдением налогового законодательства в случае, когда банки служат источником информации для налоговых органов о хозяйственных операциях, проводимых юридическими и физическими лицами, как держатели денежных средств;

3) налоговые отношения, возникающие при исполнении банками поручений их клиентов-налогоплательщиков на перечисление налогов в бюджет [5, с. 107].

Осуществление банками первой и второй функции, по мнению А.В. Грачева, позволяет присвоить им статус информационного агента, а выполнение третьей функции – статус платежного агента [6, с. 4–5].

Однако, на наш взгляд, налоговые отношения, в которые вступают банки, гораздо шире и выходят за рамки их отношений с налоговыми органами.

Исследователь Т.А. Ефимова выделяет четыре вида правоотношений с участием банков в бюджетно-налоговой сфере:

- 1) банк – государство (публичные отношения – налоговые, бюджетные);
- 2) налогоплательщик – государство (налоговые правоотношения);
- 3) налогоплательщик (клиент) – банк (отношения гражданско-правового характера);
- 4) банк как особый участник налоговых отношений – государство (налоговые правоотношения)

[7, с. 50–51].

Однако указанная классификация, по нашему мнению, нуждается в уточнении, поскольку затрагивает не весь спектр налоговых правоотношений с участием банков.

Некоторые ученые отождествляют термины «налоговые правоотношения» и «отношения, регулируемые законодательством о налогах и сборах» и считают, что налоговые отношения способны существовать только в правовой форме и складываются между субъектами, обладающими властными полномочиями (публичными субъектами) и не обладающими таковыми (частными субъектами) [8, с. 81].

Законодательством о налогах и сборах регулируются «властные отношения по установлению, введению, изменению, прекращению действия налогов, сборов (пошлин) и отношения, возникающие в процессе исполнения налогового обязательства, осуществления налогового контроля, обжалования решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц» [9, ст. 1].

В состав участников налоговых правоотношений согласно статье 4 Налогового кодекса Республики Беларусь включаются: плательщики налогов, сборов (пошлин); налоговые агенты; налоговые и таможенные органы; республиканские органы государственного управления, органы местного управления и самоуправления, а также уполномоченные организации и должностные лица, осуществляющие в установленном порядке, помимо налоговых и таможенных органов, прием и взимание налогов, сборов (пошлин); органы государственного контроля и государственные финансовые органы, иные уполномоченные органы и организации – при решении вопросов, отнесенных к их компетенции Налоговым кодексом и другим законодательством [9].

Учитывая приведенные определения и состав участников налоговых правоотношений, следует отметить, что законодательство Республики Беларусь о налогах и сборах признает возможность налоговых отношений между государством и налогоплательщиком, а также между налогоплательщиками, налогоплательщиками и иными уполномоченными лицами. Данное положение находит отражение в исследованиях многих ученых.

Не исключает налоговые правоотношения между налогоплательщиками и Г.В. Петрова, утверждая, что отношения, являющиеся ядром предмета налогового права, остаются в целом властными, но наполняются договорными элементами, элементами коллизионного права, публичной бюджетной деятельности. Исследователь отмечает, что в налоговых отношениях выступают как публичные субъекты, так и частные. При этом публичные субъекты наделены властными полномочиями и обеспечивают выполнение различных функций налогов, а частные субъекты таковыми не обладают, но имеют имущественные интересы по защите собственности и оптимизации налогообложения [10, с. 89, 133].

Под налоговыми отношениями Т.С. Климовская подразумевает отношения, складывающиеся между экономическими субъектами по поводу законодательно установленного изъятия части собственности в доход государства [11, с. 16].

Возможность налоговых отношений между государством и налогоплательщиками, а также между налогоплательщиками и их группами признает А.Н. Медведев. Это следует из определения понятия «налоги», трактуемого экономистом как система взаимоотношений между государством и налогоплательщиками, а также между отдельными плательщиками и их группами по вопросу распределения и перераспределения национального дохода в интересах всего общества [12, с. 18].

По мнению Т.А. Ефимовой, налоговые отношения возникают не только в процессе управления налогообложением, но и при обычном функционировании налоговой системы, что предполагает активное взаимодействие не только государства и налогоплательщиков, но и налогоплательщиков между собой [7, с. 43]. Такой подход позволяет расширить рамки налоговых отношений с участием банков и определить их роль в налоговых правоотношениях следующим образом:

- банк как налогоплательщик – государство;

- банк как расчетный посредник – налогоплательщик (клиент);
- банк как налоговый агент – государство;
- банк как информационный посредник – государство;
- банк как расчетный посредник – государство;
- банк как налогоплательщик – налогоплательщик (иная организация).

Отношения банка как налогоплательщика с государством вытекают из положений налогового законодательства в силу осуществления банками финансово-хозяйственной деятельности и возникновения в ее процессе объектов налогообложения.

Отношения банка с клиентом-налогоплательщиком вытекают из установленной налоговым законодательством обязанности банка своевременно и в полном объеме (при соблюдении соответствующих условий) исполнить поручение налогоплательщика как своего клиента на перечисление налогов и сборов в бюджет, прописанной в статье 48 Налогового кодекса Республики Беларусь [9]. За невыполнение (несвоевременное выполнение) указанной обязанности статьями 48 и 52 Налогового кодекса Республики Беларусь предусмотрена уплата пени.

Как *расчетные посредники* банки выполняют функции по исполнению поручений налогоплательщика (налогового агента, налогового органа) перечислить налоги и/или сборы в бюджетную систему государства [9, ст. 48].

Отношения банка как *налогового агента* с налогоплательщиком и с государством возникают в силу того, что банк является источником выплаты доходов плательщику и лицу, на которое государством возлагаются обязанности по исчислению, удержанию у плательщика и перечислению в бюджет налогов, сборов (пошлин).

Как *информационные посредники* банки предоставляют налоговым органам сведения о счетах налогоплательщиков-клиентов, операциях по таким счетам, в ином порядке способствуют учету налогоплательщиков, а также приостанавливают операции по счетам налогоплательщиков на основании решений налоговых органов [9, ст. 68].

Отношения банка как *налогоплательщика* с другими налогоплательщиками имеют достаточно сложную правовую природу. Вытекающие из отношений гражданско-правового характера, регулируемых на основании договора, при определенных условиях они подпадают под налоговое регулирование, и с точки зрения отраслевой принадлежности их следует отнести к налоговым. В данном случае, по нашему мнению, следует использовать термин «разноотраслевые правоотношения» (т.е. перетекающие из отношений гражданско-правового характера в налоговые).

Примером таких отношений между налогоплательщиками являются отношения по заключению сделок между взаимозависимыми лицами. Эти сделки не относятся к специфике банковской деятельности, однако они могут осуществляться и банками, поэтому нуждаются в конкретизации при уточнении роли и места последних в системе налоговых правоотношений.

Согласно статье 20 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь взаимозависимыми лицами признаются физические лица и (или) организации, наличие отношений между которыми оказывает непосредственное влияние на условия или экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц [9].

Вступление банков в такие отношения имеет особые налоговые последствия, связанные с исчислением и уплатой налогов и осуществлением налогового контроля согласно статье 30-1 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь [9] и статьям 131-1, 157 Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь [13].

Участие банков в этих отношениях предполагает ряд обязанностей, не прописанных в законодательстве, но являющихся важными с точки зрения налогового планирования и внутреннего контроля:

- необходимость ведения реестра аффилированных и взаимозависимых лиц, используемого при разработке и заключении договоров;
- необходимость осуществления контроля лимитов при заключении сделок с взаимозависимыми лицами с целью определения необходимости корректировки налоговой базы по налогу на прибыль;
- необходимость периодического проведения мониторинга организационной структуры группы компаний для определения наличия взаимозависимых лиц либо возможности их устранения.

Еще один спектр налоговых отношений между налогоплательщиками возникает при использовании механизма консолидированного налогообложения.

Консолидированное налогообложение подразумевает обобщение коммерческих и финансовых результатов деятельности группы организаций, рассматриваемых в качестве единого хозяйствующего субъекта. Основными параметрами данного механизма налогообложения являются следующие:

- объединение компаний в единую налоговую единицу – консолидированную группу налогоплательщиков (КГН);

- объединение происходит между взаимозависимыми организациями при выполнении минимального порога доли участия материнской компании в дочерних;
- объединение происходит либо только в отношении компаний-резидентов (Россия) либо резидентов и нерезидентов (Германия, Италия, Испания и др.);
- консолидированная группа налогоплательщиков рассчитывает и уплачивает основные налоги (налог на прибыль, НДС). В некоторых странах консолидация допустима только в отношении налога на прибыль (США, Россия), в других странах применяется также и консолидация по НДС [14, с. 24–25].

Налоговые отношения в рамках КГН зависят от модели консолидации.

При полной консолидации ведущей в налоговых отношениях является головная компания, которая осуществляет налоговые расчеты и оформляет отчетность по КГН в целом. При этом все налоговые обязательства исполняет головная компания, а прочие члены КГН (дочерние структуры) лишь предоставляют информацию для налоговых расчетов.

При частичной консолидации расчет налоговой базы осуществляется отдельно на уровне каждого участника группы с последующей консолидацией полученных сумм на уровне группы в целом. После этого головная компания составляет расчет суммы налога на уровне всей группы и осуществляет его уплату в бюджет.

При использовании механизма групповой налоговой льготы налоговые отношения между налогоплательщиками выстраиваются на основании возможности принимать одними участниками КГН на себя убытки других участников КГН при расчете налоговых обязательств.

При использовании механизма договорного партнерства участников КГН налоговые отношения выстраиваются в рамках распределения налоговых обязательств между участниками партнерства в соответствии с договором. При использовании этой модели участники группы имеют возможность перемещать доходы между собой внутри группы. В данном случае, если одна компания из группы получает убыток, то другая компания из группы, у которой имеется прибыль, может осуществить «вклад» в убыточную. При этом последняя получает право сократить свою налоговую базу на величину данного «вклада», в результате чего все прибыли и убытки компенсируются.

Налоговые отношения между налогоплательщиками в рамках консолидированного налогообложения существуют в США, Германии, России и других странах [11, с. 24–25].

В Республике Беларусь налоговые отношения между налогоплательщиками в рамках консолидированного налогообложения не выстроены ввиду отсутствия последнего. Однако с теоретической точки зрения при определении роли банков в налоговых отношениях их необходимо учитывать.

Таким образом, анализ положений законодательства по налогам и сборам и мнений ученых относительно сущности налоговых правоотношений позволил вынести их за рамки сугубо властных отношений. Налоговые отношения возникают как в процессе управления налогообложением, так и при обычном функционировании налоговой системы, что предполагает активное взаимодействие государства и налогоплательщиков, а также налогоплательщиков между собой. Это значительно расширяет рамки налоговых отношений с участием банков и позволяет выделить виды налоговых правоотношений банка как налогоплательщика с государством, как расчетного посредника с клиентом (налогоплательщиком) и государством, как налогового агента с государством, как информационного посредника с государством; как налогоплательщика с другим налогоплательщиком.

Отношения банка как налогоплательщика с другим налогоплательщиком (или их группой), возникающие в процессе исполнения налогового обязательства регулируются как нормами гражданского, так и нормами налогового права, вследствие чего их следует признать разноотраслевыми.

Подводя итоги проведенного исследования, полагаем возможным отметить, что изучение вопросов определения роли и места банков в системе налоговых отношений, а также вопросов налогового регулирования деятельности банков требует дополнительного изучения как на уровне нормотворческой деятельности, так и на уровне методологического обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 3 октября 2000 г. : одобрен Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 12 октября 2000 г. : с изм. и доп. по сост. на 17 июля 2018 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 14.09.2018.
2. Гончаренко, Л.И. Методология налогообложения и налогового администрирования коммерческих банков России : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10 / Л.И. Гончаренко ; Финансовая акад. при Правительстве Росс. Федерации. – М., 2009. – 505 с.
3. Гиссин, Е.М. Правовое положение банка как особого участника налоговых правоотношений : дис. ... канд. экон. наук : 12.00.14 / Е.М. Гиссин ; Ин-т государства и права. – М., 2003. – 172 с.

4. Позднышов, А.Н. Кредитные организации как субъекты налоговых правоотношений / А.Н. Позднышев // Наука и образование. – 2014. – С. 96–102.
5. Хотина, С.К. Налогообложение коммерческих банков Республики Беларусь: вопросы реформирования / С.К. Хотина // Экономика и управление. – 2008. – № 4. – С. 106–111.
6. Грачев, А.В. Правовой статус банков как участников налоговых правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А.В. Грачев ; Моск. новый юрид. ин-т. – М., 2009. – 22 с.
7. Ефимова, Т.А. Налоговое администрирование деятельности коммерческих банков в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / Т.А. Ефимова ; Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики. – М., 2011. – 169 с.
8. Винницкий, Д.В. Основные проблемы теории российского налогового права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Д.В. Винницкий ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2003. – 436 с.
9. Налоговый кодекс Республики Беларусь. Общая часть [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 2 дек. 2002 г. : с изм. и доп. по сост. на 18 окт. 2016 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 14.09.2018.
10. Петрова, Г.В. Налоговые отношения: теория и практика правового регулирования : дис. ... д-ра экон. наук : 12.00.14 / Г.В. Петрова ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Росс. Федерации. – М., 2003. – 460 с.
11. Климовская, Т.С. Формирование эффективных налоговых отношений в условиях реформирования российской экономики : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Т.С. Климовская ; Моск. соц. гос. ун-т. – М., 2003. – 161 с.
12. Медведев, А.Н. Налоги как основной инструмент государственного регулирования современной экономики России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А.Н. Медведев ; Росс. акад. гос. службы при Президенте Росс. Федерации. – М., 2000.
13. Налоговый кодекс Республики Беларусь. Особенная часть : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 18 дек. 2009 г. : с изм. и доп. по сост. на 9 янв. 2017 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 14.09.2018.
14. Будникова, О.Н. Консолидированное налогообложение в банковском секторе Республики Беларусь: оценка возможности внедрения / О.Н. Будникова // Банковский вестник. – 2017. – № 2 (643). – С. 20–26.

Поступила 10.09.2018

THE ROLE AND PLACE OF BANKS IN THE SYSTEM OF TAX RELATIONS

O. BUDNIKOVA

The opinions of scientists and the provision of acts of Republic of Belarus concerning essence and types of the tax relations, the list of their participants therefore problems of identification of banks as participants of the tax relations and also a role and the place of banks in the system of the tax relations are defined are investigated.

Keywords: *the tax relations, participants of the tax relations, the intermediary in the tax relations, the special participant of the tax relations, tax legal status of bank.*

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

УДК 657.4

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ДОЛГОСРОЧНЫХ АКТИВОВ

д-р экон. наук, проф. П.Я. ПАПКОВСКАЯ
(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Дается оценка роли капитализируемых затрат в формировании первоначальной стоимости долгосрочных активов. Рассмотрен порядок отражения в учете недоамортизированной стоимости долгосрочных активов. Установлено, что при утрате эксплуатационных возможностей первоначальная стоимость должна быть включена в себестоимость продукции, произведенной с использованием долгосрочного актива.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, долгосрочные активы, оценка, амортизационная политика, бухгалтерская (финансовая) отчетность.

Введение. Среди имеющихся проблем совершенствования производственного учета следует остановиться на учете затрат по использованию основных средств, которые играют не последнюю роль в формировании затрат на производство продукции (работ, услуг). В современных условиях усугубляется решение вопросов, касающихся использования имеющихся основных средств. Это относится к вопросам формирования первоначальной стоимости основных средств, учета амортизации, использования уже амортизированных основных средств, отражения недоамортизированной стоимости объектов, влияющих на себестоимость продукции (работ, услуг).

Основная часть. В соответствии с действующими нормативными положениями первоначальная стоимость основных средств складывается: из фактических затрат на их приобретение, возведение (сооружение) и изготовление, включая расходы по доставке, монтажу и установке; из процентов за кредит, уплат госпошлины и других расходов. Учетная практика свидетельствует о том, что в первоначальную стоимость согласно нормативным положениям включаются и такие расходы, как командировочные расходы по приобретению оборудования, проценты за кредит, в том числе и товарный, а также курсовые разницы, возникающие в связи с ростом валютного курса, при покупке иностранной валюты, для приобретения основных средств.

Проблема отражения процентов за кредит, использованный на долгосрочные вложения, является весьма значимой. Важность этой проблемы возрастает при уплате процентов за кредит в иностранной валюте, по которым возникают курсовые разницы в связи с ростом валютного курса.

Международная учетная практика выработала определенные подходы к отражению уплачиваемых процентов при приобретении основных средств в кредит. В частности, в стандарте МСФО 23 «Затраты по заимствованиям» [1] отмечается в качестве важной проблемы учет издержек по кредитам при подготовке отчетности. Стандарт содержит регламентацию по капитализации расходов на кредиты. Капитализация процентов по кредитам обычно прекращается, когда актив (объект) становится годным к использованию. Это зафиксировано в действующих нормативных документах по бухгалтерскому учету в республике и соответствует также положению международного стандарта 16 «Основные средства» в том, что последующие расходы, относящиеся к единице имущества основных средств и оборудования, следует прибавлять к ее первоначальной стоимости, только если они увеличивают последующую пользу от существующего актива помимо их предварительного норматива функционирования.

Однако формирование оценки активов, в том числе и основных средств, подвержено влиянию значительного и быстрого изменения стоимостных оценок составляющих затрат при низкой платежеспособности предприятия, вследствие которой погашение кредитов происходит позже установленного кредитным договором срока и во многих случаях – значительно позже ввода объектов в эксплуатацию. В данной ситуации является вполне обоснованным капитализировать, т.е. присоединять к первоначальной стоимости объектов основные средства, проценты за кредит, уплаченные после ввода их в действие. Такое решение позволит единообразно решить проблему отражения курсовой разницы в связи с ростом валютного курса по процентам за кредит в иностранной валюте, уплачиваемым после ввода основных средств в эксплуатацию.

Таким образом, предлагаемое направление решения вопросов формирования стоимостной оценки основных средств нашло некоторое отражение в принимаемых в республике нормативных документах по бухгалтерскому учету.

Формирование оценки основных средств неразрывно связано с процессом ее амортизации, т.е. включением стоимости используемых средств труда в себестоимость производимой продукции (работ, услуг). За последнее время размер амортизационных отчислений значительно сократился в себестоимости продукции.

Предоставление хозяйствующим субъектам права самостоятельного выбора способа начисления амортизации основных средств привело их к необходимости решения следующей проблемы: определению срока полезной эксплуатации основных средств с учетом получения экономических выгод от их использования. По нашему мнению, эта проблема имеет два аспекта:

1) в случае установления срока полезной эксплуатации меньше нормативного (по техническим параметрам) срока полезного использования основных средств у предприятия срок перенесения стоимости основных средств будет короче срока их износа. Это приведет к увеличению затрат в данном периоде и к уменьшению налогооблагаемой прибыли, т.е. к ускоренной амортизации;

2) превышение срока амортизации над сроком физического износа неизбежно приведет к недоамортизации стоимости основных средств.

Развитие экономической ситуации в республике дает основание сделать вывод, что в организации бухгалтерского учета осуществляются реформаторские направления. Поэтому считаем целесообразно изложить отдельные подходы к обоснованию грамотной учетной амортизационной политики.

Решение этой проблемы заключается в *установлении системы регулирования амортизации в процессе ее осуществления, т.е. корректировки начисления амортизационных отчислений и их отражения в учете*. Превышение срока физической эксплуатации объекта над амортизационным периодом свидетельствует о том, что его первоначальная стоимость, *во-первых*, не выражала действительные нормативные эксплуатационные возможности (потенциал, ресурсы) объекта и, *во-вторых*, срок полезной эксплуатации объектов увеличивается за счет проведения капитальных ремонтов.

Следовательно, затраты по капитальному ремонту аналогично затратам на модернизацию и реконструкцию оказывают влияние на остаточную стоимость ремонтируемого объекта. В этой связи необходимо пересмотреть действующий порядок амортизации остаточной стоимости, так как затраты по капитальному ремонту уменьшают начисленный износ по объекту и одновременно увеличивают его остаточную стоимость. Эта остаточная стоимость должна быть амортизирована исходя из предполагаемого срока эксплуатации отремонтированного объекта. Такой подход не усугубит финансовое положение хозяйствующих субъектов даже в условиях инфляционной экономики. В конечном счете такой порядок корректировки остаточной стоимости основных средств обеспечивает обоснованное включение затрат по их использованию в составе затрат производимой продукции, соответствует рекомендациям МСФО (МСФО 16 «Основные средства») [1].

Общим неверным представлением является то, что стоимость долгосрочных активов снижается по мере их использования. В условиях инфляционной экономики денежный эквивалент объектов основных средств увеличивается в течение срока эксплуатации.

Касаясь вопроса отражения в учете списания недоамортизированной стоимости основных средств, следует отметить *необходимость переосмысления действующего порядка и обоснования нового подхода к решению этой проблемы*.

Инструкция о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов предусматривает списание убытков от ликвидации основных средств, включая суммы недоначисленных амортизационных отчислений на финансовые результаты, т.е. в дебет счета 91 «Прочие доходы и расходы» [2].

Если рассматривать формирование информации о себестоимости производимой продукции (работ, услуг) с позиции логичности, непротиворечивости и достоверности, то можно констатировать отсутствие методической аргументации такого решения.

Срок физического износа может оказаться короче амортизационного периода объекта основных средств вследствие влияния производственных факторов, таких как повышенная загруженность оборудования по сравнению с базовой величиной, повреждения или моральное устаревание. Поэтому если объект утратил свои эксплуатационные возможности и не может быть использован в процессе производства продукции (работ, услуг), его первоначальная стоимость должна быть включена в себестоимость продукции, произведенной с его использованием. Затраты на производство должны быть увеличены на его недоамортизированную стоимость, т.е. амортизационный период объектов должен быть приведен в соответствие с его сроком физического износа [3, с. 101].

Этот тезис вполне согласуется с рекомендациями «Инструкции о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов».

В Указанной Инструкции указано, что «амортизация как процесс перенесения стоимости объектов основных средств и нематериальных активов ... включает в себя распределение амортизируемой стоимости ... между отчетными периодами, составляющими в совокупности расчетный (ожидаемый) срок службы...» [4, с. 78, п. 4].

Таким образом, в заключение можно сделать следующие **выводы**:

- формирование затрат на производство продукции должно происходить в полном соответствии с конкретным использованием материальных ресурсов;
- данный принцип должен быть основополагающим как в теории, так и в практике производственного учета, и найти отражение в системе его нормативного регулирования, устанавливающей правила формирования полной и достоверной учетной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О введении в действие на территории Республики Беларусь Международных стандартов финансовой отчетности и их Разъяснений, принимаемых Фондом Международных стандартов финансовой отчетности : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Национального банка Респ. Беларусь, 19 авг. 2016 г. № 657/20.
2. Об установлении Типового плана счетов бухгалтерского учета, утверждении Инструкции о порядке применения типового плана счетов бухгалтерского учета и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства финансов Респ. Беларусь и их отдельных структурных элементов : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 29 июня 2011 г., № 50 : в ред. постановления М-ва финансов Респ. Беларусь от 02.12.2013 г.
3. Папковская, П.Я. Производственный учет в АПК: теория и методология / П.Я. Папковская. – Минск : ООО «Информпресс» 2001. – 216 с.
4. Долгосрочные активы : учет и амортизация. – Минск : Информпресс, 2013. – 144 с.

Поступила 11.10.2018

METHODICAL ASPECTS OF ASSESSING LONG-TERM ASSETS

P. PAPKOVSKAYA

The assessment of the role of capitalized costs in the formation of the initial value of long-term assets. The procedure for recording the accounting for the non-depreciated value of long-term assets. It has been established that in case of loss of operational capabilities, the initial value should be included in the cost of products manufactured using a long-term asset.

Keywords: *accounting, long-term assets, valuation, depreciation policy, accounting (financial) statements.*

УДК 657

**РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ДРАЙВЕРОВ (БАЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ)
КОСВЕННЫХ ЗАТРАТ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СВЯЗИ**

*канд. экон. наук, доц. М.В. ПРИМАКОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Представлено сравнение условного и причинно-следственного методов распределения косвенных расходов, применяемых для калькулирования себестоимости услуг связи. Для наиболее достоверной оценки себестоимости услуг связи использован процессный подход к формированию затрат и применен метод калькулирования себестоимости ABC (Activity-based costing). Особенностью и главным отличием этого метода является учет затрат по видам функциональной деятельности с последующим их отнесением на услуги связи пропорционально базам распределения, являющимся причинами возникновения данных видов деятельности (процессов).

Ключевые слова: услуги связи, себестоимость, базы распределения, учет, накладные расходы.

Введение. Для решения конкретной управленческой задачи по принятию оптимальных решений в области тарифообразования и формирования ассортиментной политики организациям необходим расчет полной себестоимости предоставляемых услуг электросвязи, традиционно исчисляемой путем распределения собранных «котловым» методом затрат между услугами пропорционально доходам, присымым каждой из них. Проведенные аналитические расчеты с использованием применяемого метода распределения затрат позволили сделать вывод о недостоверности получаемых результатов и невозможности определения экономически обоснованной себестоимости услуг связи.

При всем многообразии методов исчисления себестоимости не существует единой методики калькулирования затрат, позволяющей определить себестоимость продукции (работ, услуг) абсолютно точно. Любое распределение косвенных затрат искажает фактическую себестоимость, и ее точность определяется степенью обоснованности системы распределения.

Проведенные исследования экономической литературы по порядку распределения затрат в организациях, характеризующихся высоким уровнем косвенных расходов, показали, что точность перенесения их в стоимость услуг достигается путем применения функционального метода распределения накладных затрат ABC, позволяющего установить причинно-следственные связи между оказываемыми услугами связи и затратами, понесенными при оказании таких услуг. В настоящее время подход к распределению накладных (косвенных) затрат с использованием метода ABC обоснованно является одним из самых авторитетных и неоспоримых. Широкое распространение он получил в европейских и американских организациях различного профиля [1, с. 295].

Основная часть. Принято различать условное и причинно-следственное распределение затрат. В традиционной отечественной методике калькулирования себестоимости услуг связи основой является условное распределение затрат, в котором за базу принимаются оплата труда основных работников или доходы от оказанных услуг, в результате чего учитываемые показатели себестоимости предоставляемых услуг оказываются искаженными. При этом важным моментом выступает то, что, как правило, для всех накладных расходов выбирается всего один фактор распределения с наибольшим весом влияния и игнорируются прочие причины возникновения накладных расходов. Это является объективным недостатком традиционной системы калькулирования, так как на образование накладных расходов (даже в пределах определенной статьи затрат) влияет не одна характеристика объекта затрат, а их совокупность. Это приводит к тому, что объекты затрат могут включать в себя большую часть накладных расходов, хотя в реальности не являются их причиной в данной степени, и наоборот. В такой ситуации система распределения расходов может скрыть убыточность одного вида услуг и снизить рентабельность другого. Несмотря на низкий уровень аналитичности, распределение накладных затрат на основе условной (экспертной) оценки достаточно широко применяется также и в силу наличия в законодательстве положения о формировании неполной себестоимости продукции (работ, услуг). В этом случае управление ассортиментом и тарифообразованием ведется по прямым издержкам, а в области накладных затрат детальное изучение их поведения отсутствует.

В случаях, когда прямые расходы значительно превышают накладные, значение распределения накладных расходов для определения достоверной информации о себестоимости не будет содержать значительной погрешности, и принимаемые на базе этого управленческие решения будут относительно эффективными. Однако в силу совершенствования технологий, снижения материалоемкости и трудоемкости продуктов (работ, услуг), повышения роли информационных технологий и автоматизации производственных процессов, доля накладных расходов постоянно увеличивается. Учитывая специфику технологи-

ческих процессов по предоставлению услуг связи, в телекоммуникациях косвенные затраты составляют подавляющую долю в полной себестоимости оказанных услуг. В этих условиях даже незначительная ошибка в распределении накладных расходов или вовсе его отсутствие приведут к недостоверному формированию показателей себестоимости, что повлечет принятие неверных управленческих решений. Следовательно, для организаций связи в ситуации роста доли косвенных расходов указанный метод условного распределения затрат нельзя назвать приемлемым.

Метод ABC рассматривает косвенные расходы как совокупность статей, имеющих различное значение и соответственно распределяемых пропорционально своей собственной базе, имеющей логическую связь с распределяемыми расходами. ABC устанавливает взаимосвязь между накладными издержками и производственными процессами (операциями, функциями) в целях более точного распределения накладных издержек. Принципиальная схема распределения косвенных расходов данным методом заключается в следующем:

- 1) обособление групп затрат косвенных расходов;
- 2) идентификация производственных процессов (видов функциональной деятельности, операций);
- 3) выбор баз распределения затрат (драйверов ресурсов) для каждого производственного процесса;
- 4) определение себестоимости производственных процессов;
- 5) выбор баз распределения себестоимости производственных процессов (драйверов операций) для каждого объекта калькулирования – вида услуги связи;
- 6) определение суммы косвенных расходов по объектам калькулирования;
- 7) определение себестоимости калькуляционной единицы.

Таким образом, в системе ABC-костинг используется прием поэтапного распределения косвенных расходов на себестоимость оказанных услуг связи. Суть разработанного с учетом отраслевых особенностей и изложенного ниже двухступенчатого подхода к распределению косвенных затрат на себестоимость оказываемых услуг связи сводится к тому, чтобы вначале соотнести затраты с видами деятельности и технологическими процессами, а затем затраты процессов – с услугами (калькуляционными единицами).

Для перераспределения затрат экономически обоснованным способом на разных этапах расчета в системе ABC необходимо выделить драйверы затрат и драйверы процессов. Драйверы затрат перераспределяют косвенные затраты на технологические процессы, генерируя связанные с данными процессами затраты, драйверы процессов перераспределяют себестоимость процессов на услуги связи.

Количество и набор возможных драйверов затрат и процессов зависит от многих факторов: различий в организационной структуре и масштабах деятельности организаций, отраслевых особенностей функционирования организаций. В экономической литературе базы распределения, используемые операторами электросвязи для распределения текущих затрат, делятся на три основные группы:

- современный функциональный эквивалент и условная цифровая сеть;
- данные об организационно-функциональном строении организации;
- данные о текущей производственной деятельности организации [2, с. 39].

На первом этапе текущие затраты со счетов аналитического учета распределяются по технологическим процессам (операциям) и непрофильным видам деятельности. В процессе дифференциации затрат между производственными операциями основной проблемой является обеспечение достоверности распределения затрат. Наиболее точное разделение достигается, если затраты прямо относятся к операции (т.е. не требуют распределения). В противном случае возникает главная проблема калькулирования себестоимости по любому методу – проблема выбора адекватной базы распределения (драйверов). Для того чтобы избежать косвенного распределения сумм статей затрат между производственными процессами, учет расходов должен быть организован таким образом, чтобы затраты были первично локализованы. Возможность логического отнесения затрат на производственные операции предоставляет реализация концепции раздельного учета затрат по местам возникновения затрат, которые или сами являются причиной возникновения затрат, или этой причиной являются протекающие внутри них хозяйственные процессы.

Местами возникновения затрат в организациях связи являются производственные процессы – совокупность последовательно выполняемых действий (операций, функций) не ограниченных во времени, генерирующих затраты и направленных на достижение распознаваемого результата (создание или обслуживание услуги связи). Все производственные процессы могут быть разделены на основные, вспомогательные и управленческие группы. *Основные производственные процессы* непосредственно связаны с эксплуатацией средств и линий связи, а также оказанием услуг, в том числе услуг присоединения и услуг по пропуску трафика. К первой составляющей основных процессов относятся эксплуатация, контроль состояния, техническое обслуживание и ремонт используемого оборудования. Основные производственные процессы, связанные с оказанием услуг, отражают деятельность операторов по продвижению и маркетингу предоставляемых конечным потребителям услуг; выполнению работ по заключению договоров с абонентами и обеспечению их доступа к сетям и соответствующим услугам; осуществлению

расчетов с пользователями и операторами за услуги и другие. *Вспомогательные производственные процессы* включают сферы деятельности, связанные с созданием нормальных организационно-технических и санитарно-гигиенических условий труда и производства. Они связаны с обеспечением работы персонала, эксплуатацией зданий и сооружений, эксплуатацией оргтехники и других внеоборотных активов. *Управленческие производственные процессы* относятся к общему руководству организацией связи, организации учета, отчетности и аудита, общему маркетингу, снабжению, планированию развития сети оператора, обеспечению защиты информационных ресурсов, проведению метрологических проверок и метрологическому обеспечению и т.д.

Затраты по конкретным производственным операциям идентифицируются в момент их учетной регистрации на основании первичных документов. В связи с этим, при отнесении затрат на производственные процессы в первичных учетных документах отдельными реквизитами должны быть отражены: номер субсчета того производственного процесса, для выполнения которого эти затраты понесены; аналитическая позиция соответствующей статьи затрат. Если выполнение этих операций трудоемко (неэффективно), то необходимо оценить характер затрат и определить, какому технологическому процессу данные затраты соответствуют в наибольшей степени. Критериями применения подобной упрощенной процедуры отнесения затрат на процессы является наличие следующих условий: трудоемкость распределения вида затрат между операциями, условность базы распределения вида затрат между операциями, несущественная доля затрат в их общей сумме.

В случае невозможности непосредственного отнесения статьи затрат на один производственный процесс, расходы распределяются пропорционально базе распределения, отражающей причины возникновения и степень использования данных затрат соответствующим производственным процессом. По своему экономическому содержанию базы распределения (драйвера) представляют собой пропорции (процентные отношения) распределения затрат, полученные на основе данных о количественных (натуральных) показателях хозяйственной деятельности организации связи за отчетный период, наиболее тесно коррелирующих с затратами на осуществление конкретных видов производственных процессов, задействованных в оказании услуг связи.

Драйвер затрат должен быть количественно определен (не обязательно в стоимостной оценке). Чаще всего драйверами при распределении затрат по производственным процессам могут служить:

- при распределении расходов на оплату труда и связанных с ними выплат и начислений – данные о количестве фактически отработанного времени;
- при распределении расходов по эксплуатации зданий, сооружений, аренде помещений – площадь арендуемых помещений;
- при распределении потребленной электроэнергии – показания счетчиков или паспортная потребляемая мощность оборудования и т.д.

На следующем этапе распределения косвенных расходов фактические затраты, собранные на счетах производственных процессов, распределяются между услугами связи в определенной последовательности:

1) перераспределение затрат внутри вспомогательных процессов, и их последующее распределение на основные и управленческие производственные процессы. Вспомогательные производственные процессы распределяются последовательно, что исключает взаимное распределение этих процессов друг на друга и образование нераспределенных остатков на субсчетах. Драйверами в данном случае являются количественные показатели об организационно-функциональном строении организации связи: площадь помещений, численность работников и т.д.;

2) распределение затрат основных производственных процессов на счета калькуляции себестоимости. Драйверами процессов на этом этапе являются количественные характеристики оказываемых услуг: количество обработанных телеграмм, заявок на обслуживание, выставленных счетов, подключений абонентов, количество минут трафика и т.д., пропорционально которым основные процессы переносят на них свою стоимость;

3) перенесение стоимости управленческих производственных процессов на услуги связи. Распределение затрат управленческих производственных процессов на виды услуг выполняется поэтапно, причем суммы затрат, распределенные ранее и отнесенные на себестоимость услуг связи, учитываются при расчете следующих пропорций распределения. Поскольку по управленческим процессам невозможно определить базу распределения в натуральных показателях, перераспределение данных на виды услуг производится на основании данных о суммах затрат за период, понесенных для оказания конкретных видов услуг. Данный этап перераспределения является заключительным и формирует полную себестоимость услуг связи.

Заключение. Применение элементов метода ABC изменяет базу распределения расходов на отдельные виды услуг: вместо использования в качестве такой базы доходов, получаемых от оказания услуг электросвязи, используются данные о результатах производственной деятельности, о функциональ-

ном строении организации, позволяющие установить причинно-следственные связи между производственными процессами и объектами калькулирования (услугами электросвязи).

Для оптимизации процесса соотнесения затрат с услугами электросвязи сформулированы методические принципы, основанные на элементах подхода ABC:

- приоритета прямого отнесения затрат на соответствующие производственные процессы и услуги связи на основе данных первичных документов;
- применения экономически обоснованных баз распределения (драйверов), основанных на причинно-следственных связях затрат с производственными процессами и услугами;
- прозрачности отнесения и распределения затрат на производственные процессы и виды услуг связи.

Итак, становится очевидным, что метод функционального распределения затрат ABC, хотя и является достаточно трудоемким и сложным, дает более точное определение себестоимости услуг электросвязи. Это позволяет, с одной стороны, аргументировано обосновать тарифы на услуги связи в регулирующих органах, с другой стороны – принимать верные управленческие решения по выбору ассортимента оказываемых услуг.

С целью унификации и повышения достоверности результатов распределения расходов следующим этапом работы по внедрению попроцессного калькулирования методом ABC является интеграция в автоматизированный процесс распределения затрат, что существенно снизит его трудоемкость и обеспечит объективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов, В.Э. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях производственной сферы: учебник для высших учебных заведений по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / В.Э. Керимов. – 4-е изд. – М.: Дашков и К°, 2008. – 478 с.: схемы.
2. Сафонова, Л.А. Раздельный учет затрат в телекоммуникациях : учеб. пособие для вузов / Л.А. Сафонова, Н.Ю. Плотникова, Е.И. Зуева. – М. : Горячая линия – Телеком, 2007. – 192 с.

Поступила 16.10.2018

THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM DRIVERS (ALLOCATION BASES) INDIRECT COSTS IN TELECOMMUNICATION COMPANIES

M. PRIMAKOVA

The article provides the comparison of conditional and cause-effect methods of indirect costs allocation, applied in cost accounting for telecommunication services. For the most correct valuation of cost of telecommunication services, the process method of cost accounting is used and ABC (Activity-based costing) system is applied. The specific feature and the principal difference of this method is the cost accounting broken down by the types of functional activities with the following allocation of costs among telecommunication services proportionally to the bases of allocation which are the sources (causes) of such activities (processes).

УДК 33625

РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ИПОТЕЧНЫХ АКТИВОВ

канд. экон. наук, доц. **И.И. САПЕГО; О.И. МИХАЛЕВИЧ**
(Полоцкий государственный университет)

Представлена методика анализа эффективности оптимизации рисков ипотечных активов, которая позволит определять и прогнозировать оптимальную структуру портфеля ипотечных активов и будет способствовать привлечению инвестиций, а также обеспечению покрытия ипотечных активов. На основании анализа задач и интересов участников ипотечных операций выделены пользователи, нуждающиеся в оценке эффективности ипотечных операций. Сформулированы задачи анализа эффективности ипотечных операций. Проанализирована эффективность ипотечных операций по классификационным признакам.

Ключевые слова: ипотечные активы, анализ, методика анализа, риски, ипотечные операции.

Поддержание устойчивого экономического роста, повышение инвестиционной активности, обеспечение широких слоев населения жильем, нормализация работы банковского сектора, развитие рынка ценных бумаг требуют совершенствования вопросов анализа эффективности ипотечных операций.

Цель анализа эффективности ипотечных операций – обоснование и выработка управленческих решений заинтересованными лицами. Пользователями анализа эффективности ипотечных операций выступают их участники. Представляется целесообразным изучить интересы участников при совершении ипотечных операций, так как это позволит более точно сформулировать задачи анализа эффективности ипотечных операций.

Современные авторы выделяют следующих субъектов ипотечных операций: инвесторы, застройщики, исполнители работ, поставщики, банковские организации и др. Помимо перечисленных в составе участников ипотечных операций на вторичном рынке можно выделить эмитентов и держателей ценных бумаг, для которых важным является оценка надежности и доходности закладных, облигаций и других ипотечных ценных бумаг. Основным направлением анализа для эмитентов и держателей ипотечных ценных бумаг выступает перспективная и текущая оценка их риска и доходности.

Представленный анализ задач и интересов участников ипотечных операций позволяет выделить следующих пользователей анализа, нуждающихся в оценке эффективности ипотечных операций: залогодатель (должник или третье лицо, индоссат) и залогодержатель (кредитор, индоссант), страховые организации, фондовые биржи, органы государственного управления экономикой, посреднические организации. Представим пользователей и задачи анализа эффективности ипотечных операций в таблице 1.

Таблица 1. – Пользователи и задачи эффективности ипотечных операций

Пользователи анализа	Задачи анализа
Залогодатели (инвесторы)	Оценка окупаемости и доходности инвестиций, инвестиционной привлекательности объекта недвижимости, эффективности привлечения заемных средств
Эмитенты ипотечных ценных бумаг	Оценка эффективности привлечения заемных средств на основе ценных бумаг
Залогодержатели (кредиторы)	Оценка кредитоспособности инвестора и прибыльности ипотечных кредитов, оценка достаточности поступлений инвестора для погашения основного долга и процентов по кредиту целью определения условий кредитования под залог ипотеки
Держатели ипотечных ценных бумаг	Оценка кредитного рейтинга ипотечных ценных бумаг, их привлекательности, доходности и рискованности с целью минимизации рисков и формирования портфеля ценных бумаг
Страховые организации	Оценка риска неплатежеспособности субъекта кредитования, доходности ипотечных операций с целью определения суммы страхового платежа
Фондовые биржи	Оценка рискованности и доходности операций с ипотечными ценными бумагами с целью повышения прибыльности и стабильности рынка
Посреднические организации	Оценка доходов и расходов по ипотечным операциям, их прибыльность

Источник: собственная разработка на основе [2].

На основании проведенного исследования задач пользователей и анализа эффективности ипотечных операций, можно сделать следующий вывод: несмотря на общую цель анализа, существует ряд различных задач его проведения, обусловленных разными интересами участников ипотечных опера-

ций, что, в свою очередь, предопределяет различия в направлениях и методике анализа эффективности ипотечных операций.

Таким образом, представляется целесообразным провести классификацию анализа эффективности ипотечных операций по следующим признакам: по рынку ипотечного кредитования; предмету ипотеки и объекту недвижимости; по видам ипотечных ценных бумаг; времени и периодичности проведения [3].

Анализ эффективности ипотечных операций по классификационным признакам (таблица 2).

Таблица 2. – Классификация анализа эффективности ипотечных операций

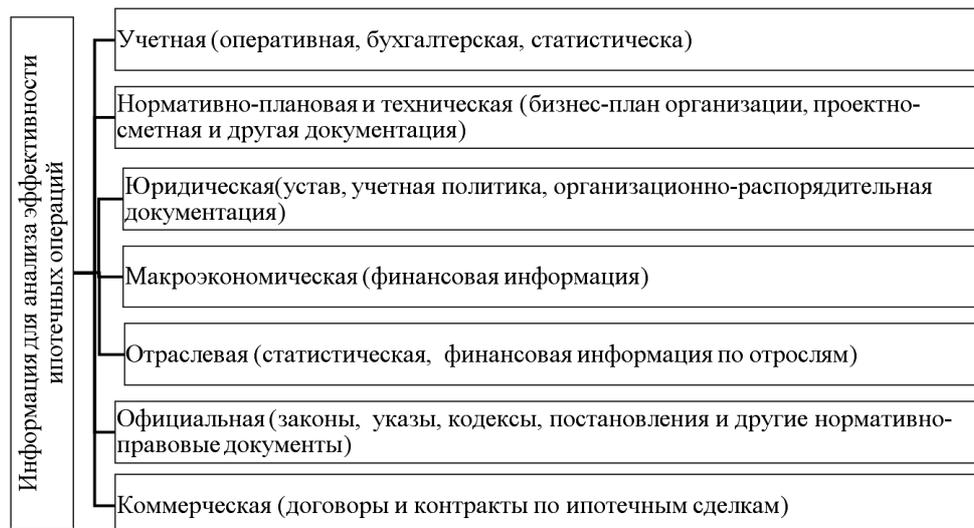
Признаки	Виды анализа	Содержание видов анализа	Значение классификации
Рынок ипотечного кредитования	1. Анализ ипотечных операций, их эффективности на первичном рынке	1. Оценка эффективности инвестиций для залогодателя и риска, доходности ипотечного кредитования для залогодержателя	Способствует выявлению особенности анализа; выделению более конкретных направлений для дальнейшего развития методик анализа
	2. Анализ ипотечных операций, их эффективность на вторичном рынке	2. Оценку надежности, доходности ипотечных ценных бумаг	
Предмет ипотеки и объекты недвижимости	1. Анализ эффективности ипотечных операций, связанных с природными объектами недвижимости	1. Оценка эффективного вложения в земельные участки, лес, многолетние насаждения, обособленные водные объекты и участки недр, оценку риска и доходности операций, обеспеченных ипотекой естественными природными объектами	Позволяет принять во внимание каждый объект недвижимости при оценке их стоимости, привлекательности, более точно оценить риски, доходность
	2. Анализ эффективности ипотечных операций, связанных с искусственными объектами недвижимости	2. Оценка эффективности инвестиций в недвижимое имущество, оценку риска и доходности кредитных операций, обеспеченных ипотекой искусственными объектами недвижимости	
Предмет ипотеки на вторичном рынке	1. Анализ эффективности операций с ипотечными закладными	1. Оценка риска и прибыльности ипотечных операций с закладными	Позволяет принять в расчет особенности обращения каждой ипотечной ценной бумаги, риски по ним и доходность
	2. Анализ эффективности операций с ипотечными облигациями	2. Оценка риска и прибыльности операций с ипотечными облигациями	
Время проведения	1. Ретроспективный	1. Проводится после совершения операций с ипотечными активами и направлен на оценку фактически сложившейся эффективности ипотечных операций	Обладает ключевым значением на стадии принятия управленческого решения по ипотечным операциям
	2. Перспективный	2. Проводится до начала совершения ипотечных операций	
Периодичность проведения	1. Текущий	1. Проводится за короткие промежутки времени, направлен на регулирование эффективности ипотечных операций	Позволяет раскрыть особенности анализа, с целью текущего итогового контроля регулирования операций
	2. Итоговый	2. Проводится за более длительные промежутки времени и направлен на оценку эффективности ипотечных операций за отчетный год	

Источник: собственная разработка на основе [2; 3].

Приведенное в таблице 2 исследование позволяет сформулировать задачи анализа эффективности ипотечных операций:

- оценка эффективности инвестиций;
- оценка доходности операций по ипотечному кредитованию;
- оценка привлекательности ипотечных операций;
- оценка стабильности доходности фондового рынка по операциям с ипотечными ценными бумагами.

Необходимо отметить, что при проведении анализа эффективности ипотечных операций важно его информационное обеспечение, представленное на рисунке.

Информационное обеспечение для анализа эффективности ипотечных операций

Одним из этапов аналитического исследования является методическое обеспечение анализа эффективности ипотечных операций. По нашему мнению, необходимо рассмотреть методы анализа, которые могут быть использованы для оценки эффективности ипотечных операций.

Ипотечные операции для залогодателя в практике Республики Беларусь, как правило, связаны с привлечением кредита под залог ипотеки, при этом зачастую финансируются не только инвестиционные проекты, но и текущая деятельность. Представляется, что для оценки эффективности ипотечных операций могут быть использованы методы оценки эффективности инвестиционных проектов и методы оценки эффективности привлечения заемных средств (таблица 3).

Таблица 3. – Основные показатели оценки эффективности ипотечных операций у залогодателя при реализации инвестиционных проектов

Методы	Показатели эффективности	Формула (схема) расчета	Характеристика показателей эффективности
Методы, основанные на дисконтированных оценках	Чистая текущая стоимость (<i>NPV</i>)	$\sum_{i=1}^n \frac{P_i}{(1+r)^{i-m}} - \sum_{t=1}^m \frac{IC_t}{(1+r)^t}, \quad (1)$ <p>где n – продолжительность периода отдачи инвестиций; P_i – доход в i-м периоде; r – ставка дисконтирования; m – продолжительность периода инвестиций; t – продолжительность периода инвестиций; IC_t – инвестиционные расходы в t-м периоде</p>	Характеризует в денежном выражении эффект от реализации инвестиционного проекта: при $NPV > 0$ – проект считается эффективным; при $NPV = 0$ – проект не убыточен, но и не прибылен, нулевая прибыль; при $NPV < 0$ – проект убыточен, не окупается и не приносит прибыль
	Внутренняя норма рентабельности (<i>IRR</i>)	Определяется ставка дисконтирования, при которой значение чистой текущей стоимости равно нулю ($NPV = 0$)	Характеризует в процентах рентабельность инвестиционного проекта; путем сравнения со ставкой дисконтирования позволяет определить прибыльность и привлекательность инвестиционного проекта: при $IRR > r$ проект считается эффективным; при $IRR = r$ проект не убыточен, но и не прибылен, он окупается с нулевой прибылью; при $IRR < r$ проект не окупается
	Индекс рентабельности (<i>PI</i>)	$\sum_{i=1}^n \frac{P_i}{(1+r)^{i-m}} / \sum_{t=1}^m \frac{IC_t}{(1+r)^t}, \quad (2)$ <p>где P_i – доход в i-м периоде; IC_t – инвестиционные расходы в t-м периоде; r – ставка дисконтирования; t – продолжительность периода инвестиций; n – продолжительность периода отдачи инвестиций; m – продолжительность периода инвестиций</p>	Характеризует в относительном выражении рентабельность инвестиционного проекта: при $PI > 0$ – проект считается эффективным; при $PI = 0$ – проект не убыточен, но и не прибылен, нулевая прибыль; при $PI < 0$ – проект убыточен, он не окупается и не приносит прибыль

Окончание таблицы 3

Методы	Показатели эффективности	Формула (схема) расчета	Характеристика показателей эффективности
то же	Дисконтный срок окупаемости (DPB)	Рассчитывается как отношение дисконтированной стоимости инвестиций к среднегодовому доходу	Отражает период времени, в течение которого полностью будут возмещены инвестиционные расходы, показывает временную точку, с которой инвестиционный проект начинает иметь доходность. Чтобы считать проект привлекательным, дисконтный срок окупаемости должен быть меньше периода инвестиций и срока кредитования
Методы, основанные на учетных оценках	Коэффициент эффективности инвестиций (ARR)	$\frac{PN}{1/2(IC - RV)} \quad (3)$ где PN – среднегодовой доход; IC – инвестиционные расходы; RV – остаточная стоимость объекта инвестиций	Характеризует в относительном выражении рентабельности инвестиционного проекта: при $ARR > 0$ – проект характеризуется доходностью; при $ARR = 0$ – проект имеет нулевую прибыль (а поскольку данный показатель не учитывает фактор времени, то его реализация сомнительна); при $ARR < 0$ – проект убыточен и не может быть принят к реализации
	Срок окупаемости (PB)	Рассчитывается как отношение стоимости инвестиций к среднегодовому доходу	Отражает период времени, в течение которого полностью будут возмещены инвестиционные расходы. В отличие от дисконтного срока окупаемости, не учитывает фактор времени, поэтому сравнение учетного срока окупаемости с периодом инвестиций и сроком кредитования не всегда позволяет получить точную оценку

Источник: собственная разработка на основании изученной литературы [1–3].

Ретроспективный анализ эффективности ипотечных операций для кредитора (залогодержателя) основан на расчете и интерпретации следующих показателей:

- рентабельности кредитных операций;
- доходности кредитных операций с использованием ипотеки;
- удельного веса доходов от предоставления ипотечных кредитов в общей сумме доходов.

Показатели оценки эффективности ипотечных кредитных операций у залогодержателя представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Основные показатели оценки эффективности ипотечных кредитных операций залогодержателя

Показатель	Алгоритм расчета	Характеристика показателя
Рентабельность ипотечных кредитных операций	Отношение доходов по ипотечным кредитным операциям к затратам, связанным с привлечением ресурсов	Рост этого показателя свидетельствует о правильности примененной кредитором политики установления процентов ставок на ипотечные кредиты и вклады. Показывает, сколько рублей дохода приходится на каждый рубль затрат, связанных с привлечением ресурсов
Доходность ипотечных кредитных операций в расчете на один рубль актива	Отношение доходов по ипотечным кредитным операциям к среднегодовой сумме активов	Характеризует уровень рентабельности ипотечных кредитных операций, используется для сравнительного анализа доходности различных операций кредитора
Доходность кредитных операций	Отношение доходов по ипотечным кредитам к среднегодовой сумме вложений по ипотечным кредитам	Характеризует рентабельность ипотечных кредитных операций и показывает, сколько рублей дохода приходится на рубль вложений в ипотечные кредиты
Доля доходов от предоставления ипотечных кредитов в общей сумме доходов	Рассчитывается делением дохода от предоставления ипотечных кредитов на общую сумму доходов кредитора	Показывает удельный вес доходов полученных банком от предоставления ипотечных кредитов по сравнению с доходами от других операций

Источник: собственная разработка на основании [1].

Представленные показатели эффективности ипотечных операций определяются банками-залогодержателями при ретроспективном анализе как в целом по всем ипотечным кредитным операциям, так и в разрезе ипотечных сделок с физическими лицами и субъектами хозяйствования [1].

Показатели деловой активности характеризуют результаты и эффективность текущей основной производственной деятельности. Оценка деловой активности на качественном уровне может быть получена в результате сравнения деятельности данной организации и аналогичных по сфере приложения капитала организаций. Показатели рентабельности представлены в таблице 5.

Таблица 5. – Показатели рентабельности ипотечных активов

Наименование показателя рентабельности	Формула расчета	Экономическая характеристика
Рентабельность ипотечных активов	(Общая сумма прибыли, полученная от продажи ипотечных активов) [П] / (издержки производства и реализации ипотечных активов) [c_i]	Относительная величина прибыли, приходящейся на один рубль текущих затрат
Рентабельность оборота ипотечных активов	(Прибыль от реализации ипотечных активов) [П] / (выручка от реализации ипотечных активов) [$B = N_i p_i$]	Показывает, сколько рублей прибыли получает предприятие с каждого рубля выручки
Рентабельность капитала	(Прибыль отчетного периода от реализации ипотечных активов) [$\Pi_{отч}$] / (средняя стоимость капитала, вложенного в продажу ИА) [\bar{P}]	Характеризуется величиной прибыли, получаемой предприятием на один рубль вложенного капитала
Рентабельность собственного капитала	(Прибыль отчетного периода) [П] / (средняя стоимость собственного капитала) [$\bar{P}_{соб}$]	Отражает, сколько рублей прибыли приходится на рубль стоимости собственного капитала

Источник: собственная разработка на основе нормативно-правовых актов.

Коэффициент деловой активности (капиталоотдача), или коэффициент оборачиваемости активов, показывает, сколько раз обернулись активы, или какой доход получен с рубля активов. Данный показатель имеет информационное значение в пределах отраслевой принадлежности, зависит от капиталоемкости производства и сравнивается в конкурентной среде.

Коэффициент деловой активности рассчитывается как отношение выручки от реализации продукции, работ, услуг к среднегодовой стоимости активов.

Для анализа эффективности долгосрочных финансовых вложений (ипотечных ценных бумаг) предлагается введение и расчет коэффициента отдачи от долгосрочных финансовых вложений, уточненного коэффициента отдачи от ипотечных ценных бумаг.

Коэффициент отдачи долгосрочных финансовых вложений ($K_{дфв}$) определим по формуле

$$K_{дфв} = B / \bar{P}_{дфв}, \quad (4)$$

где B – выручка от реализации продукции, работ, услуг; $\bar{P}_{дфв}$ – среднегодовая стоимость долгосрочных финансовых вложений.

Коэффициент уточненной отдачи от ипотечных ценных бумаг (K_{yoIA}) определим как

$$K_{yoIA} = B / \bar{P}_{IA}. \quad (5)$$

Здесь B – выручка от реализации продукции, работ, услуг; \bar{P}_{IA} – среднегодовая стоимость ипотечных активов. Чем выше данный коэффициент, тем выше эффект от распределения прибыли в ипотечные активы, что, в свою очередь, является положительной тенденцией финансовой деятельности организации.

При разработке представляемой методики особое внимание уделено эффективности использования ипотечных активов, так как любая организация считает целесообразным выдвигать на первый план рентабельность приобретаемых активов, их оборачиваемость, возможность приносить выгоду.

Развивающиеся в Республике Беларусь рыночные отношения в настоящее время во многом определяются наличием различных источников инвестиций как внутренних, так и внешних. Большое мотивационное значение любых инвестиций подтверждается огромным зарубежным опытом. Значительной эффективности достигает мотивационный механизм бизнеса при наличии хорошо действующей системы инвестиций [3, с. 93].

Современная теория и практика анализа портфельных инвестиций использует множество методик формирования оптимальной структуры портфеля ценных бумаг [3, с. 92]. Общей особенностью этих моделей является сведение проблемы выбора оптимального инвестиционного портфеля к решению непрерывной задачи математического программирования при условии, что доли распределения исходного капитала между финансовыми активами каждого вида, включёнными в портфель, могут принимать любые значения из интервала [0; 1].

Следует рассмотреть методику анализа портфельных инвестиций, которая также может быть использована и для достоверного анализа ипотечных активов, так как в её состав входят ипотечные ценные бумаги, ипотечное кредитование и т.д. [3, с. 96]. Модель задачи оптимизации рискованного портфеля ипо-

течных активов будет иметь вид, полученный благодаря введенному показателю x_j , где $j = 1 \dots, n$ – доля в общем вложении, приходящаяся на j -й вид ипотечных активов:

$$\sum_{j=1}^n x_j = 1, \tag{6}$$

тогда эффективность портфеля

$$R_p = \sum_{j=1}^n R_j x_j, \tag{7}$$

где R_p – случайные эффективности с известными математическими ожиданиями $E(R_j) = m_j$ и дисперсиями $D(R_j) = \sigma_j^2$.

Целевой эту функцию, как уже отмечалось выше, можно рассматривать в качестве скаляризации двухкритичной задачи оптимизации с ограничением и критериями $E(R_p) \rightarrow \max, D(R_p) \rightarrow \min$. Чтобы записать данную задачу через неизвестные $\{x_j, j = 1, n\}$, воспользуемся правилами теории вероятностей для получения ожидаемого значения и дисперсии случайностей эффективности R_p .

Переходя к математическому ожиданию суммы, получим формулу ожидаемого эффекта [3, с. 97]:

$$m_p = E(R_p) = \sum_{j=1}^n x_j E(R_j) = \sum_{j=1}^n x_j m_j. \tag{8}$$

Для записи дисперсии воспользуемся определением ковариации (мера линейной зависимости двух случайных величин) случайных величин R_i и R_j :

$$V_{ij} = E((R_i - m_i)(R_j - m_j)) \tag{9}$$

Математическое ожидание квадрата этого отклонения есть дисперсия эффекта портфеля ипотечных активов:

$$V_p = E((R_p - m_p)^2) = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n x_i x_j E((R_i - m_i) \cdot (R_j - m_j)) = \sum_i \sum_j v_{ij} x_i x_j. \tag{10}$$

Очевидно, что

$$V_{ii} = E((R_i - m_i)^2) = \sigma_i^2, \tag{11}$$

то есть V_{ii} является дисперсиями R_i .

Суммируя записанные выше отдельные элементы формализации, приходим к следующей оптимизационной задаче, которую решает залогодатель:

$$m = \sum_{j=1}^n x_j m_j \rightarrow \max, \quad \sigma^2 = \sum_{j=1}^n \sum_{j=1}^n x_i x_j \rightarrow \min; \tag{12}$$

$$\sum_{j=1}^n x_j = 1.$$

Если залогодержатель только покупает ипотечные активы, добавляется условие неотрицательности: $x_j \geq 0$ [3, с. 98].

Для залогодержателя, который готов участвовать в операциях типа коротких продаж, что равносильно взятию в долг суммы $(-x_j)$ под случайную ставку R_j , неизвестные x_j могут быть любого знака. Подобное заимствование сводится к тому, что залогодатель продает ипотечные активы, которых у него нет, но которые он обещает вернуть на оговоренную дату. При этом он назначает цену продажи исходя из оценки будущего курса [3, с. 98].

Для построения однокритериальной модели эффективного портфеля ипотечных активов необходимо найти долю x_0 распределения исходного капитала, минимизирующую эффективность портфеля:

$$V_p = \sum_i \sum_j v_{ij} x_i x_j \tag{13}$$

при условии, что обеспечивается заданное значение m_p ожидаемой эффективности, то есть

$$\sum_j m_j x_j = m_p. \tag{14}$$

Решение поставленной задачи обозначим знаком *.

Если $x_j^* > 0$, это означает рекомендацию вложить долю x_j^* наличного капитала в ипотечные активы вида j . Если $x_j^* < 0$, это означает рекомендацию участвовать в операции типа коротких продаж, что позволит добавить к собственному капиталу величину заемного.

Для более детального рассмотрения проведем анализ оптимизации рисков ипотечных активов на основании закона распределения случайной величины, которую обозначим через x_j , где $j = 1, \dots, n$ – доля в общем вложении, приходящаяся на j -й вид ипотечных активов (таблица 6).

Таблица 6. – Закон распределения доли активов в общем вложении

x_i	0	1	2	3
p_i	0,2	0,3	0,4	0,1

Источник: собственная разработка.

Вычислим математическое ожидание, дисперсию случайной величины.

Решение

Математическое ожидание находим по формуле

$$m = \sum x_i p_i.$$

Математическое ожидание $M[X]$ определим следующим образом:

$$M[x] = 0 \times 0,2 + 1 \times 0,3 + 2 \times 0,4 + 3 \times 0,1 = 1,4.$$

Дисперсию находим по формуле

$$d = \sum x_i^2 p_i - M[x]^2.$$

Дисперсия $D[X]$:

$$D[X] = 0^2 \times 0,2 + 1^2 \times 0,3 + 2^2 \times 0,4 + 3^2 \times 0,1 - 1,4^2 = 0,84.$$

В заключение проведенного исследования можно сделать *вывод*: разработанная методика анализа эффективности оптимизации рисков ипотечных активов позволит определять и прогнозировать оптимальную структуру портфеля ипотечных активов, привлечение инвестиций, а также обеспечение покрытия ипотечных активов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риполь-Сарагоси, Ф.Б. Основы финансового и управленческого анализа / Ф.Б. Риполь-Сарагоси. – М. : Изд-во ПРИОР, 2001. – 210 с.
2. Капитоненко, В.В. Финансовая математика и ее приложения : учеб.-практ. пособие для вузов / В.В. Капитоненко. – М. : Изд-во ПРИОР, 1999. – 144 с.
3. Совершенствование учета и анализа инвестиционной деятельности современных условий хозяйствования : отчет о науч.-исслед. работе / С.И. Красовская, Раздел 10, ГБ № 2326, ч. 2. – Новополоцк, 2010. – С. 205–230.

Поступила 17.10.2018

THE DEVELOPMENT OF METHODS OF ANALYSIS OF MORTGAGE ASSETS

I. SAPEGO, O. MIKHALEVICH

The method of analysis of efficiency of optimization of risks of mortgage assets which will allow to define and predict optimum structure of a portfolio of mortgage assets and will promote attraction of investments, and also providing a covering of mortgage assets is presented. Based on the analysis of the tasks and interests of participants in mortgage operations, users who need to assess the effectiveness of mortgage operations are identified. The tasks of the analysis of efficiency of mortgage operations are formulated. The efficiency of mortgage operations on classification criteria is analyzed.

Keywords: mortgage assets, analysis, methods of analysis, risks, mortgage operations.

УДК 657.22

ПРОЦЕССНЫЙ КОНТРОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

канд. экон. наук, доц. С.Л. ШАТРОВ
(Белорусский государственный университет транспорта, Гомель)

Рассматриваются эффективные управленческие решения в организациях корпоративного типа, принятие которых зависит от рационально выстроенной системы бизнес-процессов, контроля за их осуществлением на базе сбора и обработки необходимой информации. Анализируются принципы построения внутренней системы процессного контроля в организациях железнодорожного транспорта, являющейся важнейшим инструментом управления компанией и одним из необходимых условий обеспечения эффективности её экономической деятельности, финансовой устойчивости и повышения инвестиционной привлекательности.

Ключевые слова: бизнес-процессы, финансовая устойчивость, контроль, управленческий учет.

Современные условия развития Республики Беларусь характеризуются высокой степенью независимости экономических субъектов как в принятии экономических решений, так и в контроле их исполнения. Объективной необходимостью реализации различных форм контроля является специфический набор целей, групп потребителей информации и, как следствие, наличие собственных методик, приемов и способов достижения поставленных задач. Следует отметить, что железнодорожный транспорт является одной из крупнейших естественных государственных монополий с разветвленной, многоуровневой, иерархически сложноподчиненной системой управления, что предопределяет наличие специфических требований к организации учета и контроля, которая имеет форму и основные черты управленческого учета.

Управленческий учет в системе железнодорожного транспорта можно определить как интегрированную систему учета затрат и доходов, основная цель которой – представление информации о хозяйственной деятельности организации и её структурных подразделений для планирования, контроля и принятия оперативных управленческих решений. Непосредственный контроль затрат и доходов (доходных поступлений) в системе железнодорожного транспорта осуществляет контрольно-ревизионный аппарат, а с трансформацией ведомственного контроля, предусмотренной Указом № 510, к задаче этой службы также относится поиск вариантов повышения эффективности деятельности предприятия на основе проведения контрольно-аналитических мероприятий.

Таким образом, среди институтов контроля бухгалтерской (экономической) информации на железнодорожном транспорте особое место занимают органы внутреннего контроля, которые представлены контрольно-ревизионной службой и отделами, имеющими четкое функциональное разделение по укрупненным объектам контроля: доходы и расходы структурных подразделений [6]. Большая часть предприятий железнодорожного транспорта – это «несущие» расходы, но не образующие доходы, предприятия. Следовательно, их руководители могут отвечать лишь за тот объем расходов, который сопоставим с объемом работ, выполняемым конкретным предприятием (локомотивным депо, вагонным депо, вагонным участком и др.). Иные руководители организаций (ж/д станций, вокзалов) отвечают не только за затраты, но косвенно и за доходные поступления. Только в целом вся железная дорога отвечает за доходы (служба грузовой работы и внешнеэкономической деятельности – отвечает за грузовые перевозки, пассажирская служба – за пассажирские и т.д.) [4].

Однако в современных условиях хозяйствования актуальным направлением развития транспортных систем железнодорожного транспорта является повышение эффективности выполняемых действий, операций, процедур и бизнес-процессов (экономических единиц, включающих всю совокупность взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание транспортной услуги) на базе реинжиниринга системы управления и внутреннего контроля. Хозяйственная деятельность железнодорожного транспорта может быть раздроблена на экономические единицы, за каждой из которых стоит конкретный потребитель как внутри компании, так и за ее пределами. При таком подходе, называемым процессным, для оценки эффективности функционирования организации как экономической системы следует представить деятельность железнодорожного транспорта как комплекс процессов, каждый из которых выступает как строгая последовательность операций. Совокупным результатом исполнения этих процессов и являются транспортные продукты (работы, услуги), удовлетворяющие потребностям клиентов. При этом у каждого отдельно взятого процесса должен быть результат, важный для выполнения следующего процесса.

Рассматривая железнодорожный транспорт не только как вид транспорта, предназначенный для обеспечения потребностей юридических и физических лиц, государства в перевозках, но и как бизнес, направленный на получение прибыли во всех сегментах деятельности организации (так как прибыль компании зависит от прибыльности каждой операции, связанной с обеспечением перевозочного процесса),

необходимо перейти от оценки эффективности перевозки в целом (так как это не единственный бизнес-процесс) или отдельной технологической операции в частности к оценке операций, процедур, процессов, бизнес-процессов, направленных на достижение поставленной руководством задачи (использование и ремонт подвижного состава, используемого в перевозке грузов или пассажиров, продажа билетов или работа с заказчиком грузовой перевозки, претензионная работа или работа по взысканию платежей), с целью достижения и оценки скоординированной работы функциональных вертикалей и различных подразделений по достижению единой бизнес-цели. От качества управления всеми операциями, процедурами, процессами, бизнес-процессами в значительной степени зависит эффективность деятельности всей системы железнодорожного транспорта, обеспечение ее конкурентного преимущества, развитие транспортного бизнеса в целом [5].

Выделение в рамках компании бизнес-процессов базируется на определенных требованиях к таким экономическим единицам организации [1]:

- бизнес-процесс может идентифицировать и определить все, что к нему относится, и всех, кто вовлечен в достижение его эффективности;
- у продукта (услуги), получаемого в результате деятельности в рамках бизнес-процесса, должен быть потребитель либо внутри компании, либо за ее пределами;
- границы бизнес-процесса определяются не технологическими или функциональными принципами, а запросами потребителя-клиента;
- ключевыми и важнейшими фигурами в определении границ бизнес-процессов являются не инженеры и технологи, а менеджеры и экономисты.

Используя обозначенный выше подход, классификация бизнес-процессов, используемая при формировании процессного подхода на железнодорожном транспорте, может выглядеть следующим образом:

- *основные* – бизнес-процессы непосредственно ориентированные на производство продукции, предназначенной для внешнего потребителя, от выполнения которых компания получает доход (грузовые и пассажирские перевозки);

- *вспомогательные* – сопровождают осуществление основной деятельности, их продукция предназначена для потребления основным бизнес-процессом (погрузка, выгрузка, ремонт тягового и подвижного состава);

- *обеспечивающие* – создают благоприятные условия развития и выполнения иных бизнес-процессов организации (поддержание инфраструктуры в работоспособном состоянии, содержание зданий и сооружений, информационное обеспечение, снабжение, транспортное обслуживание основного процесса); бизнес-процессы управления и развития – выполняют функцию управления предприятием (управление проектами, качеством, развитие технологий, цифровизация) [2].

Так, основные бизнес-процессы железной дороги – это перевозка грузов и пассажиров. Процессами более низкого вспомогательного уровня, обеспечивающими перевозку являются: перевозка грузов в международном и внутриреспубликанском сообщениях, а также пассажиров в международном, межрегиональном, региональном и городском сообщениях и т.д. Поэтому в современных условиях актуальным представляется формирование информационной базы не только по функциям управления (планирование, организация, мотивация и контроль), но и по процессам, протекающим в их рамках (перевозка грузов или пассажиров в международном сообщении), что позволит влиять не только на результат, но и на факторы его образующие.

Если существует система процессного управления, необходимо рассмотреть место контроля в ней, а также его элементы. Практика показывает, что основными проблемами являются отсутствие достаточного объема информации для принятия эффективных решений, частичное отсутствие контроля на всех этапах реализации отдельного бизнес-процесса, а также несогласованная работа структурных подразделений организации, в том числе возможно связанная с некоторой некомпетентностью персонала в узких областях деятельности. Организация внутреннего контроля для каждого из бизнес-процессов, основанного на процессном подходе к управлению, позволит разрешить подобные проблемы.

В общем смысле функция контроля представляет собой процесс, при помощи которого руководство организации получает информацию о действительном состоянии дел по выполнению плана и о ходе решения задач, направленных на достижение целей организации. Под процессным внутренним контролем будем понимать процесс, организованный и осуществляемый руководством, а также сотрудниками организации для того, чтобы обеспечить эффективность и результативность реализации бизнес-процессов, уверенность в надежности финансовой отчетности, соответствия деятельности организации действующему законодательству. Внутренний контроль основывается на интеграции определенных процедур в бизнес-процессы, обеспечивающих выполнение управленческих решений с наименьшими рисками и с наибольшим эффектом. Одним из важнейших бизнес-процессов, обеспечивающих эффективность перевозок на железнодорожном транспорте, является «перевозка грузов (пассажиров) в международном сообщении». Технологический процесс и существующая организационная структура определяют как особенности организации международной перевозки, так и определение ее эффективности.

Так, для одного отделения или структурного подразделения, участвующего в международной перевозке, оценить эффективность международной перевозки не представляется возможным, поскольку процесс транспортировки грузов и пассажиров по железной дороге в международном сообщении обуславлива-

ет участие в нем сразу нескольких отделений (структурных подразделений) разных дорог. Поэтому контроль расчетов, доходов, расходов и финансовых результатов железной дороги в международном сообщении следует осуществлять только на уровне Управления железной дороги. Вместе с тем при проведении контроля необходимо получить информацию как на высшем уровне управления (Управление железной дороги), так и на низшем уровне (структурные подразделения). Поэтому процедуры процессного контроля эффективности перевозки в международном сообщении (таблица) могут быть завершены на уровне Управления железной дороги, так как международные перевозки грузов и пассажиров организуются централизованно, доходные поступления зачисляются на счета Управления железной дороги, а обоснованность включения затрат, полноты сборов и своевременности их перечисления на доходный счет железной дороги следует изучать на уровне отделений (структурных подразделений).

**Организации внутреннего контроля процесса «перевозка в международном сообщении»
(содержание и процедуры) [3]**

Элементы проверки	Основные вопросы проверки	Источники информации
Юридическое оформление и выполнение договорных отношений между железной дорогой, грузоотправителями и грузополучателями внешнеторговых грузов	- своевременное продление или заключение новых договоров; - соблюдение условий договоров; - составление плана перевозок	- договор на перевозку; - заявка на перевозку; - план перевозок
Обслуживание перевозочного процесса	- оформление единых международных перевозочных документов; - основания для приема груза к перевозке; - своевременный прием или выдача груза; - таможенное оформление	- перевозочные документы (международная транспортная накладная СМГС и др.); - передаточная вагонная ведомость; - первичная документация формы ФДУ-91, ФДУ-92, ГУ-3, ГУ-23, ГУ-26 и др.
Состояние расчетов с грузоотправителями и экспедиторами	- определение провозных платежей; - своевременность расчетов	- счета-фактуры; - платежные поручения
Движение денежных средств от перевозки грузов и пассажиров в международном сообщении (как правило, в валюте)	- определение доли иностранной валюты для обязательной продажи; - целесообразность и направления использования средств	- выписки с валютного счета; - выписки с рублевого расчетного счета Управления железной дороги (ИРЦ); - выписки с рублевых расчетных счетов отделений железной дороги (ОИЦ); - учетные регистры
Состояние расчетов с дорогами, участвовавшими в международной перевозке	- доля участия отдельной железной дороги в международной перевозке; - своевременность корректировок доходных поступлений	- сводная ведомость доходов - расчетные ведомости ф № 4, № 4-А; - ведомости перерасчета за пользование грузовыми вагонами; - отчет о перевозках пассажиров и доходах от этих перевозок
Структура и целесообразность эксплуатационных затрат по международным перевозкам	- состав и структура прямых затрат, порядок распределения косвенных затрат; - целесообразность отдельных затрат; - правильность отнесения затрат на соответствующие статьи номенклатуры расходов	- первичные учетные документы по учету затрат; - форма 69-жел
Своевременность и правильность отражения в учете расчетов, доходов, расходов и финансовых результатов по перевозкам в международном сообщении	- правильность начисления платежей за перевозки; - принятие к учету доходов и расходов по международным перевозкам; - отражение операций на счетах бухгалтерского учета; - соответствие записей в первичных документах данным регистров аналитического учета; - соответствие данных аналитического и синтетического учета	- учетные регистры; - бухгалтерские справки-расчеты; - авизо (извещения); - отчет по доходам от грузовых перевозок; - свод доходных поступлений ФДУ-3, в валюте ФДУ-3М, по отправлению ФДУ-5; - отчет по доходам от перевозок пассажиров, почты, багажа и грузобагажа, другие формы внутренней отчетности ФО-2, ФО-3, ФО-3а, ИНО-1, ИНУ-82
Полнота и своевременность расчетов с бюджетом и внебюджетными фондами	- соблюдение налоговой дисциплины;	- учетные регистры; - бланки расчета налоговых платежей
Достоверность отражения данных в отчетности	- соответствие данных главной книги и форм бухгалтерской, статистической внутренней и внешней отчетности; - формирование финансовых результатов в пределах железной дороги	- форма 69-жел; - сводный баланс
Эффективность и целесообразность осуществления перевозок в международном сообщении	- анализ финансово-хозяйственных показателей деятельности железной дороги в части международных перевозок	- учетные регистры; - первичная документация и внутренняя отчетность ЦО-22, ЦО-1, 69-жел

Заключение. В соответствии с предлагаемым авторским подходом разработана программа проверки, которая представляет собой перечень перечисленных в таблице процедур, необходимых для практической реализации плана организации и проведения контроля процесса «перевозка в международном сообщении», и включает перечень рабочей документации:

- Ведомость проверки расчетов за международные перевозки с иностранными дорогами;
- Ведомость проверки расчетов за международные перевозки с грузоотправителями и экспедиторскими организациями;
- Ведомость проверки правильности и своевременности отражения в учете затрат, доходов и финансовых результатов железной дороги по перевозкам в международном сообщении;
- Ведомость определения эффективности перевозок в международном сообщении, а также инструкции по проведению проверки формирования доходов от пассажирских и грузовых перевозок в международном следовании, в которых нашли отражение положения авторской методики.

Далее определяют подразделения, отвечающие за выполнение определенных этапов, и принимают управленческие решения при организации и обслуживании перевозочного процесса в международном сообщении: на уровне Управления железной дороги – ИВЦ, служба грузовой работы и внешнеэкономической деятельности и другие; на уровне отделения железной дороги – структурные подразделения и ОРЦ.

Завершающим этапом является обработка полученных данных и формирование на их основе отчета об эффективности бизнес-процесса перевозка грузов или пассажиров в международном сообщении (возможно, следует рассмотреть возможность передачи бизнес-процесса на аутсорсинг). Этот этап предусматривает обобщение и оценку всей информации, накопленной при проведении процессного контроля. Представляется, что такой подход позволит дать комплексную, объективную оценку исследуемому бизнес-процессу.

Следует отметить, что использование на практике разработанных рекомендаций позволит сформировать последовательную модель процессного контроля с целью эффективного управления как конкретным бизнес-процессом, так и всей компанией в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репин, В.В. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов / В.В. Репин, В.Г. Елиферов. – М. : МИФ, 2013. – 544 с.
2. Шатров, С.Л. Аутсорсинг бизнес-процессов транспортных систем / С.Л. Шатров, О.В. Липатова, И.А. Кейзер. – Гомель : БелГУТ, 2017. – 203 с.
3. Шатров, С.Л. Методика и организация системы внутреннего аудита доходов и расходов по железнодорожным перевозкам в международном сообщении / С.Л. Шатров // Бухгалтерский учет и анализ. – 2008. – № 9. – С. 36–41.
4. Шатров, С.Л. Методические основы организации контроля на железнодорожном транспорте // Рынок транспортных услуг (Проблемы повышения эффективности) / С.Л. Шатров // Междунар. сб. науч. тр. ; под ред. В.Г. Гизатуллиной. – Гомель : УО «БелГУТ», 2011. – Вып. 4. – С. 101–110.
5. Шатров, С.Л. Процессный подход к аналитической оценке эффективности функционирования транспортных систем / С.Л. Шатров // Бухгалтерский учет и анализ. – 2018. – № 9 (261). – С. 14–22.
6. Шатров, С.Л. Система внутреннего контроля финансово-хозяйственной деятельности предприятий железнодорожного транспорта: состояние и направления развития / С.Л. Шатров // Бухгалтерский учет и анализ. – 2006. – № 10. – С. 8–13.

Поступила 12.10.2018

PROCESS CONTROL IN THE ORGANIZATIONS OF RAILWAY TRANSPORT

S. SHATROV

Making effective management decisions in organizations of corporate type depends on a rationally built system of business processes, control over their implementation on the basis of collection and processing of necessary information. The article considers the principles and practice of building an internal system of process control, which is the most important tool of management of the company and one of the necessary conditions to ensure the efficiency of its economic activity, financial stability and increase investment attractiveness.

Keywords: *business processes, financial stability, control, management accounting.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК [321+340]

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XV–XVII ВЕКАХ

*канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматриваются вопросы возникновения общественного контроля на белорусских землях во времена Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой в XV–XVII веках. Анализируются эволюция идейных основ общественного контроля, его перерождение из способа защиты предусмотренных феодальными договорами прав и привилегий в основу политического строя, гарантию вольности и защиту от тирании. В публикации выделяются объекты и субъекты общественного контроля, рассматриваются его формы. Кроме того, изучается эволюция сословных представительных органов с позиции осуществления ими общественного контроля, отмечается их перерождение из сугубо общественных органов в органы с двойственной общественно-публичной сущностью, в свою очередь подлежащие общественному контролю. Приводятся примеры форм обращений сословий в защиту своих прав.

Ключевые слова: общественный контроль, обращения шляхты, сейм, вольность, тирания.

Введение. Создание эффективных, подотчетных и транспарентных государственных учреждений, обеспечение принятия ответственных решений репрезентативными органами на всех уровнях власти с участием всех слоев общества являются теми целями современного дня [1, с. 31], к реализации которых общество стремится с момента провозглашения и закрепления в конституциях государств суверенитета народа после буржуазных революций середины XVII – конца XVIII века. Однако, так же как и принципы, и идеи демократического правления, ответственного правительства, разделения властей не появились внезапно, а имели длительную предысторию возникновения и развития на предшествующих этапах развития общества и государства, так и идеи общественного контроля за деятельностью высших органов государства, иных органов государственной власти прошли долгие этапы своего развития до современного расцвета и распространения.

Контроль со стороны общества за соблюдением органами государственной власти законодательства, прав и свобод человека, пусть и в рамках прав и свобод социальных сообществ, имел место в средние века. Сословное общество как предшественник гражданского общества знало свои формы контроля, многие из которых, переродившись, сохранились до настоящего времени. Тщательное изучение причин их возникновения, особенностей реализации является крайне важным для обеспечения их оптимального функционирования на современном этапе.

Непосредственно изучению исторических форм общественного контроля на землях Беларуси в XV–XVI веках в отечественной и зарубежной литературе не уделено значительного внимания, но различные аспекты данной проблематики рассматриваются такими авторами, как Ю. Бардах, Т.И. Довнар, М.Ф. Чудаков, Я.А. Юхо, А. Рахуба, А. Радаман, С.А. Подокшин, Е. Опалинский, и многими другими при изучении парламентской системы ВКЛ, истории конституционного развития ВКЛ и Речи Посполитой, магдебургского права, политико-правовой мысли и др.

Основная часть. Возникновение общественного контроля берет свое начало в договорной и частной сути феодального общества и государства. Он возникает из желания сословий, жителей регионов государства обеспечить выполнение сословных и региональных договоров между ними и сюзереном. Нарушение прав, в том числе сохранившихся из-за специфики эпохи в обычной форме, породили многочисленные жалобы вассалов или жителей присоединенных на основе договора (ряда) к стране провинций на королевских наместников или других служилых лиц.

Еще одной из причин возникновения общественного контроля было объективное стремление королевской власти к централизации и усилению своих полномочий, в том числе и для решения новых задач и проблем, перед ней возникающих, обусловленных, в том числе, интенсификацией экономики, ростом численности населения, усилением взаимодействия и конкуренции между государствами.

Французский учёный Ж. Фавье типичную для средневековых государств ситуацию описывает следующим образом: «в начале XIV в., никто еще не был готов понять, что верховная власть нуждается в других постоянных ресурсах, помимо тех, которыми королевский домен снабжает короля как землевладельца... Но функционирование государства обеспечено не было. Королю-сюзерену не хватало средств

для управления. Администрация, которая постепенно распространялась по территории королевства, правосудие (особенно апелляционное) – лучший инструмент для расширения королевских прерогатив в ущерб феодалам, королевские гарантии как сделок иностранных купцов во Франции, так и соглашений между бюргерами по разделу муниципальной власти, – все это предполагало такую королевскую власть, которая имеет постоянные источники финансов, причем иные, чем домениальный доход короля-собственника и феодальный доход, который король может получить от вассалов. А вот получать “экстраординарные” доходы обычай позволял суверену только ради “общей пользы”, для обороны королевства» [2, с. 38].

Очевидно, что война была способом получения дополнительного дохода для королевской власти, но и само выделение средств для ведения войны со стороны сословий давало последним возможность требовать расширения сословных привилегий, в том числе права оценивать целесообразность сбора средств, требований обеспечить целевое использование запрашиваемых средств, желание получить право оценки эффективности и целесообразности деятельности королевских чиновников, право ставить перед королем вопрос о привлечении к ответственности чиновников, которые нарушают сословные и провинциальные привилегии и иммунитеты.

Для реализации целей общественного контроля, а именно соблюдения представителями королевской власти прав и свобод сословий и населения отдельных регионов, выступавших в качестве его субъектов, последние действовали как организованно (институционально), так и условно неорганизованно. В первом случае субъекты обращались за защитой своих прав в рамках деятельности сословно-представительных органов, во втором – через подачу королю коллективных жалоб и обращений. Жалобы и обращения такого сословия, как шляхта, могли подаваться и через представителей в сословных органах.

Разумеется, не все сословия средневековой Речи Посполитой имели равные возможности по защите своих сословных привилегий. Однако даже крестьяне могли подать королю жалобы на ущемление их прав. Можно сказать, что все волостные грамоты ВКЛ являются ответом на коллективные жалобы населения, которое протестовало против произвола местной администрации и жаловалась королю на нарушение своих старинных прав или прежних королевских грамот. Так, у «Грамаце караля і вялікага князя Жыгімонта I Старога сялянам-даннікам падняпроўскіх і задзвінскіх валасцей» от 2 октября 1511 года отмечается: «Чиним знаменито сим нашим листом, што першо сего многократъ жалобы приходили к нам з волостей наших Поднепрських и Задвнських... и тыми разы били нам чолом вси тых волостей наших данники, иж им тяжкость великая ся деет, ...; а наболей отяжають собе от писарей наших, которых жо посылаем по тым волостем нашим недополнков даней наших правити, ... И били нам чолом вси тых волостей наших данники наши, абыхмо их при старине зоставили...» [3, с. 83].

Подобное положение встречается и в «Грамаце вялікага князя Літоўскага Жыгімонта I сялянам Магілёўскай воласці» от 1 июля 1536 года: «Ознаменуем тым то нашим листом, што жаловали нам мешане и вол. Могилевская на державцу могилевского кн. Василья Ивановича Соломирецкого, аж бы он и кривды и тяжкости им великие делал...» [4, с. 84].

В Метрике ВКЛ есть свидетельства и коллективных обращений, занимающих промежуточное положение между крестьянами и шляхтой людей путных и бояр, которые фактически указывают великому князю на его ошибку, которую он допустил, поверив кому-либо из шляхтичей и передав последнему бояр в качестве людей тяглых (крепостных). Например, данному вопросу посвящены «Декрет межи людьми путными Смоленског(о) повету Дубровеньского путя а межи Михаилом Данилевичом, которыхи их был за тяглых людей упросилъ» от 2 сентября 1508 года [5, с. 310–311], а также лист великого князя Сигизмунда «До воеводы троцкого в жалобе бояр еишских на Тишка Быховца о упрошене их за тяглых люди» от 2 октября 1521 года [6, с. 95].

Горожане городов с магдебургским правом, в свою очередь, по привилеям получали право обращаться в защиту своих прав напрямую к великому князю, чем они были удовлетворены и не претендовали на участие в сеймах [7, с. 187]. В «Привилее Менску на магдебургское право 1499 года» отмечалось: «... и вечно вызволяемъ всих того места людей от судовъ и от моцей всихъ воевод и панов и старост, наместъниковъ, судей и всих владниковъ всего Великого Князства Литовьского... А естли з них хто кому будетъ чымъ виновать, мает имъ справедливость статися перед войтомъ их и бурмистры, и радцы. А естли войт, а любо бурмистры будутъ видетися несправедливы, тогды о тую речь мают позвани быти перед насъ самих и им отповедати, которых жо маемъ тымъ правом судити» [8, с. 95].

Данным правом мещане активно пользовались. Так, например, в ответ на коллективную жалобу лентвойта, бурмистров, радцев и всех мещан города Киева на воеводу Киевского за «розные кривды их против праву их маитборскому», великим князем был написан лист последнему с подтверждением прав горожан, указанием на порядок разрешения их жалоб и на недопустимость подобных нарушений прав в дальнейшем [9, с. 97–99].

Коллективные жалобы могло направлять и население отдельных регионов, которые в прошлом были присоединены к ВКЛ на основе договора. Так, «Прывілей Смаленскай зямлі 1505 г.» фактически является ответом на многочисленные жалобы населения (владыки, бояр и мещан смоленских) на введение княжескими чиновниками «новины» [10, с. 68–72].

Большинство грамот и привилегий подтверждались королем и великим князем при согласии Панов Рады и на сеймах. Сословные органы выступали для шляхетского сословия своеобразным институционализированным субъектом общественного контроля, через участников или послов которых к королю направлялись обращения шляхты и населения регионов. Само существование Рады и Сейма представляло собой эволюцию от совещательных органов, что использовались королем для ознакомления населения с политикой государства и поиска его поддержки при ее осуществлении, а населением, в том числе, для общественного контроля – направления обращений и жалоб к королю, к органам публичной власти, в которых обсуждались и принимались законы, оценивалось их выполнение. Подобная двойственность, сочетание функций общественного представительства и общественного контроля за администрацией с функциями публичной власти, сохраняется у современного парламента и органов местного самоуправления до настоящего времени.

Так, уже по «Прывілею вялікага князя Літоўскага Аляксандра 1492 года» все решения, переданные на рассмотрение Панов радных, князь обещает принимать только с их согласия и обязательно выслушав без гнева их мнение, с Радой он обещает согласовывать назначение на должности, наделение государственными землями в управление [11, с. 48–49]. По «Прывілею вялікага князя Жыгімонта Казіміравіча 1506 г.» новые законы уже должны приниматься, а старые законы и обычаи толковаться, «якія будуць упарадкаваны для агульнай выгады Рэчы Паспалітай (рэспублікі) нашай, як паслягрунтоўнага разважання і з ведама, нарады і згоды паноў рады» [12, с. 53]. Последнее положение было полностью перенесено и в Первый Статут ВКЛ 1529 года [13, с. 119]. К тому же в упомянутом выше Привилее великий князь отмечает, что «ласкава дае згоду і лічыць за каштоўнае, каб адкрыць да нас доступ законных петыцый названых пралатаў і дарадцаў (паноў-рады) абоага стану і нашых падданных» [12, с. 53], и за преданность авторов этих петиций награждает подтверждением всех прав.

Расширение сословных прав шляхты и развитие институтов Вального сейма и сеймиков также нашло свое отражение в нормах следующих Статутов ВКЛ. Так, статья 5 раздела III Статута 1566 года [14, с. 79–80] и статья 6 раздела III Статута 1588 года [15, с. 44] закрепляли как право шляхты участвовать в обсуждении и на местных сеймиках, и через послов на Вальном сейме, решений касающихся всего государства, так и право выявлять и направлять для обсуждения перед монархом местные проблемы и потребности: «А намовляти о тых речах и потребах земских, которые им на тых листах наших и через посла нашего ознаймены будут, не мней теж и о всих потребах и долеглостях оного повету и воеводства. И большое зволившисе вси одностайным зданьем мають обрати послов своих... и послати их на сейм, ознаймивши и поручивши все, о чом водле листов наших господарских и теж в своих потребах радити, намовляти и становити будут, даючы им моц на том таковом вальном сойме поступовати и кончити тые речи, которые им на соймику злеконы и на инструкцыи за печатьми обывателей того повету поданы будут» [15, с. 44].

На поданные на Сейме обращения и запросы шляхты и жителей регионов королевская власть вынуждена была давать обоснованные ответы и тем самым корректировать свою политику и отменять злоупотребления и нарушения прав. Так, например, ответ на представление от магнатов и шляхты ВКЛ на сейме в Бресте в 1544 году содержит 25 статей [16, с. 397–413], а ответ на представление на сейме виленском 1547 года – 23 статьи [17, с. 418–435], в том числе по вопросам подтверждения тех или иных прав ранее объявленных, или просрочки исполнения положений прошлых статутов и грамот, а также жалобы на действия чиновников по назначению вижей (низших должностных лиц для надзора за судопроизводством), пограничные обиды и обиды от мещан виленских всему населению ВКЛ и т.д.

Кроме обращений от всех магнатов и шляхты всего ВКЛ направлялись и оглашались на сейме и обращения от шляхты отдельных земель, например, «Prozby zemli połockoje», что отдельно от представления всей шляхты ВКЛ были поданы в 1559 году [18, с. 519–522], или «Prozby powetu witebskiego» [18, с. 523–525], на которые король также давал обстоятельные ответы.

Возникновение и закрепление в Статуте 1588 года Положений об инструкциях сеймиковых, что «поучали» депутатов в отстаивании местных интересов при обсуждении общегосударственных вопросов на Сейме, а также поручали им подымать на Сейме вопросы, касающиеся местных прав и проблем, также являются интересной формой общественного контроля со стороны шляхты за королевской властью.

В XVI веке происходит и постепенное изменение сущностного обоснования общественного контроля. Поздний приход феодальных отношений, неразвитость городов и буржуазных отношений обусловили компромисс гуманистическо-реформационных и феодальных идей [19, с. 37].

Значительное количество протестантов среди сенаторов, 35% которых имело высшее юридическое образование, полученное за границей, руководителей и чиновников канцелярии ВКЛ [20, с. 131–132] способствовало распространению идей о способности всех христиан, а не только правителей, к исправлению мира, и приоритете местной общины во главе с выборным священником и старейшинами над любыми политическими властями, обеспечило предпосылки для возникновения в будущем таких понятий, как общественный договор и правительство с согласия управляемых.

Вместе с распространением аристотелевской концепции государства как «общего блага», идей «смешанного правления», шляхта начинает обосновывать свою деятельность по защите сословных и региональных прав не только ссылками на нарушения древних привилегий, договоров, грамот, но и указанием на свою роль в защите «*pospolitego dobra i zasności stróža*» [21].

Уже в середине XVI века знаменитый мыслитель А.Ф. Моджевский в своем труде «Об исправлении государства» в разделе IX отмечает: «Пусть знают короли, что они для народа, а не народ для них суть поставлены» [21]. Размышляя в главе X о роли сенаторов, он указывает, что без них ничего королю в государстве начинать нельзя, только с их предложения устанавливается право, реализуется правосудие и объявляются войны. «Великая то власть и тяжелое бремя, если не большая и не тяжелейшая среди других властей, ... быть стражем государства и защитником» [21]. Подобным образом он описывает и деятельность послов шляхетских на сейме, которые хоть и не могут управлять, но «много вещей необходимых подают к рассмотрению сенаторам... законы все также бдительно изучают, если что-то для государства вредного увидят, чтобы против этого постановить» [21].

Подобные идеи примерно через 20 лет высказывает и неоднократно избиравшийся послом на сейм, а впоследствии и королевский секретарь А. Волан: «Калі дзяржава і грамадства будуць мірыцца з тым, што кароль не лічыцца з законамі, дазваляе сабе рабіць усё, што яму ўздумаецца, то Вам, шанюўныя панове сенатары, хоць Вы і не вінаватыя, давядзецца падзяліць з ім віну» [22, с. 65–66]. У Волана уже наблюдается целая программа по ограничению королевской власти. Он предлагает его лишить и возможности назначения на государственные должности [22, с. 69], ограничить доступ к государственной казне [22, с. 69–70], сузить судебные прерогативы короны [22, с. 71].

«Зразумела, што і ў нашым грамадстве каралеўская ўлада дзейнічае ў праслах пэўных абмежаваньняў. Кароль не мае права ўстанаўліваць якія-небудзь законы без адпаведнай згоды ўсяго народа. Перш чым атрымаць стэрно кіраваньня дзяржавай, кароль падчас каранаваньня павінен прысягнуць народу і ўрачыста абяцаць, што ніколі і нічога не зробіць насуперак існуючым законам. А калі ён нешта падобнае ўчыніць і яго рашэньні і пастановы парушаць вернасць і святасць прысягі, у такім выпадку яны не будуць лічыцца правам і не набудуць ніякай сілы» [23, с. 97].

Очевидно, что королевская власть в глазах А. Волана и шляхты приобретает подозрительный характер. Ее нужно контролировать, не давать возможностей к перерождению в тиранию. После скандала с Сигизмундом III Вазой и инквизиционного сейма 1592 года, рокоша Зебжидовского 1606–1609 годов, в руководстве которого активное участие принимал и подчасный ВКЛ Януш Радзивил, страх перед *absolutum dominium* «начал принимать формы паранойи» [24, с. 42].

Изучив политическую культуру шляхты конца XVI – первой половины XVII века, Е. Опалинский отмечает: «Отношение дворянства к монарху характеризовалось далеко идущими подозрениями. Исторический опыт был ее источником. Широко было распространено мнение, что природа монархов – это стремление к абсолютному господству. Шляхта, как известно, для такого рода аргументов была особенно чувствительна. Постоянная борьба, которую она вела с королем, заключалась в том, чтобы предотвратить реализацию этих планов. По этой причине доходы монарха были ограничены так же, как и кадровые полномочия короля, и полномочия по раздаче земель. Недоверие к королю означало, что социальный контроль над монархом является обязанностью шляхты» [25, с. 56].

В деле ограничения прерогатив короля шляхта действовала по следующей схеме. Первоначально ставилась под сомнение законность его решений, затем делалась попытка добиться обязательности согласования решения с сеймом [25, с. 134]. В подобном направлении постепенно ограничивались права короля в сфере персональных назначений на должности, предоставления ленна прусского, курляндского, объявления войны, заключения международных договоров, увеличения численности армии в мирное время в период между собраниями сеймов, периодически оценивалось полезность заключения мира и его поддержания, матримониальные планы короля [25, с. 134–162].

Сейм, как отмечали выше, постепенно приобрел двойственную природу. С одной стороны, он оставался органом, через который шляхта осуществляла общественный контроль за королем, но с другой – и сам сейм с приобретением законодательных полномочий превратился в публичный орган. В последнем случае его деятельность также подпала под общественный контроль, который осуществляли прежде всего посредством протестов депутатов сейма на принятые предыдущими сеймами акты [25, с. 162–166].

Постепенно, однако, шляхта забыла свои собственные предостережения, выраженные в словах А. Волана: «Нельга, аднак, не сказаць, што часам такая вольнасць перасягае ўсякія разумныя межы. Празмерна узурпаваная народам свабода таксама нясе грамадству шмат бедаў» [23, с. 115]. В результате разросшиеся контрольные полномочия шляхты, фактическое исключение «подозрительной» королевской власти из числа «элементов сейма» парализовали деятельность королевской власти, а взаимное недоверие шляхты и магнатов, борьба олигархических группировок в условиях реального падения гражданских добродетелей при их громогласном восхвалении и преклонении перед *liberum veto* парализовало и деятельность сейма, что привело впоследствии к упадку Речи Посполитой.

Заключение. В XV–XVII веках в ВКЛ и Речи Посполитой наблюдалась эволюция форм общественного контроля. Первоначально, имея своей целью обеспечение соблюдения властью монарха феодальных и региональных договоров, он переродился в форму обеспечения «общего блага» и защиты вольностей шляхетских от потенциальной тирании короля. При сохранении своих субъектов, а именно сословий, населения регионов, общественный контроль прошел путь от подачи петиций на нарушения или неисполнения взятых королевской властью на себя обязательств и деятельности вспомогательных представительных совещательных органов при короне до перерождения последних в органы публичной власти с правом оценки и санкционирования законодательства, ограничения, а то и лишения короля ряда управленческих, кадровых, судебных и военных прерогатив. Сейм, в свою очередь, уже как публичный орган также наряду с деятельностью короля и его чиновников превратился в объект общественного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] [Электронный ресурс] // United Nations Conference on Trade and Development. – Режим доступа: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf. – Дата доступа: 25.08.2018.
2. Фавье, Ж. Столетняя война / Ж. Фавье ; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2017. – 576 с.
3. Грамата караля і вялікага князя Жыгімонта I Старога сялянам-даннікам падняпроўскіх і задзвінскіх валасцей ад 2 кастрычніка 1511 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 83–84.
4. Грамата Вялікага князя Літоўскага Жыгімонта I сялянам Магілеўскай воласці (вытрымкі) ад 1 ліпеня 1536 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 84–85.
5. Декрет межи людьми путными Смоленског(о) повету Дубровеньского путя а межи Михаилом Данилевичом, который их был за тяглых людеи упросиль от 2 сентября 1508 г. // Lietuvos Metrika. Knyga № 8 (1499–1514). – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – S. 310–311.
6. До воеводы троцкого в жалобе бояр еишских на Тишка Быховца о упрощене их за тяглых люди от 2 октября 1521 г. // Lietuvos Metrika. Knyga № 10 (1440–1523). – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. – 1997. – S. 95.
7. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай, 1569–1763 гг. / А. Рахуба. – Мінск : Медысонт, 2008. – 424 с.
8. Прывілей Менску на магдэбургскае право 1499 года / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 94–97.
9. Лист до воеводы киевского(о) в жалобе мещан киевских о розные кривды их против праву их маит борскому etc. // Lietuvos Metrika. Knyga № 10 (1440–1523). – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – S. 97–99.
10. Прывілей Смаленскай зямлі 1505 г. / Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 68–72.
11. Прывілей вялікага князя Літоўскага Аляксандра 1492 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 45–51.
12. Агульназемскі прывілей Вялікага князя літоўскага Жыгімонта Казіміравіча 1506 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 52–55.
13. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 114–132.
14. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар [і інш.] ; рэд. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
15. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года ; пер. А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2005. – 207 с.

16. Otkaz ot hospodora korola jeha miłosti wsim kniażatom, paniam i wsemu rycerstwu na tyje reczi kotoryje oni na pisme korolu jeha miłosti dali na walnom Sojme Berestejskom : w roku 1544 // Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań : W druk. na Garbarach № 45, 1841. – S. 397–413.
17. Otkaz ot hospodora korola jeha miłosti i velikoho kniazia žikhimonta awhusta, wsim kniażatom, paniam i wsemu rycerstwu na tyje reczi kotoryje oni na pisme korolu jeha miłosti dali na tom teperesznem walnom sojme Wilenskom. Leta : božeho : narož. 1547 // Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań : W druk. na Garbarach № 45, 1841. – S. 418–435.
18. Otkaz ot hospodora korola jeha miłosti i velikoho kniazia žikhimonta awhusta, wsim kniażatom, paniam i wsemu rycerstwu, szliahte, obywatelem panstwa jeha miłosti velikoho kniżestwa litowskoho na tyje reczi I prozby, kotoryje oni na pisme korolu jeha miłosti dali na teperesznem walnom sojme wilenskom leta božeho narož. 1559 // Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań : W druk. na Garbarach № 45, 1841. – S. 507–527.
19. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі : дапамож. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў / І.У. Вішнеўская. – Мінск : Тэсей, 2004. – 272 с.
20. Дзёрбіна, Г.В. Статуты Вялікага Княства Літоўскага як праява прававой культуры Рэнесансу / Г.В. Дзёрбіна // Нацыянальныя пытанні : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г. ; рэдкал. Э. Дубянецкі [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 127–137.
21. Modrzewski, A.F. O poprawie Rzeczypospolitej / A.F. Modrzewski [Электронный ресурс] // Wolne Lektury. – Режим доступа: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/o-poprawie-rzeczypospolitej.html>. – Дата доступа: 08.07.2018.
22. Волан, А. Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага, або Якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля (1573) / А. Волан // Беларускія мыслітэлі XVI–XVII вв. // Избр. тр. – Мінск : Ред. журн. «Промышленно-торговое право». – 2017. – С. 63–71.
23. Волан, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волан // Беларускія мыслітэлі XVI–XVII вв. // Избр. тр. – Мінск : ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2017. – С. 82–157.
24. Kucharczyk, G. Polska myśl polityczna do roku 1939 / G. Kucharczyk. – Wyd. : Dębogóra, 2011. – 550 s.
25. Opaliński, E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652 : system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie / E. Opaliński. – Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. – 347 s.

Поступила 23.10.2018

THE ORIGIN AND EVOLUTION OF PUBLIC CONTROL IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND THE COMMONWEALTH IN THE XV–XVII CENTURIES

D. SHCHERBIK

The issues of creation of public control on the Belarusian lands during the Great Duchy of Lithuania and the Commonwealth in the XV–XVII centuries are considered. The article analyzes the evolution of the ideological foundations of social control, its rebirth from the method of protection of the rights and privileges provided by feudal treaties to the basis of the political system, the guarantee of freedom and protection from tyranny. The publication highlights the objects and subjects of public control, examines its forms. In addition, the evolution of class representative bodies from the position of their social control is studied, their rebirth from purely public bodies to bodies with dual public essence, in turn, subject to public control, is noted. Examples of forms of addresses of estates in protection of the rights are given.

Keywords: public control, treatment of the gentry, the sejm, liberty, tyranny.

УДК 340.13

ПРИНЦИПЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

П.В. СОЛОВЬЁВ

(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается понятие принципов нормотворчества в контексте правотворческих категорий: правообразование, правотворчество, нормотворчество, правоустановление, законотворчество. Раскрыта юридическая природа принципов нормотворчества как руководящих положений (требований), сформулированных юридической наукой и практикой, которые отражают общесоциальную сущность права, являются организационными началами нормотворческой деятельности и определяют базовое содержание нормативных правовых актов. Предлагается по введению в Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» нормы-дефиниции «принципы нормотворческой деятельности» в целях однозначного определения нормативно-правового предназначения принципов в нормотворческом процессе Республики Беларусь.

Ключевые слова: правообразование, правотворчество, нормотворчество, законотворчество, нормотворческая деятельность, принципы нормотворчества, принципы нормотворческой деятельности.

Принципы нормотворчества являются составной частью более объёмного и популярного объекта исследования в юридической науке правотворчество. Правотворчество в силу своей разноплановости и широты как объекта исследования, в силу своей практической важности для государства и общества исследовалось широким кругом советских учёных и активно исследуется в современный период в зарубежной и белорусской юридической науке. На сегодняшний день понятие «принципы нормотворчества» функционирует в широкой системе правотворческих категорий, сформированных юридической доктриной. Представляемая работа призвана определить место принципов нормотворчества в категориальном аппарате теории правотворчества и раскрыть содержание данного понятия.

Правообразование, правотворчество, нормотворчество. Понятие нормотворчества

Юридическая теория и правотворческая практика до настоящего времени не выработала единой точки зрения на то, как именовать процесс образования и установления правовых норм в источниках права. Наука и законодательство в этом вопросе оперируют различными категориями: «правообразование», «правотворчество», «нормотворчество», «нормоустановление», «законотворчество» и др. При этом определения данных понятий, их соотношение между собой также не отличаются однозначностью, поэтому для целей нашего исследования внесём необходимую ясность в понятийный аппарат феномена образования правовых норм и их установления в источниках права.

Белорусский теоретик права С.Г. Дробязко предлагает выделять три уровня формирования правовых норм [1]: правообразование (социальный процесс формирования отношений, нуждающихся в правовом регулировании); правотворчество (деятельность государственных и негосударственных структур по подготовке проектов источников права); правоустановление (завершающая стадия, на которой источники права официально объективизируются, принимается и систематизируется законодательство).

Другой автор, С.С. Алексеев, в своих работах [2, с. 89; 3, с. 310] говорит о двух стадиях образования и установления правовых норм: правообразование и правотворчество, где правообразование – это объективный социальный процесс по формированию норм права, а правотворчество – это специальная деятельность компетентных субъектов (государственных органов, уполномоченных организаций, непосредственно самого народа), завершающая процесс правообразования, в результате которой приобретает юридическую силу и вступает в действие закон. Аналогичной позиции придерживаются: С.В. Бошно [4, с. 206], М.Н. Марченко [5, с. 548], А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский [6, с. 321].

В схожем ключе говорят о правообразовании В.В. Лазарев и В.С. Нерсесянц, но завершающую стадию этого явления В.В. Лазарев именует нормотворчеством [7, с. 139, 151], а В.С. Нерсесянц – правоустановлением [8, с. 415].

На данном этапе мы можем однозначно определиться в том, что процесс формирования права состоит из двух этапов: правообразования и правотворчества (или связка правообразование, правотворчество и правоустановление). Правообразование – это социальный процесс формирования права, процесс «вызревания» в обществе идеи о необходимости правового регулирования каких-либо общественных отношений. Правотворчество – это официальная деятельность уполномоченных субъектов, завершающая процесс правообразования, в результате которой подготавливаются и принимаются формальные источники права.

Далее определим место категории «нормотворчество» в исследуемой нами системе понятий. В юридической науке есть несколько подходов к понятию нормотворчества (от более широкого к более узкому):

1) нормотворчество – это деятельность по созданию любых норм (правовых, корпоративных и др.) [9, с. 242];

2) нормотворчество – это синоним правотворчества, т.е. деятельность по подготовке и принятию любых формальных источников права (правовых норм) [10, с. 99; 11, с. 78];

3) нормотворчество – это деятельность по подготовке и принятию только одного вида источников права – нормативного правового акта [12, с. 151]; законотворчество тогда является видом нормотворчества, в результате которого принимаются законы;

4) нормотворчество – это деятельность по разработке и принятию только подзаконных нормативных правовых актов (ведомственное нормотворчество) [13, с. 369].

Подобная терминологическая неединообразность обусловлена различными подходами учёных к раскрытию содержания нормотворчества: одни авторы раскрывают семантику слова, другие используют различные концепции правопонимания и получают различный результат в определении понятий правотворчества и нормотворчества. Для целей нашего исследования мы определим, что понятие «нормотворчество» следует связывать с официальной деятельностью компетентных субъектов (государственных органов, уполномоченных организаций, непосредственно самого народа) по подготовке и принятию нормативных правовых актов. Выбор подобного подхода мы обосновываем тем, что оно согласуется с дефинициями Закона «О нормативных правовых актах» [14], который говорит о нормотворческой деятельности как о деятельности в отношении нормативных правовых актов; предложенный подход также соответствует устоявшемуся в белорусской юридической науке подходу именовать деятельность по подготовке и принятию нормативных правовых актов нормотворчеством.

Принцип как правовая категория

Далее определимся с категорией «принцип», которая является вторым элементом исследуемого нами объекта – принципы нормотворчества. В толковом словаре слово «принцип» обозначает как основное начало, на котором построено что-либо (какая-нибудь научная система, теория и т.п.), или как убеждение, точка зрения, правило поведения [15, с. 532]. Категория «принцип» нашло своё широкое применение во многих науках, и юриспруденция не стала исключением: принципы права, принципы международного права, конституционные принципы, принципы Конституции, принципы гражданского законодательства, принципы уголовного процесса и др.

Использование категории «принцип» в теории права и в конституционной доктрине возможно в нескольких значениях. Теоретики права различают правовые принципы и принципы права. В этой связи В.М. Сырых пишет: «правовые принципы понимаются как категории правосознания, т.е. элементы правовой науки, отражающие основополагающие идеи и начала права, правового регулирования. Принципы же права составляют ту совокупность правовых принципов, которая получила закрепление в системе действующих норм права [16, с. 63]. Основа современного понимания принципов в праве заложена в работах советских юристов (С.С. Алексеев, М.И. Байтин, Е.А. Лукашова, А.Ф. Шебанов, Л.С. Явич и др.), исследовавших это явление.

Аналогичным образом конституционалисты различают конституционные принципы и принципы конституции. Конституционные принципы являются основополагающими началами и ключевыми идеями, сформулированными в доктрине, в которых выражается сущность конституционного права. В свою очередь принципы конституции – это те конституционные принципы, которые получили нормативное закрепление [17, с. 110].

Несмотря на вышесказанное, в нашем исследовании категории «принципы нормотворчества» и «нормотворческие принципы» мы будем считать синонимами, а в случае необходимости указать на нормативную закреплённость кого-либо нормотворческого принципа будем делать об этом прямую оговорку.

Исследуя далее категорию «принцип», обратим внимание на природу происхождения принципов в праве и их сущность. В юридической литературе природа происхождения принципов не воспринята однозначно. Одни учёные считают, что принципы являются отражением объективно складывающихся закономерностей в общественно-правовом развитии, другие учёные считают, что принципы – это сформулированные доктриной и (или) практикой правовые каноны, третьи видят в принципах «общие нормоположения», которые предложены законодателем [18, с. 181; 19].

Говоря о природе и сущности принципов в праве, С.Г. Дробязко отмечает, что принципы вырабатываются людьми сознательно на основе объективно обусловленных потребностей развития общества по пути прогресса [20, с. 65], т.е. принципы – это результат субъективного восприятия объективных потребностей, удовлетворение которых обеспечит обществу прогрессивное развитие. Далее в нашем исследовании в вопросах природы и сущности принципов в праве мы будем опираться на концепцию, предложенную С.Г. Дробязко. Данный выбор обосновывается тем, что такой подход в полной мере раскрывает предназначение принципов в нормотворчестве. Вряд ли правомерно говорить о принципах нормотворчества как об объективных закономерностях, поскольку принципы нормотворчества предписывают необходимое состояние системы нормативных правовых актов, а не закрепляют объективную реальность. Нормотворческие принципы конституционности, гуманизма, социальной справедливости, стабильности правового регулирования и другие обозначают цель, идеальную модель, к которой должно стремиться нормотворчество.

Таким образом, говоря далее о принципах, в том числе о принципах нормотворчества, будем понимать под ними результат субъективного восприятия юридической наукой и практикой объективных потребностей, которые обеспечивают прогрессивное развитие общества. Этот результат формулируются в виде руководящих положений, требований: 1) которые определяют общий смысл и цель правового регулирования, 2) которые предъявляют конкретные требования к правотворчеству и правоприменению для достижения этих целей; 3) в содержании которых выражается социальная ценность права и их воплощение призвано обеспечить прогрессивное развитие общества.

При этом будем исходить из того, что принципы в дальнейшем могут получить нормативное закрепление в праве, что позволяет их также квалифицировать как требование законодателя к какому-либо правовому явлению. В этой связи С.В. Бошно отмечает, что в силу правового закрепления принципов, они приобретают общеобязательное значение [4, с. 77]. Характеристику принципов С.А. Комаров и А.В. Малько дополняют важным замечанием: принципы права участвуют в регулировании общественных отношений, они могут быть положены в основу решения конкретного юридического дела, в том числе при наличии правового пробела, прибегая к аналогии права [21, с. 164]. Указанное позволяет полноправно считать принципы права правовой нормой, пусть и предельно общего содержания, которая должна непосредственно применяться при разрешении юридических дел, главным образом в ситуациях правовой неопределённости (неоднозначность конкретных норм права, пробелы в праве, юридические коллизии).

Принципы нормотворчества: формирование понятия в юридической науке

Установив терминологическую ясность в отношении исследуемого понятия, проанализируем ранние и современные научные взгляды на принципы нормотворчества в юридической доктрине.

Первые упоминания о принципах нормотворчества в юридической науке можно найти в трудах американских и советских учёных начиная с первой половины XX века: Роберт Люс «Законодательные принципы: история и теория законотворчества представительного правительства» (1930 г.) [22]; Харви Уокер «Законодательный процесс в Соединённых Штатах» (глава 17 «Принципы разработки законодательства», 1948 г.) [23, с. 336–363]; Д.А. Керимов «Законодательная деятельность советского государства. Основные принципы и организационные формы» (1955 г.) [24, с. 5–34].

Работа Роберта Люса направлена на исследование истории формирования представительной демократии в контексте мировой истории, а также на теоретический анализ института представительных органов власти. Фактически учёный рассматривает демократизм в качестве основополагающего принципа законотворчества, поэтому обращает внимание на связь законотворческого процесса с институтами представительных органов власти, общественного мнения, референдума, петиций и др. Какие-либо иные принципы нормотворчества американский учёный не рассматривает.

В свою очередь, работа Харви Уокера представляет собой сугубо практические советы законодателю, на которые стоит обратить внимание при разработке законов. Здесь принципы нормотворчества предстают как конкретные требования к организации законотворческого процесса и содержанию законов. Например, учёный обращает внимание на то, что заимствование закона другого штата возможно лишь, убедившись в том, что этот закон не противоречит конституции штата, в который заимствуется; или говорится о том, что состав законодательного органа не должен в один момент обновляться полностью, так как это приведёт к снижению его профессиональных качеств и нарушению преемственности в законотворческой работе и др. Свои рассуждения Харви Уокер в качестве системы принципов не формулирует.

Первой советской работой, где говорилось о принципах нормотворчества, считают монографию Д.А. Керимова «Законодательная деятельность советского государства. Основные принципы и организационные формы», в которой исследовалось три основных принципа законодательной деятельности государства: 1) закрепление в праве политических и экономических условий, обеспечивающих простор для проявления объективных законов, а также для их познания и наиболее целесообразного использования; 2) закрепление и установление правовых норм, максимально способствующих разрешению назревших общественных задач; 3) выражение общей воли народа в целях максимально точного, правильного и целесообразного использования объективных закономерностей в интересах всего общества [24, с. 17]. Подобный перечень принципов не вписывается в современное представление о принципах нормотворчества, так как имеет слишком высокий уровень обобщения и не ориентирует в конкретных требованиях, предъявляемых к процессу создания современных нормативных правовых актов и их содержанию.

В последующих работах советских правоведов (Д.А. Керимов, Д.А. Ковачев, А.В. Мицкевич, А.Ф. Шебанов и др.) исследование принципов нормотворчества продолжается. Например, Д.А. Ковачев в своём диссертационном исследовании «Механизм правотворчества социалистического государства: вопросы теории» выстраивает систему принципов механизма правотворчества социалистического государства, в которую включаются 1) политические принципы (принцип руководящей роли марксистско-ленинской партии, принципы демократического централизма, национального равноправия, социалистической законности) и 2) принципы организации и деятельности механизма правотворчества – они же общие принципы управления (соответствие субъекта управления объекту управления; иерархия между звеньями системы; прямая и обратная связь; соответствие меры информации и эффективности управления) [25, с. 6].

Советские исследования принципов нормотворчества характеризуются высокой степенью влияния марксистско-ленинской идеологии. Здесь принципы нормотворчества часто подменялись политическими идеями правящей коммунистической партии. Несмотря на это, ряд положений, выработанных советской наукой о принципах нормотворчества, послужил основой для современного понимания этого института – это базовый перечень основных нормотворческих принципов: законность, демократизм, равноправие; понимание принципов нормотворчества как системного явления; акцентирование внимания не только на содержании нормотворческих принципов, но и на механизмах их реализации.

Таким образом, признавая ценность результатов советских исследований о принципах нормотворчества, необходимо их современное переосмысление с позиций действующей идеологии белорусского государства и с учётом того, что многие правовые отношения существенно изменились в современном мире, что требует актуализации знаний о нормотворческих принципах и механизмах их реализации.

Современные исследования принципов нормотворчества главным образом ведутся в теории права. Теоретики права пишут о принципах правотворчества, однако исследуют их, как правило, с позиций одного источника права – нормативного правового акта, что позволяет ставить знак равенства между знаниями о принципах правотворчества и принципах нормотворчества.

По мнению С.Г. Дробязко, принципы правотворчества – это отправные объективно обусловленные и объективно необходимые, непререкаемые юридические установки, ориентирующие данный процесс на выработку проектов источников права в духе его принципов [9, с. 246].

В учебном пособии «Нормография: теория и технология нормотворчества» Ю.Г. Арзамасов принципы нормотворчества определяет как основополагающие начала, основные идеи, на которые опираются нормодатели в своей деятельности, результатом которой является создание правовых норм, выраженных, как правило, в нормативных правовых актах [26, с. 35].

Под принципами правотворчества С.А. Комаров и А.В. Малько понимают основополагающие идеи, руководящие начала деятельности, связанной с принятием, отменой или с заменой юридических норм, это ориентир для органов, творящих право [21, с. 196]. Также А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский принципами правотворчества называют руководящие идеи и организационные начала, которые определяют существо и общее направление нормотворческой деятельности [6, с. 323]. Исследуя принципы законодательного процесса, С.А. Жевнерович, определяют их как идейные начала законотворчества [27, с. 10].

Авторы белорусских учебных пособий по дисциплине «Правотворческий процесс» А.Н. Бодак, А.М. Боголейко, Г.А. Василевич, Т.Н. Михалёва, С.М. Сивец [28, с. 12], А.Н. Пугачев [29, с. 31], А.И. Курак [30, с. 16] определяют принципы в качестве организационных начал, определяющих сущность и направления нормотворческой деятельности.

Обобщая данные подходы к пониманию принципов нормотворчества, необходимо обозначить два важных аспекта: *во-первых*, с учётом сформулированных ранее положений о категории «принцип» в праве, принципы нормотворчества могут быть обозначены как руководящие положения (требования), сформулированные юридической наукой и практикой, которые отражают общесоциальную сущность права, являются организационными началами нормотворческой деятельности и определяют базовое содержание нормативных правовых актов; *во-вторых*, указание учёными на тот факт, что принципы нормотворчества не ограничиваются только подготовкой и принятием нормативных правовых актов, а охватывают всю нормотворческую деятельность, позволяет говорить о принципах нормотворчества как о действующих в отношении всего жизненного цикла нормативного правового акта (планирование, нормотворческая инициатива, подготовка проекта, проведение экспертиз, принятие (издание), официальное опубликование, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия нормативного правового акта).

Принципы нормотворчества как перечень конкретных требований к организации нормотворческого процесса и содержанию нормативных правовых актов

Исследование понятия «принципы нормотворчества» будет неполным без анализа перечня конкретных принципов, которые составляют искомую категорию. Однако научные взгляды на перечень принципов нормотворчества однозначностью не отличаются. В теории права можно встретить следующие подходы:

1) С.С. Алексеев в 1985 году называет три основных принципа правотворчества: демократизм, законность, научность [3, с. 313–314];

2) С.В. Бошно называет семь принципов: демократизм, законность, гуманизм, научность, профессионализм, тщательность и скрупулёзность подготовки проектов, техническое совершенство принимаемых актов [4, с. 205];

3) Н.И. Магузов и А.В. Малько в озвученный перечень включают принцип гласности [31, с. 369–371], С.А. Комаров и А.В. Малько – принцип оперативности [21, с. 196]; А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский дополняют список принципом сочетания общегосударственных и региональных интересов [6, с. 327];

4) Н.М. Марченко выделяет такие принципы, как демократизм, конституционность и законность, гуманизм, профессионализм, техническое совершенство актов [5, с. 551];

5) В.С. Нерсесянц к принципам правоустановительной деятельности относит: правовой прогресс, правовую легитимность (другими словами, конституционность, законность), общесоциальную легитимность (иначе говоря, демократизм), научную обоснованность, системность, профессионализм [8, с. 419–421];

6) В.Н. Бибило считает, что в цивилизованных государствах нормотворческая деятельность основывается на «принципах демократизма, законности, гуманизма, профессионализма, гласности, научности» [32, с. 133];

7) С.Г. Дробязко, развивая свою концепцию о трёх стадиях в процессе формирования права выделяет принципы правотворчества и принципы правоустановления, в которые учёный включает 23 принципа, например, юридическое закрепление системы субъектов правотворчества, обеспечение в подготавливаемых проектах соответствия их содержания принципам права, непрерывность функционирования субъектов правотворчества, неразрывность, гибкость, стабильность, обозримность законодательства и др. [9, с. 266–247, 253–254].

В конституционном праве принципы нормотворчества или принципы законотворчества самостоятельной темой исследований не являются, какой-либо специфический перечень принципов конституционная доктрина не предлагает. Работы в конституционной науке, посвящённые принципам законотворчества, как правило, перечисляют те же принципы, что исследуются в теории права. Например, А.А. Кененос и Г.В. Чернобель, исследуя логические основы законотворческого процесса, называют четыре принципа, на которых должен строиться законотворческий процесс: принцип адекватного отражения нормативно-правовых потребностей; принцип понятийной определённости; принцип модальной сбалансированности; принцип ретрибутивной обеспеченности [33, с. 71]. Каких-либо особенностей в принципах законотворчества, отличающих их от принципов нормотворчества, авторы не выделяют. При этом специфические названия принципов, предложенные учёными, могут быть интерпретированы в уже известные нам принципы: принцип модальной сбалансированности – принцип конституционности, законности, системности; принцип ретрибутивной обеспеченности – принцип эффективности. Исследуя законодательный процесс, С.А. Жевнерович в качестве его принципов называет: целенаправленность, рациональность, легизм (она же законность), гласность, диспозитивность, непрерывность, регламентированность [27, с. 12].

Говоря о принципах нормотворчества в конституционном праве, также следует отметить, что в конституционной науке высказано предложение по введению такой категории, как принципы конституционного правотворчества, под которой понимаются принципы принятия и совершенствования конституции. В состав принципов конституционного правотворчества предлагается включать как уже озвученные принципы – объективность, демократизм, законность, профессионализм, научность, системность, гуманизм и гласность, так и специальные – принцип предельной универсализации (обобщения) конституционно-правовых предписаний, программный характер конституционного правотворчества и др. [34, с. 34–40].

Вместе с тем указанные выше белорусские авторы: А.Н. Бодак, А.М. Боголейко, Г.А. Василевич, Т.Н. Михалёва, С.М. Сивец [28, с. 12–14]; А.Н. Пугачев [29, с. 31–37]; А.И. Курак [30, с. 16–20] и другие – в учебных пособиях по дисциплине «Правотворческий процесс» в качестве принципов нормотворчества называют относительно устоявшийся перечень принципов: конституционность, законность, демократизм, гуманизм, гласность, социальная справедливость, научность, профессионализм, системность, комплексность, стабильность и пр. Иногда перечень принципов нормотворчества дополняется принципами, отражающими связь нормотворчества с международным правом: приоритет общепризнанных принципов международного права, суверенное равенство государств, добросовестное выполнение международных обязательств.

Британские ученые Константин Стефану и Хелен Ксантхаки, разрабатывающие проблемы законотворчества, предлагают пять принципов: открытость, последовательность, пропорциональность, ответственность, целенаправленность [35, с. 15]. При этом Константин Стефану отмечает, что правила составления хороших законов одинаковы для системы общего и континентального права.

Отметим, что во всех проанализированных выше исследованиях перечень принципов нормотворчества, как правило, дополняется краткой характеристикой их содержания. Однако выбор тех или иных принципов нормотворчества в качестве основных учёные не объясняют, конституционно-правовое содержание принципов не раскрывает, какие принципы должны находить правовое закрепление, не называют, правовой механизм реализации принципов не исследуют.

Рассматривая далее перечень принципов нормотворчества, следует отметить, что их перечисление можно найти и в законодательных актах, регулирующих нормотворческую деятельность.

Принципы нормотворчества главным образом определяются Основным Законом. Конституция в нормотворчестве – документ, который с позиции высшей юридической силы определяет форму и организацию нормотворческой деятельности и задаёт ориентиры для содержания создаваемых нормативных правовых актов, что находит своё воплощение в виде принципов Конституции. Например, анализ части 1 статьи 2, части 1 статьи 3, части 2 статьи 7 Конституции Республики Беларусь [36] указывает на такие принципы нормотворчества, как гуманизм, демократизм, конституционность соответственно. Принципы нормотворчества выступают продолжением принципов Конституции, одним из направлений в достижении конституционных целей, установленных Основным Законом.

Непосредственное нормативно-правовое закрепление принципов нормотворчества реализуется через законодательство о правовом обеспечении нормотворческой деятельности. Законодательство о нормотворчестве – новейший институт конституционного законодательства Республики Беларусь, сформировавшийся с принятием первого Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» в 2000 году [37]. Данный институт выделен из «состава институтов законодательства о государственных органах. Институт законодательства о нормотворческой деятельности – это совокупность взаимосвязанных актов законодательства, закрепляющих основу системы нормативных правовых актов и регулирующих нормотворческий процесс, а также регистрацию, опубликование и вступление в силу ненормативных правовых актов и международных договоров» [38, с. 68].

Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» 2018 года в статье 6 в качестве принципов нормотворчества называет: *конституционность (законность); приоритет общепризнанных принципов международного права; гуманизм; защита прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальная справедливость; гласность; научность; социально-экономическая обусловленность; системность и комплексность правового регулирования общественных отношений; стабильность правового регулирования общественных отношений.*

Предыдущий Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (ст. 7, 8) перечислял меньшее количество принципов, но большинство из них легло в основу нового перечня. В новом Законе впервые появился принцип гуманизма; принцип защиты прав, свобод и законных интересов не только граждан, но и юридических лиц, интересов общества и государства; принцип социально-экономической обусловленности; принцип стабильности правового регулирования общественных отношений.

Принципы нормотворчества также находят своё закрепление в законах о нормативных правовых актах (правовых актах) других государств. Законы о нормативных правовых актах (правовых актах) действуют во всех государствах-участниках СНГ, кроме Российской Федерации. Большинство этих законов включают принципы знакомые белорусскому закону о нормативных правовых актах: *конституционность, законность, демократизм, гласность* и другие. Однако отдельные законы содержат специфические принципы нормотворчества, например, *соразмерность; ответственность государственных органов перед гражданами; прозрачность нормотворческой деятельности* (ст. 8 Конституционного закона Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 года № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах» [39]); *обоснованность; целесообразность; справедливость; доступность языка нормативного правового акта* (ст. 3 Закона Кыргызской Республики от 20 июля 2009 года № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» [40]), *последовательность и предсказуемость правовых норм* (ст. 3 Закона Республики Молдовы от 22 декабря 2017 года № 100 «О нормативных актах» [41]) и др.

Заключение. Анализ научных взглядов на проблему принципов нормотворчества позволяет сформулировать понятие исследуемого явления: принципы нормотворчества – это руководящие положения (требования), сформулированные юридической наукой и практикой, которые отражают общесоциальную сущность права, являются организационными началами нормотворческой деятельности, и определяют базовое содержание нормативных правовых актов.

Принципы нормотворчества являются руководящими положениями, применимыми ко всему жизненному циклу нормативного правового акта (планирование, нормотворческая инициатива, подготовка проекта, проведение экспертизы, принятие (издание), официальное опубликование, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия нормативного правового акта).

В целях однозначного определения нормативно-правового предназначения принципов в нормотворческом процессе Республики Беларусь считаем необходимым статью 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» 2018 года дополнить пунктом первым, вводящим норму-дефиницию: *«1. Принципы нормотворческой деятельности – это руководящие положения (требования), определяющие организационные начала нормотворческой деятельности и базовое содержание нормативных правовых актов».*

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробязко, С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы / С.Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – Вып. 14. – С. 15–34.
2. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
3. Теория государства и права / С.С. Алексеев [и др.] ; под ред. С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1985. – 480 с.
4. Бошно, С.В. Теория права и государства / С.В. Бошно. – М. : Эксмо, 2011. – 310 с.
5. Марченко, М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 640 с.

6. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Минск : Изд-во деловой и учеб. лит., 2006. – 656 с.
7. Общая теория права и государства / В.С. Афанасьев [и др.] ; под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996. – 472 с.
8. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсисянц. – М. : Норма-ИНФРА-М, 2012. – 560 с.
9. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – 2-е изд. испр. и доп. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.
10. Кафарова, Г.Ф. Определение понятия «законотворчество»: широкий и узкий подходы / Г. Ф. Кафарова // Интерактивная наука. – 2018. – № 4(26). – С. 99–103.
11. Мурашко, Л.О. Проблемы объективизации правовой материи в современном правотворческом процессе / Л. О. Мурашко // Право в современном белорусском обществе : сб. ст. Вып. 3 ; НАН Беларуси, Институт государства и права ; редкол.: В.И. Семенов [и др.]. – Минск, 2008. – С. 74–89.
12. Общая теория права и государства / В.С. Афанасьев [и др.] ; под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996. – 472 с.
13. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. – 735 с.
14. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
15. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
16. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. / В.М. Сырых. – М. : Юрид. Дом «Юстицинформ, 2001. – Т. 1 : Элементарный состав. – 528 с.
17. Пугачёв, А.Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различения правовых явлений. Ч. 1 / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 13. – С. 109–118.
18. Мурашко, Л.О. Нормотворческое пространство: проблемы правообразования в Республике Беларусь / Л.О. Мурашко ; НАН Беларуси, Институт государства и права. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 205 с.
19. Сахапов, Р.Р. Основные подходы к пониманию принципов права в российской правовой науке (советский и современный периоды) [Электронный ресурс] / Р.Р. Сахапов // История государства и права. – 2014. – № 15 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
20. Общая теория права : учеб. пособие / В.А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С.Г. Дробязко, С.А. Калинина. – Минск : БГУ; Изд-во «Четыре четверти», 2014. – 416 с.
21. Комаров, С.А. Теория государства и права : учеб.-метод. пособие. Краткий учебник для вузов / С.А. Комаров, А.В. Малько. – М. : Издат. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 448 с.
22. Luce, R. Legislative Principles: The History and Theory of Lawmaking by Representative Government / R. Luce. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1930. – 667 p.
23. Walker, H. Legislative Process Lawmaking in the United States / H. Walker. – New York : The Ronald Press., 1948. – 482 p.
24. Керимов, Д.А. Законодательная деятельность Советского государства. Основные принципы и организационные формы / Д.А. Керимов, – М. : Госюриздат, 1955. – 135 с.
25. Ковачев, Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Д.А. Ковачев ; М-во юстиции СССР. Всесоюзный науч.-исслед. ин-т советского законодательства. – М., 1980. – 27 с.
26. Нормография: теория и технология нормотворчества : учеб. для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.Г. Арзамасова. – М. : Изд-во Юрайт, 2017. – 460 с.
27. Жаўняровіч, С.А. Тэарэтычныя асновы заканадаўчага працэсу ў Рэспубліцы Беларусь : аўтарэф. дис. ... канд. юрид. навук : 12.00.01 / С.А. Жаўняровіч ; Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. – Гродна, 2001. – 18 с.
28. Правотворческий процесс : учеб. пособие / А.Н. Бодак [и др.] ; под ред. Г.А. Василевича. – Минск : Выш. шк., 2015. – 271 с.
29. Пугачёв, А.Н. Правотворческий процесс : учеб.-метод. компл. для студентов юрид. специальности / А.Н. Пугачёв. – Новополоцк : ПГУ, 2010. – 387 с.
30. Курак, А.И. Правотворческий процесс : курс лекций / А.И. Курак. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2018. – 279 с.
31. Теория государства и права : курс лекций / М.И. Байтин [и др.] ; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.
32. Бибило, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2015. – 206 с.

33. Кененов, А.А. Логические основы законотворческого процесса / А.А. Кененов, Г.Т. Чернобель // Правоведение. – 1991. – № 6. – С. 71–76.
34. Дерхо, Д.С. Принципы конституционного правотворчества в Российской Федерации: вопросы теории / Д.С. Дерхо // Проблемы права. – 2014. – № 1 (44). – С. 34–40.
35. Stefanou, C. Dealing with regulation: British approach. Manual in legislative drafting / C. Stefanou, H. Xanthaki. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. – 377 p.
36. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
37. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-З : с изм. и доп. от 2 июля 2009 г. № 31-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
38. Пляхимович, И.И. Наука и законодательство о нормотворчестве / И.И. Пляхимович // Юстыцыя Беларусі. – 2008. – № 6. – С. 67–70.
39. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Конституционный закон Азербайджанской Республики от 21 дек. 2010 года № 21-IVKQ : с изм. и доп. от 30 сент. 2016 г. № 304-VKQD // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=33085. – Дата доступа: 21.05.2018.
40. О нормативных правовых актах Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Республики от 20 июля 2009 года № 241 : с изм. и доп. от 20 июля 2017 г. № 137 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=28680. – Дата доступа: 21.05.2018.
41. О нормативных актах [Электронный ресурс] : Закон Республики Молдовы от 22 дек. 2017 года № 100 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=103704. – Дата доступа: 21.05.2018.

Поступила 19.10.2018

PRINCIPLES OF RULEMAKING IN THE SYSTEM OF LAWMAKING CATEGORIES

P. SOLOVIEV

The article aims to analyze the concept of rulemaking principles in the context of lawmaking categories: lawmaking, rulemaking, law-setting. Principles of rule-making are analyzed as guidelines (requirements) formulated by legal theory and practice, which reflect the general social essence of law, are the organizational principles of law-making activity, and determine the basic content of regulatory legal acts. The article substantiates a proposal for introducing the norm-definition “principles of rule-making activities” into the Law of the Republic of Belarus “On normative legal acts” in order to unambiguously define the normative-legal purpose of principles in the legislative process of the Republic of Belarus.

Keywords: lawmaking, rulemaking, lawmaking activity, rulemaking activity, principles of lawmaking, principles of rulemaking activity.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

А.В. ШАПОВАЛОВ

(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Исследуется понятие юридической практики. Акцентировано внимание на определении признаков данного правового явления, его структурных элементах и факторах, обуславливающих его формирование. Проводится анализ источников по проблеме и методологии исследования юридической практики. Рассматривается вопрос соотношения «практики» и «юридической практики».

Ключевые слова: практика, деятельность, юридическая практика, юридическая деятельность.

На сегодняшний день в отечественной теоретико-правовой науке общей теории государства и права не имеется основательных доктринальных исследований в области теоретических проблем юридической практики, её понятия, содержания, структуры, иных вопросов, охватывающих изучение места и роли юридической практики в правовой системе Республики Беларусь. Наряду с этим проблемы юридической практики, её места в государственном механизме являются сферой интересов многих ученых.

Анализ источников по проблеме и методологии исследования юридической практики показывает, что в отечественной и зарубежной науке имеются труды, посвященные данной правовой категории. Интерес научного сообщества к вопросу юридической практики существенно повысился в современных условиях развития государства в связи с необходимостью подробного научного осмысления данного правового феномена.

Существующие в научной природе источники различны и противоречивы; не сложилась единая общепризнанная философская концепция зарождения понятия «юридическая практика», которая, на наш взгляд, должна иметь методологическое значение для юриспруденции. Для решения данной проблемы рассмотрим *философское определение понятия «практика»*.

На уровне обыденного сознания философию нередко представляют как абстрактное знание, оторванное от реальной деятельности. Это далеко не так. Философия является существенной частью жизни общества и человека. Опираясь на общечеловеческий опыт, философия ищет ответы на вопросы, что есть человек, что он может знать, что должен делать, на что смеет надеяться [1, с. 3].

Так, в древнекитайском трактате «Книга правителя области Шан» (IV в. до н. э.) сделана попытка разработать и регламентировать деятельность чиновников, через которых правитель при помощи законов осуществляет управление обществом [2, с. 3]. Несмотря на подобное разъяснение деятельности государственных служащих, общего определения практики в Книге не дается, поэтому обратимся к *античной философии*.

Платон, рассуждая о «правлении согласно закону» и «правлении знающих», указывал на соотношение законности и усмотрения в процессе практической деятельности судебных органов. «В государстве, где негодные, безгласные суды скрывают свои мнения и втайне принимают решения или, что еще более ужасно, выносят их не спокойно, но среди страшного шума, точно в театре, криками поощряя или порицая каждого из выступающих ораторов, – в таком государстве обычно создается трудное положение. Необходимость давать законы таким судам не приносит никакой радости. Однако если кто все-таки вынужден устанавливать законы для подобного государства, нужно большую часть их подробно оговорить самому, судьям же предоставить установление наказаний лишь по самым пустячным делам» [3, с. 333–334].

Исходя из суждений Платона, становится очевидным, что он, изучая вопросы судебной практики, описывал критерии оценки деятельности судей. Для современной науки его учение послужило своеобразной платформой для научных исследований.

В *новоевропейской философии XVII века* практика стала пониматься технико-инструментально, как основа господства над природой и властью. В частности, Ф. Бэкон видит в знании и могуществе два человеческих устремления. Практика рассматривается им как залог истины, а не из-за жизненных благ, с нею связанных [4, с. 74].

В *немецкой классической философии* практика определяется, прежде всего, в её соотношении с теорией, в соотношении теоретического и практического разума, существенном для самопознания духа и его объективации. Практика представляется как одна из характеристик разума, выраженная, прежде всего, в нравственно-благом поступке, актуализирующем этические максимы и объективно-духовные смыслы культуры [5, с. 74].

Для развития понятия практики в *немецком идеализме* характерны: все большее очищение практики от ее соотнесенности с человеком; универсализация практики, ставшей из нравственно-благого поступка, определяемого категорическим императивом, универсальным способом отношения человека к миру,

который включает в себя единство теоретических, эстетических и этических компонентов, но все же обладает специфическими формами сцепления в структуру и формами последовательности в истории. В чистом теоретическом разуме И. Кант выявляет формы самодеятельности (спонтанности) категориального синтеза данных опыта. Практика рассматривается И. Кантом как деятельность практического разума, средоточием которого является воля, т.е. «способность или создавать предметы, соответствующие представлениям, или определять самое себя для произведения их» [5, с. 74].

В области гносеологии, возникшей практически одновременно с философией, начиная с Античности, господствовала созерцательная установка на постижение мира, познание выступало самодостаточной ценностью, практике же отводилась второстепенная роль.

Философы *Нового времени* актуализировали аспект связи познания с практикой, но ограничили его технологическим контекстом (Т. Гоббс, Ф. Бэкон). Социальная практика, т.е. преобразовательная деятельность человека, направленная на изменение социальных институтов и общества как системы, оставалась за пределами интересов философии. Эта ситуация и предопределила те новации, которые были внесены марксизмом в теорию познания. Производственная практика обладает широкими возможностями проверки знаний и наиболее важным и надежным критерием этой проверки. Научная практика включена непосредственно в познавательный процесс и во многом подчинена его задачам. В работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова особое место отводилось социальной практике, которая также обладает значительными возможностями с точки зрения реализации различных идей и знаний [6, с. 135].

Отметим, что благодаря философской интерпретации понятие «практика» становится мировоззренческой, методологической категорией, используемой в терминологической связке «юридическая практика».

Обратимся к *современному пониманию понятия «практика»*. Её проблемы в общетеоретическом аспекте затрагиваются в работах Н.А. Горбатка, В.А. Кучинского, А.Ф. Вишневого, В.Н. Бибилло, В.И. Павлова, Г.А. Василевича, С.С. Алексеева, С.В. Липеня, Н.Н. Вопленко, В.Н. Карташова, Н.И. Кагадия, В.В. Попова, В.С. Гайдельцова, В.К. Бабаева, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, Ю.К. Осипова, С.А. Балашенко, С.Ю. Лаврус, Д.Д. Мещерякова, А.Н. Быкова, Н.Д. Железновой, Е.Н. Палагиной, А.П. Рожнова, Н.И. Кагадия, К.И. Амирбекова и других авторов.

В современном философском словаре под редакцией В.Е. Кемерова подробно описывается понятие «практика». «Практика – это многообразие способов реализации человеческого бытия в различных формах закрепления, воспроизводства и развития человеческого опыта; процесс перехода накапливаемого и накопленного опыта людей в условия жизни, в средства их деятельности, в схемы их самоутверждения. Практика связывает потенциальный и актуальный аспекты совместной и индивидуальной жизни людей, она выявляет проблему социального бытия как многомерного движения и взаимодействия различных форм человеческого опыта. В обыденном сознании практика понимается как действующий опыт человека, как воспроизводство или закрепление навыков продуктивной работы, как приложение воплощение или испытание человеческих умений и навыков [7, с. 692].

Приведенные определения явно демонстрируют, что выработкой представлений о характеристиках «практики» в основном занимается философская наука, а юриспруденция зачастую экстраполирует свои взгляды и научные предпочтения из философии, что делает понятийный аппарат систематичным и понятным, придавая ему определенный категориальный смысл.

Рассматривая вопрос соотношения «практики» и «юридической практики», отметим, что подавляющее большинство авторов (В.П. Казимирчук, И.Я. Дюрягин, Т.Н. Радько, Р. Давид, А. Герлох, В. Кнапп и др.) отождествляют юридическую практику с юридической деятельностью. Такой взгляд также экстраполирован из философской литературы и считается традиционным для многих наук. Другие ученые, такие как С.С. Алексеев, С.И. Вильнянский и другие, стремясь отграничить практику от юридической деятельности и представить первую в качестве относительно самостоятельного явления, относят к ней лишь определенные итоги, результаты юридической деятельности. По мнению В.Н. Карташова, более предпочтительной является позиция тех авторов (В.К. Бабаева, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, Ю.К. Осипова и др.), которые рассматривают любой вид юридической практики в неразрывном единстве деятельности и её итога, результата. А если говорить точнее и правильнее, то практика представляет собой единство юридической деятельности и сформированного на ее основе объективированного вовне правового опыта (социально-правовой памяти) [8, с. 13].

По мнению В.Н. Бибилло, юридическая практика – это разновидность человеческой практики. Как и любому другому виду практики, юридической присущи те же черты. Однако вовлеченная в правовую систему общества в процессе правового регулирования практика приобретает свойства, позволяющие расценивать ее именно как юридическую практику. Без нее невозможно функционирование правовой системы общества, поскольку она играет интегрирующую роль, связывая в единое целое объективное и субъективное право, законные интересы людей, их правосознание. В той или иной мере она влияет на все стороны жизни общества и способна ускорить либо затормозить ход общественного

прогресса. Благодаря ей возможно претворение в жизнь иных видов человеческой практики, например, политической, экономической, социальной [9, с. 170].

В процессе юридической практики происходят разнообразные изменения в сфере материальной и духовной культуры. Последствия юридической практики ощутимы не только конкретным человеком, но и обществом в целом. Юридическая практика не тождественна юридической деятельности. Данные явления, хотя и соприкасаются друг с другом, но не совпадают. Юридической практикой становится та юридическая деятельность, которая, объективировавшись, стала правилом и способна оказывать воздействие на предстоящую юридическую деятельность [9, с. 170].

При рассмотрении вопроса юридической практики, особого внимания заслуживает монография В.Н. Карташова «Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность», в которой автор одним из первых среди отечественных ученых на методологическом уровне попытался провести комплексное исследование рассматриваемой проблемы с точки зрения определения сущности и содержания юридической деятельности и юридической практики [10].

Исследователем предложено понятие юридической деятельности (в основном, во всех работах исследователей в данный период, в том числе и у В.Н. Карташова, не рассматривается понятие юридической практики, так как оно чаще всего отождествлялось с понятием «юридическая деятельность» – *авт.*), как «сложного, внутренне дифференцированного единства многих составляющих ее компонентов (субъектов и участников, целей и результатов, действий и операций, средств и способов их осуществления), которые не только функционально взаимодействуют, но и органически соединены между собой с помощью разветвленной сети генетических и структурных, горизонтальных и вертикальных, координационных и субординационных, пространственных и временных, управленческих и иных связей и отношений. Изучение юридической деятельности требует конкретно-исторического подхода, поскольку она возникает, изменяется, совершенствуется, функционирует вместе с развитием общественных отношений, которые она обслуживает и преобразует» [10, с. 8, с. 13].

По мнению В.Н. Карташова, к основным признакам юридической практики необходимо отнести следующие:

- 1) юридическая практика представляет собой разновидность социально-исторической практики;
- 2) вместе с правом и правосознанием юридическая практика является важнейшим компонентом правовой системы общества;
- 3) юридическая практика образует существенную часть культуры общества;
- 4) объективно-субъективные качества юридической практики выражаются в том, что ее творцами, субъектами и участниками выступают отдельные люди, их коллективы и представители органов и организаций, обладающие определенным уровнем правового мышления;
- 5) общественная, коллективная природа юридической практики проявляется в том, что она обусловлена другими типами социальной практики [8, с. 15].

Указанные автором признаки обоснованы и понятны, но, на наш взгляд, не в полной мере отражают сущность данного правового явления. Дополним данный перечень признаками, указанными В.Н. Бибило:

- 1) юридическая практика носит ретроспективный характер по отношению к перспективной юридической деятельности, являясь ее квинтэссенцией;
- 2) юридическая практика – это объективированная юридическая деятельность, имеющая определенное направление;
- 3) то, что стало правилом в юридической деятельности, приобретает характер юридической практики;
- 4) юридическая практика способствует интеграционным процессам в правовой системе общества, связывает субъективные права и юридические обязанности, нормативные предписания и принимаемые на их основе правоприменительные решения [9, с. 3].

Рассмотрев основные признаки юридической практики, можно сделать следующие **выводы**:

- 1) юридическая практика вбирает в себя, а затем выдает, поставляет информацию о различных сторонах правовой действительности. Эти сведения позволяют повысить качество и эффективность правового регулирования общественных отношений, обеспечивают динамизм права;
- 2) в последние годы в юридической литературе наблюдается рост научного интереса к изучению места и роли юридической практики в механизме государства, однако несмотря на значительный объем исследований, существующих на современном этапе развития правовой науки, можно констатировать, что комплексный их анализ в Республике Беларусь не проводился;
- 3) разнообразие подходов к понятию «юридическая практика» и «юридическая деятельность» может привести к неоднозначному толкованию и двусмысленности в исследовании государственно-правовой реальности, поэтому указанные обстоятельства вызывают необходимость рассматривать эти понятия как тождественные;
- 4) представляется целесообразным выработать адекватную запросам времени теоретическую концепцию функционирования юридической практики в правовой системе государства. Кроме того, следует

провести критический анализ отечественного и зарубежного опыта по формированию юридической практики и ее функционированию в правовой системе;

5) на наш взгляд, юридическая практика – это организующая часть правовой системы государства и опосредованная правом деятельность компетентных органов, которая направлена на решение социально-экономических задач с учетом сложившегося объективированного ввне правового опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия для аспирантов : учеб. для адъюнктов высш. образоват. учреждений МВД России / И.И. Кальной [и др.]. – 2-е изд. – СПб. : Лань ; С.-Петербург. ун-т МВД России, 2001. – 510 с.
2. Лазарев, В.В. Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – Т. 1. – М. : Юристъ, 2001. – 620 с.
3. Лосев, А.Ф. Платон / А.Ф. Лосев // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1994. – Т. 4 : Мысль, 1994. – С. 333–334.
4. Бэкон, Ф. Сочинения / Ф. Бэкон ; под общ. ред. А.Л. Субботина. – М., 1978. – Т. 2. – 575 с.
5. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Соч. : в 6 т. ; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1. – 544 с.
6. Философия : учеб. пособие для студентов юридических специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / А.А. Козел [и др.] ; под общ. ред. А.А. Козела ; М-во внутренних дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 415 с.
7. Кемеров, В.Е. Современный философский словарь / В.Е. Кемеров ; под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М. : Панпринт, 1998. – 1064 с.
8. Карташов, В.Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки / В.Н. Карташов // Юрид. наука и практика : Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2010. – № 1. – С. 13–23.
9. Бибило, В.Н. Теория государства и права : учеб. пособие / В.Н. Бибило. – Минск, 2015. – 205 с.
10. Карташов, В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В.Н. Карташов. – Изд-во Сарат. ун-та. – Саратов. – 218 с.

Поступила 18.09.2018

TO THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE CONCEPT LEGAL PRACTICE

A. SHAPOVALOV

The concept of legal practice is explored. Attention is focused on the definition of signs of this legal phenomenon, its structural elements and factors that determine its formation. The analysis of sources on the problem and methodology of legal practice research is carried out. The question of the correlation between “practice” and “legal practice” is considered.

Keywords: practice, activity, legal practice, legal activity.

УДК 342(476):336

**ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ***канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ГРИГОРЬЕВА**(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

Рассматривается проблема финансовой безопасности в структуре экономической безопасности Республики Беларусь. На основе критического анализа законодательства и юридической доктрины о понятии и элементах национальной безопасности государства установлено, что экономическая безопасность как один из ее основных составляющих элементов представляет собой сложную систему, состоящую из взаимосвязанных, взаимообусловленных и постоянно взаимодействующих структурных частей, основной из которых является финансовая безопасность. Обосновывается вывод, что финансовую безопасность белорусского государства целесообразно рассматривать как состояние финансовой системы государства, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз. Гарантированность защищенности должна предопределяться мониторингом финансовых отношений, своевременным прогнозированием внутренних и внешних угроз и эффективностью действующего финансового законодательства.

Ключевые слова: *финансовая безопасность, экономическая безопасность, национальная безопасность, концепция национальной безопасности, финансовая система государства.*

Динамичная трансформация международных отношений, наличие постоянного риска появления различного рода конфликтов и угроз на международном уровне в военно-политической, социально-экономической и других сферах жизнедеятельности человечества требуют от современного государства, в том числе и Республики Беларусь, постоянного совершенствования стратегии национальной безопасности и механизмов ее реализации, а также ее структурных элементов. Тезис об охвате национальными интересами белорусского государства всех сфер жизнедеятельности личности, общества и государства, которые тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для его долгосрочного развития, закрепленный в пункте 7 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, а также официальное определение национальной безопасности как состояния защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [1] свидетельствуют о том, что национальная безопасность Беларуси представляет собой сложное многоплановое социальное явление, обладающее своей определенной структурой.

В юридической науке общепринято национальную безопасность рассматривать как объект государственной правовой охраны. В связи с этим актуально высказывание, что фактор безопасности рассматривается как необходимое условие стабильного функционирования и целостности любого социального системного образования, в числе которых общество и государство [2].

Рассматриваемая категория является предметом пристального внимания не только юриспруденции. Так, в политологии под национальной безопасностью принято понимать состояние защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз. В частности, Ф.Н. Удычак [3, с. 16] предполагает такое состояние объекта безопасности, при котором он способен сохранять свое существование и развиваться. Известна и более узкая направленность при дефинировании национальной безопасности [4, с. 24], характерная для экономической науки и определяющая её как признак стабильного, устойчивого состояния социальной системы, имеющей национально-государственное образование, жизненно важные интересы которого защищены от воздействия внешних и внутренних угроз.

В научной юридической литературе рассматриваемое понятие определяется более широко, а именно как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, достигаемое совместными действиями государственных и общественных институтов путем гибкого использования политических, экономических и иных средств как во внутренней деятельности государства, так и на международном уровне» [5, с. 8–9].

Исходя из анализа пункта 4 рассматриваемой Концепции, структурными элементами национальной безопасности белорусского государства выступают: политическая безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическая безопасность, социальная безопасность, демографическая безопасность, информационная безопасность, военная безопасность и экологическая безопасность.

Таким образом, национальную безопасность необходимо рассматривать как единую совокупность всех ее вышеприведенных взаимообусловленных относительно самостоятельных структурных единиц, которые должны находиться в постоянной взаимосвязи и взаимодействии. В рамках рассматриваемого

вопроса представляется важным обратиться к категории «экономическая безопасность», так как она представляет собой фундаментальную основу экономически эффективного государства в целом [6] и родовым понятием по отношению к финансовой безопасности последнего в частности.

Экономическая безопасность также представляет собой один из самых важных элементов национальной безопасности. Этот тезис подтверждается содержанием пункта 8 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, в котором наряду с обеспечением независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя, с достижением высокого уровня и качества жизни граждан в качестве стратегических национальных интересов предусмотрено устойчивое экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики [1].

Экономическая безопасность в качестве социально-правовой категории является направлением исследования как в экономической, так и в юридической отрасли науки на современном этапе развития государства и общества. Актуальность ее исследования на постсоветском пространстве предопределена рядом факторов, среди которых зависимость стран от внешнеэкономической конъюнктуры, в том числе от влияния последствий мирового финансового кризиса, неустойчивость национальной валюты, слабая защищенность национальной финансовой системы, уязвимость информационной инфраструктуры, присутствие несбалансированности национальной бюджетной системы и теневой экономики, являющейся главным условием для возникновения и функционирования коррупционных правоотношений и т.д.

Наличие хотя бы одной из перечисленных проблем является прямой угрозой для экономической безопасности государства. В данном контексте актуальным является мнение А.П. Мамыкиной о том, что проблема экономической безопасности является одним из важнейших приоритетов государственной политики, условием стабильности и эффективности жизнедеятельности общества [7, с. 3].

Вопросам экономической безопасности посвящены труды В.И. Авдийского [8], А.Т. Алиева [9], В.В. Антонова [10], М.А. Безугловой [11], С.С. Босхолова и А.С. Босхолова [12], А.А. Вишневого [13], А.П. Герасимова [14], В.В. Гончарова [15], И.Б. Григорьева [16], И.Х. Еркева [17], С.В. Рабкина [18], О.В. Школы [19] и других.

В российской юридической науке исследование рассматриваемой правовой категории проводилось Р.Ф. Исмагиловым [20], А.А. Куковским [5], Ф.Н. Удычак [3] и другими авторами.

Так, В.В. Антонов определяет экономическую безопасность как способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей субъектов на всех уровнях жизнедеятельности [10]. Указание на то, что экономическая безопасность государства – это «способность» его экономики, которая, по сути, выступает как признак, не дает полной картины представления о рассматриваемом явлении. Также экономика современных стран постсоветского пространства характеризуется как «переходная» и не всегда обеспечивает эффективное удовлетворение общественных потребностей. Однако данное обстоятельство не свидетельствует об отсутствии в рамках национальной безопасности этих государств такого ее важного элемента, как экономическая безопасность. В этой связи наиболее обстоятелен, на наш взгляд, подход к определению экономической безопасности, предложенный Р.Ф. Исмагиловым. Определяя экономическую безопасность как один из наиболее важных элементов национальной безопасности, ученый небезосновательно полагает [20, с. 7–8], что её можно рассматривать как состояние национальной экономики, способное обеспечить эффективное удовлетворение общественных потребностей, а также технико-экономическую независимость страны в условиях внешних и внутренних угроз, существенной характеристикой которой является готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества.

В пункте 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь содержится легальное определение экономической безопасности, согласно которому она представляет собой состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [1]. Согласно пункту 10 рассматриваемого нормативного правового акта к национальным интересам белорусского государства в сфере экономики относятся: экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизации экономических отношений, снижения себестоимости, импортоемкости и материалоемкости продукции; сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной системы; обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов; достижение уровня энергетической безопасности; поддержание гарантированного уровня продовольственной безопасности; трансфер современных технологий в экономику страны [1].

Итак, на основании вышеизложенного следует, что основной стратегической целью в области национальной безопасности государства, в сфере экономики является экономический рост. Анализ вышеприведенных национальных интересов белорусского государства в сфере экономики позволил опреде-

лить направленность национальной экономической безопасности на сочетание социальной ориентированности при декларировании приоритета национального интереса и независимости устойчивой, постоянно обновляющейся и стабильной экономики.

Экономическая безопасность государства, как и национальная безопасность, является многоплановым явлением. Она представляет собой сложную систему, состоящую из взаимосвязанных, взаимообусловленных и постоянно взаимодействующих структурных частей, к которым общепринято относить следующие ее элементы: финансовую безопасность, производственно-технологическую безопасность, таможенную безопасность, валютную безопасность, инфляцию.

В последнее время наблюдается возрастание научного интереса к проблемам дефинирования понятия «финансовая безопасность», определения ее места в системе национальной и экономической безопасности государства, выявления ее структурных элементов, установления взаимосвязи между ними.

В контексте обозначенной проблематики вызывают наибольший интерес труды следующих авторов: Э.Р. Ермаковой [21], А.Е. Илатовского и А.И. Пономаревой [22], Е.В. Караниной и О.И. Бледных [23], В.И. Криленко [24], Е.Н. Кондрат [25], О.Ш. Петросяна [26], Д.С. Степанкова [27], А.А. Хабибулиной [28].

В правовой доктрине устоялось представление о финансовой безопасности как наиболее важной подсистеме экономической безопасности государства. Так, О.Ш. Петросян [26, с. 144] под финансовой безопасностью предлагает понимать создание условий устойчивого, надежного функционирования финансовой системы государства, региона, предотвращающих возникновение финансового кризиса, дефолта, деструкцию финансовых потоков, сбой в обеспечении основных участников экономической деятельности финансовыми ресурсами, нарушение стабильности денежного обращения, уровень эффективности государственного управления, его ветвей власти и их институтов; В.И. Криленко [24, с. 226] дает определение исследуемой категории как защищенность финансовых интересов на всех уровнях финансовых отношений; определенный уровень независимости, стойкости финансовой системы государства в условиях влияния на нее внешних и внутренних дестабилизирующих факторов, которые составляют угрозу национальной безопасности; способность финансовой системы государства обеспечить эффективное функционирование национальной экономической системы и постоянный экономический рост.

Финансовую безопасность государства Д.С. Степанков [27, с. 7–8] определяет как один из важнейших элементов экономической безопасности страны, которая представляет собой также состояние защищенности финансовой системы государства. При этом ее состоянии, по утверждению исследователя, обеспечивается гарантированная защита финансовых интересов страны от внутренних и внешних угроз. В развитие своего взгляда на финансовую безопасность автор полагает, что она представляет собой взаимосвязанную совокупность ее таких относительно самостоятельных элементов, как бюджетная, налоговая, денежно-валютная и инвестиционная безопасность.

Полагаем, что такое структурирование внутренней системы финансовой безопасности Д.С. Степанков предложил исходя из аналогичного общепринятого устоявшегося подхода в российской финансово-правовой науке к выделению в финансовой системе ее аналогичных звеньев.

Наиболее развернутое и информационно насыщенное определение исследуемой категории, по нашему мнению, сформулировано Е.Н. Кондрат [25, с. 35]: финансовая безопасность – это такое состояние защищенности финансово-экономических интересов государства, которое, *во-первых*, позволяет обеспечить финансовую стабильность государства на прогнозируемый период в любых условиях, в том числе минимизировать последствия кризиса денежной и финансово-кредитной систем; *во-вторых*, нейтрализует влияние мировых финансов и экономической экспансии зарубежных стран на национальную безопасность; *в-третьих*, удовлетворяет потребности общества в финансовых ресурсах и обеспечивает экономический рост; *в-четвертых*, способно противостоять существующим и возникающим опасностям и угрозам, вызвать зависимость государства от внешних факторов; *в-пятых*, обеспечивает гибкость законодательства при проведении экономических преобразований, а также соответствие национального законодательства международным стандартам; *в-шестых*, обеспечивает защищенность финансовых интересов государства и общества; *в-седьмых*, обладает эффективным механизмом финансового контроля в сфере распределения и использования потоков государственных денежных средств; *в-восьмых*, создает инвестиционную привлекательность посредством создания соответствующего инвестиционного климата и правового режима защиты иностранных капиталовложений; *в-девятых*, обеспечивает эффективность в использовании административных методов при формировании доходной части бюджета.

Определение, предложенное Е.В. Караниной и О.И. Бледных [23, с. 96], является, на наш взгляд, наиболее обобщенным по отношению к предыдущему и формулируется как защищенность финансовых интересов на всех уровнях финансовых отношений; определенный уровень независимости, стабильности и стойкости финансовой системы государства в условиях влияния на нее внешних и внутренних дестабилизирующих факторов, которые составляют угрозу финансовой безопасности; способность финансовой системы страны обеспечить эффективное функционирование национальной экономической системы и постоянный экономический рост. К структурным элементам рассматриваемого вида экономической

безопасности авторы отнесли: бюджетную, налоговую, долговую безопасность, финансовую безопасность банковской системы, валютную, инвестиционную безопасность, финансовую безопасность страхового и фондового рынка, денежно-кредитную безопасность.

Аналогичной позиции при рассмотрении структуры финансовой безопасности придерживаются А.Е. Илатовский и А.И. Пономарева [22, с. 246], указывая, что в научной литературе принято выделять сегменты рассматриваемой категории. К ним авторы относят безопасность бюджетно-налоговой, кредитно-банковской и валютно-денежной систем, внебюджетных фондов и безопасность фондового рынка.

Автор Э.Р. Ермакова [21, с. 226–227] полагает, что в структуру финансовой безопасности достаточно включения только следующих четырех элементов: безопасность бюджетно-налоговой системы; безопасность кредитно-банковской системы и национальной платежной системы; безопасность валютно-денежной системы; безопасность фондового рынка.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать *вывод*, что финансовую безопасность белорусского государства целесообразно рассматривать как состояние финансовой системы государства, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз. Гарантированность защищенности должна предопределяться мониторингом финансовых отношений, своевременным прогнозированием внутренних и внешних угроз и эффективностью действующего финансового законодательства.

Анализ пункта 5 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь позволяет утверждать, что кардинальные стремительные изменения, происходящие на международном уровне, стали основой для рассмотрения по-новому проблем влияния глобализации на ее экономическую безопасность, эффективность национальной системы законодательства, регулирующей область бюджетно-финансовых и налоговых правоотношений.

В контексте обеспечения экономической безопасности государства в пункте 8.4 Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года (НСУР-2030) предусматриваются основные направления развития правового регулирования финансовых отношений. Обеспечение стабильных финансовых основ развития общества, экономики и природопользования определены как основная цель бюджетно-финансовой и налоговой политики белорусского государства. В отношении налоговой политики сохраняется ее направленность на преемственность в достижении поставленных ранее целей и задач, предусматривающих повышение эффективности налоговой системы для обеспечения заданных темпов экономического роста, выполнения социальных гарантий, стимулирования инвестиционной и инновационной активности [29].

Что касается бюджетно-налоговой безопасности как одного из элементов финансовой безопасности Беларуси, то анализ содержания НСУР-2030 позволил выявить планируемые тенденции повышения эффективности налоговой системы, которые должны проявиться в улучшении ее качественных характеристик, в том числе в совершенствовании налогового администрирования и системы взаимоотношений налоговых органов с плательщиками, в оптимизации налоговых преференций как вектора развития конкурентной среды. Кроме того, повышение эффективности налоговой системы рассматривается в непосредственной взаимосвязи с развитием в белорусском государстве «зеленой» экономики, а также со стимулированием инвестиционной и инновационной активности в предпринимательской среде в контексте его устойчивого долгосрочного поступательного развития.

Заключение. Достижению обозначенных выше задач будет способствовать разработка научно обоснованной концепции их осуществления, что обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований в области белорусской юридической науки проблем теории и практики государственно-правового механизма обеспечения финансовой безопасности Республики Беларусь в условиях мирового процесса глобализации и региональной интеграции, охватывающих вышеизложенные направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Концепция, утв. Указом Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Шерис, А.В. Религиозный фактор обеспечения национальной безопасности : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А.В. Шерис ; Акад. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 25 с.
3. Удычак, Ф.Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ф.Н. Удычак ; Кубанский гос. агр. ун-т. – Краснодар, 2011. – 20 с.
4. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М.В. Мясникович [и др.]. – Минск : Экономика и право, 2003. – 451 с.

5. Куковский, А.А. Национальная безопасность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Куковский ; АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации». – М., 2011. – 22 с.
6. Тимофеев, Ю.А. Финансовая безопасность – важнейший элемент экономической безопасности страны [Электронный ресурс] / Ю.А. Тимофеев, И.Р. Бажутина // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия Экономика и право. – 2005. – № 6-1. – С. 60–68. – Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_9082519_40901467.htm. – Дата доступа: 18.11.2017.
7. Мамыкина, А.П. Теоретико-методологические аспекты экономической безопасности : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А.П. Мамыкина ; Моск. гос. социал. ун-т. – М., 2003. – 18 с.
8. Авдийский, В.И. Национальная экономическая безопасность в условиях глобализации / В.И. Авдийский // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 2 (65). – С. 9–10.
9. Алиев, А.Т. Теоретико-методологические основы исследования проблемы «Налоговая безопасность» в системе финансово-экономической безопасности / А.Т. Алиев // Развитие механизма налоговых исследований в системе обеспечения экономической безопасности (концептуальные положения и методический инструментарий) : сб. науч. тр. / под общ. науч. ред. : А.Г. Хабибулина. – М. : Акад. экон. безопасности МВД России, 2010. – С. 121–126.
10. Антонов, В.В. Сущность экономической безопасности как экономической категории [Электронный ресурс] / В.В. Антонов // Вестн. Чувашского ун-та. – 2006. – № 7. – Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_11934438_93473794.pdf. – Дата доступа: 18.11.2017.
11. Безуглова, М.А. Экономическая безопасность – в системе национальной безопасности России / М.А. Безуглова // Тенденции и перспективы инновационного развития правовых, социально-экономических и управленческих исследований : материалы междунар. науч.-практ. конф. СЗФ МГЭИ. – М. : МГЭИ, 2014. – С. 17–26.
12. Босхолов, С.С. Экономическая безопасность как неотъемлемая часть национальной безопасности России / С.С. Босхолов, А.С. Босхолов // Проблемы организации органов государственной власти и местного самоуправления: история, теория, практика и перспективы: сб. науч. тр. ; редкол.: Н.В. Кешикова (отв. ред.) [и др.]. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. – С. 62–67.
13. Вишневецкий, А.А. Экономическая безопасность в структуре национальной безопасности государства / А.А. Вишневецкий // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы науч.-практ. конф., Рязань, 14 марта 2012 г. ; редкол.: Р.С. Рыжов (отв. ред.) [и др.]. – Рязань, 2012. – С. 35–39.
14. Герасимов, А.П. Теоретико-правовые и терминологические аспекты проблемы категории «экономическая безопасность» / А.П. Герасимов // Актуальные проблемы российского права в современных условиях : сб. материалов науч.-практ. конф. ; под ред. М.Л. Шакирова. – Уфа : БАГСУ, 2013. – Вып. 3. – С. 13–22.
15. Гончаров, В.В. Экономическая безопасность Российского государства как перспективный приоритетный национальный проект / В.В. Гончаров // Российский следователь. – 2010. – № 8. – С. 25–29.
16. Григорьев, И.Б. О понятии «экономическая безопасность» и задачах ее правового обеспечения / И.Б. Григорьев // Государство в меняющемся мире : материалы VI Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 26–28 мая 2011 г. ; редкол.: В.И. Лафитский (отв. ред.) [и др.]. – М. : Ин-т законодат. и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012. – С. 505–514.
17. Еркеев, И.Х. Экономическая безопасность государства как часть национальной экономической безопасности и безопасности государства / И.Х. Еркеев // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 36–40.
18. Рабкин, С.В. Экономическая безопасность: институциональный аспект регулирования стратегических отраслей экономики // Юридическая наука и практика : Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2013. – № 23. – С. 144–146.
19. Школа, О.В. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности: правоохранные ресурсы обеспечения / О.В. Школа // Миграционное право. – 2014. – № 4. – С. 36–39.
20. Исмагилов, Р.Ф. Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Р.Ф. Исмагилов ; Санкт-Петербургский ун-т МВД России. – СПб., 2000. – 50 с.
21. Ермакова, Э.Р. Финансовая безопасность в системе национальной безопасности государства / Э.Р. Ермакова // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 5. – С. 324–328.
22. Илатовский, А.Е. Финансовая безопасность как составная часть системы национальной безопасности Российской Федерации / А.Е. Илатовский и А.И. Пономарева // От научных идей к стратегии бизнес-развития : сб. статей-презентаций студенческих науч.-исслед. работ. – М. : АУДИТОР, 2016. – С. 244–249.

23. Каранина, Е.В. Финансовая безопасность как составляющая концепции экономической безопасности государства // Е.В. Каранина, О.И. Бледных // *The Genesis of Genius*. – 2016. – № 1. – С. 94–99.
24. Криленко, В.И. Финансовая безопасность как составляющая экономической безопасности государства / В.И. Криленко // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (заочной) ; М-во обр. и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина»; В.М. Юрьев [гл. ред.] (и др.), А.А. Бурмистрова [отв. ред.]. – Тамбов : Бизнес-Наука-Общество, 2013. – С. 218–226.
25. Кондрат, Е.Н. Значение финансового контроля и финансовой безопасности в системе национальной безопасности государства / Е.Н. Кондрат // *Право и управление. XXI век*. – 2012. – № 1. – С. 32–36.
26. Петросян, О.Ш. Финансовая безопасность России в контексте национальной безопасности / О.Ш. Петросян // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. – 2010. – № 8. – С. 141–144.
27. Степанков, Д.В. Государственно-правовой механизм обеспечения финансовой безопасности (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Степанков ; Нижегородская акад. МВД России. – Н. Новгород, 2006. – 27 с.
28. Хабибулина, А.А. Финансовая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности России / А.А. Хабибулина. – М. : Формула права, 2011. – 176 с.
29. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] / М-во экономики Респ. Беларусь ; Науч.-исслед. экон. ин-т. – Режим доступа: <http://www.srb.niks.by/info/program.pdf>. – Дата доступа: 09.01.2018.

Поступила 28.05.2018

FINANCIAL SECURITY IN THE STRUCTURE OF ECONOMIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

E. GRIGORIEVA

The article is devoted to the study of financial security in the structure of economic security of the Republic of Belarus. On the basis of critical analysis of legislation and legal doctrine on the concept and elements of the national security state established that economic security is one of its main constituent elements and is a complex system consisting of interrelated, interdependent, and constantly interacting structural parts, the primary of which is financial security. It is concluded that the financial security of the Belarusian state should be considered as the state of the financial system of the state, which guarantees the security of national interests of the Republic of Belarus from internal and external threats. The warranty security shall be predetermined by monitoring financial relations, the timely forecasting of internal and external threats and efficiency of existing financial legislation. The author argues the need for further research in the field of Belarusian legal science to the problems of the theory and practice of state-legal mechanism of ensuring financial security of the Republic of Belarus in the conditions of world globalization and regional integration.

Keywords: *financial security, economic security, national security, the concept of national security, the financial system of the state.*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ЭКОНОМИИ И РАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

д-р юрид. наук, проф. Г.А. ВАСИЛЕВИЧ
(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматриваются вопросы нормотворческого процесса. Основное внимание уделено принципу экономичности деятельности нормотворческих органов и правоприменения. Подчеркнуто, что в современных условиях на первый план выходит выбор мер правового регулирования, прогнозирование последствий принятия и введения в действие актов законодательства, проведение правового мониторинга. Вносятся предложения по совершенствованию сложившейся практики.

Ключевые слова: правовая экономия, прогнозирование, избыточность законодательства, обоснование проекта.

Практика свидетельствует, что позитивное право, воплощенное в актах законодательства, все более и более пронизывает сферы общественной жизни. Это ярко проявляется в постоянном росте массива нормативных правовых актов, их непрерывном изменении и дополнении. Сегодня присутствует убеждение, что норма права решит любую проблему, если иные социальные правила не позволили добиться соответствующего результата. При этом удельный вес законодательных актов среди общего числа нормативных правовых актов весьма мал. В количественном плане доминирует подзаконное законодательство. Конечно, вряд ли в этой связи есть основания для упрека в адрес парламентариев, так как подготовку проектов законов осуществляет в основном Правительство Республики Беларусь, иные органы исполнительной власти.

Конечно, все закрепить в одном законе или ином законодательном акте не всегда представляется возможным. Нередко есть необходимость касаться вопросов одной тематики, содержащихся в смежных актах. Так, в сфере принудительного исполнения действует два Закона: «О судебных исполнителях» и «Об исполнительном производстве». Как отмечалось в литературе, в связи с принятием этих законов осуществлялась корректировка ряда указов Президента, актов Правительства, постановлений Министерства юстиции. В частности, Указом Президента от 18 августа 2017 № 287 были скорректированы семь указов, постановлением Правительства внесены изменения и дополнения в 11 постановлений Совета Министров [1, с. 6–7].

На конференции, прошедшей под эгидой Совета Республики Национального собрания, сообщалось, что наряду с Кодексом об образовании в указанной сфере отношений действует еще около четырехсот нормативных правовых актов. От такой практики правового регулирования надо отказываться. Лучший вариант правового регулирования – исключение множественности и избыточности актов. Опыт убеждает в необходимости подготовки и принятия более развернутых по своему содержанию законов, чтобы было меньше необходимости заниматься подзаконным нормотворчеством, восполняя пробелы законы или реализуя содержащиеся в законе бланкетные нормы. Закон, в отличие от подзаконных актов, как известно, призван регулировать наиболее значимые общественные отношения. В статье 97 Конституции дан примерный перечень таких актов-законов.

По высказыванию представителя Бундесрата Германии, в этой стране допускается внесение изменений и дополнений в постановления Правительства посредством принятия закона. При этом форма акта сохраняется – это все равно постановление.

В Беларуси ученые и практики излагают мнение о необходимости реализации пакетного принципа принятия актов, то есть одновременная их корректировка. Не всегда это можно обеспечить, но к этому надо стремиться. Например, со вступлением в силу закона следует одновременно вводить в действие (если это вытекает из положений закона) новые нормы постановления Правительства, ведомственных актов. Было бы правильно в этой связи иметь совмещенные по времени планы подготовки и принятия законов и иных актов законодательства. С тем чтобы исключить разночтения в законах и подзаконных актах, в статьях закона, которыми даются поручения, необходимо фиксировать «концепцию» изменений подзаконных актов. Что касается внесения законом изменений в акты правительства, как это делается в некоторых случаях в Германии, то с учетом президентской формы правления в Беларуси, на наш взгляд, это неприемлемо. Вместе с тем, исходя из того, что Президент Республики Беларусь юридически не только Глава государства, но и исполнительной власти, не исключали бы такой вариант. Хотя

в силу верховенства указов и декретов особой потребности нет, так как вопрос может быть решен посредством издания указанных актов.

На наш взгляд, следует продолжать процесс конституционализации отраслевого законодательства, то есть приведение его в соответствие с конституционными принципами и нормами. Такой подход способствует укреплению режима законности. Конституция содержит нормы-принципы и нормы, в которых сформулированы конкретные юридические правила. Каждый конституционный принцип важен, среди них нет первенства, все они сосуществуют рядом, вступая в различные комбинации при разрешении конкретного спора. Предметом пристального внимания являются принципы верховенства права и принцип законности. Их дополняют принципы предсказуемости правового регулирования, пропорциональности ограничений и др. В научной литературе и в повседневной жизни много внимания уделяется принципу законности. Часто, когда говорят о законности, ее противопоставляют целесообразности. По большому счету это правильно, но отвергать целесообразность (разумность) как антипод законности нельзя. Правовое регулирование должно быть разумным, основываться на конституционных принципах и нормах как стандартах современного правопонимания. Важно находить оптимальное правовое решение. Обеспечению разумности правового регулирования призваны содействовать составляющие нормотворческого процесса: определение целей акта законодательства; анализ состояния правовых отношений; прогнозирование последствий принятия нормативного правового акта; правовая экспертиза акта; общественное и профессиональное обсуждение проекта; правовой мониторинг и др. Разумным правовым регулированием общественных отношений будет такое их регулирование, при котором достигается законный результат с наименьшими затратами труда и ресурсов.

Необходимо развивать учение о верховенстве Конституции; о связанности самих государственных органов, должностных лиц собственными решениями: их следует исполнять пока решения не отменены или не пересмотрены, не приостановлено их действие; о недопустимости придания актам обратной силы, если ими усиливается или вводится ответственность либо иным образом ухудшается положение участников общественных отношений; о стремлении к стабильности правового регулирования; исключении избыточности актов законодательства; их системности; о пропорциональности ограничения прав достигаемым целям (так называемым правомерно достигаемым целям, о которых говорится в статье 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и статье 23 Конституции Республики Беларусь); о необходимости трактовки положения Конституции Республики Беларусь с учетом общепризнанных принципов международного права, на что ориентирует статья 8 белорусской Конституции.

Представляется, назрела необходимость прогнозирования последствий принятия и регулирующего воздействия акта. За чисто материальными последствиями, которые могут наступить в связи с принятием акта, надо видеть иные составляющие этого процесса, в том числе, как новые правила повлияют на деловую активность граждан, предпринимателей, их настроение, физический и психологический настрой, ощущение ими справедливости и разумности принятого решения.

Одним из важнейших научных направлений должно стать развитие теории экономического анализа права. Важность этого направления предопределяется теми позитивными результатами теоретического и прикладного характера, которые можно получить, обеспечив симбиоз юридической мысли и экономической науки. Конкретные шаги можно делать, начиная с отдельных актов и отраслей права. К выполнению этой задачи должны подключиться специалисты в области информационных технологий, социологи, специалисты в области психологии, включая социальную психологию. Должен быть выработан алгоритм проведения такого анализа, методика моделирования последствий принятия и действия актов, какое влияние он окажет на политическую, экономическую, социальную и духовную сферы общества.

Влияет ли нормотворческая, в том числе законотворческая, деятельность на социально-экономическое благополучие? Или, когда мы говорим об экономии средств, то это забота органов Комитета государственного контроля, прокуратуры, правоохранительных и иных органов государственной власти? И речь идет только о каких-то «осязаемых» ресурсах: материальных, денежных средствах? Влияет, а если еще учесть практику правоприменения, то существенным образом. Потери бюджета, материальные расходы в этой области по причине принятия плохо подготовленных актов также есть. Было бы правильно все же на эту сторону деятельности взглянуть критически, чтобы усилия государственного аппарата направить в более полезное русло и повысить отдачу при решении жизненно важных вопросов людей.

Анализ юридической литературы показывает, что исследование принципа экономии преимущественно проводится в рамках науки процессуального права: чаще идет речь о принципе процессуальной экономии при рассмотрении уголовных [2] и гражданских дел [3]. Это же касается и юридической ответственности. Здесь также важен и применим, как отмечают в литературе, принцип экономии уголовно-правовой репрессии. Справедливо полагают, что принцип экономии репрессии предполагает соблюдение меры и в правотворчестве, и в правоприменении [4].

На наш взгляд, *экономия юридической репрессии означает выбор оптимальной меры воздействия на нарушителя законодательства. В данном случае экономии нельзя сводить только к назначению мини-*

мального наказания. Важно, чтобы достигались те цели, которые определены в качестве таковых при решении вопроса о привлечении к юридической ответственности. Здесь может идти речь и о расширении круга субъектов ответственности. Так, в Швеции могут быть привлечены к ответственности за занятие проституцией не только «женщины с низкой социальной ответственностью», но и их клиенты. Не исключали бы установление такого подхода и в белорусском законодательстве.

Или иной пример: противодействовать реализации контрафактной продукции может не только ответственность за её производство, но и за приобретение. Естественно, что в этом случае надо определить четкие для этого условия.

В науке гражданского права обращается внимание, что принципу экономичности подчинена реализация гражданских прав и обязанностей [5].

Экономичность правового регулирования проявляется в установлении лишь неких границ, в рамках которых можно действовать, но которые недопустимо нарушать. Конечно, каждая из сфер – частно-правовая и публично-правовая – по степени воздействия права в этом отношении различаются.

В любом современном государстве власть стремится к тому, чтобы источник доходов человека, юридического лица был законным. В этих целях определяется система заработной платы для работников, порядок исчисления и уплаты пенсий, пособий, а также налогов физическими и юридическими лицами, регулируется хозяйственная деятельность, определяется порядок совершения сделок и т.п. Даже для приема в гражданство Республики Беларусь предусмотрено в качестве одного из условий наличие законного источника к существованию.

Отсутствие законного источника доходов может свидетельствовать о том, что удовлетворение материальных и духовных потребностей человек осуществляет вопреки требованиям закона. Конечно, лицо, которое, например, не работает, может получать материальную помощь со стороны государства (пособие по безработице), со стороны иных лиц (мужа, жены, родственников и др.). Однако известны случаи, когда человек не работает в качестве наемного работника, не занят предпринимательской или иной легальной деятельностью, которая приносит доход, однако может позволить себе такие блага, которые недоступны иным (работающим) лицам. Они могут быть получены в результате выполнения работ в теневом секторе экономики, совершения хищений (мелких, а также уголовно наказуемых).

Все это побуждает государство принимать акты законодательства, направленные на обеспечение законопослушного поведения граждан, в том числе, когда речь идет о получении ими средств для жизни. Одним из важнейших средств обеспечения законности является декларирование доходов. Оно сыграло и продолжает играть важную роль в установлении законности получения доходов, обеспечении контроля со стороны государства в данной области отношений. Однако сегодня, на наш взгляд, ежегодное декларирование доходов в том виде, как оно есть, себя исчерпало.

Важнейшим ресурсом, способным усилить динамику процессов взаимодействия между человеком и государством, вывести их на новый уровень, сегодня являются информационные технологии. В Республике Беларусь еще в начале 2000-х годов выбрано направление – развитие информационного общества, и для этого много сделано. Однако и здесь были периоды роста числа государственных служащих, несмотря на общую тенденцию развития информационного общества. Используя новые технологии можно больше экономить. Так, считаем, что нет необходимости в ежегодном декларировании тех доходов, которые и так государством в лице соответствующих органов контролируются. Например, доходы, которые гражданин получает в качестве работника, доходы от продажи имущества и т.п. Затрачиваются большие ресурсы на получение справок, составление деклараций, их проверку и др. По нашим расчетам, ежегодные затраты на составление деклараций, получение соответствующих справок, поездок за ними, проверку правильности составления деклараций и др. составляют около 5 миллионов условных единиц. Было бы полезно сохранить декларирование лишь тех доходов (имущества), получение средств, которые оказываются вне контроля государства, например, займы, полученные вне банковской системы, средства, поступившие из-за границы. Декларирование можно было бы сохранить для случаев поступления на государственную службу, участия в выборах (в данном случае, на наш взгляд, полезно было бы декларировать доходы за последние пять лет), а также по требованию налоговой службы для отдельных лиц, в частности неработающих, но, судя по всему, имеющих доходы, не включая нелегальные.

Если затронутый выше вопрос можно рассматривать как его постановку, желание сделать декларирование доходов более полезным, то уже сейчас вызывает удивление информация о массовой неуплате транспортного налога автовладельцами. Должна быть информация о конкретных лицах, и если не привлечение к ответственности, то проведение с ними «профилактической» работы. Более экономной могла бы быть работа по организации призыва на срочную воинскую службу. Уже с момента приписки к призывному участку молодых людей следовало бы знакомить с их обязанностью явиться в военкомат с момента издания Указа Главой государства об очередном призыве на срочную службу. На это ранее обращалось внимание в литературе, так как государство тратит много времени и средств для вручения повесток, поиска призывников и др. [6, с. 13–14].

Одним из важнейших требований нормотворческого процесса является финансово-экономическое обоснование проекта акта. В целях стимулирования деятельности министерств и государственных комитетов иных органов исполнительной власти можно было бы подумать о возможности использования, например, в течение года-двух, какого-то процента сэкономленных средств для нужд системы, поощрения работников, если ведомством предложен и принят новый закон, обеспечивающий сокращение государственных расходов. Когда же предусматриваются дополнительные расходы, то следовало бы стремиться их покрыть за счет финансирования, выделенного для соответствующего ведомства. И лишь в исключительных случаях средства могут быть получены из других статей бюджета.

Другой пример. В практике правоохранительных органов распространено применение такой меры пресечения, как арест. Не всегда это диктуется обстоятельствами дела. Здесь также можно подумать о материальных стимулах на основе закона для применения арестов в исключительных случаях. *Позитивно, что в свое время по инициативе автора был решен вопрос о взыскании средств в связи с розыском лица, подозреваемого в совершении преступления [7]. Полагаем, что на очереди должно быть и решение вопроса о возмещении средств, затрачиваемых государством при применении меры пресечения в виде домашнего ареста. На конституционном уровне (ст. 99) важные гарантии по экономному законотворчеству предусмотрены.*

Более экономный подход должен быть при проведении контроля и надзора. Известно, что такие категории, как контроль и надзор, различаются, например, по итогам конституционного контроля неконституционные акты признаются не имеющими юридической силы, а по итогам конституционного надзора (как и прокурорского надзора), как правило, не принимается окончательного решения. Часто обращается внимание на то, что контроль означает еще изучение целесообразности принятия решения, надзор касается прежде всего соответствия закону. Однако эти направления деятельности государственных органов следует совместить. На примере конституционного контроля полагаем, что потенциал Конституционного Суда надо использовать более эффективно – его акты следует направлять не только на формально-юридическое, сущностное содержание, но и на определение вектора развития законодательства. Вместе с тем трансформация конституционного контроля в конституционный надзор в зависимости от субъекта обращения в Конституционный Суд не уменьшает юридического значения принятого Конституционным Судом решения с позиции его содержания. Некоторый формальный дефект (в отношении субъекта обращения) значительно меньше дефекта, который заключается в неисполнении соответствующими субъектами требований статей 52 и 59 Конституции, то есть обязанностей по исполнению Конституции, созданию надлежащего правового порядка.

Выше нами говорилось о принципе экономии уголовно-правовой репрессии. Уклонение от отбывания назначенного судом уголовного наказания (рецидив) является не только свидетельством неправильно выбранной меры, но и влечет дополнительные затраты государства по реализации мер уголовной ответственности. Отметим, что свидетельством неэффективности карательной судебной практики в уголовно-правовой сфере является также частое принятие законов об амнистии. В свое время нами высказывалась идея о том, что на определение срока лишения свободы должны оказывать влияние не только обстоятельства совершения преступления, личность преступника, но и условия содержания в местах лишения свободы. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республика Беларусь взяла на себя обязательства по соблюдению международных стандартов в области содержания лиц, приговоренных к лишению свободы.

Судья, на наш взгляд, должен стремиться назначить адекватное наказание. Дополнительная работа по исполнению назначенного наказания не должна вести к нарушению законности и справедливости.

Одним из важнейших цивилизованных стандартов правовой регламентации является предвидение необходимости принятия нового акта, создания условий до его введения для граждан, чтобы они могли подготовиться к новой ситуации. Однако это не всегда происходит [8; 9]. Хотя ситуация и стала лучше, чем это было в 90-е годы прошлого столетия.

Важнейшим элементом принципа поддержания доверия граждан закону и действиям государства является разумная стабильность регулирования правовых отношений, недопустимость произвольного изменения законодательства (иначе это можно расценивать как злоупотребление своим правом), установление оптимального периода для адаптации граждан, субъектов хозяйствования к новым правовым правилам. Гражданин должен быть уверен, что он не подвергнется таким правовым последствиям, которые он не мог предвидеть в момент принятия им какого-либо решения. Таким образом, можно вести речь о соблюдении принципа ожидания принятия государственными органами цивилизованных правовых решений. Следует стремиться к максимальному совпадению формы выражения с нормативной волей субъекта власти.

Потенциал экономии государственных средств в процессе нормотворчества еще полностью не задействован, хотя за последние годы в этом направлении много сделано. Нужны дополнительные не только правовые, но и организационные усилия. В качестве одного из вариантов усиления организации данной работы могло бы быть создание в аппарате Министерства экономики *подразделения, которое бы проводило мониторинг актов и правоприменительной практики, которые ведут к излишним денежным и иным*

затратам, занималось бы поиском разумного сокращения расходов не в ущерб правам и законным интересам людей. Правилom нормотворческой деятельности должно стать обоснованное прогнозирование ожиданий в связи с принятием нового акта. Полезно, чтобы до принятия нового акта разработчики проекта и заинтересованные инстанции представляли емкую информацию о состоянии дел с реализацией действующих актов по соответствующему кругу отношений. Таким образом, усилия в перспективе будут в большей степени направлены на формирование единой правоприменительной практики, стабильность законодательства, более ритмичную и ясную работу субъектов хозяйствования, обеспечение правовых ожиданий граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заседание коллегии Министерства юстиции Республики Беларусь по итогам деятельности органов принудительного исполнения // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 2. – С. 6–11.
2. Непомнящая, Т.В. Мера уголовного наказания : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т.В. Непомнящая ; РГТЭУ. – Екатеринбург, 2010. – 46 с.
3. Сорокина, В.В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Сорокина ; Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2009. – 24 с.
4. Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 1. Преступление и наказание ; под ред. А.И. Коробеева. – СПб., 2008. – С. 88–90.
5. Ягофарова, И.Д. Право как мера ограничения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; И.Д. Ягофарова. – Екатеринбург, 2004. – 28 с.
6. Василевич, С.Г. Административная ответственность за нарушения против порядка приписки граждан к призывным участкам, призыва на воинскую службу и воинского учета / С.Г. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2013. – 155 с.
7. Василевич, Г.А. Укрепление правового порядка – гарантия стабильного развития общества / Г.А. Василевич // Проблемы управления : науч.-практ. журн. – 2009. – № 2 (31). – С. 14–18.
8. Минчане лишились «экопарковки», за которую заплатили по 1000 долларов. – Режим доступа: <https://www.abw.by/novosti/law/198731/>. – Дата доступа: 10.09.2018.
9. Как заработать пенсию и не угодить в ловушку. – Режим доступа: <http://kurjer.info/2016/12/14/insurance-trap/>. – Дата доступа: 10.09.2018.

Поступила 04.10.2018

TO THE QUESTION OF LEGAL ECONOMY
AND RATIONAL LEGAL REGULATION

G. VASILEVICH

The article deals with the issues of norm-setting process. The main attention is paid to the principle of efficiency of the activities of norm-setting bodies and law enforcement. It is emphasized that in modern conditions the choice of legal regulation measures, forecasting the consequences of adoption and enactment of legislative acts, legal monitoring is on the foreground. Suggestions are made to improve the existing practice.

Keywords: legal economy, forecasting, redundancy of legislation, substantiation of the project.

УДК 342.571

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В НОРМОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

канд. юрид. наук, доц. **И.Н. КИРЯКОВА**
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается проблема, свидетельствующая о том, что в настоящее время в процесс построения эффективного государственного управления необходимо включать не только государственный аппарат, но и гражданское общество, создавая условия для того, чтобы граждане были активными участниками. Данная тенденция полностью соответствует положениям Конституции Республики Беларусь, закрепляющим народ в качестве источника власти, а также право граждан на управление делами общества и государства. Показано, что важнейшей сферой деятельности государственных органов Республики Беларусь является нормотворчество и развитию активного участия граждан в нем должно способствовать использование современных информационно-коммуникационные технологий.

Ключевые слова: *нормотворческий процесс, законодательная инициатива, общественный контроль, электронная демократия, управление государством, граждане, информационно-коммуникационные технологии, электронное правительство, гражданское общество, электронные услуги.*

Введение. В настоящее время одним из важнейших направлений государственной политики многих стран, включая Республику Беларусь, является реализация концепции «электронного правительства», которая позволяет гражданам быть активными участниками, проводить оценку и контроль за качеством государственного управления. В Республике Беларусь предусмотрено множество форм участия граждан в осуществлении государственного управления. Автором (И. К.) – предлагается проанализировать активность и формы участия граждан в нормотворческом процессе в Республике Беларусь.

Редакция Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 20.07.2009 г. не закрепляла принципа демократии как отдельного принципа нормотворческой деятельности [1]. Однако в пункте 5 статьи 6 новой редакции Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», которая вступает в силу 01.02.2019 г., закрепленный в качестве принципа нормотворческой деятельности принцип защиты интересов общества трактуется как учет мнения населения республики и интересов иных объединений граждан [2].

Законодательством Республики Беларусь предусмотрены различные формы участия граждан в нормотворческой деятельности: 1) право законодательной инициативы; 2) участие в нормотворчестве через референдум.

Основная часть. В частности, Г.А. Василевич выделяет два вида уровней законодательной инициативы: 1) в связи с предложением о принятии обыкновенного законодательного акта; 2) об изменении Конституции [3, с. 344]. Законодательная инициатива граждан взаимосвязана с институтом референдума. В статье 111 Избирательного кодекса Республики Беларусь под референдумом понимают способ принятия гражданами решений по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни [4]. Другой ученый, Е.П. Гуйда, отмечает, что институт референдума является выражением мнения всего (или большинства) населения соответствующей территории, на которой проходит всенародное голосование, а законодательная инициатива представляет собой видение о должном (возможном) правовом регулировании лишь части общества [5]. Тем самым Е.П. Гуйда считает более приемлемым референдум как способ реализации воли всего народа в сфере нормотворчества.

Однако в настоящее время гражданами не был внесен ни один законопроект в Парламент Республики Беларусь. Большинство законопроектов (90%) вносятся Правительством Республики Беларусь [6, с. 284]. Количество референдумов, проведенных в Республике Беларусь, также свидетельствует об отсутствии активного участия граждан в нормотворческой деятельности посредством данной формы. Участие граждан в государственном управлении в Республике Беларусь в целом реализуется только в форме представительной демократии. Однако с уверенностью можно утверждать, что только принятое посредством институтов непосредственной демократии решение является максимально легитимным, поскольку является отражением не только общественного мнения, но и общественной пользы, так как народу как участнику правовых отношений придется его реализовывать. Следует также указать на современные концепции непосредственной демократии. Так, разработанная зарубежными исследователями (П. Пэйтманом, Дж. Циммерманом и другими), концепция артиципаторной демократии предлагает вернуться к классическим идеалам демократии, которая предусматривает активное участие граждан в обсуждении и принятии

решений по главным вопросам общественной жизни. Следует согласиться с утверждением Г.А. Криворова о том, что именно активное участие граждан в управлении государством является залогом существования зрелого гражданского общества [7, с. 33].

В настоящее время в Республике Беларусь необходимо повысить активность участия граждан в нормотворчестве. Выше были указаны формы участия граждан в нормотворческой деятельности. Сущность нормотворческой инициативы состоит в том, чтобы вовлечь в процесс создания нормативных правовых актов граждан Республики Беларусь путем создания соответствующих условий для этого. Порядок реализации гражданами права законодательной инициативы предусмотрен Законом Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» [8]. Однако большинство белорусских ученых считают установленную вышеназванным Законом процедуру сложной. Как отмечает Е.П. Гуйда, наиболее важными факторами, которые влияют на возможность реализации гражданами права законодательной инициативы, являются: разумность установленной численности инициативной группы; оптимальность требований к составу документов, которые должны предоставляться вместе с нормотворческой инициативой [9, с. 152].

Законодательство Республики Беларусь, регулирующее порядок реализации гражданами права законодательной инициативы нуждается в совершенствовании, целью которого является обеспечение активного участия граждан в нормотворчестве. Считаем, что первым направлением такого совершенствования должно стать сокращение установленной численности состава инициативной группы. Однако данное изменение не должно привести к созданию упрощенной процедуры, которая способствует увеличению количества проектов нормативных правовых актов, не отвечающих требованиям их значимости для государства и общества. Второе направление совершенствования мы связываем с обеспечением возможности инициативной группе в установленный (месячный) срок собрать подписи граждан. Для этого предлагается законодательно закрепить в качестве способа сбора подписей использование Интернет-ресурса. Третье направление совершенствования должно обеспечить эффективность гражданской инициативы в сфере нормотворчества. Для этого наряду с уменьшением установленной численности инициативной группы, закреплением возможности сбора подписей с использованием Интернет-ресурса необходимо закрепить на законодательном уровне принципы реализации законодательной инициативы, которые обеспечили бы гражданам роль эффективного помощника в нормотворчестве.

В Законе Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» закреплены следующие принципы реализации законодательной инициативы: право законодательной инициативы реализуется гражданами свободно; гражданин лично решает, участвовать ли ему в реализации права законодательной инициативы; никто не вправе препятствовать законному осуществлению гражданами права законодательной инициативы, ограничивать его либо принуждать к реализации этого права [8]. Данные принципы устанавливают порядок реализации гражданами права законодательной инициативы. Вместе с тем они не отражают требований, в соответствии с которыми должен формироваться сам законопроект. Видится обоснованным дополнение указанных принципов принципом финансово-экономической обоснованности, выбора соответствующей формы правового акта и оптимальности выбора метода правового регулирования. Данный шаг позволит повысить вероятность того, что положения именно данного законопроекта станут впоследствии законом.

Следует отметить, что в науке является дискуссионным вопрос о круге субъектов законодательной инициативы. В Республике Беларусь право законодательной инициативы принадлежит гражданам Республики Беларусь, обладающим избирательным правом. Данное положение позволяет утверждать о том, что указанным правом не обладают недееспособные, лица, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда, а также иностранные граждане. Как отмечает Е.П. Гуйда, допуск иностранных граждан к данной форме народовластия может сказаться на эффективном функционировании страны [9, с. 156]. Поэтому целесообразным считаем наделение иностранных граждан, по аналогии с избирательным правом, правом нормотворческой инициативы на местном уровне при принятии решений местными Советами депутатов Республики Беларусь.

Отдельно следует коснуться вопросов участия граждан в нормотворчестве посредством референдума. Содержащееся в статье 111 Избирательного кодекса Республики Беларусь понятие референдума, под которым понимается способ принятия гражданами решений по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни [4], не в достаточной мере отражает возможность принятия посредством референдума также и законов. В результате на законодательном уровне право граждан посредством референдума принять закон прямо закреплено только в статье 140 Конституции Республики Беларусь, согласно которой разделы I, II, III, IV, VIII могут быть изменены только через референдум. В связи с этим считаем обоснованным предложение Е.П. Гуйды о необходимости дополнения статьи 111 Избирательного кодекса Республики Беларусь положением о том, что референдум является также способом принятия

законов [10, с. 198]. В связи с этим необходимо внести изменения в нормы Избирательного кодекса Республики Беларусь в отношении предмета референдума. В части 3 и 4 статьи 112 Избирательного кодекса Республики Беларусь содержится исчерпывающий перечень вопросов, которые не могут быть предметом республиканского и местного референдума. Однако законодательство Республики Беларусь не содержит конкретного перечня вопросов, которые выносятся на референдум. Видится необходимым законодательно закрепить в статье 112 Избирательного кодекса Республики Беларусь открытый перечень вопросов, по которым могут быть приняты законы посредством референдума.

На современном этапе Республики Беларусь в процессе государственного управления активно используются информационно-коммуникационные технологии, в том числе в процессе нормотворчества. Получают свое развитие общественные обсуждения нормативных правовых актов. По мнению Н.В. Лариной, публичное обсуждение находится на стыке между демократией прямой и представительной, так как граждане непосредственно не принимают властного решения, однако обсуждения позволяют создать эффективную систему оценки и учета общественного мнения при подготовке проектов нормативных правовых актов [11, с. 34]. Многими учеными и практиками исследуется институт общественного обсуждения как особая форма общественного контроля [12–14].

Сегодня в Республике Беларусь данная форма участия в нормотворческом процессе получило свое правовое регулирование в таких нормативных правовых актах, как:

- Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 20.07.2009 г. (статья 8) [1];

- постановление Совета Министров «Об организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства, вопросов осуществления предпринимательской деятельности» [15];

- постановление Совета Министров «Об утверждении Положения о порядке проведения общественных обсуждений в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» [16];

- постановление Совета Министров «Об утверждении Положения о порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, экологических докладов по стратегической экологической оценке, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, учета принятых экологически значимых решений» [17] и других нормативных правовых актах.

Однако недостатком организации общественных обсуждений в Республике Беларусь является отсутствие единого нормативного акта, который бы регулировал общий порядок их проведения и закреплял механизм реализации общественной инициативы. Цель последней – расширение возможных форм реализации права граждан Республики Беларусь на участие в управлении делами государства.

В редакции Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», которая вступает в силу 01.02.2019 г., институт общественного обсуждения получил более детальную регламентацию, однако есть вопросы, которые не получили своего отражения и в данной редакции закона.

Для активизации участия граждан в управлении государством и создания для этого правовой основы автором видится необходимость принятия в Республике Беларусь Закона Республики Беларусь «Об общественном контроле», в котором будут закреплены: субъекты, которые могут осуществлять общественный контроль; формы общественного контроля; сроки проведения каждой из форм общественного контроля; сферы деятельности государственных органов, подлежащие общественному контролю; сферы деятельности государственных органов, в отношении которых не может осуществляться общественный контроль; ответственность субъектов общественного контроля за нарушение законодательства Республики Беларусь.

В вышеуказанном Законе должна содержаться отдельная глава, посвященная порядку организации общественных обсуждений, которая кроме общих положений, отраженных в редакции Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (вступает в силу 01.02.2019 г.), будет регламентировать следующее: 1) закрытый перечень случаев, когда проведение общественных обсуждений является обязательным; 2) правовые последствия общественных обсуждений и порядок отражения поступивших предложений в финальной редакции проекта; 3) критерии, по которым должны оцениваться проекты нормативных правовых актов; 4) требование о размещении информации о дальнейшей судьбе проекта нормативного правового акта, который подлежал общественному обсуждению, и предложениях, которые были в нем учтены.

Среди критериев, по которым должны оцениваться проекты нормативных правовых актов, можно выделить такие, как: 1) необходимость принятия нормативного правового акта; 2) степень доступности и ясности содержания акта; 3) экономическая обоснованность; 4) полнота охвата регулируемых актом отношений в той или иной сфере; 4) степень соответствия и соотношения содержания с действующими нормативными правовыми актами в той же сфере; 5) иные предложения по обсуждаемому нормативному правовому акту.

Следует указать на то, что в науке разделяются два понятия: общественное обсуждение уведомления о подготовке проекта нормативного правового акта и общественное обсуждение самого проекта нормативного правового акта [18]. Считаем обоснованным указать в главе Закона Республики Беларусь «Об общественном контроле», которая посвящена общественным обсуждениям, случаи, когда обсуждение о подготовке проекта нормативного правового акта является обязательным, а когда – факультативным.

В редакции Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», которая вступает в силу 01.02.2019 г., закреплена в качестве единой информационной площадки публичных обсуждений – сайт «Правовой форум Беларуси» в глобальной компьютерной сети Интернет с отражением сведений об обсуждении на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. Одновременно предлагается общественное обсуждение на сайтах отдельных государственных органов.

Автором (И. К.) предлагается создание в Республике Беларусь единой информационной системы «Электронная демократия», которая представляет собой коммуникационную площадку, которая позволяет:

- проводить обсуждения общественно значимых вопросов;
- осуществлять обсуждение проектов нормативных правовых актов;
- оценивать деятельность государственных органов;
- формировать рейтинги и статистики деятельности государственных органов;
- вести официальные блоги органов государственной власти;
- формировать обращения в виде заявлений, предложений, жалоб и направлять эти обращения в организации по принадлежности и иные формы участия граждан в управлении государством.

С целью исключения случаев, когда проведение общественного обсуждения сводится к простой формальности из-за неучастия граждан в силу тех или иных причин в обсуждении проекта нормативного правового акта, предлагаем использовать метод «жюри присяжных» [19, с. 57–78]. Для этого необходимо учреждение общественного Совета по обсуждению проектов нормативных правовых актов. Его состав формируется из 12 представителей граждан (по 2 гражданина от каждой области), которые систематизируют предложения граждан, поступающие в ходе обсуждения проекта нормативного правового акта, а в случае отсутствия предложений дают свою оценку выносимому на общественное обсуждение акту. Правовой статус Совета предлагается определить Постановлением Совета Министров Республики Беларусь. Непосредственный же состав Совета утверждает государственный орган (организация), который выносит нормативный правовой акт на обсуждение.

Для расширения участия граждан в управлении делами общества и государства, в частности в нормотворчестве, предлагаем в главе Закона Республики Беларусь «Об общественном контроле», которая посвящена общественным обсуждениям, закрепить общественную инициативу, имеющую целью отмену, дополнение или изменение действующего нормативного правового акта.

Заключение. В настоящее время в Республике Беларусь требуется повысить активность участия граждан в нормотворческом процессе, способствовать которой может как совершенствование законодательства Республики Беларусь, так и использование современных информационно-коммуникативных технологий.

Предлагаются следующие направления, осуществление которых позволит создать надлежащие условия для активного участия граждан в нормотворческом процессе:

- 1) закрепление в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» принципа демократии в качестве одного из принципов нормотворчества;
- 2) внесение изменений в Закон Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» в отношении сокращения установленной численности инициативной группы, занимающейся сбором подписей;
- 3) закрепление в Законе Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» в качестве способа сбора подписей использование Интернет-ресурса;
- 4) внесение дополнений в Закон Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь», направленных на закрепление принципов, в соответствии с которыми должен формироваться законопроект. К таким принципам можно отнести принцип финансово-экономической обоснованности, выбора соответствующей формы правового акта и оптимальности выбора метода правового регулирования;
- 5) внесение изменений в статьи 111 и 112 Избирательного кодекса Республики Беларусь, направленных на закрепление возможности принятия законов посредством референдума, а также открытого перечня вопросов, по которым могут быть приняты законы посредством референдума;
- 6) принятие Закона Республики Беларусь «Об общественном контроле», в котором должна содержаться отдельная глава, посвященная порядку организации общественных обсуждений. В данной

главе будут закреплены кроме общих положений, отраженных в редакции Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», которая вступает в силу 01.02.2019 г., следующие:

- закрытый перечень случаев, когда проведение общественных обсуждений являются обязательным;
- правовые последствия общественных обсуждений и порядок отражения поступивших предложений в финальной редакции проекта;
- критерии, по которым должны оцениваться проекты нормативных правовых актов;
- требование о размещении информации о дальнейшей судьбе проекта нормативного правового акта, который подлежал общественному обсуждению, и предложениях, которые были в нем учтены;

7) создание в Республике Беларусь единой информационной системы «Электронная демократия», которая представляет собой коммуникационную площадку, в рамках которой будут осуществляться обсуждения проектов нормативных правовых актов;

8) принятие нормативного правового акта, который бы определял правовой статус общественного Совета по обсуждению проектов нормативных правовых актов в составе 12 представителей граждан, которые систематизируют предложения граждан, поступающие в ходе обсуждения проекта нормативного правового акта, а в случае отсутствия предложений – дают свою оценку выносимому на общественное обсуждение акту.

ЛИТЕРАТУРА

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10.01.2000 г. № 361-3 с изм. от 20.07.2009 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 130-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2001. – 344 с.
4. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 11.02.2000 г. № 370-3 с изм. от 04.06.2015 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Гуйда, Е.П. Теоретико-правовые аспекты нормотворческой инициативы граждан [Электронный ресурс] / Е.П. Гуйда. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/70148861-Teoretiko-pravovye-aspekty-normotvorcheskoj-iniciativy-grazhdan.html>. – Дата доступа: 23.02.2018.
6. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. / И.И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – Т. 2. – 984 с.
7. Криворотов, Г.А. Кризис представительной демократии в системе политического управления в современном обществе: теоретические проблемы исследования / Г.А. Криворотов // Социум и власть. – 2011. – № 2. – С. 33–36.
8. О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 28 нояб. 2003 г. № 2/997 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
9. Гуйда, Е.П. Некоторые аспекты реализации нормотворческой инициативы граждан в Республике Беларусь / Е.П. Гуйда / Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 2016. – Т. 1. – С. 150–158.
10. Гуйда, Е.П. Референдум как форма непосредственного участия граждан в процессе создания нормативных правовых актов / Е.П. Гуйда // Традиции и инновации в праве : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 2017. – Т. 1. – С. 196–199.
11. Ларина, Н.В. Общественное обсуждение: истоки и предпосылки развития в российском демократическом обществе / Н.В. Ларина // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 34–36.
12. Гаврилова, И.Н. Роль института общественных слушаний в системе общественного контроля / И.Н. Гаврилова // Сборник статей и материалов по итогам Всероссийской науч.-практ. конф. – М. : Юрист, 2011. – С. 171–179.
13. Автономов, А.С. Критерии оценки прав человека для уполномоченных по правам человека : метод. рекомендации / А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова. – М. : Юрист, 2011. – 52 с.
14. Михайловский, И.А. Общественный контроль деятельности государственных органов и организаций как метод влияния на принятие управленческих решений / А.И. Михайловский, А.В. Невмержицкая // Проблемы управления. – № 4. – 2017. – С. 28–30.

15. Об организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства, вопросов осуществления предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров от 20.03.2012 г. № 247 с изм. от 05.10.2016 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
16. Положение о порядке проведения общественных обсуждений в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров от 01.06.2011 г. № 687 с изм. от 10.02.2014 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
17. Положение о порядке организации и проведения общественных обсуждений проектов экологически значимых решений, экологических докладов по стратегической экологической оценке, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, учета принятых экологически значимых решений [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14.06.2016 г. № 458 с изм. от 19.01.2017 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
18. Околенова, О.А. Общественный контроль: информационно-правовые проблемы теории и практики / О.А. Околенова – М. : Изд-во «Русайнс», 2016. – 144 с.
19. Федотов, М.А. Информационно-правовые аспекты общественного контроля / М.А. Федотов // Вопросы правообразования. – № 2. – 2012. – С. 57–78.

Поступила 18.10.2018

CITIZEN PARTICIPATION IN RULE-MAKING AS A FORM OF PUBLIC CONTROL IN THE REPUBLIC OF BELARUS

I. KIRYAKOVA

Nowadays it is necessary to involve civil society in the creation of an effective public administration alongside with the government and to create the conditions for an active citizen participation. This tendency completely corresponds to the provisions of the Constitution of the Republic of Belarus which state the citizens a source of power and ensure their right to participate in the society and state administration. The most important activity of the state bodies of the Republic of Belarus is rule-making. The use of modern information and communication technologies is to contribute to the development of active citizenship.

Keywords: *rule-making process, legislative initiative, public control, electronic democracy, government, citizens, information and communication technologies, electronic government, civil society, electronic services.*

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТЕЙ
КАК СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматриваются вопросы конституционно-правового статуса детей, которые выступают одной из социальных общностей в Республике Беларусь. Проводится анализ правового регулирования охраны детства на международном уровне и в национальном законодательстве. Предлагается введение административной ответственности для родителей (лиц, их заменяющих) за невыполнение обязанностей по воспитанию ребенка, предусмотренных законодательством о браке и семье. Обосновывается минимальный размер санкции по предлагаемому составу административного правонарушения.

Ключевые слова: социальная общность, дети, охрана детства, правосубъектность.

В науке конституционного права социальные общности относили к числу субъектов конституционно-правовых отношений еще в советский период. Так, В.Я. Бойцов, включая таковые в круг участников государственно-правовых отношений, отмечает, что социальные общности складываются в ходе естественно-исторического процесса, помимо воли и сознания людей, в силу непосредственного действия объективной необходимости [1, с. 78].

Существует ряд исследований, в которых социальные общности прямо относятся к субъектам конституционно-правовых отношений и в которых дается их понятие либо выделяются отдельные признаки. Так, при выделении социальных общностей в качестве субъектов конституционно-правовых отношений А.А. Бурцев делает акцент на социальную природу их возникновения [2, с. 15]. Однако к числу таких общностей автор относит лишь народ, нации и народности, что, на наш взгляд, является неверным, поскольку при таком подходе «за гранью» исследования остаются иные формы совместного взаимодействия людей, регулируемого при этом конституционно-правовыми нормами.

По мнению Р.А. Ромашова, под любой социальной общностью понимается группа людей, неразрывным образом связанных определенными интересами, реализация (защита) которых поставлена в зависимость от тех либо иных правоотношений [3, с. 31].

В целом отметим, что интерес к исследованию такого рода субъектов конституционно-правовых отношений появился сравнительно недавно. Так, В.Е. Чиркин в своем эссе объясняет «запоздалый интерес» (лишь после второй мировой войны в западных конституциях стали появляться положения о «правах трудящихся») к правам общностей в конституционном праве по причине господствовавшего политического режима – тоталитаризма [4, с. 10]. При этом указывает на то, что в современных конституциях уже давно нашли закрепление коллективные права некоторых социальных, национальных, этнических общностей и других коллективов (в том числе временных). Кроме того, В.Е. Чиркин считает, что в настоящий момент создается множество временных коллективов, у которых могут быть коллективные права, отличные от прав их членов. В качестве примера приводятся инициативные группы избирателей (не менее 100 чел.), выдвигающие в Российской Федерации кандидатуру на должность Президента [4, с. 12].

Исторически первой формой социальной общности была семья. Затем возникают основанные на кровнородственных отношениях род и племя. Причины такого перехода объясняются по-разному. Убедительной представляется позиция Р. Пайпса, основанная на соображениях экономического порядка, сущность которой состоит в убежденности существования семей, а также их объединений в племена, основанных на необходимости рационального использования земельных ресурсов, поскольку неупорядоченная их эксплуатация приведет к истощению [5, с. 146]. Иной точки зрения придерживаются представители «эволюционной теории» в социологии: «Как Дарвин изображал мир биологических явлений как постоянно «меняющийся», «эволюционирующий» от низших форм к более высоким и сложным в соответствии с правилами естественного отбора, так и институты человеческого общества точно так же проходят развитие от простейших к более продвинутым формам» [6, с. 57].

Конституция содержит общую формулировку относительно прав социальных общностей. Так, согласно части 1 статьи 14 Конституции «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов» [7]. Таким образом, в данной норме перечисленные социальные и иные общности выступают субъектами конституционно-правовых отношений по гарантированию им со стороны государства равенства в защите прав и законных интересов. Сам факт такого признания данных субъектов на конституционном уровне дает возможность проводить исследование по изучению их правового статуса.

Конституция в ряде норм прямо признает отдельные социальные общности субъектами конституционно-правовых отношений. К примеру, таковыми признаются: социальные группы (ч. 2 ст. 4); народ (ч. 1 ст. 3; ч. 1 ст. 9); национальные и иные общности (ч. 1 ст. 14, ст. 15); молодежь (ч. 6, ч. 7 ст. 32); трудящиеся (ч. 8 ст. 13); женщины (ч. 5 ст. 32) и др. В отдельных конституциях зарубежных стран расширяется перечень таких субъектов.

Таким образом, в современный период к числу субъектов конституционно-правовых отношений, которых можно объединить под термином «социальная общность», относятся: социальные группы; слои населения (здесь возможно выделение по различным критериям); семья; местные сообщества; национальные общности; народ; иные общности.

Под социальной общностью как субъектом конституционно-правовых отношений предлагается понимать определенную, имеющую социальную природу возникновения совокупность лиц, объединяющим началом которой являются такие факторы (признаки), как общность языка, традиций, интересов, культуры; половая, социальная или национальная принадлежность; возраст; вероисповедание; другие, и которая может выступать реальным участником конституционно-правовых отношений с целью коллективного выражения (защиты) своих интересов, правовой статус которой регламентирован нормами конституционного законодательства, не имеющая при этом статуса юридического лица, а также при соблюдении иных условий, предусмотренных конституционным законодательством.

Дети как социальная общность в Республике Беларусь находятся под особой защитой, поскольку данная категория лиц обладает особенностями психофизического развития в силу возраста. Возрастной барьер в данном случае выступает фактором, в силу наличия которого выделяется такая социальная общность. В различных сферах общественной жизни дети имеют особый правовой статус. Как правило, специфика обуславливается значительно меньшим объемом прав по сравнению с совершеннолетними с одновременным наличием норм конституционного и иного законодательства, закрепляющих признание за данной социальной общностью факт нахождения в привилегированном положении.

Весь круг правоотношений, которые складываются в различных сферах общественной жизни при участии несовершеннолетних, имеют ряд специфических признаков, поскольку обусловлены особым правовым статусом ребенка, а также необходимостью на основании этого проявления особой защиты со стороны государства. Четкая правовая регламентация прав детей, ответственности родителей за их воспитание говорит о развитии уровня заботы и охраны прав данной категории лиц.

Гарантии реализации прав ребенка представлены двумя уровнями законодательства: международным и национальным. Основным международным документом в сфере защиты прав ребенка является Конвенция о правах ребенка (далее – Конвенция), которая была ратифицирована Республикой Беларусь в 1990 году [8]. В соответствии со статьей 1 Конвенции «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» [8]. Исходя из этого, дети как социальная общность представляют собой совокупность лиц, объединяющим началом которой выступает признак возраста. Конвенция допускает возможность установления национальным законодательством конкретного государства возможность снижения уровня совершеннолетия и обретения статуса совершеннолетнего ранее достижения 18-летнего возраста. Данный международный документ содержит ряд гарантий прав ребенка, к числу которых относятся следующие: а) запрет на дискриминацию детей по различным признакам (ст. 2); приоритет и защита интересов ребенка (ст. 3); гарантии права на жизнь и обеспечение здорового развития ребенка (ст. 6); приоритет воспитания в семье (ст. 9); особая защита для детей инвалидов (ст. 23) и др. [8].

Кроме того, среди актов международного законодательства в сфере защиты интересов детей стоит отметить Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Так, в соответствии с частью 1 статьи 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года установлено, что «каждый ребенок без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства» [9]. Следовательно, в данной правовой норме четко установлена необходимость проявления особой защиты со стороны государства, общества и семьи в реализации прав ребенка по причине особенностей психического и физического развития с учетом возрастного критерия.

На уровне национального законодательства высшую юридическую силу имеет Конституция, ряд норм которой содержат гарантии реализации прав детей. В соответствии с частью 1 статьи 32 Конституции «брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» [7].

Анализ данной конституционно-правовой нормы позволяет сделать вывод, что такая социальная общность, как дети, находятся с государством в отношениях гарантирования особой защиты, что позволяет относить детей к числу субъектов конституционно-правовых отношений. Кроме того, согласно части 4 статьи 32 Конституции «дети могут быть отделены от своей семьи против воли родителей и других

лиц, их заменяющих, только на основании решения суда, если родители или другие лица, их заменяющие, не выполняют своих обязанностей» [7]. В данной норме закреплён принцип приоритета воспитания ребенка в семье. Отобрание ребенка без лишения родительских прав или лишение родительских прав выступают в данном случае исключительной мерой. Отметим, что положения части 4 статьи 32 Конституции предусматривают отделение ребенка от семьи только в судебном порядке. Однако в настоящий момент законодательством предусмотрена также процедура отобрания ребенка по решению комиссии по делам несовершеннолетних. Так, в соответствии с частью 1 статьи 85¹ Кодекса Республики Беларусь о браке и семье «в случае, если установлено, что родители (единственный родитель) ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка, являются хроническими алкоголиками или наркоманами либо иным образом ненадлежаще выполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, в связи с чем он находится в социально опасном положении, комиссия по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка в трехдневный срок принимает решение о признании ребенка нуждающимся в государственной защите, об отобрании ребенка у родителей (единственного родителя), установлении ему статуса детей, оставшихся без попечения родителей, о помещении ребенка на государственное обеспечение» [10].

Интересным для исследования представляется гарантия, закрепленная в части 2 статьи 181 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, сущность которой состоит в следующем: «Государство гарантирует защиту прав ребенка как до, так и после рождения» [10]. В Республике Беларусь охрана прав и законных интересов личности начинается с момента рождения, за исключением ряда положений гражданского законодательства относительно наследования.

В Республике Беларусь основным нормативным правовым актом, регламентирующим основы правового регулирования прав детей, является Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» [11]. Важным является положение Преамбулы данного Закона, где установлено, что «Закон определяет правовой статус ребенка как самостоятельного субъекта и направлен на обеспечение его физического, нравственного и духовного здоровья, формирование национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации. Особая забота и социальная защита гарантируются детям с особенностями психофизического развития, а также детям, временно либо постоянно лишенным своего семейного окружения или оказавшимся в других неблагоприятных условиях и чрезвычайных ситуациях» [11].

Исходя из этого следует, что в Республике Беларусь с учетом положений международного права детям гарантируется реализация условий для формирования и развития национального правосознания, духовного здоровья, а также дети признаются самостоятельным субъектом права, что также является важным положением относительно их право- и дееспособности с учетом возрастных критериев, объема дееспособности и др.

Важным нормативным правовым актом является постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2017–2021 гг.» (далее – Национальный план) [12]. Национальный план – программный документ, направленный на реализацию Республикой Беларусь положений Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка, создание условий для защиты прав и законных интересов детей, условий для свободного и эффективного участия детей и молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии государства и общества [12].

В Национальном плане в качестве основных направлений государственной политики в сфере защиты и охраны детей определены следующие:

- укрепление правовой защиты детства и формирование правовой культуры общества; осуществление охраны материнства и детства;
- совершенствование механизма реализации прав детей на социальную защиту и инклюзию;
- обеспечение охраны здоровья детей, безопасности жизнедеятельности, содействие их здоровому образу жизни;
- системное противодействие информации, наносящей вред здоровью, нравственному и духовному развитию детей;
- реализация международного сотрудничества в интересах прав детей; реализация права детей на развитие в раннем возрасте; качественное образование; проживание и воспитание в семейном окружении (поддержка семьи, профилактика социального сиротства);
- защита от насилия, угрозы торговли людьми и эксплуатации;
- доступ к справедливому правосудию (профилактика правонарушений несовершеннолетних);
- участие в принятии решений, затрагивающих их интересы [12].

В науке проблемам прав ребенка посвящен ряд научных работ, авторами которых являются И.В. Савина, А.А. Кеник, И.Ю. Носова, О.В. Садина, Е.И. Гладковская, О.Н. Здрок и другие. К примеру, в исследовании И.В. Савиной поднимается вопрос о положении ребёнка, находящегося в социально

опасном положении, в результате которого применяется такая мера административного воздействия, как отобрание ребенка. Автор анализирует позитивные и негативные стороны данной меры, приводит в качестве примеров научные подходы, затрагивающие данную проблематику [13, с. 165].

Проблема социально опасного положения детей в то же время остается безнаказанной для родителей с точки зрения привлечения к административной ответственности. Здесь речь идет даже не на стадии отобрания ребенка, а предыдущее нахождение его в тяжелом положении, о невыполнении обязанностей со стороны родителей, касающихся воспитания и образования ребенка. Согласно части 1 статьи 75 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье «под воспитанием понимается забота о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе» [10]. Следовательно, в выполнение обязанностей по воспитанию должно пониматься выполнение ряда действий, таких как соблюдение требований гигиены в отношении своего ребенка, наблюдение за здоровьем ребенка и своевременное обращение в учреждения здравоохранения, обучение ребенка правилам поведения в обществе и т.д. В то же время административное законодательство Республики Беларусь «не позволяет» привлекать к ответственности за невыполнение такого рода обязанностей со стороны родителей, «ожидая» тем самым допущения социально опасного положения для ребенка и применения такой меры, как отобрание ребенка. В статье 9.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена ответственность для родителей за невыполнение обязанностей по воспитанию детей в случаях, когда в действиях ребенка имеются признаки административного правонарушения. Следовательно, законодательством закреплена лишь материальная состав данного правонарушения. Необходимость наличия нормы, предусматривающей наступление ответственности для родителей за деяния, связанные с невыполнением действий по воспитанию и образованию ребенка, обусловлена случаями нахождения детей в крайне неблагоприятном для их развития положении, не являющемся социально опасным.

На основании вышеизложенного предлагаем *внести следующие изменения и дополнения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях*:

статью 9.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях дополнить частью первой следующей редакцией:

«1. Невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, предусмотренных законодательством Республики Беларусь о браке и семье, – влечет предупреждение или наложение штрафа в размере до трех базовых величин».

Части первую и вторую считать соответственно частями второй и третьей.

На наш взгляд, столь минимальный размер санкции, как меры административной ответственности за данное деяние, объясняется необходимостью оказания, в первую очередь, воспитательного воздействия со стороны государственных органов на родителей. Вместе с тем предупреждение нахождения детей в ситуации социально опасного положения будет являться профилактической мерой, направленной на охрану детства, а также на приоритет жизни ребенка в семье. Считаем, что для родителей такая норма будет являться «сдерживающим фактором» от дальнейшего «недолжного» поведения в отношении своих несовершеннолетних детей. Кроме того, предложенные изменения и дополнения позволят устранить имеющийся пробел в отношении отсутствия ответственности для родителей или лиц, их заменяющих, за невыполнение обязанностей, предусмотренных законодательством о браке и семье.

Согласно официальным статистическим данным, в Республике Беларусь сохраняется тенденция роста первичной инвалидности детей, которая в 2016 году составила 21,1% на 10 000 детей (в 2012 году – 17,8%). Основными ее причинами являются врожденные пороки (25,3%), болезни нервной системы (16,8%), психические расстройства и расстройства поведения (16,6%), болезни эндокринной системы (11,4%) [12]. На основании этого необходимо проводить дальнейшую разработку и внедрение направлений инклюзивного образования и социализации данной категории детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойцов, В.Я. Система субъектов советского государственного права / В.Я. Бойцов. – Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1972. – 160 с.
2. Бурцев, А.А. Система субъектов конституционно-правовых отношений : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.А. Бурцев ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2005. – 24 с.
3. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Р.А. Ромашов [и др.]. – М. : Юристъ, 2005. – 303 с.
4. Чиркин, В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе / В.Е. Чиркин // Право и политика. – 2004. – № 4. – С. 9–15.
5. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс. – М. : Моск. школа полит. исслед., 2000. – 415 с.

6. Коротаев, А.Н. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.Н. Коротаев. – М. : Восточ. лит., 2003. – 278 с.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : [принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.] / Организация Объединенных Наций // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 20.03.2018.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 года] // Организация Объединенных Наций / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml. – Дата доступа: 20.04.2018.
10. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07. 2018 г. № 135-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 г. № 2570-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. № 362-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
12. Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2017–2021 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22.09.2017 г. № 710 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
13. Савина, И.В. О правовой защите прав ребенка в социально опасном положении / И.В. Савина // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2015. – № 13. – С. 165–168.

Поступила 19.10.2018

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF CHILDREN AS A SOCIAL COMMUNITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

I. SHAKHNOVSKAYA

Issues of the constitutional and legal status of children who are one of the social communities in the Republic of Belarus are considered. The analysis of the legal regulation of the protection of children at the international level and in national legislation is made. It is proposed to introduce administrative liability for parents (persons replacing them) for failure to fulfill the responsibilities for raising a child as provided by the legislation on marriage and family. Justifies the minimum size of the sanction on the proposed corpus delicti.

Keywords: social community, children, protection of mortgage, justice.

УДК 342.951

**КЛАССИФИКАЦИЯ АКТОВ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****А.С. ВАЛЕВКО***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассматриваются различные виды классификаций актов недобросовестной конкуренции – от международной, закрепленной в Парижской конвенции по охране промышленной собственности, до авторских классификаций, разработанных учеными-правоведами. Акцентируя внимание на вступлении в законную силу новой редакции Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 08 января 2018 г. № 98-З, автор приводит свою классификацию актов недобросовестной конкуренции по законодательству Республики Беларусь.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, антимонопольное законодательство, акты недобросовестной конкуренции, правонарушения в сфере конкуренции.

Введение. В современной экономике как Республики Беларусь, так и зарубежных стран конкуренция носит противоречивый характер. Негативные проявления конкуренции зачастую выражаются в нецивилизованных и недобросовестных методах ведения конкурентной борьбы, наносящих вред хозяйствующим субъектам и государству в целом, и обозначаются одним понятием «недобросовестная конкуренция».

Первым документом, в котором было закреплено понятие «недобросовестная конкуренция», явилась Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года (далее – Парижская конвенция) [1]. Примечательным является то, что данная Конвенция не является документом антимонопольного законодательства, а регулирует вопросы интеллектуальной собственности. Это обусловливается тем, что создание Парижской конвенции на международном уровне задавало определенный вектор развития национальным системам законодательства в сфере недобросовестной конкуренции в русле права интеллектуальной собственности.

На протяжении 145 лет антимонопольное законодательство как международного, так и национального уровней разных государств претерпело немало изменений в своём развитии. В первую очередь, на наш взгляд, это связано с появлением разных видов актов недобросовестной конкуренции. На сегодняшний день это не только акты недобросовестной конкуренции, связанные с правом интеллектуальной собственности, но и многие другие, отражающие противоправные деяния, которым необходимо своевременно противодействовать.

Цель данного исследования заключается в разработке классификации актов недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь по соответствующим критериям.

Основная часть. Рассматривая антимонопольное законодательство в Республике Беларусь, следует отметить, что оно неоднократно изменялось. В настоящее время особенно актуальным остаётся вопрос гармонизации законодательств государств-членов Евразийского экономического союза, в том числе и в сфере антимонопольной политики.

В законную силу 3 августа 2018 года вступила новая редакция Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции») [2]. Данный нормативный правовой акт подготовлен с учетом сформировавшейся правоприменительной практики Беларуси, Модельного закона «О защите конкуренции»; положительного опыта в сфере антимонопольной политики государств-членов Евразийского экономического союза.

Недобросовестная конкуренция по законодательству Республики Беларусь – это правонарушение, то есть юридический факт, влекущий применение мер ответственности. Закон «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» запрещает недобросовестную конкуренцию вообще, а не под угрозой привлечения к юридической ответственности.

В новом варианте Закона [2] детализирован перечень форм недобросовестной конкуренции. В соответствии с новой редакцией Закона недобросовестной конкуренцией перечислены следующие действия, которые осуществляет хозяйствующий субъект:

- дискредитация конкурента;
- введение в заблуждение (как потребителя, так и конкурента);
- некорректное сравнение с конкурентом и/или его товаром;
- действия, связанные с приобретением и (или) использованием объектов интеллектуальной собственности;

- смешение с деятельностью конкурента либо его товарами;
- действия, связанные с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую, служебную, иную охраняемую законом тайну;
- иные формы.

Перечисленные акты (действия) должны отвечать следующим требованиям [2]:

- должны быть направлены на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности;
- могут осуществляться одним или несколькими хозяйствующими субъектами;
- противоречат Закону «О противодействии монополистической деятельности и развитию конкуренции», иным законодательным актам и актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности;
- могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могут нанести или нанесли вред их деловой репутации;
- осуществляются одним или несколькими хозяйствующими субъектами в отношении конкурента в пределах одного товарного рынка.

Примечательным является то, что в новой редакции Закона определено место и иным формам недобросовестной конкуренции. На наш взгляд, это связано с тем, что законодатель учитывает динамику общественных отношений в сфере антимонопольной деятельности государства и предоставляет возможность оперативно реагировать на новые акты недобросовестной конкуренции, возникающие в процессе хозяйственной деятельности субъектов товарного рынка.

Как уже отмечалось выше, акты недобросовестной конкуренции отличаются своим многообразием. На международном уровне классификация проведена в пункте 3 статьи 10.bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности. В соответствии с данным пунктом подлежат запрету следующие акты недобросовестной конкуренции:

- все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов либо промышленной или торговой деятельности конкурента;
- ложные утверждения, при осуществлении коммерческой деятельности способные дискредитировать предприятие, продукты либо промышленную или торговую деятельность конкурента;
- указания или утверждения, использование которых при осуществлении коммерческой деятельности может ввести общественность в заблуждение относительно характера, способа изготовления, свойств, пригодности к применению или количества товаров [1].

К вопросу классификации актов недобросовестной конкуренции обращались и продолжают обращаться немало ученых-правоведов, занимающихся данной тематикой. Так, С.А. Парашук [3, с. 101] в зависимости от типа неправомерных методов и средств приобретения преимуществ в предпринимательской деятельности (конкурентных преимуществ) выделяет следующие основные виды актов недобросовестной конкуренции:

- смешение между деятельностью (товарами, работами, услугами) конкурентов (паразитирование);
- дискредитация конкурента и его деятельности (товаров, работ, услуг);
- дезорганизация деятельности конкурента;
- введение покупателей (потребителей) в заблуждение в отношении предлагаемых им товаров (работ, услуг);
- демпинг.

Другой ученый, К.Ю. Тотьев [4, с. 218], предлагает классифицировать формы недобросовестной конкуренции исходя из содержания нечестных действий и их целей.

Согласно указанной классификации выделяются:

- формы недобросовестной конкуренции, связанные с информацией;
- формы недобросовестной конкуренции, касающиеся дезорганизации производственной деятельности;
- формы недобросовестной конкуренции, связанные с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Акты недобросовестной конкуренции С.Н. Кондратовская [5, с. 223–224] классифицирует на следующие группы:

- недобросовестные конкурентные действия, касающиеся информации о конкуренте и его продукции;
- недобросовестные конкурентные действия, связанные с продажей, обменом или иным введением в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации;
- недобросовестные конкурентные действия, связанные с дезорганизацией производственного процесса конкурента.

Ориентируясь на положения Парижской конвенции, В.В. Белов, Г.В. Виталиев и Г.М. Денисов [6, с. 120–121] в качестве недобросовестных называют следующие действия:

- действия, квалифицируемые как приводящие к смещению в отношении предприятия, продуктов, промышленной или торговой деятельности конкурента;
- действия, квалифицируемые как вводящие общественность в заблуждение;
- дискредитация конкурента;
- действия, связанные с недобросовестной конкуренцией и не упомянутые в статье 10.bis Парижской конвенции.

На наш взгляд, наиболее удачной и детальной является классификация актов недобросовестной конкуренции Д.И. Серёгина [7, с. 8]. Исследователем предложена следующая классификация деяний, которые подпадают под определение «недобросовестная конкуренция» по следующим критериям:

1) в зависимости от формы преимуществ, получаемых нарушителем, недобросовестная конкуренция может выражаться:

- в действиях, непосредственно предоставляющих возможность увеличения притока потребителей;
- в действиях, непосредственно предоставляющих возможность снижения производственных издержек;

2) в зависимости от лиц, которым причиняется вред, недобросовестная конкуренция может выражаться:

- в действиях, наносящих вред интересам конкурентов и потребителей;
- в действиях, наносящих вред исключительно конкурентам;

3) по характеру вреда, наносимого конкурентам, недобросовестная конкуренция может выражаться:

- в действиях, причиняющих вред определенному кругу конкурентов;
- в действиях, причиняющих вред неопределенному кругу конкурентов;

4) по характеру совершаемых действий недобросовестная конкуренция может выражаться:

- в собственно актах недобросовестной конкуренции;
- в недобросовестной конкурентной практике.

5) в зависимости от сферы совершения, недобросовестная конкуренция может выражаться [7, с. 5]:

- в действиях, совершаемых в информационной сфере, которые, в свою очередь, выражаются в распространении информации, ее получении либо использовании, а сама информация может быть достоверной, недостоверной (негативной или позитивной) или некорректной;

- в действиях, совершаемых в товарной сфере, которые связаны либо с незаконным использованием средств индивидуализации продукции или лица (абсолютным или до степени смешения), либо с незаконным копированием внутреннего устройства товара.

Большую часть правонарушений в сфере конкуренции в Республике Беларусь составляют незаконные действия в сфере интеллектуальной собственности. Как отмечает В. Рачковский: «Среди основных видов нарушений, с которыми связываются сегодня белорусские предприятия, самый распространенный – подделка продукции. Когда под чужими реквизитами и чужим товарным знаком выпускаются изделия более низкого качества» [8, с. 29]. Однако не только эта сфера попадает под воздействие недобросовестной конкуренции.

Предлагаем классифицировать акты недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь в зависимости от нанесения вреда в результате совершения такого акта (актов):

- акты, приносящие вред непосредственно конкуренту (конкурентам);
- акты, приносящие вред и конкуренту (конкурентам), и потребителю (потребителям).

Необходимо отметить, что в результате совершения актов недобросовестной конкуренции может пострадать не только потребитель. В любом случае вред будет причинён и конкуренту.

В зависимости от негативных последствий в результате совершения акта (актов) недобросовестной конкуренции предлагаем следующую авторскую классификацию:

- акты недобросовестной конкуренции, которые могут причинить или причинили убытки другим конкурентам (ст. 26, 28–30 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»);

- акты недобросовестной конкуренции, которые могут нанести или нанесли вред деловой репутации конкурента (например, статьи 25, 27 указанного Закона).

Разработанная автором классификация позволяет говорить, что перечисленные акты могут быть не только самостоятельными действиями, которых достаточно для признания их недобросовестной конкуренцией, но и в ряде случаев дополнять друг друга.

Заключение. Приведенные выше примеры предлагаемых классификаций актов недобросовестной конкуренции показывают, что юридическая доктрина не располагает общими подходами, позволяющими систематизировать недобросовестные конкурентные действия. Стоит отметить, что данная проблема имела место и во время становления института недобросовестной конкуренции, остается она актуальной и до сих пор. Так, по мнению В. Шретера, «необходимо признать, что довольно трудно уложить эти мно-

гочисленные решения в какую-либо стройную систему: настолько признаки преследуемых действий разнообразны и разнородны» [9, с. 576].

Не случайно законодатель установил открытый перечень актов недобросовестной конкуренции в Законе «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». Это еще раз подтверждает то, что как динамично развитие конкурентных отношений, так и динамичны в своем развитии нечестные способы конкуренции. Таким образом, открытый перечень подобных действий позволяет в любой момент зафиксировать их в антимонопольном законодательстве и своевременно отреагировать на них путем привлечения к административной или уголовной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/paris/trt_paris_001ru.pdf. – Дата доступа: 05.04.2018.
2. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 08 янв. 2018 г. № 98-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Парашук, С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии) / С.А. Парашук // Право и экономика. – 1995. – № 5. – С. 199.
4. Тотьев, К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование деятельности субъектов конкуренции и монополий) : учебник для вузов / К.Ю. Тотьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во РДЛ, 2003. – 477 с.
5. Кондратовская, С.Н. Правовое регулирование недобросовестной конкуренции на товарных рынках / С.Н. Кондратовская // Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России : материалы Всероссийской конференции «Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России», 22–26 мая 2009 г. – Краснодар : Традиция, 2009. – С. 223–225.
6. Белов, В.В. Интеллектуальная собственность. Законодательство и практика его применения : учеб. пособие / В.В. Белов, Г.В. Виталиев, Г.М. Денисов. – М., 1997.
7. Серегин, Д.И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12 00 03 / Д.И. Серегин ; Рос. гос. ин-т гос. собственности. – М., 2002.
8. Рачковский, В. Дадим отпор конкурентам / В. Рачковский // Директор, 2012. – № 5. – С. 29–32.
9. Шретер, В. Недобросовестная конкуренция / В. Шретер // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. – М., 2005. – С. 548–582.

Поступила 28.09.2018

CLASSIFICATION OF ACTS OF UNFAIR COMPETITION UNDER THE LAWS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. VALEVKO

Various types of classification of acts of unfair competition – from the international, enshrined in the Paris Convention for the protection of industrial property, to the author's classifications developed by legal scholars-are considered. Focusing on the entry into force of the new version of the Law of the Republic of Belarus "On counteraction to monopolistic activity and development of competition" dated January 08, 2018 № 98-Z, the author cites his classification of acts of unfair competition under the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: *unfair competition, antimonopoly legislation, acts of unfair competition, offences in the sphere of competition.*

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАСТЕРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПРЕЛИМИНАРНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО
(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются правовые аспекты создания и деятельности кластеров в Республике Беларусь. Анализируется иностранный правовой опыт, в том числе опыт Российской Федерации, также анализируются основные положения Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров. Дается общая правовая характеристика кластера и определяется его место в гражданском праве. Указывается на необходимость разработки теоретико-правовых оснований института кластерного развития. Рассматриваются основные понятия, касающиеся порядка формирования и развития кластеров. Особое внимание уделено понятию «кластер». Рассматриваются способы формирования кластеров, а также этапы создания кластеров. Представлены выводы, касающиеся темы исследования, а также конкретные предложения, направленные на формирование законодательства о кластерах.

Ключевые слова: законодательство, договор, кластер, кластерный проект, кластерная инициатива, концепция, гражданское право, формирование кластера, развитие кластера.

Введение. Стремление к совершенствованию экономической деятельности, деятельности субъектов хозяйствования делает необходимым не только совершенствование уже известных гражданскому праву организационно-правовых форм. Известные праву способы осуществления хозяйственной (предпринимательской) деятельности посредством создания юридических лиц в форме хозяйственных обществ, товариществ или унитарных предприятий дополняются новыми способами и формами.

Для доктрины и правоприменительной практики интерес представляют кластеры – явление достаточно новое, требующее осмысления, правовой оценки, а также разработки теоретико-правовых оснований, обеспечивающих транспарентность нового правового института. Сложность и многообразность данного явления сопровождается сложностью нормотворческой деятельности, что замедляет процесс формирования и развития кластеров.

Во многих случаях юридическая конструкция современных гражданско-правовых форм крепится на традиционных подотраслях или институтах гражданского права, например, таких как право собственности и другие вещные права или юридические лица. Возможны и состояния, при которых значение традиционных гражданско-правовых институтов не ограничивается только лишь их участием в создании новых гражданско-правовых форм [1]. Будучи первоначальной основой новых гражданско-правовых институтов, традиционные гражданско-правовые институты становятся обязательным и необходимым элементом новой правовой архитектуры. Подтверждением сказанному может служить такое новое для Республики Беларусь явление, как кластеры.

Основная часть. На сегодняшний день в Республике Беларусь только формируется законодательство о кластерах. Идеология кластерного развития пока еще не опирается на твердую законодательную базу, что замедляет формирования кластеров и отчасти затрудняет сам этот процесс. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16.01.2014 г. № 27 была утверждена Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации (далее – Концепция). Безусловно, данная Концепция будет способствовать созданию полноценной и эффективной системы законодательства о кластерах.

Концепция как основополагающий документ, содержащий основные начала, контуры и вектор кластерного движения, служит концептуальной основой законодательства о кластерах. Уже первоначально обращает на себя внимание само название документа, в котором визуализируются следующие положения:

1) по сути, речь идет о сложном экономико-правовом и социальном явлении, которое должно формализоваться и структурироваться в динамике и поэтапном развитии, обретая выраженную гражданско-правовую форму;

2) предполагается два основных этапа или состояния: формирование кластера и развитие кластера. Указание на развитие кластеров в рассматриваемом контексте может трактоваться как противопоставление статике, априори присущей юридическому лицу с его императивно-жесткой, застывшей юридической конструкцией (органы управления, обособленное имущество и др.);

3) речь идет не просто о кластерах, а об инновационно-промышленных кластерах. Тем самым задан приоритет кластерного движения с указанием на качественную сторону и отраслевую принадлежность кластера.

Структурно Концепция состоит из семи глав и перечня мероприятий по реализации Концепции. С точки зрения перспектив нормотворческой деятельности и создания законодательства о кластерах наибольший интерес представляет глава 1 «Общие положения». В абзаце 1 данного документа говорится о том, что настоящая Концепция разработана в целях оценки имеющегося в Республике Беларусь потенциала и определения перспектив и организационно-экономического механизма стимулирования кластерного развития национальной экономики в 2013–2015 годах и на период до 2020 года. В документе также указано, что к числу основных задач Концепции относится определение организационно-правовых основ формирования системы государственной поддержки кластерных проектов.

Применительно к запросам доктрины и нормотворчества глава 1 Концепции содержит понятийный аппарат нового института. Закрепленные в Концепции понятия являются ключевыми, но не могут и не должны восприниматься в качестве единственных, поскольку в процессе кластерного развития и осуществления нормотворческой деятельности понятийный аппарат рассматриваемого института вне всяких сомнений пополнится новыми понятиями и терминами.

Важнейшие понятия и термины

Государственная кластерная политика – составная часть государственной социально-экономической политики, представляющая собой комплекс осуществляемых государством организационных, экономических и правовых мер, направленных на формирование и развитие кластеров в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики. Вызывает интерес тот факт, что наиболее полемичным вопросом в отношении формирования кластеров является вопрос о возможности искусственного их создания. Речь идет, в первую очередь, о государственном вмешательстве, корректирующем естественное течение процесса. В экспертном сообществе распространена точка зрения, согласно которой образование кластеров является естественным процессом, а вмешательство государства бесполезно и даже вредно [2, с. 112–113].

Кластер – совокупность территориально локализованных юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей, взаимодействующих между собой на договорной основе и участвующих в процессе создания добавленной стоимости;

Кластерная инициатива – документально подтвержденное намерение организаций (индивидуальных предпринимателей) содействовать формированию кластера на определенной территории и выступать его участниками;

Кластерная модель развития – концептуальный подход, предполагающий использование кластеров в качестве системообразующих элементов современной рыночной экономики, позволяющих реализовать конкурентные преимущества страны в рамках международного разделения труда;

Кластерный проект – комплекс взаимосвязанных мероприятий, временно объединяющий ресурсы участников кластеров, определяющий порядок действий, сроки и ресурсы, необходимые для формирования и развития конкретного кластера;

Инновационно-промышленный кластер – кластер, участники которого обеспечивают и осуществляют инновационную деятельность, направленную на разработку и производство инновационной и высокотехнологической (наукоемкой) продукции;

Организация кластерного развития – создаваемое или определяемое участниками кластера юридическое лицо, объединяющее участников кластера для достижения общих целей, обеспечивающее реализацию кластерного проекта и осуществляющее управление и эксплуатацию специализированной инфраструктуры кластерного развития;

Специализированная инфраструктура кластерного развития – совокупность объектов движимого и недвижимого имущества, обеспечивающая функционирование каждого кластера как единой хозяйственной системы;

Центр кластерного развития – не относящееся к участникам кластера юридическое лицо, в том числе имеющее обособленное подразделение, целью деятельности которого является содействие разработке и реализации кластерных инициатив и проектов.

Из названных понятий наиболее важным, но и спорным с точки зрения доктрины остается понятие кластера. Лингвистическая форма служит внешним проявлением формализации того или иного существенного явления или правового института и призвано наиболее точно закрепить его суть. *Поэтому закрепление данного термина в законодательстве позволяет создать стройную и упорядоченную юридическую терминологию и в конечном итоге обеспечить единообразную правоприменительную практику в сфере формирования кластеров и их развития.* Первоначально понятие «кластер» происходит из области экономических отношений и близко связано с областью конкурентной среды, в том числе конкурентоспособности. Данной тематике посвящены многие научные работы зарубежных исследователей. В частности, на примере известного кластера Sassuolo (Италия) рассматриваются конкурентные преимущества в определенной экономической отрасли и называются характерные для кластера признаки, среди которых географическая и промышленная концентрация, открытость кластера, высокая производительность и эффективное руководство [3].

Понятие кластера, которое закреплено в Концепции, указывает на следующее:

- *понятие «кластер»* – это общее понятие универсального характера, содержащее институциональные признаки кластера. Данный подход подразумевает возможность последующей легальной видовой классификации кластеров, одним из которых Концепция называет инновационно-промышленный кластер;

- *кластер* – это не юридическое лицо. Это *совокупность юридических лиц*, что предполагает множественность участников, наделенных статусом юридического лица. В юридической литературе высказывается мнение о том, что представления о кластере, как об объединении юридических лиц, ошибочно, поскольку в таком случае кластер должен иметь схожие правовые черты с ассоциацией или союзом. В федеральном законодательстве понятие «кластер» использовано только в Федеральном законе от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», где дано определение кластера как *“совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством Российской Федерации и управление которой осуществляется одной управляющей компанией”*. Исходя из этого можно определить, что территория, на которой предпринимательская деятельность ведется в особом порядке, а также участникам которой предоставляются преференции и льготы, и есть кластер [4];

- *указание на «территориальную локализованность»* исходит из наиболее популярных экономических взглядов, касающихся природы кластера в зарубежной литературе, и не имеет никакого юридического контекста;

- *участниками кластера могут быть не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели*. Индивидуальные предприниматели, как и юридические лица, сохраняют свою организационную, финансовую и экономическую самостоятельность и свой правовой статус. Вместе с тем в результате взаимодействия участников кластера может быть создано новое юридическое лицо, например, предприятие по выпуску промышленной продукции;

- *участие в кластере означает осуществление совместной деятельности*. Более того, необходимость обязательного участия в совместной деятельности каждого участника. Это может быть совершение юридически значимых действий, например, заключение сделок или фактических действий. На практике участвующие в кластере субъекты придерживаются своей специализации и осуществляют тот вид деятельности, указание на который содержится в их учредительных документах. Обращает на себя внимание достаточно частое использование в различного рода документах термина «взаимодействие», который, в отличие от хорошо знакомого Гражданскому кодексу термина «совместная деятельность», обеспечивает идентификацию именно кластера. Подобный подход известен как законодателю Республики Беларусь, так и Российской Федерации. Например, согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года реализация кластерной политики способствует росту конкурентоспособности бизнеса за счет эффективного взаимодействия участников кластера [5, с. 158];

- *взаимодействии участников кластера или их совместная деятельность осуществляется на договорной основе*. В данном случае речь может идти как о поименованных, так и о непоименованных гражданско-правовых договорах. Чаще всего это договоры подряда, купли-продажи, комиссии, перевозки, хранения, аренды, на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и др. Такие договоры могут заключаться как между самими участниками кластера, так и участниками кластера с третьими лицами.

Что касается способов формирования кластеров, то Концепция исходит из того, что действующее законодательство Республики Беларусь позволяет обеспечить формирование кластера в двух формах, а именно посредством заключения договора о совместной деятельности или посредством создания отдельного (самостоятельного) юридического лица, альтернативой которому может быть действующее юридическое лицо, но только наделенное соответствующими функциями и осуществляющего деятельность в форме хозяйственного общества. Здесь следует отметить, что действующее законодательство Республики Беларусь не исключает возможности использования и иных способов формирования кластеров. Во всяком случае, разрабатываются новые нормативные правовые акты, в которых среди прочего предусматривается закрепить дополнительные способы формирования кластеров. Кроме того, сама кластерная материя по сути своей достаточно отзывчива в отношении многих гражданско-правовых форм и в этом смысле универсальна.

Концепция называет следующие этапы формирования инновационно-промышленного кластера:

- принятие решения о формировании кластера и создание его организационной структуры, включая Совет кластера, создаваемый из числа руководителей участников кластера; организацию кластерного развития или возложение статуса организации кластерного развития на одного из участников кластера (юридическое лицо в форме хозяйственного общества);

- подготовка и направление в облисполком организацией кластерного развития кластерной инициативы и кластерного проекта;

- принятие облисполкомом решения об оказании государственной поддержки кластерных проектов, прошедших конкурсный отбор;

- регистрация кластерного проекта, прошедшего конкурсный отбор.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**:

- 1) с позиций доктрины гражданского права кластер может быть идентифицирован в качестве универсальной гражданско-правовой формы с возможностью правоприменения на основе правовой архитектуры «кассетного» типа: множественность правовых элементов в состоянии их динамики и заменимости;
- 2) концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров представляет собой важную основу для осуществления нормотворческой деятельности, обеспечивающей кластерное развитие. Вместе с тем по своему содержанию не может заменить специальных нормативных правовых актов, которые бы регулировали порядок создания и деятельности кластеров;
- 3) законодательство Республики Беларусь о кластерах должно основываться на представлениях о государственно-частном партнерстве и обеспечивать возможность содействия кластерному развитию не только со стороны органов государственного управления, но и иных субъектов, осуществляющих деятельность в сфере реализации частноправовых интересов. В этом значении правильно говорить не о государственной поддержке кластерного развития, а о поддержке кластерного развития;
- 4) обзор иностранного правового опыта и правоприменительной практики говорит о том, что сфера кластерного развития отличается как общими подходами в обеспечении создания и развития кластеров, так и особенностями, происходящими из области экономики, политики и права;
- 5) формирование системы законодательства о кластерах должно сопровождаться систематизацией действующего законодательства, прежде всего гражданского, а также законодательства о поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства;
- 6) среди иных нормативных правовых актов, направленных на регулирование отношений в сфере создания и деятельности кластеров, должны быть нормативные правовые акты, определяющие порядок проведения экспертизы кластерных проектов, порядок регистрации кластерных проектов, порядок ведения реестра кластеров и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоненко, В.А. Интегрирование новых институтов в гражданском праве (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) / В.А. Богоненко // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 96–99.
2. Куценко, Е. Кластеры в экономике. Основы кластерной политики государства / Е. Куценко // Обозреватель – Observer. – 2009. – № 11. – С. 112–120.
3. Porter, Michael E. The Competitive Advantage of Nations / Michael E. Porter. – Harvard Business Review. – March–April, 1990. – P. 73–91.
4. Казак, А.К. Понятие «кластер» в законодательстве Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.К. Казак // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2017. – № 4. – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/04/14616>. – Дата доступа: 08.06.2018.
5. Халимендик, В.Б. Формирование нормативно-правовой базы по реализации кластерной политики в Хабаровском крае / В.Б. Халимендик // Экономика и управление. – 2012. – № 9 (94). – С. 158–160.

Поступила 09.10.2018

LEGAL REGULATION OF CREATION AND ACTIVITY OF CLUSTERS ON THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS (PRELIMINARY PROVISIONS)

V. BOGONENKO

The article examines the legal aspects of the creation and operation of clusters in the Republic of Belarus. We consider foreign legal experience, including the experience of the Russian Federation. The main provisions of the Concept for the formation and development of innovative industrial clusters are analyzed. The general legal characteristic of the cluster is realized and its place in civil law is determined. It is pointed out that it is necessary to develop the theoretical and legal foundations for the institution of cluster development. The basic concepts concerning the order of formation and development of clusters are considered. Particular attention is paid to the concept of “cluster”. In clause methods of formation of clusters, and also stages of creation of clusters are considered. Conclusions are drawn about the research topic. In addition, the article contains specific proposals on the formation of legislation on clusters.

Keywords: legislation, contract, cluster, cluster project, cluster initiative, concept, civil law, cluster formation, cluster development.

УДК 347.77

ПОНЯТИЕ «ДОМЕННОЕ ИМЯ»

Т.В. СЕМЁНОВА

(Полоцкий государственный университет)

Доменное имя рассматривается как объект гражданского права, так как обладает следующими признаками: дискретность, наличие юридической привязки, системность. Предложено определение доменного имени как средства индивидуализации, выражаемого в форме уникального символического обозначения, служащего для идентификации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, обладающего имущественной ценностью и способностью участвовать в хозяйственном обороте, зарегистрированного в установленном законодательством порядке. Сделан вывод о том, что данное определение позволит заполнить пробел, существующий в гражданском праве, а введение предложенной дефиниции на законодательном уровне будет способствовать единообразному пониманию и толкованию понятия объекта «доменное имя» в гражданско-правовых отношениях.

Ключевые слова: доменное имя, услуга, имущество, средство индивидуализации, юридическая привязка, информационный ресурс, право интеллектуальной собственности, гражданский оборот.

Введение. Современный уровень научной разработанности по вопросу гражданско-правового регулирования отношений, связанных с использованием доменных имен, оценить однозначно сложно в связи с тем, что системный анализ различных аспектов функционирования Интернета начался в зарубежной доктрине с начала 90-х годов XX века, а отечественные правоведы обратились к исследованию этой проблематики еще позднее. В российской юридической науке доминируют исследования правового регулирования информационных отношений, соотношения объектов в сфере Интернета с другими объектами (объектами интеллектуальной собственности и другими объектами).

В Республике Беларусь проблемы правового регулирования отношений в сфере доменных имен и их места в системе объектов гражданских прав стали обсуждаться только в течение последних десяти лет. Это было обусловлено возникновением первых судебных споров, связанных с использованием доменных имен, а также защитой прав на них [1].

В силу существования множества точек зрения на правовую природу и сущность права на доменное имя до настоящего времени не сформировался единый подход к тому, что представляет собой право на доменное имя, какова природа и сущность прав на доменные имена.

Основная часть. В юридической литературе сложилось несколько противоречивых точек зрения относительно правовой природы доменных имен: доменное имя не является самостоятельным средством индивидуализации, объектом интеллектуальной собственности и приравнивается к телефонному номеру или почтовому адресу; доменное имя может быть вообще никак не связано со средством индивидуализации какого-либо конкретного лица или его продукции, но может являться самостоятельным средством индивидуализации информационного ресурса; доменные имена являются новым средством индивидуализации с особым правовым режимом.

Можно выделить два понятия: «домен» (domain) как некая область адресного пространства и «доменное имя» (domainname) как словесная форма конкретного адреса [2, с. 16–17].

По мнению В.А. Колосова, можно выделить две основные точки зрения на юридическую природу прав на доменное имя. Можно отнести доменное имя к имуществу, а можно воспринимать доменное имя лишь как услугу регистратора по заключенному договору, поскольку права на доменное имя возникают на основании договора, и из него они носят относительный характер и могут реализовываться только на основании договора с соответствующим регистратором и в рамках условий такого договора [3].

Представляет особый интерес подход Т.З. Шалаевой, которая рассматривает доменное имя как объект правоотношений и предлагает его исследовать с позиций объекта исключительного права, средство индивидуализации информационных сетевых ресурсов. Доменное имя в данном случае приравнено к результатам интеллектуальной деятельности либо средствам индивидуализации, приравненным к ним [4, с. 44].

Принимая во внимание, что в настоящее время доменные имена участвуют в белорусском гражданском обороте и на указанные объекты передаются некие объемы прав, представляется целесообразным в научном исследовании определить правовую природу доменного имени, выявить возможный объем приобретаемых и передаваемых прав на доменные имена, и на основании полученных результатов предложить правовое определение доменному имени.

Среди отечественных и зарубежных юристов существует несколько точек зрения относительно правовой природы доменного имени. Как считает С.В. Петровский [5], доменное имя по определению не может являться средством индивидуализации лица, услуги или продукции, выступая в качестве средства индивидуализации информационного ресурса.

По утверждению А.Г. Серго, доменные имена являются абсолютно новым с правовой точки зрения средством индивидуализации, которое нуждается в особом правовом режиме. Эту точку зрения поддерживают Б.В. Андреев [6], В.О. Калятин [2; 7–10], Р.С. Нагорный [11], В.Б. Наумов [12] и другие.

В частности, В.О. Калятин разделяет понятия «домен» (понимая под ним область адресного пространства) и «доменное имя» (представляемое в качестве словесной формы конкретного адреса) [8, с. 16–17]. По его мнению, «доменное имя – это зарегистрированное в установленном порядке словесно-цифровое обозначение, заменяющее при взаимодействии человека с компьютером цифровой IP-адрес компьютера, подключенного к сети» [9, с. 33], в то время как «домен – это область пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается набором серверов доменных имен и централизовано администрируется» [9, с. 33].

Однако указанные определения касаются технической стороны функционирования доменных имен и не отражают в полном объеме такой особенности доменных имен, как выполнение функции по индивидуализации информационного ресурса.

В отношении понятия доменного имени В.Б. Наумов определяет понятие «домен» как «обозначение в доменном имени, конкретизирующее путь к информационному ресурсу в телекоммуникационной сети», и отмечает следующее: «...для анализа общественных отношений, связанных с доменными именами, важно повторить, что существующая система доменных имен имеет ряд существенных особенностей:

- она едина для всей сети Интернет и иерархична;
- она факультативна и предоставляет возможность лицам самостоятельно выбирать и регистрировать незанятые названия;
- для зарегистрированных доменных имен обеспечивается их уникальность на всем адресном пространстве сети Интернет;
- экономически система строится на возмездной основе» [13, с. 46].

По мнению А.В. Попцова, «Доменное имя – это средство индивидуализации, представленное в виде уникального символического обозначения, служащее для адресации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, обладающее коммерческой ценностью и способностью приносить прибыль» [14, с. 234]. Однако, с нашей точки зрения, способность любого доменного имени обладать коммерческой ценностью и способностью приносить прибыль весьма сомнительна.

Представляется, что указанные выше определения не в полной мере раскрывают специфику доменного имени как объекта гражданских прав, поскольку сконцентрированы главным образом на цели использования доменного имени, оставляя вне рамок исследования следующие вопросы: отнесение доменного имени к одной из групп объектов гражданских прав, основания возникновения прав на доменное имя, характер правомочий администратора доменного имени.

Достаточно четкое определение предлагает Е.И. Гладкая, рассматривая доменное имя как объект гражданского права, не признанный законодательством, технически являющийся средством адресации в сети Интернет, объектом гражданского оборота, результатом интеллектуальной деятельности, в предпринимательской сфере могущий выполнять функции, аналогичные функциям средства индивидуализации, которое при легальном совпадении со средством индивидуализации пользуется защитой по соответствующему законодательству о таковом [15]. Однако нельзя согласиться с отнесением доменного имени в полной мере к категории неохраняемых результатов интеллектуальной собственности. Стоит отметить, что данная характеристика доменного имени с правовой точки зрения не дает практического результата, потому что Е.И. Гладкая не указывает на правовой режим в отношении доменного имени.

В соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага.

Исследователь С.П. Гришаев указывает, что под вещами понимаются созданные как человеком, так и природой объекты материального мира, в том числе и денежные средства, удовлетворяющие определенные человеческие потребности. Под имущественными правами понимаются права требования «вытекающие из членства в хозяйственных обществах и товариществах, производственных кооперативах, биржевых сделок, ценных бумаг и т.д.» [16].

При этом С.П. Гришаев отмечает, что «под информацией как объектом гражданско-правового регулирования следует понимать любые знания, сведения или данные о чем-либо или о ком-либо, которые объективно существуют, хранятся и передаются» [16].

Очевидно, что доменное имя не может быть признано объектом материального мира. Небезынтересным является подход Р. Мерзликиной и И. Долиной к определению доменного имени: «...доменное имя – это неимущественное благо, на которое приобретает личное неимущественное право в силу закона» [17].

В настоящий момент сформировались следующие теории относительно правовой природы доменных имен: 1) доменное имя как услуга; 2) доменное имя как имущество; 3) доменное имя как средство индивидуализации.

Первые две теории получили своё развитие в зарубежной правовой доктрине. Среди цивилистов Российской Федерации популярна третья теория. При этом исследование показало, что доменное имя как объект гражданских прав не является услугой регистратора, а также, что право администрирования доменного имени верхнего уровня не может рассматриваться как имущественное право, а представляет собой полномочие, предоставленное в рамках соглашения.

Таким образом, сомнений в том, что доменное имя является средством индивидуализации, сегодня уже нет, хотя бы по той причине, что доменное имя индивидуализирует соответствующий сайт, не говоря о других объектах. Его коммерческая ценность, масштабы использования и практика злоупотребления правом со стороны правообладателей других средств индивидуализации только подтверждают это.

Определить правовую сущность исследуемого понятия можно при помощи выявления его основных функций. Правовед В.А. Звягин, в частности, определил следующие функции доменных имен: адресная, идентификационная, информационная, функция географической привязки. Адресная функция, по его мнению, является первоочередной, по той причине, что доменное имя и было создано для направления пользователя к информационному интернет-ресурсу. В последующем, когда пользователь уже был адресован на нужный ему ресурс, наступают фазы идентификации и индивидуализации. Доменное имя выступает как средство индивидуализации сетевого ресурса. Функция географической привязки имеет место не всегда – согласно законодательству некоторых стран не обязательно являться резидентом страны, чтобы зарегистрировать доменное имя в данной национальной зоне [18, с. 9–10].

В странах Европы определяющее значение в спорах по доменным именам играет Европейский суд по правам человека. Подход Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по природе прав на доменное имя отражено в следующей ситуации. При рассмотрении дела «PAEFFGEN GMBH против Германии» в 2007 году Европейский суд по правам человека четко изложил свой подход к вопросам о правах на доменное имя. По мнению ЕСПЧ, любое лицо обладает исключительным правом на пользование и распоряжение своим имуществом, в том числе объектами интеллектуальной собственности и лицензиями. Так как доменное имя само по себе обладает экономической ценностью, к вопросу о соотношении права на доменное имя и права на товарный знак следует подходить индивидуально в каждом конкретном случае. Следует с особым вниманием разрешать споры по доменным именам таким образом, чтобы не нарушить права на близкие им или одноименные средства индивидуализации. В своем решении по упомянутому делу Европейский суд указал на то, что владелец доменного имени может определять способы его использования, что сближает его с объектом собственности и позволяет при защите прав на доменное имя обращаться к статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3].

Теория собственности, описанная в статье 1 Протокола № 1, «имеет самостоятельное значение, которое не ограничивается владением только материальными вещами и которое не зависит от формальной классификации в национальном праве. Другие конкретные права и интересы, образующие имущество, также могут рассматриваться как «права собственности», а соответственно и как «объекты собственности» в целях данной статьи» (цит. : из решения ЕСПЧ [3]). Для определения, является ли какой-то объект объектом прав собственности, необходимо установить, затрагиваются ли при его использовании финансовые интересы и имеется ли экономическая ценность у такого объекта.

Таким образом, Европейский суд, признал, что интеллектуальная собственность или лицензии на использование имущества определенным способом являются объектами собственности: доменное имя рассматривается как имущество [19].

Если проанализировать систему правового регулирования сферы доменных имен в странах с романо-германской системой права, то отдельно можно выделить Германию. В этой стране доменное имя признано не только средством индивидуализации, но и аналогом имени. Поэтому если доменное имя схоже или полностью копирует имя лица, то это лицо может апеллировать к статье 12 Германского гражданского уложения, охраняющей неприкосновенность имени физического или юридического лица. Причем право на имя является одним из приоритетных и часто акцентируемых норм в Германии. При этом гибкость немецкого законодательства можно проследить на том факте, что в делах, где задействованы коммерческие компании, часто фигурирует и применяется нормативная база по товарным знакам и недобросовестной конкуренции. В целях борьбы и профилактики киберсквоттинга немецкие законодатели предусмотрели также и то, что неиспользуемые доменные имена зачастую представляют собой объекты судебных разбирательств, связанных с киберсквоттингом и шантажом владельцев одноименных товарных знаков и фирменных наименований [20, с. 85].

Права на доменные имена могут возникнуть в силу заключения соответствующего договора с аккредитованным регистратором доменных имен или заключения договора на приобретение прав на доменное имя у лица, которое таким правом уже владеет. Право владения в данном случае подтверждается регистрацией прав на данный объект.

Из изложенного следует, что доменные имена, в отличие от нематериальных благ, можно отчуждать, то есть они способны быть объектами гражданского оборота и способны участвовать в нем. Однако здесь могут возникнуть противоречия: применительно к статье 151 «Нематериальные блага» профессор К.Б. Ярошенко отмечает, что нематериальные блага «лишены материального (имущественного) содержания, их нельзя оценить в денежном выражении и, во-вторых, они неразрывно связаны с личностью их носителя, что означает невозможность их отчуждения или иной передачи другим лицам ни по каким основаниям» [21]. Природа доменных имен такова, что им не только возможно дать надлежащую денежную оценку, в отличие от нематериальных благ, но и в Республике Беларусь, и за рубежом в настоящее время существуют организации, количество которых постоянно увеличивается, осуществляющие оценку и перепродажу доменных имен; функционируют специализированные аукционы по продаже доменных имен, а оборот доменных имен превышает десятки миллионов долларов США. Кроме того, доменные имена не имеют жесткой привязки к личности их владельцев. Владельцами доменных имен могут быть как физические и юридические лица (любых организационно-правовых форм), так и органы государственной власти и местного самоуправления.

Такие черты, как нематериальность и коммерческая ценность, также присущи и объектам интеллектуальной собственности.

Анализируя вышесказанное, можно выделить ряд специфических отличительных черт доменного имени как объекта гражданского права. Среди них:

- 1) *основная функция* доменного имени – индивидуализация информационного ресурса в сети Интернет;
- 2) *уникальность* доменного имени, обусловленная технической невозможностью существования двух абсолютно идентичных имен;
- 3) *символьный характер обозначения* и, как следствие, возможность совпадения со словами на некоторых языках, именами и т.п.;
- 4) *заявительный характер регистрации* доменного имени и ее возмездность.

Учитывая изложенное, видится уместным предложить следующее определение доменного имени:

«Доменное имя – это средство индивидуализации, выражаемое в форме уникального символического обозначения, служащее для идентификации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, обладающее коммерческой ценностью и способностью участвовать в хозяйственном обороте, зарегистрированное в установленном законом порядке».

Проведенный в рамках данной работы правовой анализ доменного имени выявил следующее:

- доменные имена не только выполняют функцию адресации пользователей в сети Интернет, но и индивидуализируют информационный ресурс в сети Интернет;
- обладают коммерческой ценностью и участвуют в гражданском обороте, то есть являются по своей правовой природе средством индивидуализации.

Заключение. Доменные имена являются неотъемлемой частью общего механизма функционирования сети Интернет, осуществляя не только обеспечение адресации запросов в этой информационно-коммуникационной сети, но и позволяя индивидуализировать информационные ресурсы.

Доменное имя является объектом гражданского права, поскольку обладает такими признаками, как дискретность, наличие юридической привязки, системность. Существуют три основные теории, объясняющие природу доменного имени: 1) доменное имя как услуга; 2) доменное имя как бестелесное имущество; 3) доменное имя как средства индивидуализации. Доменное имя как объект гражданского права имеет несколько специфических черт: индивидуализация информационного ресурса в сети Интернет; уникальность доменного имени; символический характер обозначения, а следовательно и возможность совпадения со словами на некоторых языках, именами; заявительный характер регистрации доменного имени и ее возмездность.

Предлагается отнести доменные имена к объектам интеллектуальной собственности, также предлагается определение доменного имени, зарегистрированного в установленном законом порядке как средства индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, выражаемого в форме символического обозначения, обладающего коммерческой ценностью и способностью участвовать в хозяйственном обороте.

Таким образом, целесообразно принятие нового законодательного акта, регламентирующего правоотношения, связанные с доменами и доменными именами, включающего определение понятия «доменное имя» и оговаривающего особый режим доменного имени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебная практика по гражданским делам: вопросы материального и процессуального права : сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, обзоров судебной практики, постановлений, решений и определений судебных инстанций за 2000–2010 гг. ; сост. Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. – 975 с.

2. Калятин, В.О. Доменные имена / В.О. Калятин. – М. : ИНИЦ «Патент», 2006. – 188 с.
3. Колосов, В.А. Природа прав на доменное имя [Электронный ресурс] / В.А. Колосов // Юридическая фирма «Вадим.Колосов». – Режим доступа: <http://www.kolosov.info/kommentarii>. – Дата доступа: 12.01.2014.
4. Шалаева, Т.З. Доменное имя как объект исключительных прав / Т.З. Шалаева // Проблемы правовой информатизации, 2006. – № 2. – С. 42–45.
5. Правовые аспекты использования Интернет-технологий / Д.В. Головеров [и др.] ; под общ. ред. Д.В. Головерова. – Минск : Книжный мир, 2002. – 410 с.
6. Андреев, Б.В. Право и Интернет : учеб. пособие / Б.В. Андреев, Е.А. Вагонова. – М. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2001. – 26 с.
7. Калятин, В.О. Будущее системы доменных имен / В.О. Калятин // Юридический мир. – 2003. – № 2. – С. 9–16.
8. Калятин, В.О. Право использования произведения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Малахов. – М., 199. – 188 л.
9. Калятин, В.О. Право в сфере Интернет / В.О. Калятин. – М. : Норма, 2004. – 480 с.
10. Калятин, В.О. Проблемы закрепления права на доменное имя в гражданском кодексе Росс. Федерации / В.О. Калятин // Цивилист. – 2006. – № 2. – С. 3–7.
11. Нагорный, Р.С. Доменное имя как объект гражданского права / Р.С. Нагорный // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 122–132.
12. Наумов, В.Б. Право и Интернет : Очерки теории и практики / В.Б. Наумов. – М. : Книж. дом «Университет», 2002. – 432 с.
13. Серго, А.Г. Доменное имя с точки зрения права / А.Г. Серго // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2004. – № 12. – С. 46–48.
14. Попцов, А.В. История появления и сущность доменного имени / А.В. Попцов // Современные гуманитарные исследования. – 2009. – № 5. – С. 234–238.
15. Гладкая, Е.И. Правовая квалификация доменного имени / Е.И. Гладкая // Цивилист. – 2009. – № 4. – С. 48–53.
16. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского. – М. : Юристь, 2006. – 939 с.
17. Мерзликина, Р. Проблемы правового регулирования отношений в сфере доменных имен / Р. Мерзликина, И. Долина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2007. – № 4. – С. 28–36.
18. Звягин, В.А. Проблемы правового регулирования использования исключительных прав на фирменные наименования и прав на доменные имена : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.А. Звягин. – М., 2011. – 227 л.
19. Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека: Отдел по проведению исследований. Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_internet_RUS.pdf. – Дата доступа: 08.01.2015.
20. Садыгов, З. Практика разрешения споров, связанных с доменными именами: Германия / З. Садыгов // Современное право. – 2006. – № 1. – С. 84–86.
21. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. О.Н. Садикова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 940 с.

Поступила 09.10.2018

THE CONCEPT OF “DOMAIN NAME”

T. SIAMIONAVA

This article proposes the definition of a domain name as a means of individualization, expressed in the form of a unique symbol, which serves to identify and individualize the information resource on the Internet, which has property value and the ability to participate in economic turnover, registered in the manner prescribed by law. This definition will fill the gap existing in civil law, and the introduction of the proposed definition at the legislative level will contribute to a uniform understanding and interpretation of the concept of the object “domain name” in civil law relations.

Keywords: domain name, service, property, means of individualization, legal binding, information resource, intellectual property law, civil turnover.

УДК 342.72

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА КАК НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ

К.В. ДЕВЯТОВСКАЯ

(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются соматические права как новая категория прав человека. Выделены авторские подходы к классификации личных прав человека, а также отмечен ряд особенностей реализации соматических прав человека в Республике Беларусь. Отдельное внимание уделено использованию вспомогательной репродукции, а также ее основным способам и целям. Детальное внимание уделено основаниям и процедуре изменения половой принадлежности в Республике Беларусь, а также проанализирован зарубежный опыт в данной области. В рамках вышесказанного вопроса выделены сферы отсутствия правового регулирования последствий изменения половой принадлежности, предложены авторские пути их регламентации.

Ключевые слова: соматические права, вспомогательная репродукция, транссексуализм, смена пола.

Введение. Двадцатое столетие не только ознаменовано высочайшими достижениями в науке, но и фундаментальным переосмыслением того, что представляет из себя тело человека, каков его статус и каковы пределы физической свободы каждого. По сути, мир переходит в реалии новой социально-правовой парадигмы. Правопритязания человека на свободное распоряжение своим телом возникли не только в последние два столетия: специфические вопросы относительно права человека гомосексуальные контакты, проституцию, стерилизацию интересовали правовую науку давно, однако в силу своей специфики всегда находились вне закона, вне социума и его морально-этических устоев. Актуальность проблемы соматических прав человека и гражданина обусловлена тем, что отсутствие их законодательного закрепления ведет к нарушению иных прав, прямо предусмотренных Конституцией Республики Беларусь.

Проблематика соматических прав так или иначе рассматривалась в работах Д.Г. Василевича «Понятие и виды соматических (личностных) прав» [1]; В.И. Круссом, который отразил вышеуказанную тему в работе «Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении» [2]; М.А. Лавриком, чье исследование посвящено теории соматических прав человека [3]; А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев, А.И. Йорыш, С.И. Глушкова, обозначившие в международном праве данную категорию как «права человека в сфере биоэтики» [4], и ряд других авторов, рассмотревших категорию прав в историко-правовом аспекте конституционного права – Н.К. Рудый, С.И. Михайличенко, М.З. Аушев [4].

Основная часть. Впервые понятие соматических прав в юридический оборот ввел В.И. Крусс в начале XXI века «Среди правопритязаний личности, представляющей человечество на рубеже третьего тысячелетия от Рождества Христова, можно выделить особую группу таких, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в “праве” человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его “модернизацию”, “реставрацию” и даже “фундаментальную реконструкцию”, изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатные либо медикаментозными средствами. Сюда можно отнести права на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков и психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, право на клонирование, а затем и виртуальное моделирование, в смысле полноправного утверждения (дублирования) себя в нематериальной форме объективного существования. Права эти, имеющие сугубо личностный характер, предлагается определить как “соматические права”» [2, с. 43]. Анализируя доктринальные взгляды, можно прийти к выводу о том, что в узко-юридическом смысле под соматическими правами следует понимать признанную обществом и государством возможность определенного поведения, выражающегося в полномочиях по распоряжению человека своим телом. Необходимо отметить что сегодня в Республике Беларусь не сложился оптимальный механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина. Более того, некоторые соматические права вообще не получили своего законодательного закрепления. Однако в доктрине отмечается ряд особенностей реализации соматических прав в Республике Беларусь:

- в связи с тем, что нет юридического закрепления многих соматических прав, они существуют в силу «умолчания» государств, нет механизма их реализации, защиты;
- отсутствует и единая система гарантий: юридических (соответствующих правовых средств), политических (определенным образом ориентированной политики государства), социально-экономических (соответствующей среде и материальной основы, уровня общественного сознания);
- несмотря на отсутствие позитивного закрепления многих соматических прав, механизма их реализации и соответствующих гарантий, они существуют в обществе. Таким образом, действует «живое право».

На теоретическом уровне соматические права достаточно ясно представлены, имеются различные классификации и подходы к их определению, однако на практико-прикладном уровне большинство из них так и не нашли своего отражения.

Отличительную от В.И. Крусса позицию занимает М.А. Лаврик [3, с. 22]. Автор, критикуя некоторые положения теории В.И. Крусса, который рассматривал соматические права сквозь призму философии права и конституционного права, дополняет эту теорию. В частности, М.А. Лаврик предлагает отказаться от термина «личностные права» в силу того, что понятия «личностные права» и «личные права» достаточно похожи и определенной невозможности однозначного определения на настоящий момент того, является ли тело человека сугубо личностной характеристикой человека [5]. Необходимо отметить, что именно М.А. Лаврик наиболее полно раскрыл сущность соматических прав и классифицировал их следующим образом:

а) право на смерть (как наиболее радикальная категория соматических прав человека, правомочие, после реализации которого обращение к другим, в целом, не имеет смысла. Доктринальное определение звучит следующим образом «право на смерть – это возможность (свобода) человека сознательно и добровольно в выбранный им момент времени уйти из жизни избранным и доступным ему способом») [6];

б) права человека относительно его органов и тканей (в контексте концепции соматических прав человека особо важны фигуры реципиента, живого донора и донора-трупа в трансплантологическом процессе. Предметом широких дискуссий является вопрос о праве человека на свое тело после смерти и как часть этой проблемы – вопрос о праве на изъятый орган) [7];

в) сексуальные права человека (возможность искать, получать и передавать информацию, касающуюся сексуальности, сексуальное образование, выбор партнера, возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет, самостоятельно решать вопрос о добровольных сексуальных контактах, вступлении в брак; вопрос о легализации проституции; оборот порнографической продукции и правовое регулирование положения сексуальных меньшинств);

г) репродуктивные права (можно выделить две основные группы:

- репродуктивные права позитивного характера (искусственное оплодотворение);

- репродуктивные права негативного характера (аборт, стерилизация, контрацепция);

д) право на смену пола [3, с. 22].

Подобную классификацию Е.М. Нестерова дополняет правом на генетические модификации (изменение геномного кода), а также право на изменение внешности (пластическая хирургия, а также иные способы реставрации тела) [8].

Таким образом, изначально в юридической науке установилась конституционно-правовая концепция определения правовой природы соматических прав. В дальнейшем многие ученые также поддерживали данный подход, отдельные авторы предлагали пополнить классификацию. Однако основной уклон в данных исследованиях делался на необходимость признания этой группы прав и проблем реализации отдельных прав по распоряжению своим телом.

На современном этапе развития медицинских технологий имеет место применение вспомогательных репродуктивных технологий. Вспомогательная репродукция – совокупность методов, составляющих технологию искусственного зачатия, вынашивания и рождения ребенка. Самое широкое применение имеют ИКСИ и ЭКО. При осуществлении ИКСИ оплодотворение производится в матке женщины с использованием собственной яйцеклетки, ЭКО представляет собой «оплодотворение в пробирке» (в медицинской номенклатуре это обозначается аббревиатурой IVF – In Vitro Fertilization) извлеченных из тела человека гамет. Вспомогательные репродуктивные технологии стали широко применяться в современной медицине с конца 70-х годов XX века, с момента рождения первого ребенка «из пробирки» Луизы Браун [9].

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» ВРТ представляет собой метод оказания медицинской помощи, при котором отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в матку осуществляются в лабораторных условиях [10].

Однако на законодательном уровне при использовании подобных технологий имеется ряд противоречий. В связи с этим обратим внимание на противоречия порядка установления происхождения детей, родившихся в результате применения ВРТ. Так, в случае донорства половых клеток материнство и (или) отцовство родившегося ребенка признается за реципиентом половых клеток. Однако лица, явившиеся донорами половых клеток, которые использовались при применении ВРТ, не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, родившегося в результате применения ВРТ [11].

Изначально методы ВРТ имели цель исключительно медицинскую – борьбу с тяжелым недугом, не поддающимся лечению и исправлению никакими иными способами, – с бесплодием, однако с трансформацией общества применение таких технологий значительно расширилось. Своего контрапункта трансформация традиционного понимания семьи достигает в рождении ребенка для однополых пар. В отказе от понимания семьи как союза женщины и мужчины, процесса репродукции как соединения мужского и женского начал и одновременно в попытке создавать семейные структуры, аналогичные тра-

диционным, видится разрушение основополагающей роли полового диморфизма в процессе репродукции человеческого рода.

Проблематика регламентации права на изменение половой принадлежности охватывает не только юридические, но и религиозные, морально-этические, социально-экономические аспекты. Из соматических прав выделилось в самостоятельную категорию право на изменение (коррекцию) половой принадлежности. Это право стало предметом изучения не случайно, что обусловлено рядом факторов:

- незначительной исследовательской заинтересованностью;
- обновлением национального законодательства;
- широкой практикой Европейского суда по правам человека в этом контексте;
- разнообразием проблем в сфере трансгендерности.

По мнению О. Старовойтовой, право на тело и его юридическая регламентация охватывают комплекс соматических прав, основанных на мировоззренческой убежденности в «праве» человека распоряжаться своим телом и его органами, то есть создавать и ликвидировать их, «реставрировать» или «модернизировать» [12, с. 8]. Как отмечает В. Крусс, это права, позволяющие осуществлять «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными или медикаментозными средствами [2, с. 43]. Исследование семантического значения слова «реконструкция» побудило к использованию принципа аналогии права и поиска законодательной дефиниции этого понятия в других областях, где оно понимается как переоборудование существующих производственных мощностей, изменение конструкции, изменение основных технических характеристик. Соотношение этих определений на рассматриваемую сферу дает основания утверждать, что право на изменение (коррекцию) половой принадлежности относится к числу соматических прав, так как обеспечивает возможность осуществлять фундаментальную реконструкцию человека путем изменения пола.

В сфере трансгендерности возможна трансформация женщины в мужчину и, наоборот, мужчины в женщину. Во всем мире, в том числе и в Республике Беларусь, набирает популярность операция по изменению половой принадлежности. Данная операция достаточно активно проводится в таких странах, как США, Иран, Таиланд и Россия.

Интерес гендерных исследований и актуальность изменения половой принадлежности, отмечает С.В. Латина, связаны с современными социально-культурными изменениями, обусловившими появление женщин во многих сферах и актуализировавшими интерес к полу [13].

Проблема отрицания пола (несоответствие между анатомическим полом индивида и его гендерной идентичностью (психическим полом), то есть трансгендеризм, является одним из видов психических и поведенческих расстройств личности. По мнению большинства западных специалистов, единственным действенным на сегодняшний день методом лечения трансгендерности, дающим более или менее удовлетворительные результаты, является хирургическая и гормональная коррекция пола в соответствии с гендерной самоидентификацией, включая смену документов и социализацию в новой гендерной роли. В Республике Беларусь за последние 20 лет проведено около 70 подобных операций, однако за рубежом такие операции производятся гораздо чаще [14].

Согласно Закону Республики Беларусь от 18 июня 1993 года «О здравоохранении»: «изменение и коррекция половой принадлежности проводятся по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения в порядке, определяемом Министерством здравоохранения Республики Беларусь» [15].

Постановка диагноза «трансгендеризм» имеет свои сложности. Согласно пункту 2 Инструкции о порядке изменения и коррекции половой принадлежности по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 декабря 2010 г. № 163 «лицо, желающее сменить пол, проходит комплексное медико-психологическое исследование, необходимое для исключения других сексуальных, психических и соматических расстройств» [16]. Обследование лиц, желающих сменить пол, проводится в течение года в три этапа в закрепленных организациях здравоохранения. Окончательное решение в постановке диагноза «трансгендеризм» и о необходимости смены пола принимает Межведомственная комиссия по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь. В ее состав входят 15 специалистов следующих министерств: здравоохранения, обороны, внутренних дел, юстиции, образования. Комиссия направляет пациента на психолого-психиатрическое и сексологическое обследование. Документом, утвержденным законодательством, является решение Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола. С ним лицо обращается в загс, где пациенту заменяют свидетельство о рождении и паспорт. Затем происходит замена диплома, прав на управление механическим транспортным средством. К документам, подлежащим смене, также относятся: документ об образовании, свидетельство о направлении на работу, справка о самостоятельном трудоустройстве, билет учащегося, студенческого билета, удостоверение аспиранта (адъюнкта, докторанта, соискателя), билет слушателя, книжка успеваемости учащегося, зачетная книжка, удостоверение на право обслужи-

вания потенциально опасных объектов [17]. Как отмечает О.А. Бухановская, дисгармония личности при транссексуализме закономерно порождает многочисленные специфические транссексуальные конфликты. Они всегда комплексны и проявляются своеобразным индивидуальным сочетанием внутренних и внешних конфликтов [18].

Особенностью транссексуализма является высокая отягощенность суицидальным поведением. Различные его проявления отмечены у 86,4% больных [18]. Однако в других странах такая процедура осуществляется без особых процессуальных сложностей. После замены паспорта или другого документа, удостоверяющего личность, в течение полугода лицо наблюдается, насколько полноценно оно адаптируется в новой половой принадлежности. При необходимости ему оказывается психокоррекционная, психотерапевтическая помощь для оптимальной социальной и психологической адаптации в измененной (по паспорту) половой принадлежности. Только около 5% транссексуалов, получивших новое имя, отказываются от операции, так как им достаточно того, что их признали в новой гендерной роли. На наш взгляд, наиболее разумно первоначально производить необходимые процедуры по изменению пола, и лишь затем смену документов, поскольку в таком варианте им предоставляется возможность стать физиологически идентичными с лицами такого же пола по рождению, и этот факт подлежал бы документальной фиксации.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о правопреемстве в случае смены пола, то есть переходом прав и обязанностей от лица до смены пола к лицу после такой смены. Представляется, что при таком подходе необходимо закрепление универсального правопреемства при смене пола лица, что предполагает переход всего имущества, совокупности прав и обязанностей, принадлежащих лицу, к правопреемнику как единое целое, причем в этой совокупности единым актом переходят не только все существующие права и обязанности, принадлежавшие на момент правопреемства, но также и будущие либо не выявленные на момент правопреемства. При этом следует отметить, что правопреемство должно происходить с учетом возможности принять такие права и обязанности, способности нести их лицом, сменившим пол (например, воинская обязанность, право на социальную пенсию по возрасту и другое), поскольку данные положения образуют в законодательстве правовой вакуум. Новый правовой статус лица, изменившего пол, устанавливается в полном объеме в момент окончательной смены документов, удостоверяющих личность, что, в свою очередь, и должно являться основанием для правопреемства при смене пола.

Правопреемство при смене пола должно быть основано на законе, однако Гражданский кодекс Республики Беларусь к случаям правопреемства относит наследование, реорганизацию юридического лица и отдельные случаи в обязательственном праве, дарение, постоянная рента [19].

Очевидно, что отсутствие специального правового регулирования на практике при разрешении конкретных споров порождает ряд проблем. Таким образом, традиционный набор случаев универсального правопреемства, предусмотренных статьей 129 Гражданского кодекса Республики Беларусь, необходимо дополнить правопреемством при изменении половой принадлежности.

Изменение половой принадлежности в зарубежных странах имеет ряд отличий. В Республике Беларусь такая операция производится бесплатно, поскольку основанием для ее проведения является транссексуализм (как было уже сказано это отрицание пола (несоответствие между анатомическим полом индивида и его гендерной идентичностью (психическим полом)) [20], однако в зарубежных странах такая операция оплачивается за счет средств самого лица, желающего сменить пол. Так, в Иране подобная операция стоит около 5 тысяч долларов, государство может оплатить до 50% стоимости, в Таиланде 7–10 тысяч долларов, в России около 15 тысяч долларов, в США 30–40 тысяч долларов [21].

Первая операция по изменению пола была проведена в 1930–1931 годах (в несколько этапов) в Германии. В результате нее художник Эйнар Вегенер стал женщиной Лили Эльбе. Лили умерла от послеоперационных осложнений в 1931 году. Во времена сексуальной революции во Франции появились первые специализированные клиники. В 1978 году в США была создана международная профессиональная ассоциация врачей, специализирующихся на коррекции пола. В СССР первая операция такого рода была совершена в 1970 году в Латвии, в Беларуси – в 1992 году [21].

В настоящее время операция по смене пола проводятся во многих странах. В Великобритании в 2000–2010 годах 853 мужчины были превращены в женщин и только 12 женщин стали мужчинами. За 2010 год в этой стране проведено 143 операции по смене пола, за десять лет этот показатель увеличился почти в три раза. Средний возраст британца, решившегося на хирургическую смену пола, 42 года [21]. Лидерами по количеству такого рода операций являются Таиланд и Иран.

В некоторых зарубежных странах вопрос о смене пола так и не урегулирован на уровне законодательства, поэтому граждане, желающие изменить свою половую принадлежность, обращаются за помощью в международные суды. Так, история знает случай о Литовском транссексуале Л., которому в его стране было отказано в проведении операции по смене пола, он выиграл дело против Литвы в Европейском суде по правам человека. В 2007 году суд обязал государство выплатить Л. моральный ущерб в размере 5000 евро (17 200 литов). Кроме того, Литву обязали в течение трех месяцев принять соответ-

ствующий закон о порядке проведения операций по изменению пола, в противном случае сумма штрафа возрасла еще на 40 000 евро. Литва предпочла не принимать закон, а выплатить весь штраф. Операцию по смене мужского пола на женский Л. провел в Беларуси [21].

Таким образом, можно сказать, что изменение половой принадлежности в современном обществе не является новшеством, процедура в Республике Беларусь схожа с зарубежными странами, однако основание ее проведения существенно разнится, поскольку Республика Беларусь ее оказывает на условиях безвозмездности и наличия соответствующего диагноза.

Поскольку институт изменения половой принадлежности является новым для Республики Беларусь, то возникает множество проблем законодательной регламентации его положений и положений, являющихся следствием изменения пола. На современном этапе развития законодательства существует множество пробелов, касающихся ряда отраслей права, подобные правовые вакуумы характерны и для некоторых зарубежных стран.

К примеру, при распространении в США однополых союзов на практике появилась проблема установления отцовства или материнства лиц, воспитывающих ребенка в однополых союзах. Практически во всех штатах браки между лицами одного пола запрещены. Однако в большинстве случаев, при рассмотрении подобных дел отцовство (материнство) одновременно двух мужчин (женщин) юридически устанавливаться не может. Суды лишь защищают отдельные родительские права данных лиц, чаще всего право на общение с ребенком и на участие в его воспитании. Поэтому при воспитании детей в однополых союзах юридически отцовство или материнство может быть установлено и удостоверено только в отношении одного из членов такого союза и при наличии определенных законом оснований [21].

Пробелы законодательного регулирования чаще всего касаются сферы семейного права, а именно отношения по поводу заключения брака, усыновления, исков о признании отцовства, воинской службы, правопреимство и ряда других вопросов. Однако как необходимо поступать в брачных отношениях, что происходит с браком, продолжает ли он свое существование?

Согласно статье 12 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье «брак» – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных настоящим Кодексом, направлен на создание семьи и порождает взаимные права и обязанности [11]. Поскольку законодатель ясно указал на союз мужчины и женщины, то вариант однополого союза у нас не предусмотрен.

В России научные работы, отражающие специфику гендера и пола, появились в социологии и психологии и сразу привлекли к себе внимание новизной научного подхода:

- а) Н.В. Смирнова «Модели взаимодействия супругов и их удовлетворенность браком» [22],
- б) О.А. Гаврилица «Роль конфликта работающей женщины» [23].

Наибольшая интенсивность гендерного подхода к изучению различных сфер социальной жизни наблюдалась в первое десятилетие XXI века [24], что нашло отражение в фундаментальных монографических исследованиях, включающих семейно-брачную проблематику: И.С. Клещина «Психология гендерных отношений» (2009); И.С. Кон «Мужчина в меняющемся мире» (2009); Е.П. Ильин «Пол и гендер» (2010). В фокусе внимания гендерной психологии находятся причины и следствия формирования и развития личности мужчин и женщин, обусловленные дифференциацией социальных ролей и иерархией статусных позиций, вызванные распространением норм и стереотипов половой дифференциации. В исследованиях О.В. Ворониной (2006, 2012) показана сложность и многомерность развития идентичности в мозаичной социальной среде современного общества. Поэтому в исследованиях акцент сделан не на наличии или отсутствии психологических различий между полами, а на их социокультурной детерминации и последствиях для личностного развития, социально-психологической адаптации и самореализации, а семейная жизнь, как известно, в значительной степени опосредована культурными сценариями [25].

Как известно, действующее семейное законодательство устанавливает презумпции отцовства и материнства в вопросе об установлении происхождения детей от определенных лиц. Однако не урегулирована ситуация отцовства и материнства в зарегистрированном однополом союзе. Социальное явление «однополого союза» существовало давно, но о нем, как правило, в большинстве обществ, государств и исторических эпох было не принято говорить. Государства всячески скрывали подобного рода «отклонения», создавая видимость отсутствия таких явлений. В XX веке понятие «однополый союз» впервые стало областью юридической науки, когда 7 июня 1989 года Дания приняла закон, по которому однополые пары могли регистрировать свою связь. Уже в этом же году в Дании было зарегистрировано 340 однополых пар (из них: 270 – мужчина/мужчина; 70 – женщина/женщина). Подобному «примеру нормативного регулирования однополых союзов» в 1993 году последовали Норвегия (где доля однополых партнерств в 1993 году составила 0,84% к общему числу браков) и Швеция, где такая доля составляла 0,99% [26].

В 1996 году в Исландии с населением всего чуть более чем 280 тысяч человек также был положительно решен вопрос о принятии Акта о зарегистрированном партнерстве. В этом же году было зарегистрировано 21 однополый союз. Все рекорды побил Нидерланды, где в 2001 году сразу же после вступления в силу закона, легализующего однополые браки, было зарегистрировано 2432 однополых брака (из них 1325 – мужчина/мужчина; 1107 – женщина/женщина).

В настоящее время число государств, узаконивающих однополые браки, растет, совершенствуются правовые конструкции такого союза, формы, объем прав и обязанностей [26]. Однако вопросы однополых союзов и последствий правового характера законодательного разрешения таких союзов в зарубежных странах мало изучен. Поскольку «супруги» в гомосексуальном браке полностью уравниваются в правовом положении с лицами, состоящими в традиционном браке, а единственным отличием таких пар является одинаковый пол. Однополым партнерам, состоящим в браке, предоставляется тот же объем прав, что и разнополым супругам, включая право доступа на искусственное оплодотворение и право на усыновление (удочерение) детей. Поэтому к однополым союзам также применительно понятие «брак», в юридическом его смысле. Вместе с тем с институтом брака следует различать параллельный институт зарегистрированного партнерства, схожего во многом с браком. Фактически это специально созданная правовая конструкция, направленная одновременно на защиту традиционного брака (союза между мужчиной и женщиной), и нормативное закрепление реалий существования постоянных однополых отношений. Такая конструкция предоставляет партнерам во многом такие же права и налагает такие же обязанности, которые свойственны супругам в браке, лишь с некоторыми исключениями – запрет на усыновление (удочерение) детей, отсутствие доступа к искусственному оплодотворению и некоторые другие. Однако в большинстве стран такие различия постепенно исчезают, и институт зарегистрированного партнерства становится практически неотличимым от института брака. А в некоторых странах (например, в Нидерландах) признаются оба института, причем регистрация брака открыта как для разнополых, так и для однополых пар [26].

По мировой статистике, в каждом обществе в среднем около 4% людей имеют нетрадиционную сексуальную ориентацию, но даже этот процент должен каким-то образом законодательно регулироваться [26]. Простое государственное отрицание существования подобного факта, отсутствие должного нормативного регулирования могут привести к произволу, ведь если однополый союз нигде не зафиксирован, значит, он не управляем. Однако это вовсе не означает обязательность регистрации однополых союзов и говорит лишь о том, что государство должно разработать механизм регулирования таких отношений: учет, статистика и т. д.

В настоящее время широкому обсуждению подвергается вопрос о возможности воспитания детей однополыми родителями. В большинстве государств такое явление возможно путем усыновления детей друг друга (например, когда остались дети от первого брака), путем искусственного оплодотворения или же путем усыновления (удочерения). Центральным звеном в такой цепочке является вопрос о возможности полноценного психического воспитания ребенка в данном союзе. В обществе преобладают две точки зрения:

1) сторонники узаконения однополых пар считают, что ребенку в любом случае нужна семья, и совершенно не важно – традиционная или нет. Приоритетным в данном случае является двойная забота о ребенке, поскольку нет статистических данных, говорящих о том, что дети в однополых союзах менее счастливы по отношению к детям в разнополых союзах;

2) противники легализации однополых союзов убеждены в том, что однополые браки в принципе противоречат догмам основных религиозных конфессий мира. Отмечается отрицательное отношение к однополым союзам и его категорическое непризнание по отношению к традиционному браку. Дискуссионным остается также вопрос о разделении статусов в однополых союзах, неизвестным также остается вопрос установления отцовства и (или) материнства.

В США в законодательстве штатов Флорида, Миссисипи, Небраска, Оклахома, Юта и Вирджиния имеются законы, запрещающие однополым парам усыновлять детей. В штатах Калифорния, Коннектикут, Массачусетс, Нью Джерси, Нью Йорк, Пенсильвания, Вермонт, Вашингтон и округ Вашингтон разрешается усыновление вторым партнером в однополых паре по решению суда или в порядке, предписанном законом.

В других штатах США суды также разрешали проводить однополым парам процесс усыновления ребенка второго партнера, хотя общего закона или решения суда на этот счет не существует. Суды одного и того же штата, но разных юрисдикций, могут принимать решения, противоречащие друг другу. Усыновление одним родителем узаконено во всех штатах США, кроме Флориды. Это дает возможность однополым парам усыновлять детей в тех юрисдикциях, где не разрешается усыновление двумя партнерами, хотя при таком исходе официальным опекуном будет являться только один партнер. Исключение из этого правила существует в штате Юта, закон которого запрещает усыновление «лицом, состоящим в отношениях, которые не являются зарегистрированными брачными узами», что, однако, дает законную возможность одинокому человеку усыновлять детей, но делает незаконным усыновление в паре, которая проживает вместе, независимо от сексуальной ориентации. Критики такой запретительной политики также указывают на тот факт, что хотя во многих штатах существует запрет на усыновление однополых парой, эти же пары могут выступать в роли опекунов без права ребенка проживать с ними [27].

В Канаде усыновление находится в юрисдикции местных властей, поэтому закон варьируется от одной провинции или территориального округа к другому. Усыновление однополыми парами узаконено в провинциях Британская Колумбия, Манитоба, Ньюфаундленд и Лабрадор, Новая Шотландия, Онтарио, Квебек, Саскачеван и в Северо-Западных территориях. В провинции Альберта разрешается

усыновлять ребенка второго партнера. Усыновление в однополых парах незаконно в Нью-Брансуике, на острове Принца Эдуарда и в Нунавуте. В Юконе законодательство об усыновлении допускает двойное толкование. Член парламента от «Новой демократической партии» Либби Дэйвис (Libby Davies) выступает за введение одинаковых общенациональных стандартов в отношении усыновления в однополых парах [27].

В феврале 2006 года Кассационный суд Франции вынес решение, что оба партнера в однополем союзе могут иметь родительские права на биологического ребенка партнера. Такое решение было вынесено в деле о передаче прав на двух дочерей одной женщины к ее партнерше по гражданскому союзу [27].

Парламент Исландии 2 июня 2006 года проголосовал за предложение разрешить усыновление, воспитание и помощь в искусственном зачатии для однополых пар наравне с разнополыми. Решение было принято единогласно и вступило в силу 27 июня 2006 года. Законы Австралии допускают усыновление на территории федеральной столицы и в Западной Австралии. Усыновление ребенка второго партнера возможно в Тасмании. В январе 2005 года решением Верховного суда Израиля однополым парам было разрешено усыновлять ребенка второго партнера. Ранее в Израиле были разрешены ограниченные опекунические права для некровных родителей. В 2007 году от лица католических агентств по усыновлению в Великобритании, число которых составляет одну треть от всех благотворительных агентств, было заявлено, что они прекратят свою деятельность, если правительство издаст указ, предписывающий им рассматривать в качестве приемных родителей, кроме прочих кандидатов, и однополые пары [27].

С признанием в Нидерландах однополых браков изменилось и законодательство об усыновлении (1 апреля 2001 г.). Начиная с этой даты, две женщины или двое мужчин могут усыновить ребенка. Это правило касается лишь детей, постоянно проживающих в Нидерландах. Сегодня усыновителями ребенка из другой страны могут быть только разнополые супружеские пары [28].

Закон от 1 апреля 2001 года предусматривает усыновление также и гомосексуальными парами. Поэтому дети, воспитываемые двумя лицами, принадлежащими к одному полу, находятся под защитой закона вне зависимости от того, состоят ли эти лица в браке или нет. Единственное требование – до подачи заявления об усыновлении они должны проживать вместе не менее трех лет и не менее одного года совместно осуществлять воспитание ребенка [28].

Необходимый период совместного проживания и заботы о ребенке партнером (фактическим или юридическим супругом родителя) такой же, как при усыновлении двумя лицами: совместное проживание с родителем ребенка – не менее трех лет, период осуществления заботы о ребенке – не менее одного года. Это последнее требование (годовой срок) не обязательно, если ребенок родился в лесбийском союзе и женщина-партнерша матери хочет его усыновить. Последняя может подать заявление об усыновлении сразу же после рождения ребенка. Это правило применяется независимо от формы сожительства (брак, зарегистрированное партнерство, фактические брачные отношения). Однако две женщины также должны прожить друг с другом не менее трех лет [28].

Весьма интересным образом складывается практика Европейского Суда по правам человека по вопросу о возможности усыновления однополыми парами, что, безусловно, обуславливается особенностями национального законодательства по данному вопросу. Так, Большая палата ЕСПЧ оштрафовала Австрию на 38 тысяч евро за дискриминацию однополых пары – женщины оспорила право властей страны отказать одной из них усыновить сына другой.

Две 46-летние женщины живут вместе уже много лет и растят сына одной из них, родившегося вне брака в 1995 году. Вскоре после рождения ребенка подруга матери как второй родитель решила усыновить его и подала соответствующий запрос.

В 2005 и 2006 годах окружной и региональный суды отказали в усыновлении гомосексуальной паре, отметив, что в австрийском праве родителями могут быть только два человека разного пола. Кроме того, суд учел, что биологический отец мальчика регулярно видится с ребенком. В сентябре 2006 года очередную апелляцию отклонил Верховный суд, считая нормы Гражданского кодекса полностью соответствующими Конституции [28].

В 2007 году женщины обжаловали решение национального суда в Европейский суд по правам человека. Они утверждают, что австрийские власти дискриминировали их по признаку половой ориентации, поскольку усыновление ребенка было бы возможным в случае гетеросексуального союза, даже если партнерши не состояли бы в браке.

По их мнению, Австрия нарушила статьи 14 и 8 (запрещение дискриминации и уважение частной и семейной жизни) Европейской Конвенции о защите прав человека. В июне 2012 года дело было передано на рассмотрение Большой палаты суда.

Суд десятью голосами против семи постановил, что «имело место нарушение статьи 14 вместе со статьей 8 Конвенции в том, что касается сравнения ситуации истцов с ситуацией неженатой разнополых пары, где один из партнеров хочет усыновить ребенка другого партнера».

Одиннадцатью голосами против шести суд обязал австрийские власти в течение трех месяцев выплатить потерпевшим 10 тысяч евро в качестве возмещения морального ущерба и 28,4 тысячи евро на возмещение судебных издержек [29].

Статья 8 Конвенции, по сути, направлена на то, чтобы оградить лицо от произвольного вмешательства органов государственной власти; кроме того, она создает позитивные обязательства, присущие действительному «уважению» семейной жизни. При всех обстоятельствах следует принимать во внимание необходимость соблюдения справедливого баланса между противостоящими интересами лица и общества в его совокупности, при этом государство обладает определенными пределами усмотрения.

Поводя итог, считаем *необходимым закрепления смены пола как основания для расторжения брака в законодательстве Республики Беларусь.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич, Д.Г. Понятие и виды соматических (личностных) прав / Д.Г. Василевич // Право и демократия. – Минск : БГУ, 2014. – № 25. – 340 с.
2. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – М., 2000. – № 10. – С. 43–51.
3. Лаврик, М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16–26.
4. Некоторые статьи по соматическим правам // Refdb.ru [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1303722-pall.html>. – Дата доступа: 07.10.2017.
5. Лаврик, М.А. Гарантии конституционных прав человека: соматический аспект: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.А. Лаврик. – Иркутск, 2006. – 232 л.
6. Малиновский, А.А. Имеет ли человек право на смерть? / А.А. Малиновский // Рос. юстиция. – 2002. – № 8. – С. 54–55.
7. Долбин, А.Г. Морально-этические и юридические положения трансплантологии в России / А.Г. Долбин // Трансплантология : рук. ; под ред. В.И. Шумакова. – М., 1995. – С. 12.
8. Нестерова, Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. / Е.М. Нестерова. – М., 2014. – 197 л.
9. Антропологические риски суррогатного родительства при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Бесплатная интернет библиотека [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://pdf.knigi-x.ru>. – Дата доступа: 10.10.17
10. О вспомогательных репродуктивных технологиях : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г. № 341-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. // Эталон 6.6. – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ., Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. № 278-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 декабря 2015 г. // Эталон 6.6 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
12. Старовойтова, О.Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / О.Э. Старовойтова. – СПб., 2006. – 380 л.
13. Латина, С.В. Гендерные исследования в науках о культуре : дис. ... канд. культурологи : 24.00.01 / С.В. Латина. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 196 л.
14. Около 70 жителей Беларуси сменили пол за последние 20 лет // Новости tut.by [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.news.tut.by/society/399314.html>. – Дата доступа: 25.02.2018.
15. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г. № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 июня 2014 г. // Эталон 6.6 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
16. О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 9 дек. 2010 г. № 163 : в ред. постановления М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 15 янв. 2015 г. № 6 // Эталон 6.6 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
17. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан : Указ Президента Респ. Беларусь от 26 апр. 2010 г. № 200 // Эталон 6.6 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
18. Бухановская, О.А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями: клиника, динамика, систематика: дис. ... канд. мед. наук : 14.00.18 / О.А. Бухановская. – М., 2003. – 275 л.
19. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г. № 218-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г. № 343-3 // Эталон 6.6 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
20. Белорусские женщины хотят стать мужчинами // NAVINY.BY [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2011/03/21/ic_articles_116_172903. – Дата доступа: 07.02.2018.

21. Худякова, О.Ю. Установление происхождения детей в однополых союзах по законодательству США / О.Ю. Худякова // Государство и право. – М., 2009. – № 6. – С. 97–10.
22. Смирнова, Н.В. Модели взаимодействия супругов и их удовлетворенность браком : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н. В. Смирнова. – СПб., 2005. – 204 л.
23. Гаврилица, О.А. Ролевой конфликт работающей женщины : дис. ...канд. психол. наук : 19.00.05 / О.А. Гаврилица. – М., 1998. – 185 л.
24. Дунаева, О.Н. Гендерный ресурс общества: супружество и родительство / О.Н. Дунаева // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – М., 2016. – № 4. – С. 38–49.
25. Воронина, О.А. Гендерные аспекты идентичности / О.А. Воронина // Человек. – М., 2012. – № 6. – С. 15–31.
26. Коголовский, И.Р. Фикции отцовства и материнства в однополых браках / И.Р. Коголовский // Государство и право. – М., 2012. – № 4. – С. 235–241.
27. Процедура усыновления по законодательству зарубежных стран // StudFiels [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5787605/>. – Дата доступа: 09.02.2018.
28. Международное усыновление (удочерение) // Развод и право [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.to-1.ru/articles/173>. – Дата доступа: 17.02.2018.
29. ЕСПЧ признал дискриминационным запрет на усыновление детей гомосексуалами // SMIZONE [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.gayrussia.eu/world/5892>. – Дата доступа: 08.02.2018.

Поступила 03.10.2018

SOMATICHSEKY RIGHTS AS NEW GENERATION OF THE RIGHTS

K. DEVYATOVSKAYA

The somatic rights as new category of human rights are considered. Author's approaches to classification of personal human rights are allocated and also a number of features of realization of somatic human rights in Republic of Belarus is noted. Special attention is paid to use of an auxiliary reproduction and also her main ways and the purposes. Detailed attention is paid to the bases and the procedure of change of sex in Republic of Belarus and also foreign experience in the field is analysed. Within the aforesaid question spheres of lack of legal regulation of consequences of change of sex are allocated, author's ways of their regulation are offered.

Keywords: somatic rights, auxiliary reproduction, transsexualizm, sex change.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 341.1(476)

ПОНЯТИЕ «ТАМОЖЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

канд. юрид. наук, доц. А.З. ИГНАТЮК

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

Рассматривается вопрос понятия «таможенные преступления» в международном праве и национальном законодательстве Республики Беларусь. Показаны квалификация контрабанды в международных договорах и национальном законодательстве Республики Беларусь, а также пути имплементации международных норм и стандартов по борьбе с контрабандой и иными таможенными преступлениями и правонарушениями в законодательство Республики Беларусь. Дано развернутое понятие контрабанды как преступления международного характера. Характеризуется такое понятие из международного права как «контрабанда людей» и «незаконная миграция».

Ключевые слова: таможенные преступления, контрабанда, имплементация, Таможенный кодекс Таможенного союза, Таможенный кодекс ЕАЭС, Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Преступления, посягающие на установленный законодательством порядок перемещения через границу товаров, наносят ущерб как развитию международных экономических отношений между государствами, так и развитию каждого отдельного государства, подрывая их экономическую безопасность и нарушая их государственный суверенитет. Особую опасность подобные преступления представляют для государств, не обладающих значительными природными ресурсами, а главным «ресурсом», позволяющим обеспечить экономическую безопасность, является их географическое положение. Серьезность угрозы, представляемой данным видом преступлений, а также их трансграничный характер дают возможность выделить их из группы преступлений против порядка осуществления экономической деятельности в отдельную подгруппу с условным названием «таможенные преступления».

Данное наименование весьма условно и приводится в юридической литературе и в настоящей статье больше с целью упрощения и лаконичности используемой терминологии. Это вполне допустимо, так как обусловлено исторически сложившейся в Республике Беларусь и странах СНГ ситуацией, при которой противодействие данной категории преступлений возложено, прежде всего, на таможенные органы. Но подобная «традиция» сложилась не во всех странах, поэтому использование понятия «таможенное преступление» нерационально и не совсем корректно, когда речь идет о международном регулировании преступлений, связанных с трансграничным перемещением товаров и транспортных средств.

Рассмотрим имеющиеся в юридической литературе определения понятия «таможенные преступления»: «Таможенные преступления – это общественно опасные, виновные, наказуемые деяния, совершаемые в сфере экономической деятельности, при вывозе с таможенной территории и ввозе на таможенную территорию товаров и транспортных средств вопреки правовому запрету, объектом которых являются общественные отношения, связанные с неприкосновенностью таможенной территории, ее защитой от ввоза запрещенных товаров, нормальное функционирование таможенных органов, соблюдение порядка таможенного оформления и иные отношения в области таможенного дела» [1]. Общим для всех преступлений, наносящих ущерб международному экономическому и социально-культурному развитию, в том числе и таможенных, является объект их посягательства – государственные интересы.

Определение понятия «таможенные преступления» в нормативных правовых актах, действующих на территории Республики Беларусь, отсутствует. Вместе с тем подпункт 2 пункта 1 статьи 4 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС), принятого в рамках Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза (подписан в г. Минске 27.11.2009), определял понятие преступления для целей ТК ТС как преступления, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов Таможенного союза [2]. Ныне действующий Таможенный кодекс ЕАЭС не дает понятия «таможенные преступления», а определяет просто «преступления», но конкретизирует: преступления или уголовные правонарушения, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов ЕАЭС [3].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в статье 37 определяет таможенные органы как государственные органы, уполномоченные производить дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 228–231, а также статьями 328-1 и 333-1 (в части незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС) УК Республики Беларусь [4, ст. 37].

Таким образом, к ведению таможенных органов Республики Беларусь отнесены следующие составы преступлений:

- статья 228 УК Республики Беларусь «Контрабанда»;
- статья 228-1 УК Республики Беларусь «Незаконное перемещение товаров через таможенную границу»;
- статья 229 УК Республики Беларусь «Незаконные экспорт или передача в целях экспорта объектов экспортного контроля»;
- статья 230 УК Республики Беларусь «Невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей»;
- статья 231 УК Республики Беларусь «Уклонение от уплаты таможенных платежей»;
- статья 328-1 УК Республики Беларусь «Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов»;
- статья 333-1 УК Республики Беларусь «Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники» [5, ст. 228–231, 328-1, 333-1].

При этом, как следует из положений статьи 37 УПК Республики Беларусь, указанные составы преступлений относятся к ведению таможенных органов Республики Беларусь в случае незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС [4, ст. 37].

Исходя из изложенного, указанный перечень составов преступлений можно условно обозначить как «таможенные преступления». В таком значении и будем определять таможенные преступления в настоящей работе. Данные преступления по непосредственному объекту и объективной стороне можно разделить на две группы:

1. Преступления, посягающие на порядок, регулирующий перемещение предметов, а также нематериальных благ через таможенную границу ЕАЭС.

К этой группе относятся: контрабанда – ст. 228 УК Республики Беларусь [5, ст. 228]; незаконное перемещение ... наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов – ст. 328-1 УК Республики Беларусь [5, ст. 328-1]; незаконное перемещение ... сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники – ст. 333-1 УК Республики Беларусь [5, ст. 333-1]; незаконные экспорт или передача в целях экспорта объектов экспортного контроля – ст. 229 УК Республики Беларусь [5, ст. 229]. Характерным для данной группы является обязательное условие – незаконное перемещение материальных и нематериальных объектов, предусмотренных вышеуказанными статьями, через таможенную границу для реализации на внешних рынках. Неустановление факта незаконности такого перемещения означает отсутствие в действиях субъекта любого из названных составов преступлений.

2. Преступления, посягающие на установленный порядок, регулирующий международную торговлю, межгосударственный культурный обмен и т.п., а также поступление в государственный бюджет денежных средств от субъектов внешнеэкономической деятельности в виде таможенных платежей.

Эта группа включает в себя невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей – ст. 230 УК Республики Беларусь [5, ст. 230]; уклонение от уплаты таможенных платежей – ст. 231 УК Республики Беларусь [5, ст. 231]. Данные преступления связывает с первой группой лишь их совершение во внешнеэкономической сфере экономики страны. Но входящие во вторую группу составы преступлений имеют другие непосредственные объекты и разные способы преступных действий, что и отличает их от первой группы.

Объединяет рассматриваемые преступления в структуре Уголовного кодекса Республики Беларусь так называемый видовой объект, которым следует считать общественные отношения, складывающиеся между государством и другими хозяйствующими субъектами в процессе осуществления ими внешнеэкономической деятельности.

С учетом целей настоящего исследования из указанного перечня таможенных преступлений рассмотрим понятие «контрабанда» в качестве преступления, определяемого как международным, так и национальным правом. При этом обозначим следующее существенное обстоятельство.

В рамках данного исследования не производится разделения понятия контрабанды в зависимости от предмета преступного посягательства. Такое разделение реализовано законодателем со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [6]. Со вступлением в силу данного Закона состав преступления, ранее предусмотренного одной статьей 228 УК Республики Беларусь «Контрабанда», был фактически разделен на следующие статьи: контрабанда [5, ст. 228]; незаконное перемещение ... наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов [5, ст. 328-1]; незаконное перемеще-

ние ... сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники [5, ст. 333-1].

Таким образом, фактически со вступлением в силу указанного Закона в УК Республики Беларусь термин «контрабанда» определяет так называемую «экономическую контрабанду» [5, ст. 228], т.е. незаконное перемещение в крупном размере товаров, которые сами по себе при нормальных условиях и использовании по целевому назначению не угрожают жизни и здоровью граждан. При этом составы преступлений, предусматривающие наказание за незаконное перемещение товаров, по определению несущих угрозу жизни и здоровью граждан (наркотические средства, психотропные вещества, радиоактивные материалы, огнестрельное оружие и т.д.), вне зависимости от объема перемещаемого товара, сформулированы в ст. 328-1 и ст. 333-1 УК Республики Беларусь [5]. Несмотря на имеющиеся различия в объективной стороне составов указанных преступлений, методы их предупреждения, выявления и расследования совпадают и, следовательно, при рассмотрении в рамках настоящего исследования ни разграничиваются.

Явление контрабанды и значимость ее угрозы для государств появилось с момента появления самих государств и до наших дней не теряет своей актуальности. Контрабанда как преступление по своей криминологической характеристике была и остается транснациональным организованным преступлением. Как отмечалось выше, по своему объективному признаку контрабанда, как и иные таможенные преступления, посягает на законодательно установленный порядок осуществления внешней торговли, наносит ущерб государству, подрывая его экономическую безопасность, и развитию его международных экономических отношений. Угроза контрабанды как транснационального преступления признана как отдельными странами путем закрепления ее признаков как уголовно-наказуемого деяния, так и на международном уровне. Так, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. и вступившая в силу для Республики Беларусь 29 сентября 2003 г., относит контрабанду к числу наиболее опасных транснациональных организованных преступлений [7, с. 116].

С течением времени угроза для государств, исходящая от контрабанды, не только не снижается, а наоборот, получает все большее распространение. С середины XX века росту контрабанды способствуют следующие факторы:

- устранение монополии государства в сфере внешнеэкономической деятельности во многих странах;
- мировая интеграция и глобализация;
- формирование устойчивых международных экономических связей и международное разделение труда;
- упрощение порядка перемещения товаров через границы государств;
- упрощение, унификация и гармонизация таможенных процедур в разных странах мира;
- введение порядка осуществления выборочного таможенного контроля и применение системы анализа и управления рисками многими странами;
- развитие сферы финансов и упрощение взаиморасчетов между контрагентами, являющимися резидентами разных стран;
- развитие транспорта и использование в коммерческих целях международного почтового обмена;
- развитие электронных торговых площадок и другое.

Для контрабанды в XXI веке присущи следующие черты:

- данный вид преступной деятельности находится в тесной связи с экономическим положением отдельных стран и регионов;
- лица, осуществляющие такой вид преступной деятельности, на высоком уровне обеспечены технически и осведомлены о методах работы контролирующих органов, оказывают активное противодействие данным органам;
- контрабанда осуществляется организованными группами;
- руководство данным видом преступной деятельности осуществляют руководители преступных синдикатов, занимающихся и иными видами преступной деятельности;
- регулярно появляются новые предметы контрабанды, видоизменяются «традиционные» предметы контрабанды (в первую очередь, наркотические средства и психотропные вещества).

Все перечисленные черты значительно усложняют предупреждение, выявление и расследование фактов контрабанды. Традиционные методы борьбы с таким видом преступлений стали менее эффективными либо вовсе утратили свою эффективность, в связи с чем борьба с контрабандой, ранее рассматривавшаяся как внутреннее дело каждого государства и зачастую успешно осуществляемая только его компетентными государственными органами, с середины XX века вышла за национальные границы и требует взаимодействия стран на международном уровне.

Заинтересованность стран в противодействии контрабанде обоснованно определяет ее как объект для международного слаженного противодействия. Компетентные государственные органы разных стран объединяют свои усилия для борьбы с данным видом преступлений. За последние пятьдесят-семьдесят лет сформировалось несколько уровней взаимодействия государств для общей борьбы с контрабандой:

- международное (в рамках международных организаций);

- региональное (между несколькими государствами, расположенными, как правило, в одном географическом регионе);
- двустороннее (между конкретными двумя государствами).

Характеризуя понятие контрабанды как преступления, принятого на международном уровне, сначала определим ее классификацию согласно положениям теории международного уголовного права, в соответствии которой выделяются две группы преступлений: международные преступления и преступления международного характера. Определения данных преступлений не являются тождественными и определяют отличные между собой правовые явления [7, с. 116].

Контрабанду как вид преступления согласно теории международного уголовного права традиционно относят к преступлениям международного характера. Отнесение контрабанды к данной группе преступлений обусловлено объектом посягательства и степенью общественной опасности. Преступления международного характера – это деяния, предусмотренные международным договором, не относящиеся к преступлениям против человечества, мира и безопасности, но посягающие на нормальные стабильные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т. п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных договорах, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими договорами [7, с. 116]. Данные преступления посягают на внутрисоциальный порядок, но при этом затрагивают интересы других стран или международного сообщества в целом, подрывая основы сотрудничества государств и другие стороны международных отношений. По своей юридической природе подобные преступления в большинстве случаев могут быть отнесены к общеуголовным преступлениям, осложненным «иностранным элементом» [8, с. 68]. К таким преступлениям помимо контрабанды теорией международного уголовного права традиционно относятся фальшивомонетничество, захват и угон летательных аппаратов и судов, работорговлю и другие. В соответствии с действующими нормами международного права уголовная ответственность за эти преступления наступает по национальным нормам уголовного законодательства, основывающимся на положениях международных договоров.

Несмотря на то, что контрабанда является предметом международного уголовного права, единообразное определение контрабанды в международных правовых нормах отсутствует. Это обусловлено использованием в правовых актах различных терминов применительно к обозначению незаконных действий, схожих по способу осуществления (физическое перемещение через границу), но связанных с перемещением разнородных объектов, различающихся по своим признакам.

Статья 1 Международной конвенции о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений http://studme.org/41131/pravo/ponyatie_kontrabandy-gads_btm 1997 г. (далее – Найробийская конвенция 1977 года) дает общее определение понятия «таможенное правонарушение» как любого нарушения таможенного законодательства или попытку такого нарушения [9, ст. 1]. Это очень общее определение и оно не позволяет исключить необходимость обращения для понимания каждого конкретного состава правонарушения к национальному законодательству. Международный документ, устанавливающий конкретное содержание правонарушений, входящих в состав обобщающего понятия «таможенные», отсутствует. Это обуславливает существование в разных странах различающихся формулировок таможенных правонарушений. Это же относится и к определению «контрабанды» в международном праве.

Далее в статье 1 Найробийской конвенции 1977 года аналогично в довольно широком смысле дано определение непосредственно контрабанде: «Контрабанда – обман таможи, состоящий в перемещении товаров через таможенную границу в любой скрытой форме». Обман таможи означает таможенное правонарушение (любое нарушение таможенного законодательства или попытка такого нарушения), при котором лицо обманывает таможенника и таким образом частично или полностью уклоняется от уплаты импортных или экспортных пошлин и налогов или обходит установленные таможенным законодательством запреты или ограничения либо получает другие выгоды в нарушение таможенного законодательства [9, ст. 1]. Несмотря на широкое толкование контрабанды, приведенное определение в полной мере соответствует доктрине, определяющей понятие контрабанды в юридической науке Республики Беларусь и стран ЕАЭС.

Вместе с тем для юридической науки некоторых стран мира характерно еще более широкое понимание контрабанды и включение в него деяний, совершенных не только в отношении объектов материального мира, но и в отношении людей. К примеру, в зарубежных правовых актах используется понятие «контрабанда людей» (англ. «human smuggling»). Можно привести и другой пример, когда для определения явления, по сути являющегося контрабандой в традиционном понимании, используется иной термин – «перемещение, перевозка» (англ. «traffic»). Так, Рамочное решение Совета Европы от 13 июня 2002 года о европейском ордере на арест, которое служит основой для сотрудничества в борьбе с преступностью на межгосударственном уровне для государств-членов Европейского союза, относит контрабанду к наиболее опасным преступлениям международного характера, но при этом в зависимости от предмета преступления контрабанда обозначается термином либо «незаконное (тайное) перемещение, перевозка,

оборот» (англ. «illicit trafficking»), либо просто «перемещение, оборот» (англ. «trafficking»), когда речь идет о торговле людьми, человеческими органами, наркотическими средствами и психотропными веществами, радиоактивными материалами и т.п.).

Заключение. В представляемом исследовании, как и традиционно в отечественном уголовном праве, контрабанда рассматривается в качестве преступления, связанного с перемещением через границу предметов (товаров), и не применяется к преступлениям, связанным с торговлей людьми, нелегальной трансграничной миграцией и т.п.

Таким образом, несмотря на то, что контрабанда как вид преступления международного характера известна с давних пор, её определения разнятся между собой и закрепляются в национальном праве государств по-своему, но основываются на доктрине международных соглашений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жбанков, В.А. Таможенные преступления: сущность и проблемы выявления / В.А. Жбанков // Юридический институт ИГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.isu.ru/ru/science/vestnik/20044/gbankov.html>. – Дата доступа: 01.09.2018.
2. Таможенный кодекс Таможенного союза : прил. к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза : принят решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 24.06.2018.
3. Таможенный кодекс ЕАЭС : прил. № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : принят решением Межгосударственного Совета ЕАЭС на уровне глав государств от 11 апреля 2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 24.06.2018.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. : текст по состоянию на 8 января 2018 г. // Официальный сайт Национального центра правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 29.08.2018.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : текст по состоянию на 18 июля 2017 г. // Официальный сайт Национального центра правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 29.08.2018.
6. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З : // Официальный сайт Национального центра правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 29.08.2018.
7. Кудрявцев, В.Н. Международное уголовное право : учеб. пособие / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1999. – 264 с.
8. Панов, В.П. Международное уголовное право : учеб. пособие / В.П. Панов. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 320 с.
9. Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений, Найроби, 9 июня 1977 г. // Conventions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 29.08.2018.

Поступила 14.10.2018

THE CONCEPT OF “CUSTOMS CRIMES” IN INTERNATIONAL LAW AND NATIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. IGNATYUK

The article is devoted to the issue of the concept of “customs crimes” in international law and national legislation of the Republic of Belarus. The article shows the qualification of smuggling in international treaties and the national legislation of the Republic of Belarus, as well as the ways of implementing international norms and standards on combating smuggling and other customs crimes and offences in the legislation of the Republic of Belarus. A detailed concept of smuggling as an international crime is given. Characterized by such a concept of international law as “human smuggling” and “illegal migration”.

Keywords: *customs crimes; smuggling; implementation; Customs Code of the Customs Union; the Customs Code of the EAEU; Criminal Code; code of Criminal Procedure; illegal movement of goods across the customs border of the EAEU.*

УДК 343.1

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ
НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ (1917–1953)****Р.Р. АЛЕКПЕРОВ***(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)*

Проводится обзор и анализ уголовно-процессуального законодательства в части применения меры пресечения в виде заключения под стражу с 1917 по 1953 год на территории современной Республики Беларусь. Предпринята попытка выделить особенности досудебного лишения лиц свободы в указанный период времени. Установлены порядок избрания данной меры уголовно-процессуального принуждения, сроки содержания лиц под стражей и их продления, обеспечение защиты прав и свобод лиц, подвергнутых уголовному преследованию. Особое внимание уделено политическим репрессиям, где производству арестов уделена ключевая роль. Кроме того, выделены пробелы норм права, регламентирующих применение данной меры пресечения. Обосновывается вывод о том, что защита прав и законных интересов лиц, подвергнутых уголовному преследованию, обеспечивалась не в полной мере, что явилось следствием проводимой государственной политики.

Ключевые слова: *арест, заключение под стражу, лишение свободы, мера пресечения, обвиняемый, подозреваемый, прокурор, репрессии, следователь, судья.*

Введение. В системе мер пресечения самой строгой является заключение под стражу. Несмотря на это на практике она является одной из самых применяемых. В настоящее время заключение под стражу регламентировано УПК Республики Беларусь 1999 года [1], Законом Республики Беларусь от 16.06.2003 № 215-З «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» [2], а также подзаконными актами [3]. На формирование норм, регламентирующих порядок применения указанной меры пресечения на территории современной Беларуси, оказало влияние уголовно-процессуальное законодательство, действовавшее в период времени с 1917 по 1953 год, которое в недостаточной мере исследовано. Полагаем, что восполнение данного пробела имеет теоретическое и практическое значение и актуальность, так как предотвратит ранее имевшиеся ошибки и нарушение закона.

Основная часть. Историю Беларуси после 1917 года профессор Т.И. Довнар разделяет на следующие этапы:

- 1) нахождение Беларуси в составе РСФСР;
- 2) возобновление белорусской государственности (образование БНР, БССР, ЛитБел ССР, повторное провозглашение БССР);
- 3) нахождение в составе СССР;
- 4) новейшее время (с момента провозглашения Декларации о суверенитете БССР от 27.07.1990) [4, с. 14].

После событий Октябрьской революции 25.10.1917 была провозглашена Российская Советская Республика (с 19 июля 1918 года – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика). Территория современной Беларуси на тот момент находилась в составе РСФСР.

Начальный период существования советской республики в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства характерен политическими преследованиями оппонентов действующей власти. Об этом свидетельствует Обращение от 25.10.1917 II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам о победе Октябрьской революции и ее ближайших задачах [5, с. 8–9]. В тексте Обращения указывается на арест большинства членов Временного правительства.

Анализ законодательства 1917–1918 годов свидетельствует о принятии ряда нормативных актов, фактически относивших лиц, не угодных власти, к преступникам и санкционировавших применение к ним меры пресечения в виде заключения под стражу. К таковым возможно отнести: постановление вышеуказанного съезда «О немедленном аресте Керенского» от 26.10.1917 [5, с. 10]; предписание В.И. Ленина Совету народных комиссаров (далее по тексту – СНК) по военным и морским делам об аресте служащих Государственного банка, отказавшихся признать Советское правительство от 13.11.1917 [5, с. 540]; декрет СНК об аресте вождей гражданской войны против революции от 28.11.1917 [5, с. 162]; ордер В.И. Ленина об аресте работников газеты «Революционный набат» от 04.12.1917 [5, с. 549] и др.

Безусловно, принятие вышеуказанных нормативных актов и применение на их основании указанной меры пресечения противоречило защите прав и свобод человека.

В первые годы советской власти усилилась борьба с имущественными преступлениями (таковым считалась и частная торговля, так называемая спекуляция). В предписании СНК Военно-революционному

комитету от 10.11.1917 в его обязанности вменено уголовное преследование «спекуляции и саботажа, злостной задержки грузов и пр.». Лица, уличенные в данных преступлениях, арестовывались и помещались в тюрьму Кронштадта до предания военно-революционному суду [5, с. 71]. Недостатком нормативного акта являлось то, что в нем не регламентированы сроки доставления арестованных в вышеуказанное учреждение и возможность содержания под стражей подозреваемых в местах лишения свободы по месту их задержания. Срок применения меры пресечения один – до предания виновных лиц суду.

22 ноября 1917 года был принят Декрет о суде [5, с. 124–126], в соответствии с которым деятельность суда, судебных следователей, прокурорских работников, регламентированная Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, упразднена. Образованы местные суды, судьи которых осуществляли предварительное расследование преступлений. Эти лица были уполномочены применять личное задержание (предполагается, что под ним подразумевается и арест). Для этого выносились постановления, которые подтверждались местным судом, что указывает на существование определенного контроля над применением данной меры пресечения. Согласно Декрету уголовное преследование контрреволюционных действий, мародерств и хищений, саботажей осуществлялось революционными трибуналами и особыми следственными комиссиями при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые были уполномочены на применение арестов. В нормативном акте законодатель не конкретизировал основания и сроки применения анализируемой меры пресечения, не оговаривал права лиц, взятых под стражу.

16 декабря 1917 года принято постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» [6]. Согласно этому постановлению взятие лиц под стражу производилось только по ордерам следственных органов и революционных трибуналов.

28 января 1918 года принят Декрет о Революционном трибунале печати [5, с. 432–434]. Им создан орган, осуществлявший уголовное преследование за «преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати». В состав трибунала входила следственная комиссия, осуществлявшая предварительное расследование вышеуказанных преступлений, должностные лица которой были уполномочены арестовывать подозреваемых в указанных преступлениях, а также освобождать их из-под стражи. Для этого выносилось постановление следственной комиссии в ее полном составе (трех членов). В исключительных случаях меру пресечения применял один из ее членов с условием его последующего утверждения всей комиссией.

Следующим шагом к формированию советского уголовно-процессуального права являлось издание 15.02.1918 Декрета № 2 о суде [5, с. 463–474]. Статья 17 нормативного акта запретила осуществлять уголовное преследование (в том числе и взятие под стражу) несовершеннолетних лиц, не достигших семнадцатилетнего возраста.

Следует отметить, что указанные декреты о суде по сравнению с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, давали право на участие защитника на стадии предварительного расследования уголовного дела (п. 3 Декрета № 1 и ст. 21 Декрета № 2).

Противоречивой является норма права, содержащаяся в указанной статье Декрета № 2 о суде, дающая право следственным комиссиям на запрет участия защитника обвиняемого на стадии предварительного следствия, «если того требуют интересы раскрытия истины». Безусловно, это усугубляло положение обвиняемых и способствовало произволу действий следственных органов, в том числе и при применении рассматриваемой меры пресечения. Вместе с тем любые действия следственных комиссий возможно было обжаловать через окружные суды. Порядок подачи жалоб и их рассмотрения декретом не регламентирован. Это вносило неясность в правоприменительную практику и не способствовало совершенствованию норм уголовно-процессуального права.

Параллельно с укреплением власти большевиков весной 1918 года на территории Беларуси усиливается национально-освободительное движение, в результате которого 09.03.1918 принята Вторая уставная грамота Всебелорусского съезда [7, с. 201], декларировавшая образование Белорусской народной республики (далее по тексту – БНР). В отличие от нормативных актов советской власти, в данном документе провозглашен принцип неприкосновенности личности, что не могло не отразиться на порядке применения заключения под стражу.

В результате политической борьбы БНР просуществовала непродолжительное время, а к власти окончательно пришли большевики. К тому же эта республика существовала, когда большинство территории современной Беларуси было занято кайзеровскими войсками. В связи с этим нормативные правовые акты БНР в своем большинстве носили декларативный характер. Их действие было упразднено в результате принятия Манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии от 01.01.1919 (им же образована Советская Социалистическая Республика Белоруссия (далее – ССРБ) [7, с. 207–210]. Постановлением № 2 Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии от 19.01.1919 [7, с. 212] подтверждено действие на территории ССРБ изданных в РСФСР декретов, постановлений и распоряжений (в том числе и регламентирующих порядок применения ареста).

В результате событий советско-польской войны (1919–1921 гг.) и подписания 18.03.1921 Рижского мирного договора территории Западной Беларуси оказались в составе Польши. На остальных территориях 31.07.1920 принята Декларация о провозглашении независимой Советской Социалистической Республики Белоруссии [7, с. 223–225]. Согласно Декларации «все правительственные и классовые буржуазно-помещичьи учреждения польской оккупационной власти подлежат немедленному задержанию и передаче суду военно-революционного трибунала». Тем самым эта норма права предписывала применение ареста по политическим мотивам.

На территории БССР с 15.07.1922 распространяет свое действие Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года (далее по тексту – УПК 1922 года) [8], в котором не закреплены какие-либо основные начала уголовного процесса. В то же время, исходя из статьи 5 УПК 1922 года, представляется возможным говорить о наличии принципа законности при применении заключения под стражу. Кроме того, в указанном кодексе закреплена обязанность судей и прокуроров в пределах компетенции освобождать обвиняемых при противоправном применении к ним рассматриваемой меры пресечения либо превышении сроков ее действия. Эти должностные лица обязаны были принимать меры к восстановлению законности при обнаружении нахождения обвиняемых в ненадлежащих местах лишения свободы.

Порядку применения мер пресечения посвящена глава XII УПК 1922 года (ст. 146–164). Меры пресечения применялись к обвиняемым и могли быть изменены либо отменены после их первого допроса. Вышеуказанная норма, на наш взгляд, не способствовала объективности расследования уголовных дел, так как давала почву следователям использовать ее для получения признательных показаний в совершении преступления. Также меры пресечения в исключительных случаях могли применяться к подозреваемым до предъявления обвинения (на условиях обязательного предъявления обвинения в течение 14 суток). Для принятия вышеуказанного решения следователем выносилось постановление, о чем незамедлительно уведомлялся обвиняемый (каким именно образом не регламентировано). В УПК 1922 года закреплены обстоятельства, обязательные для учета следователем при применении мер пресечения: важность преступления (имеется в виду его резонансность), доказательства виновности, вероятность возможного уклонения от следствия и суда либо воспрепятствования раскрытию истины, состояние здоровья и род занятий обвиняемого, а также иные сведения (ст. 150).

Согласно статье 151 УПК 1922 года прокурор имел право предложить следователю изменить или отменить меру пресечения, примененную к обвиняемому. При несогласии следователя этот вопрос разрешался судом, которому подсудно уголовное дело. Также прокурор имел право на применение меры пресечения в случае ее не избрания следователем.

Заключение под стражу регламентировалось статьями 161–163 УПК 1922 года. Впервые рассматриваемая мера в данном кодексе, в отличие от вышеуказанных декретов, именуется не арестом, а заключением под стражу (в Уголовно-процессуальном кодексе 1999 года используется данное название указанной меры пресечения).

Согласно содержанию статей 149, 150 и 161 УПК 1922 года следователь применял заключение под стражу самостоятельно, о чем выносил постановление. При этом, исходя из буквального толкования норм права данных статей, полномочиями на применение данной меры пресечения обладал только следователь (согласно статьям 246 и 268 кодекса это входило и в полномочия судей). На наш взгляд, это создавало определенные пробелы в правоприменительной практике и предпосылки для неограниченного какими-либо основаниями применения исследуемой меры пресечения судьями. Это не способствовало защите прав и свобод лиц, подвергшихся уголовному преследованию.

Основаниями для заключения под стражу являлись лишение свободы как возможное уголовное наказание и наличие вероятности того, что обвиняемый скроется от следствия и суда либо воспрепятствует раскрытию истины. Срок содержания обвиняемого под стражей не должен был превышать двух месяцев. Согласно нормам УПК 1922 года этот срок распространялся на случаи применения меры пресечения только по третьему основанию. В остальных случаях законодатель не предусмотрел какие-либо сроки досудебного лишения лиц свободы. Продление действия рассматриваемой меры пресечения было возможно до одного месяца только по особо сложным уголовным делам по определению суда. Порядок совершения данного процессуального действия в кодексе не урегулирован.

Относительно вышеуказанных сроков можно утверждать, что они, на наш взгляд, являлись недостаточными по многоэпизодным и сложным уголовным делам, что не содействовало всестороннему, полному и объективному расследованию уголовного дела.

О применении заключения под стражу сообщалось прокурору, копия постановления направлялась по месту содержания обвиняемого, а также по месту его работы.

Полагаем, что уведомление наймодателя не в полной мере является правильным, так как способствовало дискредитации лица, лишённого свободы, и разглашало данные следствия о сущности обвинения, что могло поставить под угрозу всесторонность расследования уголовного дела и сохранность доказательств вины этого лица.

Действие мер пресечения отменялось или изменялось при отсутствии дальнейшей необходимости в их применении. Об этом следователь выносил постановление. Этот документ согласовывался с прокурором в случае применения меры пресечения в порядке статьи 151 УПК 1922 года.

Обжалование примененных мер пресечения осуществлялось через прокурора или суд. Подача жалобы не ограничивала их действия.

При передаче уголовного дела в суд прокурор излагал свое мнение по поводу принятия, отмены или изменения мер пресечения. На судебных стадиях уголовного процесса заключение под стражу применялось либо в распорядительном судебном заседании, либо непосредственно в судебном заседании (на основании определения судьи).

Одновременно статья 59 УПК 1922 года предписывала обязательное участие защитника в случае нахождения подзащитного под стражей.

На стадии рассмотрения уголовного дела обвиняемый, оставшийся на свободе, мог быть взят под стражу только на основании мотивированного определения народного судьи. Вышеизложенное указывает, что на этой стадии уголовного процесса основания взятия лиц под стражу не регламентированы. Полагаем, что в данном вопросе судьи руководствовались основаниями, указанными выше. Помимо этого, основанием досудебного лишения свободы подсудимого являлась его неявка на судебное заседание, когда его присутствие было обязательно.

Суд при установлении возможного соучастника преступления выносил определение о привлечении такого лица к ответственности, а также был вправе применить к нему любую меру пресечения.

В случае оправдания либо освобождения от наказания действие рассматриваемой меры пресечения незамедлительно отменялось. Факт выхода на свободу оправданного подсудимого не предусматривал какой-либо компенсации вреда за лишение свободы. Это указывает на необеспечение государством защиты прав и свобод лиц, подвергнутых уголовному преследованию, а также отсутствие объективной мотивированности применения указанной меры пресечения.

Заключение под стражу могло применяться к подсудимому, в отношении которого вынесен не вступивший в законную силу приговор, для обеспечения его исполнения. В УПК 1922 года предусмотрен зачет срока досудебного нахождения лица под стражей в срок его наказания в качестве лишения свободы. Судебные решения о применении мер пресечения обжалованию не подлежали. На наш взгляд, это в некоторой степени ставило под вопрос законность и правильность их принятия и способствовало неограниченности полномочий судей.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим уголовно-процессуальное законодательство на территории советской Беларуси до ее вступления в СССР, являлся УПК РСФСР 1922 года.

С образованием СССР на территории БССР постановлением II сессии ЦИК БССР IV созыва от 30.03.1923 распространилось действие УПК РСФСР 1923 года (далее по тексту – УПК 1923 года) [9].

В своем большинстве применение мер пресечения, в том числе и заключения под стражу, по УПК 1923 года соответствовало УПК 1922 года.

Новым было введение нормы об обязательном немедленном уведомлении прокурора о применении меры пресечения (ст. 146), что является положительной тенденцией, так как формально устанавливало контроль над действиями следователя. В кодексе предписана обязательная замена ранее примененной меры пресечения на более легкую по предложению прокурора. В то же время у следователя имелась возможность в последующем обжаловать эти процессуальные действия в суде.

Продление сроков содержания под стражей реализовывалось через прокурора, а не суда. Полагаем, что это ухудшало положение заключенных под стражу, так как суд является более независимым процессуальным участником по отношению к уголовному делу (прокурор мог поддерживать обвинение в суде).

Уголовно-процессуальный кодекс 1923 года на досудебных стадиях уголовного процесса устанавливал право применения мер пресечения, в том числе и рассматриваемой, не только следователю, но и органам дознания. Они были вправе применить их в отношении подозреваемых в преступлениях, за которые в качестве уголовного наказания предусмотрено лишение свободы свыше одного года. Об этом в обязательном порядке уведомлялся надзирающий прокурор, который мог отменить либо изменить вышеуказанные процессуальные действия. В случае задержания подозреваемого, об этом в течение 24-х часов уведомлялись компетентный суд или народный судья. Помимо этого, о лишении свободы по делам, по которым обязательно предварительное расследование, сообщалось следователю и прокурору. В течение 48 часов с момента получения вышеуказанной информации народный судья, суд или следователь обязаны были либо подтвердить, либо отменить арест. Обжалование действий органов дознания осуществлялось через надзирающего прокурора.

В УПК 1923 года было предусмотрено, что применение исследуемой меры пресечения в суде могло пересматриваться в порядке надзора вышестоящим судом. Изложенное свидетельствует о частичном ограничении полномочий суда. Однако это касалось случаев применения меры пресечения при неявке обвиняемого на судебное заседание и при постановлении приговора до его вступления в законную силу.

В связи с принятием в 1924 году Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик в 1927 году [10] в УПК 1923 года внесены существенные изменения (далее по тексту – УПК 1927 года). В незначительной степени они коснулись меры пресечения в виде заключения под стражу, которая была переименована в лишение свободы.

Новшества коснулись порядка применения мер пресечения органами дознания. Они могли избираться только по преступлениям, по которым обязательно проведение предварительного следствия.

Заключение под стражу могло применяться к обвиняемым в преступлениях, за которые в качестве уголовного наказания предусмотрена смертная казнь. Устанавливалось новое основание избрания рассматриваемой меры пресечения – если нахождение обвиняемого на свободе будет признано общественно опасным (УПК 1923 года законодатель не конкретизировал критерии этой опасности). Норма о сроках содержания распространилась на все основания досудебного лишения свободы.

С 1927 года по 1935 год в УПК 1927 года неоднократно вносились изменения, что повлекло издание Народным комиссариатом юстиции БССР кодекса в редакции 1935 года [11].

Статья 96а УПК 1927 года в этой редакции устанавливала сроки проведения расследования уголовного дела, в том числе и при взятии лиц под стражу: для органов дознания – 20 дней, для следователей – не свыше одного месяца. Существовала возможность продления данных сроков до месяца посредством прокурора. В случае их истечения дальнейшее расследование разрешалось Прокурором БССР. Нормы статьи предписывали, что их действие не распространялись на случаи установления сроков иными специальными законами.

Надзор за применением мер пресечения, применяемых органами дознания, передан прокурору, который был вправе изменить или отменить эти процессуальные действия. Именно это лицо обязано было подтвердить или отменить арест подозреваемого.

Порядок разрешения несогласия следователя с прокурором о применении, изменении либо отмене меры пресечения разрешался Прокурором БССР.

Отдельного внимания заслуживает следующий особый порядок досудебного лишения свободы. Конец 20-х – начало 50 годов XX века в истории СССР «очернены» массовыми репрессиями, основным инструментом которых являлось безосновательное производство арестов.

В этот период времени советской властью проводится целенаправленная борьба с классовыми врагами («кулаками»), «нацдемовщиной», а также внутри самой партии [12, с. 229–250].

Вышеуказанный курс политики РКП (б) реализовывался Особым государственным политическим управлением (далее по тексту – ОГПУ), созданным в 1924 году с изданием первой Конституции СССР [13]. Данный орган 10.07.1934 включен во вновь образованный Народный комиссариат внутренних дел СССР путем принятия ЦИК СССР постановления «Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних Дел» [14]. Эти органы осуществляли преследование как «политических врагов», так и обычных граждан, а производство арестов стало одним из основных средств уголовного преследования обвиняемых. Как отмечает профессор А.Ф. Вишневецкий, «арышты невінаватых людзей – адно са звёнаў сталінскага тэрору» [12, с. 240].

ЦК ВКП (б) и СНК СССР 08 мая 1933 года приняло Директиву – Инструкцию «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения» [15, с. 746–750]. В ней властями признается факт проведения арестов как необходимость борьбы с кулачеством. Одновременно подвергаются критике массовость и беспорядочность применения этой меры пресечения, а также ее производство некомпетентными лицами (председателями колхозов, членами их правления, председателями сельсоветов, секретарями ячеек партии). Также данной Инструкцией фактически установлен лимит на количество взятия лиц под стражу по всему СССР – в местах лишения свободы должно было содержаться не более 400 тысяч арестованных, что ставит под сомнение объективность и целесообразность применения этой меры пресечения.

Особенно количество арестов усилилось после принятия 01.12.1934 Президиумом ЦИК СССР постановления № 112 «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» [16]. Применение рассматриваемой меры пресечения регламентировалось постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17.10.1935 «О порядке проведения арестов» [17, с. 537–538]. Согласно указанному постановлению взятие лиц под стражу, производимое должностными лицами НКВД, согласовывалось с прокурорами. Аресты членов ЦИК СССР, а также руководящих кадров органов власти и предприятий союзных республик производилось по согласованию с их вышестоящими руководителями, что в некоторой степени нарушало принцип независимости правосудия.

Считаем, что проведение в жизнь данного постановления в большой степени позволило использовать аресты как элемент устранения «неугодных», а также давления на граждан.

На практике нормы вышеуказанной Инструкции о прекращении необоснованного и массового применения арестов остались проигнорированными, о чем свидетельствуют материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года [18]. Это указывает на существование правового нигилизма

со стороны советских властей, которые использовали репрессивную политику как элемент становления тоталитарного режима.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что формальный характер имели нормы права, содержащиеся в статье 127 Конституции СССР 1936 года [19] и статье 102 Конституции БССР 1937 года [20] о неприкосновенности личности и о том, что аресту подвергались лица не иначе как с санкции прокурора либо по постановлению суда.

В 1938 году руководство коммунистической партии в очередной раз подтвердило факты проведения необоснованных массовых арестов – 17 ноября принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 81 «Об арестах, прокурорском надзоре, и ведении следствия» [21, с. 307–311]. В нормативном правовом акте подвергнута критике работа органов НКВД и выделены их следующие недостатки: 1) решение возложенных задач упрощенным способом – путем проведения массовых арестов, игнорирование необходимости полного и качественного расследования; 2) наличие лимитов на применение данной меры пресечения; 3) длительное содержание лиц под стражей без проведения каких-либо процессуальных действий, нарушение принципов законности и презумпции невиновности по отношению к арестованным.

В то же время вышеуказанные недостатки объяснялись работой врагов народа, «пробравшихся в органы НКВД и прокуратуры» с целью проведения антисоветской подрывной деятельности.

Постановлением предписаны следующие нормы, устанавливающие применение рассматриваемой меры пресечения. Введен запрет органам НКВД арестовывать лиц без наличия на то постановления суда либо санкции прокурора. Взятие лиц под стражу этими органами необходимо осуществлять в соответствии с постановлением от 17.06.1935. Уделено внимание обязательности предоставления органами НКВД материалов, служащих основанием для досудебного лишения обвиняемого свободы. Прокуратуре предписано тщательно и по существу рассматривать обоснованность постановлений НКВД об этом с правом требования проведения дополнительных следственных действий или представления дополнительных материалов, могущих послужить основанием для применения меры пресечения. Установлены ответственность органов уголовного преследования за незаконное совершение рассматриваемого процессуального действия и обязанность производства допроса лиц, взятых под стражу, в течение 24 часов после применения ареста.

Несмотря на издание данного нормативного правового акта, репрессивная политика государства была продолжена. Для БССР ее проведение в первую очередь было связано с присоединением в 1939 году территорий Западной Беларуси к СССР.

Согласно статистическим данным органов НКВД [22] на территории Западной Беларуси в период с сентября 1939 года по май 1941 года подвергнуто аресту 42 922 лица. Примечательно, что на территории всего СССР (за исключением присоединенных территорий) в 1939 году было арестовано 44 371 человек [22]. Таким образом, представляется возможным сделать вывод о внушительном числе подвергнувшихся досудебному лишению свободы на территории Западной Беларуси.

В годы Великой Отечественной войны на территорию БССР распространил свое действие Указ Президиума Совета СССР «О военном положении» от 22.06.1941 года [23]. Уголовное преследование осуществлялось по законам военного времени не только за совершение преступлений (в большинстве своем они стали подсудны военным трибуналам), а также за неподчинение распоряжениям и приказам властей. Несомненно, это упрощало применение заключения под стражу (на это косвенно указывает пункт 6 нормативного акта, согласно которому уголовное преследование осуществляется по законам военного времени).

В послевоенное время на территории СССР, в том числе и БССР, продолжили свое действие довоенные нормативные правовые акты, в том числе и имевшие отношение к политическим репрессиям.

До настоящего времени в исторической науке не существует однозначного мнения о количестве лиц, подвергнутых репрессиям в Беларуси в 20–50-е годы XX века. Профессор А.Ф. Вишневецкий считает, что «...па палітычных матывах судовымі і пазасудовымі organамі прыцягваліся да адказу 240 тыс. беларусаў. Акрамя таго, было раскулачана, а таксама падвергнута ссыльцы, высылцы і спецпасяленню 261 тыс. чалавек; з заходняй часткі Беларусі ў 1939–1941 гадах і пасляваенны час выселены ў адміністрацыйным парадку 87 тыс. 729 чалавек» [24, с. 257].

С 1953 года в политике СССР наблюдаются положительные изменения, в последующем вошедшие в историю как «хрущевская оттепель». С этого года началась новая историческая эпоха, которая отличается от предыдущей либерализацией уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим освещение вопроса применения заключения под стражу после 1953 года требует отдельного исследования.

Заключение. Так, рассмотрев историческое развитие меры пресечения в виде заключения под стражу с 1918 по 1953 год, можно сделать следующие выводы и подвести итоги. Особенностью развития меры пресечения с этот период времени является то, что в годы становления советской власти она являлась средством политической борьбы большевиков со своими оппонентами и становления тоталитарного государства. После революции право на защиту лиц, взятых под стражу, было ограничено, так как за-

щитник допускался к участию в уголовном процессе органом уголовного преследования исходя из «интересов раскрытия истины». Это не исключало наличия субъективного подхода при решении данного вопроса. Кроме того, впервые нормативно закреплено название меры пресечения – заключение под стражу (в УПК 1922 года). Несмотря на это, в иных нормативных правовых актах 30-х годов XX века мера пресечения именовалась арестом. Их принятие в связи с одновременным существованием УПК 1927 года стало причиной беспорядочной правоприменительной практики. Нормы вышеуказанных нормативных правовых актов стали одной из причин массовых репрессий и средством устранения политических врагов, где мере пресечения отводилась ключевая роль. Такие демократические принципы, как законность и неприкосновенность личности, фактически игнорировались, защита прав и свобод граждан на должном уровне не обеспечивались. Такая политика государства стала результатом необоснованного и широкого применения рассматриваемой меры пресечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 года [Электронный ресурс] : 20 авг. 1999 г. № 2/71 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О порядке и условиях содержания лиц под стражей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июня 2003 г., № 215-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. суда Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 12 : в ред. постановления Пленума Верх. суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
5. Декреты Советской власти ; редкомис. : Г.Д. Обичкин и [др.]. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. I : 26 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 626 с.
6. О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений : постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР, 16 дек. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1917. – № 9. – Ст. 145.
7. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Яхо. – 2-е выд., дап. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 320 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года [Электронный ресурс] : принят постановлением ВЦИК РСФСР от 25 мая 1922 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1711531479396414.pdf. – Дата доступа: 10.09.2018.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года [Электронный ресурс] : принят постановлением ВЦИК РСФСР от 15 февр. 1923 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_RSFSR_1923.pdf. – Дата доступа: 10.09.2018.
10. Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1927 года [Электронный ресурс] : принят постановлением ЦИК БССР от 30 марта 1927 г.: в ред. Постановления ЦИК и СНК БССР от 10 ноября 1927 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_BSSR_1923_\(izmenen_do_1927\).pdf](http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_BSSR_1923_(izmenen_do_1927).pdf). – Дата доступа: 10.09.2018.
11. Крымінальна-працэсуальны кодэкс БССР (са зменамі і дадат. на 1 студз. 1935 г.) – Мінск : Выд. НКЮ БССР, 1935. – 86 с.
12. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.
13. Основной Закон (Конституция) СССР [Электронный ресурс] : утв. ЦИК СССР 06 июля 1923 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
14. Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних Дел [Электронный ресурс] : постановление ЦИК СССР, 10 июля 1934 г. // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». – Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/nkvd/stru/prikazy1.htm>. – Дата доступа: 25.09.2018.

15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : Документы и материалы. 1927–1939 : в 5 т. / А.С. Данилов [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1999–2006. – Т. 3 : Конец 1930–1933 / А.С. Данилов [и др.]. – 2001. – 1006 с.
16. О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов [Электронный ресурс] : постановление Президиума ЦИК СССР, 01 дек. 1934 г., № 112 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4030.htm. – Дата доступа: 10.09.2018.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы. 1927–1939 : в 5 т. / А.С. Данилов [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1999–2006. – Т. 4 : 1934 – 1936 / А.С. Данилов [и др.]. – 2002. – 1053 с.
18. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года [Электронный ресурс] / Вопросы истории. Политический архив XX века. – 1994. – № 10. – Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/1937>. – Дата доступа: 11.09.2018.
19. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] : утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 дек. 1936 г // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
20. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] : утв. постановлением Чрезвычайного XII Съезда Советов БССР от 19 фев. 1937 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: // <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda>. – Дата доступа: 11.09.2018.
21. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : Документы и материалы. 1927–1939 : в 5 т. / А.С. Данилов [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1999–2006. – Т. 5. : 1937–1939, кн. 2: 1938–1939 / А.С. Данилов [и др.]. – 2006. – 701 с.
22. Репрессии против поляков и польских граждан [Электронный ресурс] // Мемориал. междунар. историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество. – Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/POLAsu>. – Дата доступа: 11.09.2018.
23. О военном положении [Электронный ресурс] : Указ Президиума ВС СССР, 22 июня 1941 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
24. Вішнеўскі, А.Ф. Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953) / А.Ф. Вішнеўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Тэсей, 2006. – 328 с.

Поступила 12.10.2018

APPLICATION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION ON THE TERRITORY OF MODERN BELARUS (1917–1953)

R. ALEKPEROV

The study attempted to highlight the features of pre-trial deprivation of liberty of persons during a specified period of time. Established the procedure for electing this measure of criminal procedural coercion, the timing of the detention of persons in custody and their extension, ensuring the protection of the rights and freedoms of persons subject to criminal prosecution. Particular attention is paid to political repression, where the production of arrests is given a key role. In addition, gaps in the rules of law governing the application of this preventive measure are highlighted. It justifies the conclusion that the protection of the rights and legitimate interests of persons subject to criminal prosecution was not fully ensured, which was a consequence of the state policy being pursued.

Keywords: *arrest, detention, imprisonment, preventive measure, accused, suspect, prosecutor, repression, investigator, judge.*

КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.9.316.33(476)

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ДРУГИХ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ

д-р социол. наук, канд. юрид. наук Н.А. БАРАНОВСКИЙ

(Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск;

Н.Н. ШЕВЧУК

(Представительство Белгосстраха по городу Полоцку и Полоцкому району)

Анализируются с точки зрения криминологии особенности и тенденции развития преступности, пьянства и наркомании, а также нормативно-правовая база деятельности по их предупреждению в Беларуси. Разработаны теоретико-концептуальные основы социально-правовой системы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений как приоритетного направления государственной антикриминально-девиантной политики. Представлен междисциплинарный социально-правовой подход к деятельности по предупреждению преступности и других антиобщественных явлений, который может быть использован в законодательной, программно-плановой, социально-управленческой, правоохранительной и научно-исследовательской работе, а также в учебном процессе преподавания криминологии, социальной девиантологии, виктимологии и уголовно-правовых дисциплин.

Ключевые слова: *белорусское общество, социальная трансформация, антиобщественные явления.*

Белорусское общество на современном историческом этапе развития находится в состоянии системной трансформации, в котором эволюционным путем формируется новая система экономических, политических, социальных и культурных отношений и жизнедеятельности всех социальных субъектов, основанная на многоукладной государственно-рыночной экономике, демократической политической системе и принципах социального и правового государства. Процесс социальной трансформации страны развивается медленно, неравномерно и противоречиво, порождая как позитивные изменения, так и негативные социальные последствия. Одним из таких негативных социальных последствий является сохраняющийся высокий уровень преступности, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений, которые препятствуют устойчивому демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию современного белорусского общества.

Анализ данных уголовной статистики, мониторинговых социологических и криминологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси и другими научно-исследовательскими центрами, свидетельствует, что если в 1990-е годы в стране имел место галопирующий рост преступности (с 1990 по 2000 год в 1,8 раза – с 75,7 тысяч до 135,5 тысяч преступлений), то в первом десятилетии нынешнего столетия, начиная с 2006 года, отмечается устойчивая тенденция снижения уровня преступности. Общее количество зарегистрированных преступлений в 2016 году стало немного меньше, чем в 2000 году (92,9 тыс. преступлений), но все еще значительно превышает показатель 1990 года (в 1,4 раза) и остается серьезной социальной и правовой проблемой. Однако данные статистики не учитывают уровень так называемой латентной преступности, которая по объективным и субъективным причинам не была зарегистрирована правоохранительными органами. По оценкам экспертов, латентная преступность в два-три раза превышает количество зарегистрированных преступлений. Научный криминологический анализ преступности показывает, что за последнее десятилетие практически не изменились ее качественные показатели, такие как структура, характер и масштабы причиняемого экономического, социального и морального вреда. В общей структуре преступности сохраняется высокий удельный вес преступлений: против собственности; коррупционных преступлений; умышленных убийств и тяжких телесных повреждений; экономических преступлений; преступлений, связанных с наркотиками; преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения; молодежной, женской, групповой, организованной и рецидивной преступности; преступлений, совершаемых в общественных местах с применением холодного и огнестрельного оружия, маргинальными лицами, которые нигде не работают и не учатся.

Теоретические исследования и социальная практика показывают, что совершение преступлений тесно взаимосвязано с пьянством и алкоголизмом, которые нередко выступают в качестве благоприятной почвы, а также социокультурного, психолого-мотивационного и поведенческого фактора криминального и виктимного поведения. Как свидетельствует социальная статистика, уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения в настоящее время в стране в 1,5 раза превышает показатель 1990 года (8,8 литра по сравнению с 5,6 литра в 1990 году). По расчетам белорусских экспертов, реаль-

ный уровень потребления алкогольных напитков в стране составляет 16–17 литров абсолютного алкоголя на душу населения. По оценкам ВОЗ, Беларусь занимает 10 место в мире по уровню потребления алкоголя на душу населения с показателем 15,13 литра. В структуре потребления алкогольных напитков примерно в равной степени представлены крепкие спиртные напитки (36%), вино (31%), пиво (32%). Вместе с тем, по оценкам экспертов ВОЗ, для европейских стран относительно оптимальной структурой потребления алкогольных напитков является следующая: потребление пива и других слабоалкогольных напитков – 50%; потребление вина и алкоголя средней крепости – 35%; потребление крепких спиртных напитков – 15%. Таким образом, удельный вес потребления крепких спиртных напитков в стране в два раза превышает европейский допустимый показатель, что оказывает крайне неблагоприятное влияние на состояние и динамику алкогольной и криминальной ситуации. Численность больных алкоголизмом, находящихся на наркологическом учете в органах здравоохранения Республики Беларусь, в 2015 году составляла 184 тыс. 253 человека (для сравнения, в 1990 году – 145 тыс. 881 человек). По расчетам белорусских экспертов, уровень затрат, связанных с пьянством и алкоголизмом, в 2013 году составил 4,3% от ВВП, а доходы, полученные за счет реализации алкогольной продукции, составили только 1,4% от ВВП. По данным социологических опросов, потребление алкогольных напитков распространено среди всех социально-демографических групп населения и во всех регионах страны. Употребляет спиртные напитки абсолютное большинство взрослого населения (по данным опроса 2005 г. – 77%; 2007 г. – 74%; 2010 г. – 72%; 2012 г. – 67%; 2013 г. – 89,4%). В наибольшей степени употребление алкоголя распространено среди мужчин (94,5%), среди женщин (86,0%), а также среди 25–59-летних (91,3–95,6%), среди безработных (100%), среди рабочих (94,8%), ИТР (94,2%), предпринимателей (92,6%), работников сферы обслуживания и торговли (91,0%), работников творческой профессии (88,9%), пенсионеров (88,5%), работников сельского хозяйства (87,2%) и госслужащих (86,7%). Несколько выделяются по распространенности потребления алкоголя лица с неполным средним и начальным образованием (92,8%), а также средним и специальным образованием (89,9%). Среди городских и сельских жителей употребление алкоголя распространено примерно в равной степени (соответственно 88,8 и 92,3%). В региональном плане уровень потребления алкоголя среди областей страны наиболее высокий имеет место в Гомельской (96,0%), Брестской (92,9%) и Витебской областях (92,3%); для сравнения – в городе Минске – 83,7%, Гродненской области – 85,4%, Могилевской области – 87,8%, Минской области – 88,4%. Среди взрослого населения страны преобладает эпизодическое употребление алкогольных напитков различной крепости (45,8%), однако достаточно тревожно представлено регулярное (31,4%) и систематическое употребление алкоголя (12,2%), а среди 2,3% – практически ежедневно. Бытовое пьянство распространено среди 21% взрослого населения. Наиболее высокий уровень бытового пьянства зафиксирован среди мужчин, лиц среднего возраста и молодежи 25–29 лет, среди безработных, рабочих, ИТР, предпринимателей и работников сферы обслуживания и торговли, лиц с неполным и начальным образованием, сельских жителей и лиц, проживающих в Гомельской, Брестской и Витебской областях. Эти социально-демографические категории можно рассматривать как группы риска совершения правонарушений, и они требуют первоочередного как антиалкогольного, так и антикриминального профилактического внимания.

Изучение причин и условий, детерминирующих потребление алкогольных напитков населением страны, проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в декабре 2013 года, показывает, что основные причины употребления алкогольных напитков имеют социально-культурный и социально-психологический характер: культурные застольные традиции и обычаи, социальные поведенческие стереотипы на их соблюдение в повседневной жизни – 56,6%, а также конформизм при общении в малых социальных группах («за кампанию») – 34,9%. Большое значение имеют психологические причины: для общения и развлечения – 40,9%, снять усталость и расслабиться – 35,8%, поднять настроение – 34,7%, отвлечься от жизненных проблем – 27,0%. И наконец, личностные причины, связанные с бездельем, неорганизованностью и неумением проводить свободное время: просто так, без существенных причин – 9,7%. Следовательно, основные причины пьянства в стране лежат в сфере экономических и социальных отношений, а также связаны с уровнем и особенностями общественной, социально-групповой и индивидуальной культуры, психологии и образа жизни населения [1].

Социологические исследования свидетельствуют о наличии тесной взаимозависимости между преступностью и наркоманией, которая в последние два десятилетия имеет негативную тенденцию галопирующего роста, что существенно влияет на характер и динамику преступности. За последние 25 лет в стране число больных-наркоманов, состоящих на учете в органах здравоохранения, увеличилось более чем в 20 раз, и на 1 октября 2016 года составляло 14 тысяч 222 человека. Ежегодный рост лиц, страдающих наркоманией, равен 6–10%. По оценкам экспертов, реальное число наркоманов в 6–8 раз больше, т.е. порядка 100 тысяч человек, а группа риска потребления наркотиков насчитывает более 200 тысяч человек, и это, как правило, молодежь, которая относится к категории наиболее криминально активной категории населения. По опросам общественного мнения, проблема наркомании входит в пятерку социальных проблем, вызывающих наибольшее беспокойство населения страны. По данным социологическо-

го исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в октябре 2015 года, потребление наркотиков среди молодежи имеет достаточно высокий уровень распространенности и тенденцию к дальнейшему увеличению – 5,4% современной белорусской молодежи употребляет наркотики. За последние десять лет потребление наркотиков среди молодежи увеличилось в 1,6 раза (по данным опроса 2004 года, 3,4% молодежи употребляло наркотики). Среди молодых мужчин употребляют наркотики 9%, а среди женщин – 1,5%, или в шесть раз меньше. Употребление наркотиков в наибольшей степени распространено среди молодежи 14–17 лет (9,2%), далее – среди 18–24-летних (5,8%) и 25–35-летних (3,9%).

Среди молодежи с неполным средним образованием употребляют наркотики 9,2%, со средним образованием – 7,0%, высшим образованием – 3,6%, средним специальным образованием – 1,6%. Наиболее высокий уровень потребления наркотиков зафиксирован среди безработных (16,3%), далее – среди учащихся школ, гимназий (8,4%), молодых предпринимателей (8,1%), военнослужащих (7,7%), студентов (5,8%), молодых рабочих промышленности, транспорта, строительства (4,8%), молодых работников сельского хозяйства (3,1%), домохозяек (2,6%), молодых служащих, специалистов (1,0%). Наибольшая распространенность употребления наркотиков имеет место среди молодежи с низким достатком («бедных») – 14,3%, а также среди «богатых» – 7,6% (среди молодежи со средним достатком – 4,0%, ниже среднего достатка – 4,9%, выше среднего достатка – 4,5%). Повышенный уровень потребления наркотиков выявлен среди молодежи, проживающей в средних городах с населением более 70 тысяч человек (9,1%), и в городе Минске – 8,8% (среди молодых жителей малых городов до 70 тыс. человек – 4,8%, областных центров – 2,2%, жителей села – 2,1% (т.е. среди молодых жителей города и села соотношение составляет 3:1). Больше всего употребление наркотиков выявлено среди молодых жителей города Минска (8,9%), Брестской области (7,4%) и Витебской области (7,4%), далее следуют Могилевская область (4,6%), Минская область (3,2%), Гомельская область (2,4%) и Гродненская область (2,0%). По данным социологического опроса, молодежь, как правило, начинает употреблять наркотики в 15–17-летнем возрасте, ингалянты (клей) в 13–14 лет, употреблять алкогольные напитки в 14–15 лет, курить в 12–14 лет, что свидетельствует о снижении за последние десятилетия примерно на два года возраста первичного приобщения к вредным привычкам. Среди психологических причин (мотивов) употребления наркотиков преобладает «желание получать приятные ощущения от наркотических веществ» (56,9%), далее – «стремление забыть о своих проблемах» (25,5%), «за компанию» (23,5%), «не выделяться из группы» (15,7%), «от нечего делать» или «из-за любопытства» (по 9,8%), другие (7,8%). В ближайшем социальном окружении 17% молодежи имеет место употребление наркотиков, чаще всего марихуаны или гашиша, а также курительных смесей. Таким образом, реальная сфера наркопотребления затрагивает 17% молодежи (по социологическим данным 2004 года, около 10%).

Наибольшее влияние на наркотизацию молодежи оказывают социокультурные и психологические причины и условия: массовая социокультурная аномия в молодежной среде; недостатки семейного воспитания и семейное неблагополучие; деформация системы ценностных ориентаций в направлении индивидуализма, гедонизма и потребительства; влияние субкультурных модных течений; групповой конформизм; несформированность волевых качеств и навыков самоконтроля; социальная замкнутость и пессимизм; социально-девиантные особенности повседневного поведения и образа жизни; низкий уровень нравственно-правовой культуры и др. Данные социокультурные и психологические обстоятельства индивидуально-личностного и социально-группового характера, в свою очередь, обусловлены деструктивными факторами и процессами микро- и макросоциального уровней: неустойчивой социально-экономической ситуацией в стране; большим материальным расслоением в обществе и значительной социальной несправедливостью; безработицей среди молодежи; неудовлетворительными условиями и плохой организацией досуга подростков и молодежи по месту жительства; кризисом и противоречивостью системы духовных ценностей в обществе; низкой эффективностью работы по профилактике пьянства, наркомании и правонарушений среди подростков и молодежи; недостатками воспитательно-просветительской работы в учреждениях образования; негативным влиянием СМИ, кино- и видеопродукции; несовершенством законодательства, практики ответственности и наказания за производство, транспортировку, реализацию и потребление наркотиков, а также преступления, связанные с наркотиками; высоким уровнем распространенности в молодежной среде вредных привычек, связанных с употреблением алкоголя, наркотиков и табакокурением; безнаказанностью молодых потребителей наркотиков и лиц, занимающихся наркобизнесом; распространенностью преступности в обществе и влиянием криминальной субкультуры; невысокой эффективностью работы по лечению и социальной реабилитации наркоманов, и другими.

Таким образом, в современном белорусском обществе имеются многочисленные социальные и личностные факторы, причины и условия, обуславливающие высокий и прогрессирующий уровень распространенности потребления наркотиков и наркомании среди молодежи, которые выступают в качестве важного фактора высокого уровня преступности и других правонарушений [2].

В связи с тем, что преступность, пьянство, наркомания и другие антиобщественные явления имеют единую природу и антисоциальную сущность, а также во многом общие закономерности генезиса и детерминации, решение проблемы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений требует разработки и реализации комплексной государственной антикриминально-девиантной стратегии

и политики. Общеизвестно, что приоритетное место в данной политике должна занимать социально-правовая деятельность по предупреждению преступности и других антиобщественных явлений.

Базовым криминологическим нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность по предупреждению правонарушений, является новый Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон), который был принят 4 января 2014 года и заменил утративший юридическую силу законодательный акт от 10 ноября 2008 года. Принятие новой редакции Закона было связано с актуальной социально-практической потребностью в совершенствовании и модернизации национального криминологического законодательства с учетом современных реалий развития белорусского общества и научных достижений криминологии.

По сравнению с предыдущим нормативно-правовым актом, в Законе от 4 января 2014 года предлагается определение новых понятий: «социальная адаптация», «социальная реабилитация», «профилактический учет»; закрепляется новая мера индивидуальной профилактики – «защитное предписание»; детализируется процедура проведения профилактической беседы, предусмотрено обязательное регулярное участие граждан, находящихся на профилактическом учете, в групповых профилактических мероприятиях, изменены основания постановления и снятия с профилактического учета и многое другое. Вместе с тем новый Закон имеет преимущественно организационный и технологически-инструментальный, а не основополагающий характер, который должен быть присущ базовому криминологическому закону, системно интегрирующему основные принципы, субъекты, направления и меры профилактики правонарушений:

- практически отсутствует теоретико-концептуальная криминологическая основа сложной и многоплановой социально-правовой деятельности правоохранительных и других государственных органов, общественных организаций и граждан по предупреждению правонарушений;

- профилактика правонарушений рассматривается автономно и изолированно от общей системы антикриминальной политики, неотъемлемой и приоритетной частью которой она является;

- не определена на концептуальном и социально-практическом уровнях стратегия предупреждения и борьбы с преступностью и другими правонарушениями. Не сделан выбор между двумя практикующимися в различных странах мира современными криминологическими стратегиями: социально-правового контроля преступности и других правонарушений и стратегией комплексного экономического, социального, культурного, психологического и правового предупреждения и противодействия правонарушениям;

- в содержании и «духе закона» отсутствует четко обозначенная криминологическая теория этиологии преступности и других правонарушений. Однако понятно, что без научного понимания и определения перечня основных криминогенных социальных сфер, а также конкретных причин и условий совершения правонарушений практически невозможно эффективно осуществлять деятельность по их выявлению и устранению, т.е. системно, предметно и целенаправленно осуществлять профилактику правонарушений, тем самым обеспечить устойчивое снижение уровня преступности и укрепление правопорядка в стране;

- Закон плохо структурирован и не отличается необходимой и достаточной полнотой и системностью, в нем практически отсутствует преамбула с указанием сущности, целей, социально-правового статуса и теоретико-концептуальной основы предупреждения правонарушений; неполно и недостаточно научно сформулированы используемые основные понятия и категории – отсутствуют такие важные криминологические понятия, как «система профилактики правонарушений», «профилактика правонарушений», определения сущности, целей, задач, функций и форм профилактики правонарушений; не раскрыта сущность, содержание и порядок проведения криминологической экспертизы проектов законов, действующего законодательства и других криминологически значимых социально-правовых явлений и процессов;

- используемое в Законе определение профилактики правонарушений в значительной степени лишено предметно-целевого содержания, а сведено просто к «системе социальных, правовых и иных мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, принимаемых государственными органами (организациями), иными организациями и гражданами...». В дефиниции профилактики правонарушений обязательно должно быть указано, что это не только система мер, а главное – комплексная социальная, культурная, правовая и иная деятельность, направленная на выявление и устранение социальных, личностных и ситуативных причин и условий совершения преступлений и других правонарушений, связанных как с деформацией личности и образа жизни правонарушителей и жертв правонарушений (потенциальных, реальных и ранее совершивших), так и криминогенными явлениями и процессами микро- и макросоциальной и культурной среды их формирования и развития, а также деструктивным характером взаимодействия личности, социальных групп и общества. Необходимо указать в Законе на важность наличия в системе профилактики правонарушений деятельности по развитию позитивных нравственных и культурно-поведенческих начал в социуме и личности как атрибутивных условий законопослушного образа жизни и поддержания правопорядка в обществе;

- определение профилактики правонарушений имеет необоснованно узкий криминологический характер. В частности, в системе деятельности по профилактике правонарушений полностью отсутствует упоминание такой важной ее составной части и направления работы, как виктимологическая профилак-

тика, связанная с выявлением и устранением причин и условий противоправной виктимизации граждан, защитой прав и интересов жертв правонарушений. Вместе с тем уже давно общепринятым является признание важности и целесообразности в системе профилактики правонарушений осуществления превентивной работы с потенциальными и реальными жертвами правонарушений. Ничего не упоминается о превентивных функциях уголовного закона, практики применения уголовного законодательства и исполнения наказания. Недостаточно обращается внимания на необходимость и важность общей социальной и культурной антикриминальной политики, направленной на совершенствование и позитивное развитие общества, которые объективно уменьшают криминогенный потенциал социума. Мало внимания уделяется социальной помощи и социально-реабилитационной профилактической работе с криминогенными личностями, а также группами криминального и виктимного риска;

- отсутствуют важные разделы: система управления и взаимодействия субъектов профилактики; система криминологического мониторинга криминальной ситуации, причин и условий совершения правонарушений и эффективности профилактической работы; система информационно-статистического, научно-методического, кадрового и материально-технического обеспечения профилактики правонарушений.

Таким образом, предусмотренная в Законе система профилактики правонарушений не имеет завершенного и целостного характера, не в полной мере учитывает многогранный комплекс основных факторов, причин и условий, системно детерминирующих совершение правонарушений, а также не полностью использует антикриминальный потенциал общества [3].

В научной криминологической литературе отмечается, что использование термина «профилактика правонарушений» не является оправданным и удачным. Основным объектом изучения науки криминологии является преступность, которая включает наиболее общественно опасные и распространенные уголовно-противоправные правонарушения, дестабилизирующие развитие социума. В связи с этим в интересах общества и граждан первоочередное внимание в профилактической деятельности необходимо уделять предупреждению именно преступлений. Следовательно, в названии Закона целесообразно было бы отразить эту важную особенность, используя понятие «предупреждение преступлений и других правонарушений». В противном случае наиболее важная категория «преступление» размывается более общим понятием «правонарушение» и уходит на второй план, что затрудняет расстановку акцентов и выделение социально значимых приоритетов в профилактической деятельности.

Следует не согласиться с использованием термина «профилактика» вместо понятия «предупреждение», которое традиционно используется в мировой криминологии. Наиболее традиционным для отечественной криминологии является термин «предупреждение», который имеет широкое смысловое содержание и больше подходит для обозначения социально-правовой деятельности, направленной на выявление и устранение всего комплекса причин и условий совершения правонарушений, имеющих как личностный, так и социальный характер.

В Законе выделены только два вида мер профилактики правонарушений: общая профилактика и индивидуальная профилактика. В отечественной криминологии общепризнанным является выделение в самостоятельный вид профилактической деятельности также мер специальной профилактики преступлений, которые ориентированы на профилактику отдельных видов преступлений и других правонарушений (экономической преступности, насильственной, рецидивной и т.д.) и профилактическую работу с отдельными категориями правонарушителей.

Имеет место несистемное смещение уровней общей, специальной и индивидуальной профилактики правонарушений. Используемое в Законе определение «общей профилактики правонарушений» имеет эклектичный характер с элементами тавтологии в использовании слов. В его содержание включена деятельность по «предотвращению и пресечению правонарушений, выявлению, анализу, предупреждению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также выявлению, учету, правовому воспитанию граждан, склонных к противоправному поведению» (ст. 1 Закона). Помимо стилистических погрешностей, повторений и нарушения логической последовательности деятельности, главным недостатком данного определения является смещение общей профилактики правонарушений с индивидуальной профилактикой, когда говорится о работе по «выявлению, учету, правовому воспитанию граждан, склонных к противоправному поведению». Предлагаемое в новом Законе определение общей профилактики также достаточно спорное с криминологической и стилистической точек зрения, некорректное и ограниченное, не содержащее мер, направленных на экономическое, социальное и культурное развитие общества как важнейших условий законопослушного поведения всех граждан.

Вызывает серьезные возражения и определение «индивидуальной профилактики правонарушений» как деятельности, осуществляемой субъектами профилактики правонарушений... по оказанию корректирующего воздействия на граждан, склонных к противоправному поведению и (или) совершивших правонарушения... в целях недопущения совершения ими правонарушений». Речь идет, прежде всего, о необоснованном использовании термина «граждан, склонных к противоправному поведению». Авторы рассматриваемого нами Закона, как и большинство отечественных криминологов, придерживаются социально-правового взгляда на природу преступности, личность преступника и причины преступлений. В связи с этим неоправданно заимствовать терминологию из явно противоположных по своей сути криминологических

теорий. Понятие «склонность к совершению правонарушений» современной психологической и антропологической науками до сих пор эмпирически не поддается выявлению, что порождает серьезные сомнения о существовании этого свойства личности, так же как и «гена преступности». По нашему мнению, целесообразно использовать термин «граждан, которые в социально-психологическом и поведенческом отношении предрасположены к противоправному поведению» или «криминогенных личностей, образ жизни которых создает реальную возможность совершения преступлений» [3].

К основным мерам общей профилактики правонарушений, предусмотренных статьей 10 Закона, необоснованно не отнесена криминологическая экспертиза проектов законов и других нормативных правовых актов. Введенный Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 года социально-правовой институт криминологической экспертизы проектов законов, которому придан государственный статус и обязательный характер для законопроектов и нормативных правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений в важнейших социальных сферах, заслуживает рассмотрения его в качестве одной из основных мер общей профилактики правонарушений. Криминологическая экспертиза – это мера общего предупреждения преступности и укрепления правопорядка, которая представляет собой регулируемые нормативно-правовыми актами деятельность специально уполномоченных экспертов-криминологов по изучению и оценке проектов законов, действующего законодательства и других нормативных актов, а также экономической, социальной, культурной, правоприменительной и другой государственной и общественной политик, направленных на выявление социально-деструктивных явлений и процессов, которые могут иметь криминогенный характер, обуславливая возникновение криминальных и виктимных рисков как реально возможной опасности (угрозы) совершения преступлений либо препятствуя эффективной антикриминальной политике по предупреждению и противодействию преступности и другим антиобщественным явлениям [4].

В Законе больше внимания необходимо уделить криминологической характеристике основных сфер и проблем социализации личности, социальным отношениям и взаимодействиям, образу и стилю жизни (семье, школе, сфере досуга, культуре, образованию, здоровью, уровню и качеству жизни, социальной защите, занятости, бедности, суду и другим правоохранительным органам, ювенальной политике, местному самоуправлению, институтам гражданского общества и др.), а также негативным социальным явлениям, сопутствующим преступности и другим правонарушениям (пьянству и алкоголизму, наркомании и токсикомании).

Таким образом, принятый Закон только упорядочил действующую социально-профилактическую и правоохранительную систему и систематизировал теорию и практику профилактики правонарушений, практически не привнося в ее совершенствование ничего принципиально нового. В частности, в системе субъектов профилактики правонарушений по-прежнему не создан постоянно действующий специальный государственный орган, который призван профессионально заниматься вопросами предупреждения преступлений и других правонарушений. Координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, созданные при Генеральной прокуратуре Республике Беларусь и нижестоящих прокуратурах, в силу эпизодического ежеквартального режима своей работы не могут в полной мере эффективно осуществлять координацию деятельности субъектов профилактики правонарушений. Преступность и другие правонарушения имеют социальную природу и полидетерминированный экономический, социальный, культурный, биопсихологический и правовой характер этиологии (происхождения и развития). Следовательно, работа по их предупреждению должна быть многогранной, комплексной и социально-правовой по своей сути. Это сфера деятельности, прежде всего, органов государственного управления, в системе которых должны быть созданы новые структуры, занимающиеся предупреждением преступности и других правонарушений во взаимодействии с правоохранительными и другими органами, а также общественными объединениями. В связи с этим заслуживает серьезного государственного внимания и научного обсуждения вопрос по организации специализированного вневедомственного Научно-исследовательского института криминологии, девиантологии и виктимологии, а также Национального комитета по предупреждению преступности и других правонарушений – постоянно действующего организационно-управленческого государственного органа, направляющего и координирующего работу всех субъектов социально-правовой системы предупреждения преступности, коррупции и других социальных девиаций. Целесообразно инициировать организацию в стране общественного формирования – Научно-практического общества криминологов, социальных девиантологов и виктимологов.

В отечественной криминологии существуют множество определений предупреждения преступности, которые преимущественно сводятся к системе мер общей и индивидуальной профилактики, направленных на выявление и устранение причин и условий совершения преступлений (в том числе и в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» 2014 г.). Все эти недостатки уже преодолены в мировой и отечественной криминологической литературе. В частности, российские криминологи В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов обоснованно указывают, что предупреждение преступности – это деятельность по совершенствованию общественных отношений в целях: а) выявления и нейтрализации причин преступности и условий, ей способствующих; б) выявления и нейтрализации явлений и процессов, обуславливающих совершение, рост и распространение отдельных форм и видов преступлений; в) выявления факторов, влияющих на формирование антиобщественных черт у определенных категорий лиц, на условия их жизни и воспи-

тания; г) устранения конкретных условий, обуславливающих совершение преступлений отдельными лицами; д) определения форм и методов контроля за преступностью [5]. Криминолог А.И. Долгова справедливо отмечает, что предупреждение – наиболее действенный путь борьбы с преступностью. Предупреждение преступности дает возможность решать задачи борьбы с ней наиболее гуманными способами, с наименьшими издержками для общества, в частности без включения на полную силу сложного механизма уголовной юстиции и без применения такой формы государственного принуждения, как уголовное наказание [6].

Предлагаем авторское криминологическое определение социально-правовой системы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений как регулируемой национальным законодательством совокупности субъектов, направлений, объектов, форм и мер осуществления комплексной социальной, криминологической, социально-девиантологической, виктимологической, правовой и социально-реинтеграционной профилактической деятельности государственных органов, общественных объединений и граждан в сфере выявления и устранения факторов, причин и условий, детерминирующих совершение правонарушений и других антиобщественных явлений (негативная профилактика), а также создания социальных условий и формирования ценностных ориентаций на безопасное и правомерное поведение граждан (позитивная профилактика).

Цели и задачи деятельности по предупреждению преступности и других антиобщественных явлений:

- 1) выявление и устранение социальных и личностных факторов, причин и условий, детерминирующих преступность и другие антиобщественные явления и криминальную виктимизацию населения;
- 2) снижение риска совершения преступлений и других правонарушений и их негативных социальных последствий;
- 3) предотвращение и пресечение преступлений и других правонарушений;
- 4) примирение с потерпевшим и компенсация причиненного ущерба;
- 5) привлечение к ответственности и наказание преступников и других правонарушителей;
- 6) коррекция и исправление преступников и других правонарушителей, лиц и групп криминального и виктимного риска;
- 7) социальная реинтеграция преступников и других правонарушителей;
- 8) создание условий для социального и культурного развития, формирование мотивации и стереотипов законопослушного поведения граждан.

Базовые принципы структурной архитектоники и функционирования социально-правовой системы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений:

- рассмотрение предупредительной деятельности как приоритетного направления государственной антикриминально-девиантной политики и социального управления;
- гуманизм и законность;
- целостность как единство «негативной» и «позитивной» профилактики;
- системность как взаимодействие социальной, криминологической, социально-девиантологической, виктимологической, правовой и социально-реабилитационной профилактики;
- комплексность использования «первичной», «вторичной» и «третичной» профилактики;
- дифференцированность мер профилактики и индивидуально-личностный подход;
- постоянство и совершенствование;
- научно-методическая обоснованность;
- статистическое и научное информационное обеспечение;
- привлечение и участие общественных формирований и граждан;
- организационно-управленческое, материальное и кадровое обеспечение.

Основные результаты предупредительной деятельности: обеспечение законопослушного поведения граждан; снижение уровня риска совершения криминального и другого девиантного поведения; минимизация негативных последствий преступности и других антиобщественных явлений; обеспечение личной и общественной безопасности, укрепление правопорядка.

Субъекты предупреждения преступности и других антиобщественных явлений: органы государственной власти и управления, общественные объединения, в компетенцию которых в соответствии с законодательством входит осуществление деятельности по предупреждению правонарушений и других социальных девиаций, работники которых несут ответственность за невыполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей в данной сфере, а также органы, организации и граждане, которые принимают участие в деятельности по предупреждению антиобщественных явлений.

Основные направления деятельности по предупреждению преступности и других антиобщественных явлений:

- социальное предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, направленная на устойчивое экономическое, социальное и культурное развитие личности, групп, институтов и общества, обеспечение благополучия населения, а также создание социальных условий и формирование мотивации социально-позитивного, безопасного и правомерного образа жизни лиц из групп криминального риска и других граждан;

- *криминологическое предупреждение* – деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, направленная на выявление, предотвращение и пресечение правонарушений, выявление и устранение всех факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также установление, учет и превентивный социально-правовой контроль преступников и лиц из групп криминального риска;

- *социально-девиантологическое предупреждение* – деятельность субъектов предупреждения антиобщественных явлений, направленная на выявление, предотвращение и пресечение антиобщественных проявлений, этиологически взаимосвязанных с преступностью, выявление и устранение всех факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также установление, учет и профилактический социальный контроль девиантов и лиц из групп социально-девиантного риска;

- *виктимологическое предупреждение* – деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, направленная на выявление, предотвращение и пресечение криминальной виктимизации населения, установление, нейтрализацию и устранение всех факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также защиту прав жертв преступлений и других правонарушений, и виктимологическое просвещение населения;

- *правовое предупреждение* – законотворческая, правоприменительная уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительская и административная деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, связанная с установлением и реализацией уголовной и административной ответственности и наказания, которая обеспечивает исправление лиц, совершивших преступления и другие правонарушения, оказывает общепредупредительное социальное и психологическое воздействие на всех граждан (общая превенция), а также специально-предупредительное социальное и психологическое воздействие на лиц, привлеченных к уголовной и административной ответственности (специальная превенция), способствует восстановлению социальной справедливости и обеспечивает возмещение вреда;

- *социально-реинтеграционное предупреждение* – деятельность субъектов предупреждения антиобщественных явлений, направленная на выявление, диагностику, социальную реабилитацию и интеграцию в общество правонарушителей, лиц из групп криминального риска, а также жертв правонарушений.

Меры предупреждения преступности и других антиобщественных явлений:

- *меры общего предупреждения* – мероприятия, направленные на предупреждение правонарушений как массовых социально-правовых явлений;

- *меры специального предупреждения* – комплекс специальных мер, непосредственно направленных на профилактику отдельных видов правонарушений, а также конкретные наиболее криминально активные и общественно опасные категории правонарушителей;

- *меры индивидуального предупреждения* – меры по исправлению и коррекции личности, образа жизни и ближайшего социального окружения конкретных правонарушителей, лиц из групп криминального риска, жертв правонарушений и лиц из групп виктимного риска.

Социальные институты и группы, требующие первоочередной профилактической работы: семья; дошкольные детские учреждения, школа и другие учреждения образования; органы местного самоуправления; сфера труда, занятости и социальной защиты; культура; здравоохранение и здоровье; досуг, физкультура, спорт, туризм; дети и молодежь; женщины; инвалиды; безработные и малообеспеченные граждане; бездомные и беспризорные; лица, из групп риска совершения преступлений, других антиобщественных проявлений и виктимизации, лица, совершившие преступления и другие социальные девиации, привлеченные к ответственности и отбывающие наказание, а также жертвы преступлений и антиобщественных проявлений; лица, злоупотребляющие спиртными напитками, употребляющие наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, токсические или другие одурманивающие вещества, занимающиеся проституцией, бродяжничеством.

Социально-правовая система предупреждения преступности и других антиобщественных явлений призвана обеспечивать интеграцию социальной, криминологической, девиантологической, виктимологической, правоприменительной и социально-реинтеграционной профилактической деятельности государственных органов, общественных организаций и граждан, которую необходимо осуществлять на следующих уровнях социальной субъектности:

а) *социальном* (макросоциальном, мезосоциальном, микросоциальном) – во всех социальных сферах и в отношении различных социальных институтов, классов, общностей и групп;

б) *ситуационном* – в отношении конкретных жизненных ситуаций криминогенного характера;

в) *личностно-девиантном* – в отношении системы качеств, свойств и образа жизни личности правонарушителей;

г) *личностно-виктимном* – в отношении системы качеств, свойств и образа жизни личности жертв правонарушений;

д) *личностно-социально интеракционном* – в отношении взаимодействия личности правонарушителей с другими людьми, социальными группами и обществом в целом.

Меры социального предупреждения реализуются посредством следующих социально-правовых форм и средств:

- участие в разработке и реализации национальных, региональных и предметно-целевых программ социально-экономического и культурного развития;
- участие в разработке проектов законов и других нормативных правовых актов;
- содействие социальной практике осуществления деятельности, направленной на устойчивое развитие общества, социальных групп, институтов и личности, обеспечение благополучия населения, а также создание социальных условий и формирование мотивации социально-позитивного образа жизни лиц из групп криминального риска и других граждан;
- правовое просвещение и воспитание граждан;
- проведение опросов общественного мнения о деятельности субъектов предупреждения преступлений и освещение их результатов в средствах массовой информации.

Меры криминологического предупреждения реализуются посредством следующих социально-правовых форм и средств:

- участие в разработке и реализации национальных и региональных программ и ведомственных планов предупреждения преступности и других правонарушений;
- участие в разработке проектов криминологических законов и других нормативных правовых актов;
- социально-практическая работа по выявлению и устранению факторов, причин и условий, детерминирующих преступность и другие правонарушения;
- статистический учет, анализ и прогнозирование преступности в отдельных регионах и стране;
- криминологический мониторинг криминальной ситуации, криминогенной обстановки и эффективности деятельности государственных органов, общественных объединений и граждан по предупреждению преступности и других правонарушений в отдельных регионах и стране;
- криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов, действующего законодательства, демографической, социально-экономической и культурной государственной политики в отдельных регионах и стране;
- постановка на профилактический учет, превентивный контроль с целью исправления и коррекции личности, образа жизни и ближайшего социального окружения конкретных преступников и других правонарушителей, лиц из групп криминального риска;
- применение принудительных мер медицинского и воспитательного воздействия; криминологическое просвещение и воспитание граждан.

Меры социально-девиантологического предупреждения реализуются посредством следующих социальных форм и средств:

- участие в разработке и реализации национальных и региональных программ и ведомственных планов предупреждения пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений;
- участие в разработке проектов криминологических и социально-девиантологических законов и других нормативных правовых актов; социально-практическая работа по выявлению и устранению факторов, причин и условий, детерминирующих пьянство, алкоголизм, наркоманию, насилие в семье, беспризорность, проституцию и другие социальные девиации;
- статистический учет, анализ и прогнозирование антиобщественных явлений в отдельных регионах и стране;
- социально-девиантологический мониторинг девиантной ситуации, девиантогенной обстановки и эффективности деятельности государственных органов, общественных объединений и граждан по предупреждению антиобщественных явлений в отдельных регионах и стране;
- социально-девиантологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов, действующего законодательства, демографической, социально-экономической и культурной государственной политики в отдельных регионах и стране;
- постановка на профилактический учет с целью исправления и коррекции личности, образа жизни и ближайшего социального окружения конкретных девиантов, лиц из групп девиантного риска;
- применение принудительных мер медицинского и воспитательного воздействия;
- социально-девиантологическое просвещение и воспитание граждан.

Меры виктимологического предупреждения реализуются посредством следующих социально-правовых форм и средств:

- участие в разработке и реализации национальных и региональных программ и ведомственных планов предупреждения криминальной и другой виктимизации граждан;
- участие в разработке проектов виктимологических законов и других нормативных правовых актов;
- социально-практическая работа по выявлению и устранению факторов, причин и условий, детерминирующих криминальную и другую виктимизацию граждан;
- статистический учет, анализ и прогнозирование криминальной и другой виктимизации в отдельных регионах и стране;

- мониторинг криминально-виктимной ситуации, виктимогенной обстановки и эффективности деятельности государственных органов, общественных объединений и граждан по предупреждению криминальной и другой виктимизации граждан в отдельных регионах и стране;

- виктимологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов, действующего законодательства, демографической, социально-экономической и культурной государственной политики в отдельных регионах и стране;

- виктимологическое просвещение и воспитание граждан.

Меры правового предупреждения реализуются посредством следующих социально-правовых форм и средств:

- совершенствование национального административного, уголовного, процессуального, исполнительного, административного и другого законодательства;

- оптимизация системы предварительного расследования, судебного производства и исполнения наказания и активное внедрение в национальное законодательство и правоприменительную практику международных принципов и стандартов.

Меры социально-реинтеграционного предупреждения реализуются посредством следующих социально-правовых форм и средств:

- система диагностики и типологии личности, разработки индивидуальных социальной адаптации и реинтеграции правонарушителей в общество;

- система социальной помощи в адаптации и реинтеграции правонарушителей в общество;

- система культурно-нравственного оздоровления ближайшего социального окружения правонарушителей и формирования в обществе атмосферы неотвратимости ответственности и наказания за совершенные преступления и другие правонарушения, справедливого и гуманного отношения к правонарушителям;

- система медицинской, психологической, педагогической и другой помощи в социальной адаптации и реинтеграции правонарушителей в общество.

Деятельность по предупреждению преступлений и других правонарушений должна иметь не только системный, но и дифференцированный и индивидуализированный характер. Прежде всего, осуществляться с учетом типологии личности правонарушителей, основанной на комплексном (интегральном) криминологическом измерении и оценке всей совокупности показателей, которые характеризуют уровень и особенности:

а) социально-демографических, социально-статусных, социокультурных, нравственно-правовых, психологических и биогенетических качеств и свойств личности правонарушителей;

б) социальной, духовно-культурной и нравственно-правовой криминогенной деформации и дезадаптации личности и образа жизни правонарушителей;

в) экономических, социальных и культурных условий жизни и воспитания;

г) мотивации, социальных и личностных обстоятельств и последствий, а также количества совершенных правонарушений, степени их общественной опасности и вредности;

д) социальных, личностных и личностно-социально-интеракционных факторов, причин и условий совершения правонарушений, а также специфики генезиса и детерминации противоправного поведения;

е) конкретных мер и эффективности социального и семейного воспитания и профилактической работы с правонарушителями;

ж) потенциальных личностных и социальных возможностей адаптации и социальной реинтеграции, а также степени предрасположенности правонарушителей к исправлению и отказу от совершения правонарушений в своей дальнейшей жизни.

Интегральная криминологическая и социально-девиантологическая характеристика и оценка всей совокупности вышеперечисленных показателей позволяет выделить следующие *типы личности правонарушителей*:

1) социально и культурно развитая и адаптированная личность, совершившая правонарушение под влиянием негативной социальной среды – «*социогенный правонарушитель*»;

2) социально и культурно неразвитая и дезадаптированная личность, совершившая правонарушение под влиянием своих криминально-девиантогенных личностных качеств и свойств – «*личностно-криминально-девиантогенный правонарушитель*»;

3) социально и культурно неразвитая и дезадаптированная личность, совершившая правонарушение под влиянием деструктивного личностно-социальной интеракции – «*деструктивно-интеракционногенный правонарушитель*»;

4) социально и культурно противоречивая и неустойчиво адаптированная личность совершает правонарушение под влиянием обстоятельств проблемной или конфликтной социальной жизненной ситуации – «*ситуационногенный правонарушитель*»;

5) социально и культурно развитая и адаптированная личность совершает правонарушение под влиянием виктимогенных особенностей личности и образа жизни жертвы правонарушений – «*виктимогенный правонарушитель*».

Социально-практическая значимость криминологической типологии правонарушителей состоит в том, что она позволяет дифференцированно и индивидуально решать все вопросы, связанные с определением мер ответственности и наказания конкретным правонарушителем, а также осуществлять выбор наиболее эффективных методик профилактической работы и мер профилактического воздействия на правонарушителей.

Заключение. Разработанные теоретико-концептуальные основы социально-правовой системы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений комплексно интегрирует социальную, криминологическую, девиантологическую, виктимологическую, правовую и социально-реинтеграционную профилактическую деятельность государственных органов, общественных объединений и граждан. В ее основе лежит междисциплинарный социально-правовой подход и социально-детерминационная методология изучения преступности и других антиобщественных явлений; комплексное использование мер «негативной профилактики» (выявление, нейтрализация и устранение криминогенных факторов, причин и условий, детерминирующих совершение преступлений и других правонарушений) и «позитивной профилактики» (создания благоприятных социальных и личностных условий для позитивного, безопасного и правомерного поведения граждан), а также оптимальное единство мер общего, специального и индивидуального предупреждения.

Социально-практическая их реализация придаст деятельности по предупреждению правонарушений системный, поливекторный и социально эффективный характер, создаст необходимые условия для устойчивого снижения распространенности преступности и других правонарушений, укрепления личной и общественной безопасности, правопорядка в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский, Н.А. Проблема пьянства и алкоголизма в социологическом измерении / Н.А. Барановский, С.И. Осипчик, Е.В. Пилипенко // Социологический альманах. – Минск : Белорус. наука, 2016. – Вып. 7. – С. 81–92.
2. Барановский, Н.А. Актуальные проблемы предупреждения наркомании среди молодежи / Н.А. Барановский // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 11. – С. 35–38.
3. Барановский, Н.А. Криминологическая экспертиза в системе предупреждения преступности / Н.А. Барановский, Н.Н. Шевчук // Сб. науч. трудов Полоц. гос. ун-та. – 2013. – Вып. 1. – С. 68–77.
4. Барановский, Н.А. Научная криминологическая экспертиза Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» / Н.А. Барановский, Н.Н. Шевчук // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 1. – С. 63–66.
5. Криминология : учебник / С.Б. Алимов [и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М. : Юрист, 1995. – 512 с.
6. Криминология : учеб. для юрид. вузов / А.И. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. А.И. Долговой. – М. : Инфра-М : Норма, 1997. – 779 с.

Поступила 10.09.2018

THEORETICAL AND CONCEPTUAL BASES OF THE SOCIO-LEGAL SYSTEM PREVENTION OF CRIME AND OTHER ANTISOCIAL PHENOMENA

M. BARANOVSKIY, N. SHEVCHUK

In the scientific article, a criminological analysis of the characteristics and trends in the development of crime, drunkenness and drug addiction in the country is carried out, as well as the regulatory and legal framework for preventing them. The theoretical and conceptual bases of the socio-legal system for preventing crime and other antisocial phenomena as a priority direction of the state anti-criminal and deviant policies have been developed. An interdisciplinary socio-legal approach to the prevention of crime and other antisocial phenomena can be used in legislative, program-planning, social, managerial, law enforcement and research work, as well as in the teaching of criminology, social devianthology, victimology and criminal-legal disciplines.

Keywords: *belarusian society, social transformation, anti-social phenomena.*

УДК 343.9

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ****О.В. КАТУШОНОК***(Полоцкий государственный университет)*

Проводится криминологический анализ преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь за период с 2012 по 2017 год. Определена структура семейно-бытовых преступлений. Удельный вес отдельных преступлений выявлен в целом по республике, по областям, а также в структуре городской и сельской семейно-бытовой преступности. Динамика насильственных преступлений в быту также прослежена в целом по республике, по регионам, в городах и сельской местности. Отмечено, что и в городе, и в сельской местности наблюдаются схожие тенденции в динамике внутрисемейной преступности. Кроме того, динамика исследована как в целом по данному виду преступности, так и по отдельным составам преступлений. Выявлен уровень семейно-бытовой преступности, а также рассчитаны коэффициенты преступности в сельской, городской местностях и по регионам.

Ключевые слова: преступление, семейно-бытовая сфера, семья, насилие в семье, структура, динамика, уровень, коэффициент преступности.

Введение. Всестороннее криминологическое исследование особенностей насильственных преступлений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, имеет как научное, так и практическое значение. Данная категория преступлений, имея схожие тенденции с общей насильственной преступностью, все же отличается по механизму преступного поведения и характеру конфликтных ситуаций. Как правило, внутрисемейное насилие предопределено предшествующей конфликтной ситуацией, раскрывающей особенности личностей ее участников; конфликтная ситуация развивается на протяжении более или менее длительного периода; конфликтная ситуация выступает либо в качестве толчка к применению насилия, либо создает объективную возможность совершения преступления, хотя и не выступает как толчок [1, с. 254; 2, с. 103]. То есть поведение жертвы в механизме преступного внутрисемейного насилия может быть как активным, так и пассивным, но никогда не будет нейтральным. В связи с этим криминологическое исследование насильственных преступлений в семье будет способствовать выработке целенаправленной стратегии борьбы с данным негативным явлением.

Для исследования преступлений в сфере семейно-бытовых отношений обрабатывались статистические данные о количестве совершенных преступлений с 2012 по 2017 год, расследование по которым завершено. Не включены в анализ преступления, которые хоть и совершены в рассматриваемый период, но расследование по ним осуществлялось в 2018 году.

Основная часть. За рассматриваемый период было зарегистрировано (и завершено расследование) 13053 преступления в сфере семейно-бытовых отношений.

В структуре семейно-бытовых преступлений за рассматриваемый период преобладали преступления превентивной направленности. Умышленного причинения легкого телесного повреждения было выявлено 2630 преступлений, что составляет 20,1% от всех преступлений в семейно-бытовой сфере. Доля истязаний – 18% (2349 преступлений), угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества – 39,1% (5106 факт). Удельный вес всех превентивных преступлений в общей структуре семейно-бытовой преступности составляет 77,2%.

Что касается тяжких и менее тяжких насильственных преступлений в быту, то их удельный вес различен. Так, доля убийств в структуре семейно-бытовой преступности составляет 5% (649 случаев за 6 лет), умышленного причинения тяжких телесных повреждений – 10,5% (1369 преступлений), умышленного причинения менее тяжких повреждений – 4,3% (566 преступлений) за последние 6 лет.

Незначительную часть в сфере семьи занимают и преступления против половой неприкосновенности или половой свободы. Данные преступления в базе уголовной статистики получили возможности принимать значение «совершенные в сфере семейно-бытовых отношений» лишь с 2014 года. Следовательно, анализ таких преступлений мы можем провести за период с 2014 по 2017 год. За данный период преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы было зарегистрировано всего 200, что составляет 2,4% от всех преступлений в быту с 2014 по 2017 год. При этом почти 60% от всех сексуальных преступлений в быту составляют насильственные действия сексуального характера. Такое незначительное количество выявленных преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы в быту мы связываем лишь с нежеланием либо боязнью потерпевших обращаться в правоохранительные органы за защитой.

Факты убийства, совершенного в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны, доведения до самоубийства, вовлечения в занятие проституцией либо принуждения к продолжению занятию проституцией, незаконного лишения свободы единичны. Также не характерны для сферы семьи и оскорбления. За рассматриваемый период зарегистрировано всего 112 оскорблений членов семьи, что составляет лишь 0,9% (рисунок 1).

Рисунок 1. – Структура преступлений в сфере семейно-бытовых отношений (2012–2017 гг.)

Анализ абсолютных показателей свидетельствует о том, что семейно-бытовых преступлений больше совершается в городах (включая поселки городского типа), нежели в сельских населенных пунктах. Так, удельный вес данных преступлений за период с 2012 по 2017 год в Республике Беларусь составил 60,6% в городах (7885 преступлений) и 39,2% в сельской местности (5119 преступлений). Около 0,3% рассматриваемых преступлений совершены вне населенных пунктов либо на транспорте.

В структуре внутрисемейной городской и сельской преступности существенных отличий не выявлено. За анализируемый период преступления в быту по местности структурированы следующим образом (в порядке убывания удельного веса): угроза убийством; причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества в городе – 39,8% (3139 случаев); в сельской местности – 38% (1949 фактов); умышленное причинение легкого телесного повреждения – 20% (1575) и 20,4% (1046) соответственно; 17,4% (1370) в городе и 19,1% (977) на селе составляют истязания; 10,5% (809) и 10,9% (558) соответственно занимает умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Удельный вес убийств и в городе, и в селе также примерно одинаков – 4,7% (373) в городе и 5,3% (269) в сельской местности. На долю преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы приходится по 1,5% в обеих местностях (118 – в городе и 74 – в селе).

Наибольшее количество преступлений в сфере семейно-бытовых отношений регистрируется в Могилевской области. Так, за период с 2012 по 2017 год в данном регионе было зарегистрировано 2475 преступлений в быту. На втором месте по количеству рассматриваемых преступлений находится Гомельская область (1952 преступления), на третьем – Витебская область (1891 преступление). Меньше всего зарегистрировано преступлений в городе Минске (1677 случаев), Минской области (1675). Можно сказать, что почти каждое пятое преступление в быту совершается на территории Могилевской области.

Следует отметить, что в Могилевской области преступления против половой неприкосновенности или половой свободы в отношении членов семьи также выявляются чаще, чем в других регионах – 82 факта, что составляет 41% от бытовых преступлений на сексуальной почве в целом по республике.

Наиболее тяжкие преступления против родственников лиц в семье регистрируются в Минской области. Так, почти каждое пятое убийство (124 случая), каждое шестое причинение тяжких телесных повреждений (224 преступления) совершено в данном регионе (рисунок 2).

Как показало проведенное исследование, за последние годы число преступлений в сфере семейно-бытовых отношений постепенно увеличивается. В 2012 году было зарегистрировано 1871 преступление в быту; в 2013 году – 1976 преступлений; в 2014 году – 2202; в 2015 году – 2400; в 2016 году – 2447; в 2017 году – 2157. Относительно меньшее число зарегистрированных преступлений в 2017 году мы свя-

зывается не со снижением преступности в сфере семейно-бытовых отношений, а с тем, как уже указывалось ранее, что расследование по данной категории дел осуществлялось в 2018 году и, соответственно, в статистику за 2017 год не вошло.

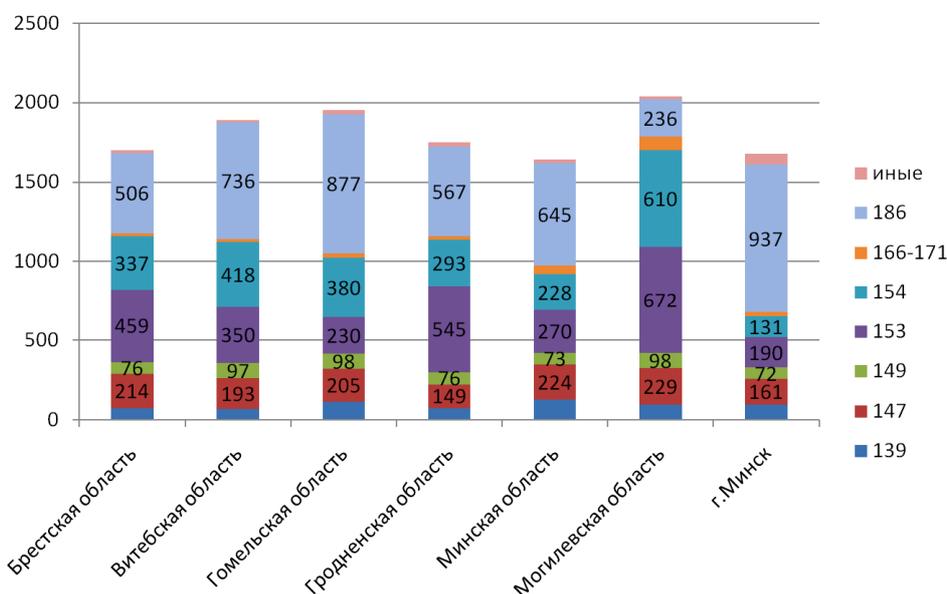

Рисунок 2. – Удельный вес преступлений в сфере семейно-бытовых отношений (2012–2017 гг.)

Ежегодно прирост преступлений в быту в среднем составляет 7%. По сравнению с 2012 годом количество бытовых преступлений в 2017 году увеличилось и составило 115,3% (с 1871 до 2157 преступлений) от уровня 2012 года. Стоит отметить, что темпы роста городской внутрисемейной преступности значительно выше темпов роста сельской преступности в быту. В 2013 году прирост преступности составил 7,2% в городе и 4,3% в сельской местности; в 2014 году – темпы прироста +14,6% и +5,5% соответственно; в 2015 году – рост +11,8% в городе и +5,1% в селе. В 2017 году количество рассматриваемых преступлений в городе составило 119,3% к уровню 2012 года, сельских преступлений – 110%.

Следует отметить, что до 2015 года наблюдалось снижение удельного веса сельской бытовой преступности. Так, в 2012 году удельный вес сельских преступлений в быту составил 41%, в 2013 году – 40,5%; в 2014 году – 38,4%; в 2015 году – 37%. В 2016 году отмечено снижение удельного веса городских преступлений и относительный рост удельного веса сельских преступлений: 39,7% в 2016 году и 39,1% в 2017 году.

Вместе с тем на фоне общего возрастания количества семейно-бытовых преступлений динамика различных преступлений в структуре неодинакова. Так, отмечается рост истязаний (с 301 преступления в 2012 году до 430 преступлений в 2017 году – 142,9% к уровню 2012 года); угроз убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (947 преступлений в 2017 году к 686 преступлениям в 2012 году, или 138%). По отдельным преступлениям отмечается значительный рост. Так, если в 2012 году оскорблений было зарегистрировано 5, в 2013 году – 6, то уже в 2017 году – 18 оскорбления членов семьи (рост в 6 раз).

При этом наблюдаются положительные тенденции в динамике тяжких преступлений в общей семейно-бытовой преступности. Анализ общих абсолютных показателей показывает, что количество совершенных убийств находится примерно на одном уровне (108 убийств в 2012 году и 101 в 2017 году). Случаи причинения тяжких телесных повреждений уменьшаются (с 283 фактов в 2012 году до 166 в 2017 году – снижение на – 58,7% к уровню 2012 года). Удельный вес таких преступлений также постепенно снижается: по убийствам снизился с 5,8% в 2012 году до 4,7% в 2017 году; по умышленному причинению тяжких телесных повреждений – с 15,1% в 2012 году до 8,7% в 2017 году (рисунок 3).

И в городе, и в сельской местности наблюдаются схожие тенденции в динамике внутрисемейной преступности.

По каждому из регионов, так же как и по республике в целом, продолжается рост преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Однако в областях данный процесс протекает неодинаково. Наибольший прирост рассматриваемой преступности за последние 5 лет произошел в Гродненской области – количество преступлений по сравнению с 2012 годом выросло на 182,2%. В 2017 году лишь в Витебской области уровень преступности снизился и составил 81,6% от уровня 2012 года.

Вместе с тем объективно сравнивать абсолютные показатели преступности в сфере семейно-бытовых отношений не представляется возможным в силу большой разницы в численности населения в регионах. За рассматриваемый период среднегодовая численность населения в городах в 1,6 раз превысила сельское население. В связи с этим для сравнения криминогенной обстановки в семейно-бытовой сфере в городах и сельской местности следует использовать показатель коэффициента преступности, поскольку оценка преступности в относительных величинах позволяет сравнивать между собой показатели преступности в различных регионах с разной численностью населения и получать более объективную картину [3, с. 49].

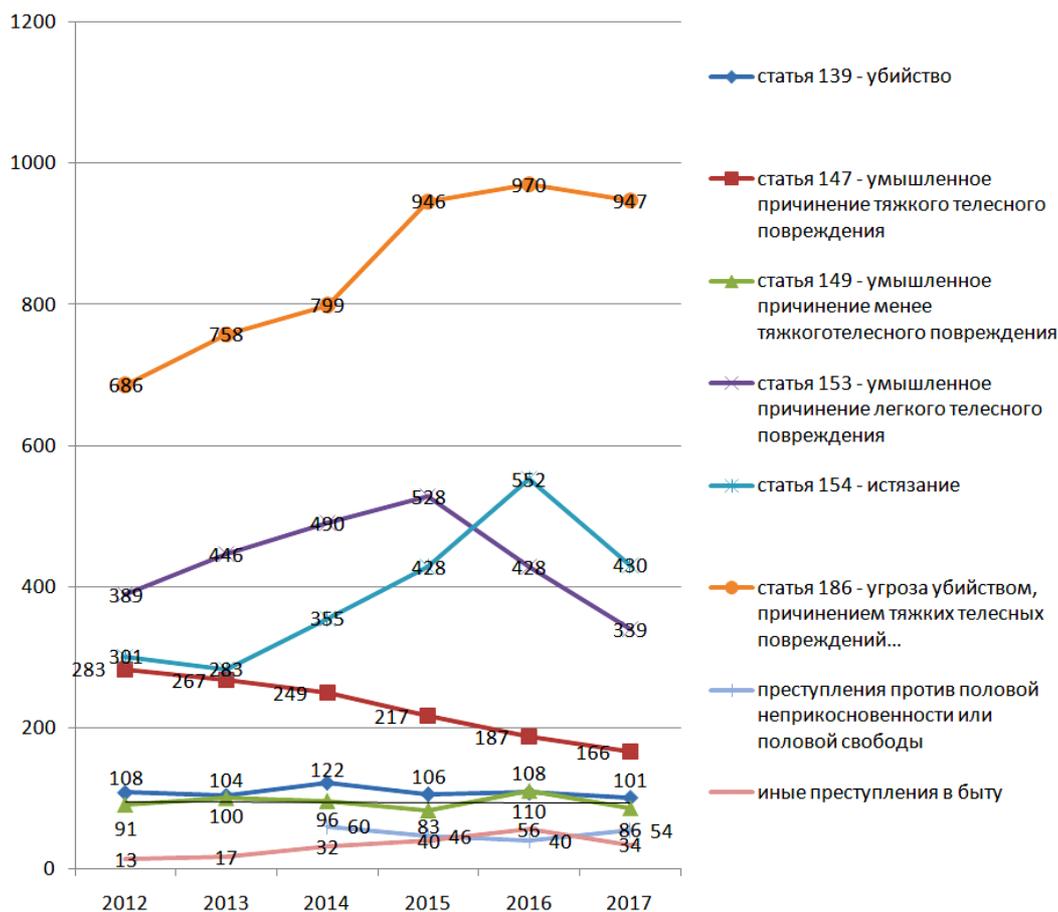

Рисунок 3. – Динамика преступлений в сфере семейно-бытовых отношений (2012–2017 гг.)

При расчете коэффициентов преступности использовалась среднегодовая численность населения (годовые данные) с 2012 по 2017 год [4]. Из общей численности населения были исключены лица, не достигшие возраста уголовной ответственности (14 лет), а также лица в возрасте 60 лет и старше, которые, как известно, не обладают особой криминальной активностью.

Проведенное сравнение коэффициентов преступности в сфере семейно-бытовых отношений в сельской и городской местностях показало, что криминогенная обстановка в данной сфере является более напряженной в сельской местности. Так, с 2012 по 2017 год в Республике Беларусь коэффициент семейно-бытовой преступности (на 100 тыс. населения) составил в городах (в том числе поселки городского типа) – 27, в сельской местности – 69,6. При этом коэффициент преступности с каждым годом продолжает расти. Например, если в 2012 году в городе на 100 тыс. населения приходилось 22,2 преступления в быту, а в сельской местности – 58, то в 2017 году уже 27,8 и 73,1 соответственно.

Уровень преступности также различается и в зависимости от региона. Как уже отмечалось, больше всего преступлений регистрируется в Могилевской области. В данном регионе и коэффициент семейно-бытовой преступности выше. Так, в 2017 году в Могилевской области коэффициент преступности составил 127,8 преступлений в быту на 100 тыс. населения. Также высоки показатели в Гродненской области ($K = 114,4$) и Витебской области ($K = 96,7$). Наименьший коэффициент преступности в городе Минске ($K = 58,2$).

Заключение. Результаты проведенного исследования позволили отметить ряд тенденций в сфере семейно-бытовых отношений.

Основной массив насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений – это не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления. Возбуждение уголовных дел по данным статьям дает возможность не допустить совершения более тяжких преступлений против членов семьи. Своевременное выявление таких преступлений является наиважнейшим направлением деятельности ОВД по предупреждению внутрисемейного насилия.

С каждым годом происходит рост преступлений в семье. Несмотря на то, что городская бытовая преступность по темпам роста опережает сельскую бытовую преступность, а ее удельный вес в общей структуре семейно-бытовой преступности выше, в сельской местности выявлена более высокая степень распространенности и более высокий уровень рассматриваемой преступности. Данный факт следует связывать с тем, что в сельской местности условия жизнедеятельности значительно хуже, чем в городе, отсутствует необходимая инфраструктура для реализации своих способностей и умений, выбор места досуга и времяпрепровождения также ограничен, отсутствует либо ограничена возможность трудоустройства с достойной оплатой труда. Кроме того, сельские жители в большей степени склонны к асоциальному образу жизни, пьянству и туеядству. В случае возникновения семейных конфликтов у городского населения больше возможностей для его ненасильственного урегулирования (кризисные комнаты, возможность быстрого реагирования правоохранительных органов, временный разъезд супругов, раздел квартиры и т.д.). В сельской местности выбор варианта поведения членов семьи при конфликтах ограничен, что в конечном итоге приводит к применению насилия.

Изложенное свидетельствует о том, что криминальная ситуация в семейно-бытовой сфере в сельской местности заслуживает пристального внимания и требует разработки целенаправленных мер по противодействию внутрисемейной насильственной преступности на селе.

Семейно-бытовая преступность (в особенности сельская) имеет характерные особенности, отличающие ее от общей насильственной преступности. Данное обстоятельство требует разработки целенаправленных мер профилактического воздействия для снижения уровня данного вида преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катушонок, О.В. Роль жертвы-женщины в механизме совершения конкретного насильственного преступления в семье / О.В. Катушонок // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : материалы междунар. науч. конф., Минск, 26 ноября 2010 г. – Минск : Нац. центр законодательства и правовых исследований, 2010. – С. 254–257.
2. Катушонок, О.В. Роль ситуаций толчкового характера в механизме супружеского насилия / О.В. Катушонок // Зажги свою звезду : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, посвящ. Дню Российской науки. – М., 2017. – М. : Изд-во «Перо». – С. 102–105.
3. Криминология : учебник ; под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Питер, 2002. – 432 с.
4. Среднегодовая численность населения (годовые данные) [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://demdata.belstat.gov.by/olap.html>. – Дата доступа: 11.06.2018.

Поступила 12.10.2018

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF FAMILY-DOMESTIC RELATIONS

O. KATUSHONOK

The article provides a criminological analysis of domestic violence in the Republic of Belarus for the period from 2012 to 2017. The structure of domestic crimes is defined. Specific weight of crimes is revealed on the Republic, on areas, in the city and in the village. The dynamics of violent crimes is observed in the Republic, regions, cities and rural areas. It is noted that both in the city and in rural areas there are similar trends in the dynamics of family crime. Dynamics is investigated not only on this type of crime, but also on corpus delicti. The level of family and household crime is revealed. Crime rates are calculated in rural, urban areas and by region.

Keywords: *crime, family and domestic sphere, the family, domestic violence, structure, dynamics, level, the rate of crime.*

УДК 343.982.3

**КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЗНАКОВ,
ОТОБРАЗИВШИХСЯ В СЛЕДАХ ОБУВИ**

канд. юрид. наук, доц. В.А. ЧВАНКИН
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Следы обуви рассматриваются как одни из самых распространенных следов в экспертной практике. Совершенствование классификации признаков, отобразившихся в следах обуви, и их характеристика, исходя из количественных и качественных показателей, – одна из задач, направленных на совершенствование и создание новых методик исследования таких следов. В данной работе изложены общие подходы к рассмотрению понятий «качественная характеристика признака» и «количественная характеристика признака», сформулированы авторские определения этих категорий, а также дана классификация признаков, отображающихся в следах обуви, исходя из их качественных и количественных показателей. Все это позволит оптимизировать процесс оценки устанавливаемых признаков в следах обуви, определение их значимости и будет способствовать правильному, объективному и всестороннему проведению исследования по следам обуви.

Ключевые слова: следы обуви, признак, качественные и количественные показатели, свойство.

Развитию и совершенствованию криминалистической экспертизы посвящено большое количество научных работ. Широко известными и популярными стали научные исследования Р.С. Белкина, Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Российской, Ю.Г. Корухова, А.Р. Шляхова, А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, других авторов. Однако несмотря на то, что в современной криминалистической экспертизе широко используются методы, именуемые качественными или количественными, в литературе нет однозначного понимания того, в чем заключается специфика этих методов. Кроме того, существует определенный вакуум не только в понятиях «качественная характеристика признака» и «количественная характеристика признака», но и в классификации признаков, исходя из их качественных и количественных характеристик.

Основная часть. Значительный вклад в развитие исследований следов ног и обуви внесли такие ученые, как: А.Н. Басалаев, Ю.П. Голдованский, Г.Л. Грановский, Е.И. Зуев, И.В. Кантор, А.М. Колнаков, Н.А. Корниенко, И.Ф. Крылов, Н.П. Майлис, Г.В. Михайленко, И.И. Пророков, В.А. Ручкин, А.Г. Скоморохова, Б.И. Шевченко, Ю.А. Шлепов, И.С. Фоминых и другие. В последние годы появился ряд учебных и научных публикаций о характеристиках различных следов и отобразившихся в них признаков, с учетом качественных и количественных показателей. Однако большинство данных работ только указывает на необходимость оценки трасологических следов с учетом качественных и количественных показателей или же рассматривают не трасологические следы, а иные виды криминалистических следов [1–7].

По мнению И.В. Кантора, для определения понятия качественных и количественных характеристик признаков следует, прежде всего, исходить из содержания философских категорий качества и количества. Так, исходя из онтологического содержания категории количества под количественными понимаются методы, применение которых позволяет отразить количественные показатели объекта, а именно число и величину [1, с. 7].

Система чисел с отношениями между ними может выступать как отражение некоторых зависимостей между объектами или отдельных сторон элементарно-структурных отношений, анализ которых весьма важен в экспертном исследовании. Основным понятием, на котором основано количественное исследование объектов, является понятие физической величины. Объект трасологической экспертизы, изучаемый с качественной стороны, представляет собой относительно устойчивую систему, обладающую определенностью, границами, свойствами и имеющую структурно связанные элементы. Но каждое свойство объекта (или признак, выражающий это свойство) имеет величину. Физическая величина – это количественное выражение измеряемого свойства или признака исследуемого объекта.

В соответствии с этим выделяются и анализируются:

- свойства и отношения объектов трасологической экспертизы, которые характеризуются числом и величиной;
- свойство трехмерной протяженности;
- пространственные отношения объектов;
- пространственно-временные отношения, позволяющие устанавливать хронологические характеристики структурных связей элементов изучаемых систем (последовательность и давность образования следов, скорость перемещения транспортного средства и т.п.);
- отношения взаимодействия, выражающиеся в физических величинах массы, силы, удельного давления, механического напряжения и т.п.

Отмеченные свойства и отношения изучаются посредством количественных методов, к которым относятся: счёт, измерения, вычисления, вероятностно-статистические методы оценки, математическое моделирование [8, с. 8–9].

Рассмотрим, как выражаются и интерпретируются категории количества и качества в *философской науке*. Так, вопросом специального анализа проблемы количества ученые стали заниматься еще в глубокой древности. Первые попытки решения данного вопроса относят к философу Пифагору и его идейным последователям «пифагорейцам», которые изучали природу чисел. Как особую категорию количество рассматривал Аристотель, считая, что «Количеством называется то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, это – величина, если его можно измерить. Множеством при этом называется то, что в возможности (потенциально) делится на части не непрерывные, величиною, – то, что (делится) на части непрерывные» [9].

В *современном философском понимании* категории количества дается следующее определение: «Количество – категория, выражающая внешнее, формальное взаимоотношение предметов или их частей, а также свойств, связей: их величину, число, степень проявления того или иного свойства» [10].

Философской категории *качества* дается такое определение: «Качество – философская категория, выражающая совокупность существенных признаков, особенностей и свойств, которые отличают один предмет или явление от других и придают ему определённую определенность. Качество предмета или явления, как правило, не сводится к отдельным его свойствам. Оно связано с предметом как целым, охватывает его полностью и неотделимо от него. Поэтому понятие качества связывается с бытием предмета. Предмет не может, оставаясь самим собой, потерять свое качество» [11].

Однозначного же определения критерия качественных и количественных характеристик признака в *криминалистической науке* не имеется.

Учитывая вышеизложенное, а также собственное понимание категорий качества и количества, попытаемся дать определение данных категорий по отношению к характеристике *общих и частных признаков, отобразившихся в следах обуви*.

Так, по нашему мнению, качественная характеристика признака – категория, выражающая идентификационную составляющую того либо иного признака, получившего отображение в следе обуви, позволяющая отличить внешне схожие по строению следы обуви друг от друга, а также идентифицировать саму обувь, оставившую данный след, посредством придания каждому признаку определенного уровня идентификационной значимости.

Категории качественной и количественной характеристики признаков, на наш взгляд, неразрывно связаны между собой и могут применяться для характеристики общих и частных признаков в следах обуви только в совокупности. Исходя из этого количественная характеристика признака – категория, отражающая совокупность минимального числа признаков, отобразившихся в следе обуви, подвергшихся качественной характеристике, достаточной для отождествления конкретной обуви.

Исходя из необходимости единого подхода к качественной и количественной характеристике признаков, получивших отображение в следах обуви, а также в результате анализа экспертной практики трактологических экспертиз по результатам исследования следов обуви и проведенных нами экспертных экспериментов, предлагаем ввести *классификацию признаков в следах обуви исходя из их качественных и количественных характеристик*.

За основу была взята криминалистическая классификация признаков в следах обуви, исходя из причины возникновения данных признаков, но с учетом их качественной и количественной значимости.

Все признаки были разделены на три группы [1, с. 44–45]:

- 1) признаки, возникшие в процессе производства обуви;
- 2) признаки, возникшие в процессе ремонта обуви;
- 3) признаки, возникшие в процессе эксплуатации обуви.

Признаки, возникшие в процессе производства обуви, были разделены на две подгруппы [6, с. 202]:

- общие признаки, возникшие при производстве обуви;
- частные признаки, возникшие при производстве обуви.

К *общим признакам*, возникшим при производстве обуви, мы отнесли такие, как:

- конструкция подошвы;
- размеры подошвы и ее частей;
- форма подошвы и ее частей;
- общая характеристика поверхности подошвы и ее частей;
- количество рядов шпилек, гвоздей, винтов;
- наличие и расположение на подошве подковок, зажимов и шипов против скольжения, а также фабричных клейм;
- наличие и расположение маркировочных обозначений.

Качественная характеристика вышеуказанных признаков такова: данные признаки отличаются своей массовостью, так как они присутствуют в каждой паре обуви, произведенной тем либо иным изготовителем, обладают низкой информативностью, т.е. не позволяют нам получить какую-либо информацию о лице, которое ее носило. Следовательно, такие признаки обладают крайне малой идентификационной значимостью и не могут существенно повлиять на отождествление обуви, оставившей конкретный след; с помощью них мы установим только завод-изготовитель. Количество данных признаков, получивших отображение в следе обуви, существенно не влияет на отождествление обуви – они в большом количестве присутствуют в каждом следе обуви.

К *частным признакам*, возникшим при производстве обуви, были отнесены следующие:

- «скупенность» гвоздей (шпилек) на определенных участках и расположение этой скупенности относительно всего ряда гвоздей;

- размер выступания гвоздей, винтов на поверхности подошвы;
- наличие пропусков стежков, неуложенных в прорезку стежков и участков строчки;
- сочетание обрывков деталей рельефного узора на участках, примыкающих к срезам подошвы;
- наличие, форма, размеры и взаиморасположение раковин, срезов на резиновых подошвах;
- форма и взаиморасположение некоторых маркировочных обозначений.

Качественная характеристика указанных признаков такова: данные признаки возникают из-за нарушения технологического процесса при производстве обуви либо из-за дефекта, износа оборудования, на котором производилась обувь, следовательно, они присущи целой конкретной партии обуви, изготовленной за какой-либо промежуток времени. Используя эти признаки при отождествлении обуви, оставившей след, мы не сможем установить конкретную пару обуви, а только определим завод-изготовитель и номер конкретной изготовленной партии обуви. Количество данных признаков также велико, основываясь на них при проведении исследования, эксперт не может сделать категорический идентификационный вывод.

Следующая группа признаков – это *признаки, возникшие в процессе ремонта обуви*. В данную группу признаков входят две подгруппы:

- признаки замены отдельных частей подошвы обуви (каблука, набойки, приклейка профилактики, др.);
- признаки ремонта отдельных частей подошвы обуви.

К *признакам замены отдельных частей подошвы* относятся:

- положение шпилек, гвоздевых, винтовых и дратвенных швов относительно линии контуров подошвы;
- выступание отдельных стежков в дратвенных швах и т.д.

Качественная характеристика признаков такова: данные признаки плохо отображаемые, часто встречаемые, близкие по своему внешнему виду к признакам, возникшим в процессе производства обуви, вследствие чего обладают невысокой идентификационной значимостью. В количественном плане необходимо выявить четыре-пять подобных признаков для возможного отождествления обуви.

К *признакам ремонта отдельных частей подошвы обуви* относятся: контуры, форма, размеры и положение заплат, косячков, наклеек и вклеек на подошве.

Качественная характеристика признаков следующая: данные признаки броские, информативные и достаточно индивидуальные, в то же время часто встречаемые, что значительно облегчает идентификацию обуви, оставившей тот либо иной след. В количественном плане достаточно одного-двух таких признаков для возможного отождествления обуви.

Группу признаков, возникших в процессе эксплуатации обуви, разделили на две подгруппы исходя из частоты встречаемости.

К *более часто встречаемым признакам, возникшим в процессе эксплуатации обуви*, мы отнесли:

- расположение, размеры, площадь участков износа и их контуры;
- потертости, повреждения и отсутствие отдельных мелких элементов рисунка подошвы обуви;
- наличие внедрившихся частиц.

Качественная характеристика признаков такова: признаки часто встречаемые, неустойчивые, плохо отображаемые, однако несут в себе достаточно большую информационную нагрузку, так как с помощью них можно не только установить конкретную пару обуви, но и получить информацию об анатомических особенностях лица, носившего данную обувь. Для отождествления обуви по признакам, получившим отображение в следах, потребуются четыре-пять относительно устойчивых таких признаков.

К *менее встречаемым признакам, возникшим в процессе эксплуатации обуви*, мы отнесли:

- трещины, отверстия на подошве;
- отсутствие отдельных гвоздей, шпилек, положение головок гвоздей и винтов в лунках;
- следы термического и химического воздействия;
- сколы и порезы подошвы обуви.

Качественная характеристика признаков такова: признаки устойчивые, хорошо отображаемые, индивидуальные, вследствие этого их идентификационная значимость высока, что значительно облегчает работу эксперта при проведении исследования. В количественном плане достаточно одного-двух признаков для идентификации обуви.

Заключение. Рассмотрев существующие подходы в определении качественной и количественной составляющей характеристики признаков в следах, *сформулировано* авторское определение качественной и количественной характеристики признаков, получивших отображение в следах обуви, а также *сформирована* классификация признаков с учетом их качественных и количественных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майлис, Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза : курс лекций / Н.П. Майлис ; ФГБОУ ВО Рос. гос. ун-т правосудия. – М. : РГУП, 2015. – 273 с.
2. Примерные заключения эксперта по трасологии : учеб.-метод. пособие / Т.Ф. Одиноккина, Т.А. Солодова ; под ред. Н.П. Майлис ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Моск. ун-т. – М. : МосУ МВД России, 2011. – 87 с.
3. Россинская, Е.Р. Экспертиза в судопроизводстве : учебник для бакалавров : для студентов образовательных организаций, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификация (степень) «бакалавр» / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин ; под ред. Е.Р. Россинской. – М. : Проспект, 2015. – 336 с.
4. Трасология и трасологическая экспертиза : учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030502.65 Судебная экспертиза / А.Г. Сухарев [и др.] ; Саратов. юрид. ин-т МВД России. – Саратов. : Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2010. – 419 с.
5. Судебная экспертиза. XXI век. Традиции, инновации, практика [Электронный ресурс] : межвуз. конф., посвящ. 40-летию образования кафедры трасологии и баллистики, Волгоград, 25 дек. 2014 г. : материалы конф. / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Волгогр. акад. ; редкол.: И.В. Латышов [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2015.
6. Чванкин, В.А. Особенности методики идентификации обуви по следам производственных механизмов / В.А. Чванкин // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 200–204.
7. Чванкин, В.А. Качественная и количественная характеристика признаков в дактилоскопических исследованиях [Электронный ресурс] / В.А. Чванкин / Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилев. ин-та МВД, Могилев, 2–3 апр. 2018 года / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю.А. Матвейчев (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2018. – С. 433–436.
8. Кантор, И.В. Использование количественных методов исследования в судебно-трасологической экспертизе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Кантор. – М., 1982. – 23 с.
9. Философия математики Аристотеля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apxu.ru/article/geoforma/obey/filocofia_matematiki_arictotela.htm. – Дата доступа: 27.03.2018.
10. Википедия : интернет-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Качество_\(философия\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Качество_(философия)). – Дата доступа: 21.03.2018.
11. Википедия : интернет-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Количество>. – Дата доступа: 21.03.2018.

Поступила 13.04.2018

QUALITATIVE AND QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF THE SIGNS DISPLAYED IN FOOTWEAR TRACES

V. CHVANKIN

Traces of footwear are one of the most widespread traces in expert practice. Improvement of classification of the signs displayed in footwear traces, and their characteristic proceeding from quantitative and quality indicators, is one of the tasks directed to improvement and creation of new techniques of a research of the corresponding traces. In this article the general approaches to consideration of the concepts “qualitative characteristic of sign” and “quantitative characteristic of sign” are stated, author’s determination of these categories is formulated and also classification of the signs which are displayed in footwear traces proceeding from their quality and quantitative indices is given. All this will allow to optimize process of assessment of the established signs in footwear traces, determination of their importance also will promote the correct, objective and comprehensive carrying out a research on footwear traces.

Keywords: *footprints, sign, qualitative and quantitative indicators, property.*

УДК 343.985

**РАЗРАБОТКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ,
КАК КОНКРЕТНАЯ ЗАДАЧА КРИМИНАЛИСТИКИ**

канд. юрид. наук, доц. М.П. ШРУБ
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

С позиций криминалистики рассматривается необходимость комплексного исследования проблемы сексуального насилия. В частности, определяется круг преступлений, связанных с применением сексуального насилия, через призму статистических данных анализируется их динамика за последние пять лет. Рассматриваются основные тенденции изменения способов совершения преступлений данной группы, отмечается корреляция этого элемента криминалистической характеристики с особенностями личности преступников, следовой картиной и т.д. На основе анализа и обобщения имеющихся научных разработок проблемы сексуального насилия в современной юридической науке делается обоснованный вывод об отсутствии комплексных исследований данной проблемы в криминалистике. С учетом анализа эмпирических материалов выдвигается тезис об острой потребности правоприменительной практики в таком исследовании. В этой связи обосновывается конкретная задача криминалистики на современном этапе – разработка криминалистической характеристики преступлений, связанных с применением сексуального насилия.

Ключевые слова: сексуальное насилие, личность преступников, следовая картина, правоохранительные органы, монографические исследования.

Введение. Современное общество все более подвержено внедрению информационных технологий во все сферы его деятельности. На научных форумах и в средствах массовой информации много говорится о всепоглощающей информатизации, глубоко пронизывающей современную преступную деятельность и, как следствие, реактивную деятельность правоохранительных органов. Бесспорно, данное обстоятельство не ставится под сомнение. Вместе с тем очевидно и то, что современные информационные технологии ни в коей мере не являются неотъемлемым атрибутом значимой части противоправных проявлений. Уличные грабежи, квартирные кражи, хулиганства, убийства успешно совершаются и без применения компьютеров и инновационных программных продуктов. Расследование их, успешно обходившееся многие десятилетия без компьютеров, принтеров и интернета, на сегодняшний день вполне возможно и без этих, несомненно, полезных порождений цивилизации. Конечно, компьютеры и соответствующие технологии используются для совершения, в том числе, и указанных традиционных преступлений, но выступая лишь в качестве средств либо орудий. Соответствующим образом изменяются и способы совершения преступлений. Очевидно, в этом случае и расследование будет опираться на указанные технические средства и технологии. Но в любом случае суть рассматриваемых преступлений, посягающих на имущество, общественный порядок, жизнь и здоровье человека, остается неизменной, как и отношение потерпевших к их последствиям. К числу таких преступлений, отличающихся значительной общественной опасностью и вместе с тем остающихся неизменными по своей сущности на протяжении тысячелетий и принципиальным образом не зависящих от развития современных технических средств и технологий, относятся преступления, связанные с применением сексуального насилия. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что способы их совершения, как и иных видов криминальных деяний, со временем претерпевают изменения.

Основная часть. В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь содержится целый ряд статей, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с применением сексуального насилия. К их числу могут быть отнесены: ст. 166 «Изнасилование»; ст. 167 «Насильственные действия сексуального характера»; ст. 168 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»; ст. 169 «Развратные действия»; ст. 170 «Понуждение к действиям сексуального характера»; ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией»; ст. 171-1 «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией»; ст. 181 «Торговля людьми»; ст. 182 «Похищение человека»; ст. 343-1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» и др.

С учетом реализации нескольких государственных программ и консолидации усилий правоохранительных органов и неправительственных организаций, практиков и ученых рост преступлений, связанных с торговлей людьми, неуклонно продолжавшийся с 2000 по 2004 год (со 149 до 555 преступлений), удалось переломить, постепенно существенно снизив их число до 107 в 2017 году. Вместе с тем, по данным МВД Республики Беларусь, общее число преступлений по линии Главного управления

по наркоконтролю и противодействию торговле людьми за последние пять лет возросло в четыре раза – с 384 преступлений в 2012 году до 1 578 в 2017 году [1].

Так, серьезную обеспокоенность вызывает рост преступлений, связанных с порнографией, в том числе детской (с 253 до 865 преступлений за указанный период), педофилией (с 38 до 606 преступлений).

При этом если проблема торговли людьми в белорусской криминалистике всесторонне проработана на монографическом уровне [2–4; 5, с. 180–226], имеются исследования по противодействию детской порнографии [6], то проблема педофилии в отечественной криминалистической науке фактически не исследовалась. Кроме того, несмотря на наличие в учебной литературе по криминалистике сведений о методике расследования изнасилований [7, с. 58–85], исследование данной и других смежных проблем (например, насильственных действий сексуального характера) на современном этапе в Беларуси остается без внимания ученых в контексте монографических исследований. То же самое можно сказать и про проблему эксплуатации проституции третьими лицами.

Приведенный тезис ярко подтверждает контент-анализ дипломных работ, выполняемых по кафедре криминалистики Академии МВД Республики Беларусь. Так, практически все криминалистические работы по тематике, связанной с сексуальным насилием (независимо от темы), основываются либо на трудах белорусских ученых по проблеме торговли людьми, либо на российских публикациях (чаще по уголовному праву) не самых последних лет.

Вместе с тем преступность в указанной сфере активно развивается [1]. Так, по данным МВД, если в начале 2000-х годов с целью распространения порнопродукции в основном тиражировались диски, привезенные из-за рубежа, то в настоящее время открытая продажа порнографической продукции на материальных носителях фактически отсутствует. В основном распространителями порно копируется и тиражируется продукция из интернета. Наиболее высоким спросом пользуется порнопродукция, ранее не имевшаяся в данной сети. В этой связи с 2007–2008 годов в Беларуси стали выявляться случаи изготовления порнографической видеопродукции в подпольных студиях с привлечением белорусских «актеров», в том числе несовершеннолетних, с последующим распространением такой продукции на специализированных платных сайтах.

В штат таких студий входят фотографы, парикмахеры, визажисты, художники, программисты. Актеры подбираются путем размещения объявлений в рекламных изданиях с приглашением на высокооплачиваемую «работу в модельном или рекламном бизнесе» либо по объявлениям на сайтах знакомств, а в некоторых случаях – среди действующих проституток, предлагающих услуги в интернете. За небольшое вознаграждение подобранные лица занимаются поиском других «моделей» (знакомых, однокурсников и т.п.). Наиболее ценятся актеры в возрасте 14–18 лет. Преступники обещают, что запретные изображения на территории Беларуси никто не увидит, они будут размещены либо на платных сайтах, либо в базах данных модельных агентств, что в дальнейшем может поспособствовать карьере «модели». На самом деле за небольшую плату (10–50 долл. США за час съемок) создается множество снимков либо сюжетов с изображением девушки, которые размещаются в интернете и приносят преступникам прибыль, в десятки и сотни раз превосходящую затраты.

Способы педофилии также постоянно видоизменяются. На современном этапе следует отметить все более активное использование педофилами возможностей интернета для подыскания потенциальных жертв. Слабо ограниченный доступ детей к сайтам знакомств и социальным сетям, как и в случае с детской порнографией, а также определенная скрытность подростков дают возможность педофилам беспрепятственно общаться с объектами их сексуального интереса, воздействовать на их сознание с целью облегчения своих последующих противоправных действий.

Активно трансформируются способы совершения преступлений, связанных с эксплуатацией проституции третьими лицами. При вовлечении в занятие проституцией, организации и использовании занятия проституцией, создании условий для занятия ей преступники также все чаще используют современные технические возможности и коммуникации, меняют тактику своей деятельности в целях уйти от ответственности и сохранить криминальный бизнес.

Очевидно, что изменение способов совершения преступлений рассматриваемой группы, с одной стороны, находится в корреляционной зависимости с особенностями личности преступника, претерпевающими существенные изменения в последние десятилетия в контексте повышения криминального профессионализма и организованности, с другой – изменение способов совершения данных преступлений известным образом влияет на динамику следовой картины, традиционное трасологическое содержание которой дополняется цифровыми и иными новыми видами следов, приобретая все более комплексный характер. Данное обстоятельство, в свою очередь, влечет необходимость использования специальных знаний в новых областях, требует определения путей взаимодействия с новыми компетентными субъектами и т.д.

Наряду с изложенным, анализ правоприменительной практики – материалов уголовных дел, мнения сотрудников следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов – показывает,

что при расследовании указанной группы преступлений в условиях отсутствия актуальной их криминалистической характеристики нередко допускаются ошибки тактического характера, отсутствует единый подход с точки зрения криминалистической методики. Следовательно, сотрудник органа дознания, не владеющий системой взаимосвязанной информации о признаках и свойствах данных преступлений, полученной в результате обобщения судебно-следственной практики, не всегда в состоянии выдвинуть обоснованные версии, правильно оценить складывающуюся ситуацию. Данные обстоятельства порой влекут недостаточную полноту реализации принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, что, в свою очередь, негативно сказывается на реализации принципа неотвратимости наказания, на защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств в целом.

Анализ научных публикаций по обозначенной проблеме на современном этапе (начиная с 2000 г.) показал, что различные аспекты проблемы сексуального насилия с позиций уголовного права и криминологии на монографическом уровне рассматривались российскими учеными (Ю.М. Антонян, А.А. Бимбинов, Д.А. Гнилицкая, М.А. Горбачев, Л.В. Готчина, О.Н. Гусева, Г.А. Егошина, Н.А. Исаев, Е.А. Котельникова, Е.Н. Курилова, Л.В. Логинова, А.М. Мартиросьян, В.А. Мишота, М.И. Могачев, Ю.А. Островецкая, Е.В. Поддубная, В.Г. Романов, А.М. Смирнов, В.С. Соловьев, Н.Н. Сяткин, Н.В. Тыдыкова, В.В. Чепуров, А.Е. Шалагин и др.).

Среди украинских криминологов (социологов) и специалистов в области уголовного права данная проблема на уровне кандидатских диссертаций исследовалась такими учеными, как Г.М. Андрусак, И.О. Бандурка, В.И. Дьордяй, М.О. Ларченко, Т.Д. Лисько, Д.П. Москаль, О.С. Рябчук, О.В. Синеокий, О.В. Швед и др.

В Республике Беларусь данная проблема в рамках указанной специальности исследовалась лишь на уровне отдельных публикаций (А.А. Ананенко, О.В. Катушонок, Р.Н. Ключко, Ю.Н. Макейчик, А.М. Маханько, Т.А. Прудникова и др.).

С учетом комплексности проблемы сексуального насилия и междисциплинарности ее содержания, очевидно, что она не оставалась без внимания и ученых в области судебной медицины, судебной психиатрии, юридической психологии. Так, отдельные ее аспекты в указанных областях научного знания исследовались в работах таких ученых, как Анапреенко Я.Г., Васкэ Е.В., Волкова Л.А., Гамила Мухамед Насер Ахмед, Дерягин Г.Б., Доморацкая Т.Л., Кухарьков Ю.В., Пучков Г.Ф., Стреленко А.А., Тепляшина И.С., Цыганков Б.Д., Шигапов Д.Ю., Шпак В.В. и другие.

С позиций криминалистики отдельные аспекты проблемы сексуального насилия на современном этапе нашли отражения в работах таких ученых, как А.В. Агафонов, Н.Х. Айнетдинова, А.М. Багмет, А.А. Барыгина, В.В. Бычков, Г.Б. Дерягин, И.В. Усанов (Россия); О.Н. Турлыбаев (Казахстан); П.Л. Боровик; О.Г. Каразей, А.Э. Набатова, С.Ю. Ревтова (Беларусь) и др.

Вместе с тем, исходя из содержания двуединого объекта криминалистики (преступной деятельности и деятельности по расследованию), проблема сексуального насилия комплексного и всестороннего исследования, включающего глубокую проработку ее теоретических основ и разностороннее изучение эмпирических данных, ни в Беларуси, ни в других странах постсоветского пространства не получила.

Как известно, успех расследования любого преступления во многом определяется умением следователя проникнуть в его криминалистическую сущность. Именно уяснение последней позволяет в том или ином случае расследования избрать его верное направление, средства и методы. Правильно же разобраться в криминалистической сущности совершенного деяния следователь может лишь при наличии предварительных сведений, знаний о нем, сумма которых и составляет содержание такой категории, как «криминалистическая характеристика» [8, с. 354; 9, с. 13].

Криминалистическая характеристика, являясь информационной моделью типичного преступления определенного вида или рода, играет роль своеобразной матрицы: она «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель. В этом и заключается ее практическое значение [10, с. 656–657; 11, с. 161–162].

Войдя в научный обиход в 60-е годы прошлого столетия [10, с. 657], данная научная категория стала неотъемлемым и традиционно первоначальным элементом в структуре частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений [12, с. 179]. Однако, будучи сложным и содержательным криминалистическим институтом, она продолжает оставаться предметом глубоких разносторонних исследований [13].

Не ставя перед собой задачу детального изучения и уточнения понятия и содержания данной научной категории, полагаем целесообразным осветить основные, общепринятые элементы криминалистической характеристики применительно к преступлениям, связанным с применением сексуального насилия, исходя из следующих позиций:

- 1) криминалистическая характеристика должна давать объективное представление о преступлении, указывать его черты, являющиеся отправными для методики расследования [12, с. 180];
- 2) перечень элементов криминалистической характеристики не может быть жестким, строго определенным, но вместе с тем должен отражать специфические особенности и свойства конкретного вида

(группы) преступлений; при этом в содержание характеристики не могут входить какие-либо элементы, относящиеся не к самому преступлению, а к его расследованию [14, с. 22];

3) в содержание криминалистической характеристики целесообразно включать сведения о механизме преступления; способах совершения преступления; обстановке (условиях места, времени и т.д.) совершения преступления; орудиях и средствах, используемых при совершении преступления; обстоятельствах и условиях, способствующих совершению преступления; личности преступника; личности потерпевшего; объекте и предмете преступного посягательства; мотивах и целях преступления [14, с. 27–28];

4) ядром, центральным звеном криминалистической характеристики является способ совершения преступления; все другие элементы так или иначе связаны с ним, хотя и имеют самостоятельное значение; при разработке конкретных методик должны быть исследованы и показаны корреляционные связи между различными элементами криминалистической характеристики, особенно между способом и другими структурными элементами [8, с. 347];

5) способ совершения преступления играет важнейшую роль в механизме преступления, являющимся сложной, многокомпонентной и динамичной системой [10, с. 33, 47]; при этом механизм преступления, в отличие от способа, характеризует не качественную, а последовательную, технологическую сторону преступного деяния, описывает главным образом временной, последовательный, динамический порядок связи отдельных этапов, обстоятельств и факторов совершения преступления [9, с. 17].

Исходя из изложенного и основываясь на результатах анализа судебно-следственной практики, полагаем целесообразным выделить в структуре криминалистической характеристики преступлений, связанных с применением сексуального насилия, такие основные элементы, как сведения о способах совершения указанных преступлений, обстановке их совершения, следовой картине, личности преступника и личности потерпевших. В основу криминалистической характеристики указанной группы преступлений должна быть положена эмпирическая база комплексного характера, предполагающая изучение уголовных дел, мнения субъектов расследования, обобщение экспертных оценок и т.д.

Заключение. Подводя итог изложенному, можно констатировать, что в условиях активного роста преступлений, связанных с сексуальным насилием, вовлечения в эту сферу несовершеннолетних, совершенствования способов совершения указанных криминальных деяний и имеющихся сложностей в правоприменительной практике, комплексные научные исследования проблемы сексуального насилия в современной отечественной криминалистике отсутствуют.

Представляется, что приведенные аргументы свидетельствуют о назревшей необходимости проведения исследования, объектом которого стало бы сексуальное насилие как собирательное понятие, объединяющее целую группу преступлений, характеризующихся значительной общественной опасностью. В рамках такого исследования целесообразно осветить современное состояние криминалистической теории и правоприменительной практики в обозначенной области, сформировать криминалистическую классификацию указанных преступлений, разработать информационные и методические основы их расследования. Если принимать данное положение целью указанного исследования, очевидна и конкретная задача криминалистики в обозначенном контексте, требующая первоочередного решения. Такой задачей видится разработка криминалистической характеристики преступлений, связанных с применением сексуального насилия, способной служить основой для выдвижения версий и необходимой для правильной оценки ситуаций, возникающих в процессе расследования указанных криминальных деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Противодействие торговле людьми в Республике Беларусь // М-во внутренних дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=2121>. – Дата доступа: 20.06.2018.
2. Шруб, М.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / М.П. Шруб ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск : Друк-С, 2007. – 130 с.
3. Шруб, М.П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / М.П. Шруб ; под ред. В.М. Логвина. – Минск : Тесей, 2009. – 176 с.
4. Шруб, М.П. Противодействие торговле людьми: современное состояние и возможности взаимодействия органов предварительного следствия и негосударственных организаций / М.П. Шруб, Л.Н. Истомова ; под общ. ред. М.П. Шруба. – Брест, 2013. – 176 с.
5. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. / М.П. Шруб [и др.] ; под общ. ред. М.П. Шруба ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – Ч. 2. – 343 с.
6. Боровик, П.Л., Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.Л. Боровик ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – 212 л.

7. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. / М.П. Шруб [и др.] ; под общ. ред. М.П. Шруба ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – Ч. 1. – 295 с.
8. Криминалистика : учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов [и др.] ; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 2000. – 672 с.
9. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учеб. для вузов / Н.П. Яблоков. – М. : Норма : Инфра-М, 2001. – 384 с.
10. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2010. – 944 с.
11. Мухин, Г.Н. Криминалистика : учеб. пособие / Г.Н. Мухин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 216 с.
12. Андреев, И.С. Курс криминалистики / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов ; под ред. Н.И. Порубова. – Минск : Выш. шк., 2000. – 335 с.
13. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений: тенденции и перспективы развития / В.Ф. Ермолович // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность : Криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Порубова : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 дек. 2015 г.) : в 2 ч. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск. – 2015. – Ч. 2 ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – С. 99–105.
14. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 304 с.

Поступила 20.07.2018

**DEVELOPMENT OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES,
RELATED TO THE USE OF SEXUAL VIOLENCE,
AS A SPECIFIC TASK OF CRIMINALISTICS**

M. SHRUB

The article examines the need for a comprehensive study of the problem of sexual violence from the perspective of criminalistics. In particular, the range of crimes related to the use of sexual violence is determined, the dynamics of the past five years are analyzed through the prism of statistical data. The main trends of changing the methods of committing crimes of this group are considered, the correlation of this element of the forensic characteristics with the characteristics of the personality of the perpetrators, the trace pattern, etc. is noted. Based on the analysis and generalization of available scientific developments of the problem of sexual violence in modern legal science, a valid conclusion is drawn that there is no comprehensive research of this problem in forensic science. Taking into account the analysis of empirical materials, the thesis about the acute need for law enforcement practice in such a study is put forward. In this connection, the concrete task of criminalistics at the present stage is grounded: the development of a forensic characteristics of crimes associated with the use of sexual violence.

Keywords: *sexual violence, the personality of criminals the trace picture, law enforcement agencies, monographic researches.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

<i>Полоник С.С., Хоробрых Э.В., Литвинчук А.А.</i> Мировой опыт формирования и развития «зеленых» инвестиций в условиях обеспечения устойчивого экономического роста	2
<i>Малей Е.Б., Дадашова К.А.</i> Использование мультимодальных перевозок для повышения экономической устойчивости торговой организации ООО «Фрутреал»	12
<i>Ин Цзюй</i> Развитие транспортно-логистической интеграции в мировой экономике: современные тенденции и перспективы сотрудничества стран по сопряжению «один пояс – один путь»	23
<i>Зенькова И.В., Тиванова А.А.</i> Устойчивое развитие Витебской области: сильные и слабые стороны	30
<i>Лисичёнок Е.П.</i> Теоретико-методические подходы к оценке социо-эколого-экономического потенциала региона	36
<i>Клюня В.Л., Варакулина М.В.</i> Формирование системы управления персоналом на предприятиях малого предпринимательства: организационный и функциональный аспекты	40
<i>Белорусова Н.Л.</i> Человеческий капитал в формате цифровой экономики	46
<i>Слонимская М.А.</i> Сетевые инновационные интеграторы: основные формы и «умные» специализации	50
<i>Калинин А.В.</i> Понятие и сущность эффективности экспорта образовательных услуг	60
<i>Воронько Э.Н., Серета Т.Н.</i> Дуальное обучение как условие повышения профориентации и конкурентоспособности будущих экономистов	70
<i>Гайдова М.В., Костюченко Е.А.</i> Готовность организации к стратегическому подходу в управлении как необходимое условие разработки стратегии управления персоналом	75
<i>Серяков Г.Н.</i> Анализ динамики развития экономики промышленности Республики Беларусь	80
<i>Богданова Е.В.</i> Влияние четвертой промышленной революции на социально-экономические процессы	86
<i>Куган С.Ф.</i> Логистический потенциал территории: понятие, особенности и научная логика	91

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

<i>Бословяк С.В.</i> Корпоративные облигации в системе инвестиционного банкинга	95
<i>Позднякова И.А., Тращенко О.Л.</i> Методы оценки лояльности клиентов в розничном сегменте коммерческого банка	100
<i>Будникова О.Н.</i> Роль и место банков в системе налоговых отношений	104

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

<i>Папковская П.Я.</i> Методические аспекты оценки долгосрочных активов	109
<i>Примакова М.В.</i> Разработка системы драйверов (баз распределения) косвенных затрат в организациях связи	112
<i>Сапего И.И., Михалевич О.И.</i> Развитие методики анализа ипотечных активов	116
<i>Шатров С.Л.</i> Процессный контроль в организациях железнодорожного транспорта	123

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Щербик Д.В.</i> Зарождение и эволюция общественного контроля в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой в XV–XVII веках	127
<i>Соловьёв П.В.</i> Принципы нормотворчества в системе правотворческих категорий.....	133
<i>Шаповалов А.В.</i> К вопросу определения понятия юридической практики	141
<i>Григорьева Е.Н.</i> Финансовая безопасность в структуре экономической безопасности Республики Беларусь: теоретико-правовой аспект	145

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Василевич Г.А.</i> К вопросу о правовой экономии и рациональном правовом регулировании.....	151
<i>Кирякова И.Н.</i> Участие граждан в нормотворческом процессе как форма общественного контроля в Республике Беларусь	156
<i>Шахновская И.В.</i> Конституционно-правовой статус детей как социальной общности в Республике Беларусь	162
<i>Валевко А.С.</i> Классификация актов недобросовестной конкуренции по законодательству Республики Беларусь	167

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Богоненко В.А.</i> Правовое регулирование создания и деятельности кластеров по законодательству Республики Беларусь (прелиминарные положения).....	171
<i>Семёнова Т.В.</i> Понятие «доменное имя»	175
<i>Девятковская К.В.</i> Соматические права как новое поколение прав.....	180

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Игнатюк А.З.</i> Понятие «таможенные преступления» в международном праве и национальном законодательстве Республики Беларусь	189
<i>Алекперов Р.Р.</i> Применение меры пресечения в виде заключения под стражу на территории современной Беларуси (1917–1953 гг.)	194

КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Барановский Н.А., Шевчук Н.Н.</i> Теоретико-концептуальные основы социально-правовой системы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений.....	202
<i>Катушонок О.В.</i> Криминологические особенности преступлений в сфере семейно-бытовых отношений	213
<i>Чванкин В.А.</i> Качественные и количественные характеристики признаков, отобразившихся в следах обуви	218
<i>Шруб М.П.</i> Разработка криминологической характеристики преступлений, связанных с применением сексуального насилия, как конкретная задача криминологии	222